

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

М. Я. Дымарский

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ И ПРЕДИКАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ

Очерки по теории синтаксиса

Санкт-Петербург
Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
2021

УДК 81 367
ББК 81Г
Д88

Рецензенты:

М. Д. Воейкова, доктор филологических наук, профессор
Л. А. Пиотровская, доктор филологических наук, профессор

Дымарский М. Я.
Д88 Коммуникативная функция и предикативные структуры. Очерки по теории синтаксиса: монография / М. Я. Дымарский ; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. — 360 с.

ISBN 978-5-8064-3081-7

Книга содержит тексты статей, опубликованных автором в период с 2000 по 2020 г. В первом разделе рассматриваются центральные категории университетского курса синтаксиса: предикативность, коммуникативность, предложение, высказывание. Во втором разделе предлагается опыт систематизации синтаксических связей. Третий раздел посвящен частным аспектам теории сложноподчиненного предложения. В статьях, ставших главами книги, предлагаются или новые понятия, или новое осмысление хорошо известных понятий.

Для студентов филологических специальностей, аспирантов, преподавателей, специалистов по синтаксису.

**УДК 81 367
ББК 81Г**

ISBN 978-5-8064-3081-7

© М. Я. Дымарский, 2021
© Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2021
© С. В. Лебединский, оформление обложки, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	4
I. Коммуникативная функция и предикативные структуры	5
Глава 1. Трехуровневая система синтаксических моделей и проблема порождения высказывания	5
Глава 2. Высказывание и коммуникативность	25
Глава 3. Объект синтаксиса и модель синтаксического описания. Типология высказываний	70
Глава 4. Протодейксис, предикация и состав предикативных категорий высказывания	84
Глава 5. Способы воплощения предикативного отношения	112
Глава 6. Коммуникативность, предикативность и проблема односоставного предложения	130
Глава 7. От моделей предложения — к моделированию высказывания	136
Глава 8. К принципам описания синтаксического строя русского языка	144
II. Связи и отношения в синтаксисе	157
Глава 9. Коннективный vs. иннективный синтаксис (из наблюдений над языком романа Л. Н. Толстого «Война и мир»)	157
Глава 10. Возвращаясь к типологии синтаксических связей: два базовых принципа организации языковых структур	188
Глава 11. К типологии синтаксических связей	207
Глава 12. Из истории изучения синтаксических отношений и связей: паратаксис и гипотаксис	259
Глава 13. Как-конструкция в фокусе конкуренции двух базовых начал синтаксиса	268
Глава 14. Союз <i>тогда как</i> и категория логического порядка ...	285
III. Сложноподчиненное предложение	300
Глава 15. Соотносительные слова в изъяснительных конструкциях	300
Глава 16. К Определению круга предложений вмещающего типа, подлежащих лексикографическому описанию	323
Литература	340

Предлагаемая вниманию читателя книга содержит тексты нескольких статей, опубликованных в течение двух последних десятилетий. Они объединены в три раздела. В первом («Коммуникативная функция и предикативные структуры») речь идет преимущественно о центральных категориях университетского курса синтаксиса: предикативности, коммуникативности, предложении, высказывании; большое внимание уделено проблеме моделирования в синтаксисе. Во втором разделе («Связи и отношения в синтаксисе») предлагается опыт систематизации синтаксических связей. Третий раздел посвящен двум частным аспектам теории сложноподчиненного предложения.

Проблематика работ, собранных в этом томе, связана прежде всего с практикой преподавания курса синтаксиса, хотя и выходит за рамки университетской программы. Я стремился отобрать те работы, в которых предложены или новые понятия, или новое осмысление хорошо известных понятий. Тексты статей частично сокращены во избежание повторов, хотя полностью исключить их, по-видимому, невозможно.

В следующем томе будут собраны работы, посвященные вопросам прагматики синтаксиса, описанию некоторых моделей высказываний, полемике по отдельным спорным вопросам синтаксической теории.

I. КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ И ПРЕДИКАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ

ГЛАВА 1

ТРЕХУРОВНЕВАЯ СИСТЕМА СИНТАКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ И ПРОБЛЕМА ПОРОЖДЕНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Необходимость построения лингвистики речи была постулирована еще Ф. де Соссюром. К сожалению, в своем «Курсе общей лингвистики» он не успел наметить даже ее контуры. Магистральной же в постсоссюрианскую эпоху стала линия формально-структурной лингвистики, стремившейся описать с новых позиций систему языка, но не речи. В 1949 г. о необходимости лингвистики речи напомнил В. Скаличка в статье, красноречиво озаглавленной «The Need for a Linguistics of *la parole*». Прошло более полувека, но задача по-прежнему далека от решения. Известен ряд работ, в которых высказаны важные наблюдения, сделаны попытки наметить ориентиры для построения синтаксиса речи и, в частности, типологии высказывания (Земская 1968, Ширяев 1975, Лаптева 1976, Ванников 1979, Ильенко 1989, Адмони 1994, Норман 1994, Попова 1996, Сиротинина 1999, Меликян 1999, 2002, Янко 2001, Гаврилова, Кожина 2002, Андреева 2003 и др.), однако даже в терминировании основного объекта расхождения столь велики, что говорить о разработанности сколько-нибудь общепринятого теоретического аппарата для описания высказывания (коммуникемы, коммуникатива, конструктивно-синтаксической единицы...) пока не приходится.

Во второй половине прошедшего столетия синтаксис совершил огромный скачок, превратившись из дополнения к морфологии (каким он оставался до середины века, несмотря на две крупные монографии — А. А. Шахматова и А. М. Пешковского) в ведущий раздел грамматики. Чтобы убедиться в справедливости такого суждения, достаточно сопоставить композицию академической Грамматики русского языка 1952–1954 гг. с композицией «Коммуникативной грамматики русского языка» под ред. Г. А. Золотовой [Золотова и др.

1998]. В Грамматике-54 Введение В. В. Виноградова к «синтаксическому» тому носит характер программы будущих исследований [Виноградов 1954], а основное изложение подводит итоги прошлых, и, если бы не более чем 100-страничное Введение, объем этих итогов был бы в несколько раз меньше объема «морфологического» тома. В «Коммуникативной грамматике...» под ред. Г. А. Золотовой первый же раздел называется «Синтаксис — организующий центр грамматики».

Перечень достижений, сообщивших синтаксису столь впечатляющую динамику, весьма пространен: это и учение о предикативности, составившее прочный фундамент теории предложения, и новая теория словосочетания, и понятие детерминации, и учение о сложном синтаксическом целом (предвосхитившее лингвистику текста), и учение об актуальном членении, и новая теория сложного предложения, и мн. др., причем за каждым из перечисленных пунктов скрываются целые системы новых или принципиально обновленных понятий. И все же несомненно, что центральным достижением синтаксиса второй половины XX в. стало создание стройного, компактного структурно-семантического описания ядра языковой синтаксической системы.

Можно по-разному относиться к синтаксическим концепциям Н. Ю. Шведовой и ее соавторов (Грамматика-70 и «Русская грамматика» 1980 г.), Г. А. Золотовой и ее соавторов («Коммуникативная грамматика русского языка»), Ф. Данеша, Е. Беличовой-Кржижковой и других создателей пражской «Русской грамматики» 1979 г., В. А. Белошапковой и целого ряда других крупных синтаксистов второй половины XX в., но бесспорно то, что трудами этих ученых создана эффективная модель описания синтаксической системы конкретного национального языка, причем в самых общих чертах это именно единая модель, несмотря на глубокие расхождения между самими концепциями. Суть этой модели заключается в том, что синтаксическая система представляется как упорядоченная совокупность формализованных абстрактных образцов (структурных схем, моделей предложения), по которым может строиться неограниченное количество высказываний и к одному из которых может быть сведено любое (или почти любое) реальное высказывание. Различия же между концепциями начинаются с того, что рассматривается в качестве организующего эту систему начала и, соответственно, кладется в основание типологии. Например, у Н. Ю. Шведовой в качестве типологизирующего основания выступает формальный способ реализации предикативного значения, у Г. А. Золотовой — коммуникатив-

ная предназначенность высказывания (принадлежность его к одному из постулируемых коммуникативных регистров).

Разработано несколько вариантов представления синтаксической системы русского языка. Самым компактным оказывается вариант Г. А. Золотовой: пяти коммуникативным регистрам соответствуют пять базовых моделей русского предложения. Самыми детализированными — варианты, предложенные пражской «Русской грамматикой» и, например, С. А. Киселевым [Киселев 1990]: разные способы обязательного распространения одного и того же — формально — предикативного центра (в зависимости от семантического типа предиката) рассматриваются авторами как разные модели, поэтому количество структурных схем простого предложения возрастает до семи-восьми десятков. Версия Н. Ю. Шведовой занимает промежуточное положение между этими двумя подходами: по-разному исполненная в Грамматике-70 и «Русской грамматике» 1980 г., она насчитывает от трех с половиной до четырех с половиной десятков структурных схем. Однако, несмотря на указанные и другие различия, понятие модели (структурной схемы) простого предложения может считаться устоявшимся: не случайно оно, с одной стороны, прочно вошло в практику высшей школы, с другой — получило дальнейшее развитие в работах коллектива авторов академической грамматики чешского языка [Mluvnice češtiny 1987], Б. Ю. Нормана [1975; 1988], З. Л. Новожиновой [1983], С. А. Киселева [1990], М. В. Всеволодовой [2000; 2004], З. К. Тарланова [2000], Л. Г. Бабенко с соавторами [Русские глагольные... 2002] и мн. др. Эта теория сегодня широко используется для описания систем простого предложения большинства славянских языков (см., например, [Kiklewicz, Korytkowska 2010]).

Следует подчеркнуть, что идея моделирования предложения отнюдь не была исключительным достоянием славистики. Она была предвосхищена, в частности, «стеммами» Л. Теньера [1959/1988]; параллельно с работами славистов в 60-е гг. и далее на материале разных языков разрабатывались принципы моделирования предложения в рамках генеративной грамматики, в рамках теории «Смысл ↔ Текст» — И. А. Мельчуком [Mel'čuk, Pertsov 1987; Mel'čuk 1988] и его единомышленниками [Апресян и др. 2010]¹, в концепции

¹ См. также: <http://www.ruscorpora.ru/en/search-syntax.html> — приложение в рамках Национального корпуса русского языка, разработанное группой под руководством Ю. Д. Апресяна и Л. Л. Иомдина и демонстрирующее аналитические возможности модели «Смысл ↔ Текст» применительно к конкретному высказыванию.

функционально-структурного синтаксиса А. М. Мухина [1968; 2004] и мн. др. Разработка принципов моделирования синтаксических единиц и построение систем моделей, таким образом, действительно составили важнейшее направление развития теоретического синтаксиса второй половины XX в.

Вместе с тем описать синтаксическую систему данного языка на уровне простого предложения как совокупность структурных схем еще не значит дать исчерпывающее описание. Такое описание охватывает лишь ядро системы. Между тем если представить себе, какое количество «регулярных реализаций» (понятие Н. Ю. Шведовой) и регулярных вариантов этих реализаций окружает, как облаком, каждую языковую модель (структурную схему), то можно сказать, что соотношение всей системы и ее ядра в данном случае подобно соотношению Солнечной системы и Солнца.

Н. Ю. Шведова не включает распространители в модель предложения; почему же набор структурных схем оказывается у нее в несколько раз большим, чем у Г. А. Золотовой? Видимо, исходя из представления об исчерпывающем характере описания в грамматике *академического типа*, автор стремится учесть все многообразие фактов речи и привязать их к языковым моделям. В результате в ее версии появляются «фразеологизированные схемы» (количество которых неопределенно и определенным быть не может) и схемы, которые явно представляют собой «регулярные реализации» базовых моделей (выражение самой Н. Ю. Шведовой) — ср. схему *Ни N₂* (*Ни ветерка*), которая вызвала в свое время ожесточенные споры и которая может рассматриваться именно как регулярная реализация схемы *Neg Cop (ни) N₂* (*Здесь никого нет; На небе не было ни облачка; Там ни души; В доме никого не оказалось*).

Таким образом, концепция, реализованная в двух последних отечественных академических грамматиках, не лишена эклектичности. Однако в этом не только недостаток, но и достоинство: она разомкнута (хотя, возможно, это противоречит стремлениям создателей) и является сильным стимулом для дальнейших исследований. В частности, она ближе всего подходит к описанию фактов собственно речи и подводит к постановке вопроса о существовании речевых синтаксических моделей, по ряду параметров отличающихся от моделей языковых.

Постановка вопроса не нова. Еще в 1971 г. Е. Н. Ширяев предлагал оригинальную концепцию модели высказывания, основанную на фиксации деформаций, которым подвергается языковая модель

в речи [Ширяев 1975]². Мысль о существовании особых синтаксических систем речи и текста неоднократно высказывалась и С. Г. Ильенко (см. [Ильенко 2003]). Сравнительно недавно появилось несколько исследований, нацеленных на выработку интегрального представления, объединяющего синтаксические факты речи и языковой системы [Меликян 1999, 2002; Андреева 2003 и др.]. Ниже предлагается уточнение, которое может оказаться полезным при построении подобного представления.

Синтаксическая «солнечная система» устроена не так, как та, в которой мы живем. Ее центр, ядро, — не звезда (монолит), а созвездие, образованное языковыми моделями наивысшей ступени абстракции (структурными схемами). (Более высокая степень абстрагирования достижима, но дает уже не языковую, а логическую модель — предикации как таковой.) Каждая из этих моделей окружена моделями, от которых она, собственно, и абстрагирована, — более конкретными, каждая со своими особенностями и с большим количеством закрепленных параметров. В свою очередь, эти модели низшей ступени абстракции окружены «звездной пылью» еще более конкретных моделей, в которых закреплено еще большее количество параметров. Если модели наивысшей ступени абстракции принадлежат системе языка, то вторые и третьи — речи. Условимся называть модели второго типа *речевыми синтаксическими моделями*, третьего типа — *моделями высказывания*.

В качестве параметров, закрепляемых за моделями разного уровня, может быть осмыслено наличие / отсутствие ограничений на соотношенность компонентов модели с лексическими средствами: к этой мысли прямо подталкивает понятие «фразеологизированной схемы», используемое Н. Ю. Шведовой³. Когда говорят о воспроизводимости языковой синтаксической модели, подразумевается, что число лексических единиц, способных выполнить функцию **любого** из компонентов модели, теоретически по меньшей мере больше единицы, практически — исчисляется сотнями, а во многих случаях — труднообозримо. Если точнее — в языковой модели

² Статья, опубликованная в 1975 г., основана на докладе, сделанном в 1971 г.

³ Г. А. Золотова интерпретирует подобные ограничения в качестве обязательных для любой языковой модели, однако в данном случае мы отталкиваемся от концепции Н. Ю. Шведовой. Разнообразный материал на эту тему содержится в серии работ по лексико-синтаксической координации, выполненных коллективом под руководством С. Г. Ильенко [Проблемы лексико-синтаксической координации 1985; Ильенко 2003].

каждый компонент соотнесен либо с частью речи, либо с лексико-семантическим полем, либо — минимально — с лексико-семантической группой. В речевых же моделях отдельные компоненты (а иногда их большая часть) соотнесены только с определенной лексической единицей или синонимическим рядом, максимально — с одной или несколькими близкими лексико-семантическими группами. Ср. модель *Ах ты N₁ / Adj₁(!)*, в которой *N₁ / Adj₁* — либо личное имя, либо (эмоционально-) оценочная номинация адресата — лица или персонифицированного предмета / понятия, а два первых компонента практически невариативны (возможно лишь использование местоимения 2-го л. мн. ч. или — окказионально — 1-го и 3-го л.):

(1) — *Ах ты, Мюллер! Ах ты, мой милый Мюллер! Ах ты, мой распрекрасный немец!* (Л. Н. Андреев. Рассказ о семи повешенных);

(2) — *Ах ты, Катя, моя Катя, / Толстоморденькая...* (А. А. Блок. Двенадцать);

(3) — *Ах ты дрянь этакая, — прошептал огорченно лысый старичок* (А. Аверченко. Четверг);

(4) — *Ах, ты, козочка моя!* (Л. Н. Андреев. Жизнь Человека);

(5) — *Ах ты, немчура, немчура... аккуратная!..* (М. П. Арцыбашев. У последней черты);

(6) — *Ах ты, немецкая селедка! — прошептал кто-то и, разжевав бумагу, искусно вклеил ее в борт фрака Бориса Борисовича* (Н. Г. Гарин-Михайловский. Детство Тёмы);

(7) — *Какие ж это деньги, — злобно огрызнулся Егорыч, — за двадцать целковых в месяц муку мученскую принимать... Ах ты, проклятая!* (М. А. Булгаков. Записки юного врача);

(8) — *Ах, ты мой бедненький, ах, мой миленький, — умирала над ним Маня* (Н. Г. Гарин-Михайловский. Инженеры)⁴.

⁴ Выборка этой серии примеров осуществлена при помощи CD-ROM: Русская литература: От Нестора до Маяковского: 2-е изд., доп. и испр. М.: Директмедиа Паблишинг, 2003 (1-е изд. называлось «От Нестора до Булгакова»). Результат поиска по запросу «ах ты» составил более 400 контекстов. При отборе примеров не учитывались пунктуационные различия — в данном случае второстепенные, поскольку вызваны они, скорее всего, различиями лишь в авторских (редакторских, корректорских) представлениях о способах передачи интонации средствами пунктуации, а в некоторых случаях, возможно, — и ошибочной интерпретацией личного местоимения как обращения. Интонационное варьирование данной модели, безусловно, возможно; однако эти вариации вряд ли могут претендовать даже на статус вариантов модели, тем более — на статус омонимичных моделей.

Под **речевыми синтаксическими моделями** будем понимать модели, производные от языковых, обладающие более сложной структурой, ограниченной вариативностью коммуникативного задания и актуального членения, а также фиксированным с точностью до лексической единицы способом выражения по меньшей мере одного из компонентов.

Под **моделью высказывания** будем понимать регулярно воспроизводимую в живой коммуникации совокупность следующих признаков отрезка речи:

а) способность быть отдельной репликой в диалоге; этот признак тесно связан с признаками (в) и (д);

б) наличие / отсутствие модели предложения (структурной схемы), реализацию которой представляет собой данное высказывание;

б') в случае наличия — характер этой модели и полнота ее реализации;

б'') в случае отсутствия — степень воспроизводимости высказывания как готового речения;

в) типовая функция высказывания в контексте и обусловленный этой функцией характер реализации и распространения схемы (последнее — для высказываний, опирающихся на структурную схему предложения);

г) характер тема-рематической организации (количество компонентов, их соотнесенность с компонентами грамматической структуры, полная / неполная реализация и взаимное расположение);

д) интонационное оформление;

е) наличие и позиция вводных и вставных компонентов, междометий, модальных частиц, обращений. Из приведенного перечня признаков видно, что модель высказывания представляет собой регулярную реализацию (разновидность) речевой модели и отличается от последней полной фиксированностью коммуникативного задания, актуального членения, порядка слов и интонационного оформления, а также наличия и позиции вспомогательных элементов (вводных компонентов, частиц).

Если принять изложенные представления, то описание синтаксической системы приобретает трехуровневую структуру — в соответствии с тремя степенями абстрагирования и тремя типами синтаксических моделей. Закономерны вопросы: для чего необходимо усложнять синтаксическое описание и почему уровней именно три, а не больше или меньше?

Во-первых, многоуровневый подход позволяет сделать более строгим описание ядра системы, принадлежащего собственно языку, освободив его от моделей, которые являются производными, вторичными, — например, от уже упомянутой модели *Ни N₂* (*Ни ветерка*), которая вызвала в свое время ожесточенные споры и которая должна рассматриваться как регулярная реализация схемы *Neg Cop (ни) N₂* (*Здесь никого нет; На небе не было ни облачка; Там ни души; В доме никого не оказалось*)⁵. При одноуровневом подходе вполне понятное стремление Н. Ю. Шведовой обеспечить полноту синтаксического описания оборачивалось тем, что модели разных ступеней абстракции оказывались на одной ступени, так как производные модели, грубо говоря, было «некуда девать». Трехуровневый подход позволяет решить эту проблему.

Во-вторых, одноуровневая модель описания не позволяет приблизиться к ответу на вопрос, каким образом носитель языка владеет его синтаксической системой, — прежде всего потому, что структурные схемы максимально отвлечены от лексики. Когда говорят о воспроизводимости языковой синтаксической модели, подразумевается, что число лексических единиц, способных выполнить функцию **любого** из ее компонентов, теоретически по меньшей мере больше единицы, практически — исчисляется сотнями и тысячами, а во многих случаях — труднообозримо. Если точнее — в языковой модели **каждый** компонент соотносен либо с частью речи, либо с лексико-семантическим полем, либо — минимально — с лексико-семантической группой. Именно этот факт дал Б. М. Гаспарову повод для уничтожающей «арифметической» критики синтаксической концепции Н. Ю. Шведовой: задавшись вопросом, каким образом говорящий строит высказывание, исходя при этом из структурной схемы предложения, исследователь путем простейших подсчетов показывает, что только в процессе выбора схемы, отбора нужных слов и их форм говорящий должен совершать сотни тысяч мыслительных операций [Гаспаров 1996: 56–63]. Сколь бы велика ни была вера в безграничные возможности человеческого мозга, поверить в то, что эти сотни тысяч операций человек совершает в считанные доли секунды, трудно.

⁵ У Н. Ю. Шведовой эта схема представлена менее универсально: *Нет N₂*. В нашем представлении безлично-предикативное *нет* рассматривается как отрицательная форма наст. вр. глагола *быть*, нулевая связка — как его же нулевая форма наст. вр.

Но трудно, с другой стороны, и согласиться с радикальными выводами Б. М. Гаспарова, полностью отвергающего — на указанных основаниях — системно-структурное представление о языке и выдвигающего концепцию языка как беспорядочного конгломерата «коммуникативных фрагментов».

Многоуровневое описание синтаксической системы позволяет приблизиться к ответу на вопрос, каким образом человек владеет синтаксической системой, как она представлена в его памяти и как функционирует при построении высказывания. Действительно, слишком маловероятно, чтобы синтаксическая система была представлена в языковой памяти человека в виде совокупности образцов высшей ступени абстракции. Другое дело — совокупность образцов низших ступеней абстракции, тесно связанных со строго ограниченными группами лексики и с конкретными лексемами. В этом случае процесс построения высказывания представляется избавленным от перебора сотен тысяч вариантов «лексического наполнения» и его грамматического оформления. Схема этого процесса, в самом первом приближении, по-видимому, такова: параметры ситуации и коммуникативные намерения говорящего «вызывают» из памяти определенный фрейм, который, в свою очередь, актуализирует в активной речевой зоне совершенно определенные лексические единицы, с которыми он прочно связан, и определенную коммуникативную перспективу будущего высказывания; а так как любая лексическая единица, далее, существует в языковой памяти не изолированно, а в составе типичных для нее синтаксических конструкций, то вместе с лексической единицей в активную речевую зону «приходит» и набор этих конструкций — однако, заметим, весьма ограниченный. Б. М. Гаспаров рисует отчасти сходную картину, но синтаксические конструкции, связанные с лексическими единицами, называет «коммуникативными фрагментами», которые в качестве синтаксических конструкций не рассматривает и полагает неисчислимыми. Между тем, если ориентироваться не на отдельные лексемы, а на фреймы, то окажется, что эти конструкции не так уж неисчислимы и вполне типизируемы; более того — тесно связаны друг с другом и с конструкциями более высокой ступени абстракции, другими словами — представляют собой систему, а не конгломерат. Для того чтобы описать эту систему, как раз и требуется многоуровневый подход.

Что же касается количества выделяемых уровней, то очевидно, что оно может быть и большим, и меньшим: это зависит от избираемых критериев. В нашем случае учитываются следующие критерии:

1) элементарный (непроизводный) / неэлементарный (производный) характер структуры модели;

2) отсутствие / наличие строго закрепленных за данной моделью лексических единиц;

3) возможность варьирования модели путем изменения коммуникативного задания, актуального членения, порядка слов.

Языковая синтаксическая модель (структурная схема) с этих позиций характеризуется следующими признаками:

1) структура элементарная (непроизводная);

2) лексических единиц, строго закрепленных за данной моделью, не существует;

3) возможности варьирования актуального членения и порядка слов никак не ограничены, так как определенная связь с каким-либо типом ситуаций⁶ отсутствует.

Речевая синтаксическая модель характеризуется иначе:

1) структура неэлементарная (производная);

2) отдельные компоненты схемы выражаются строго определенными лексическими единицами;

3) возможности варьирования актуального членения и порядка слов ограничены связью с определенной группой ситуаций.

Модель высказывания обладает, соответственно, признаками:

1) структура или неэлементарная, или отсутствует (модель высказывания может существовать вне связи со структурной схемой, ср. *Ну вот еще!*);

2) отдельные компоненты выражаются строго определенными лексическими единицами, при этом в модели фиксированы наличие и позиция вспомогательных элементов;

3) актуальное членение и порядок слов строго закреплены, поскольку в модели фиксированы не только связь с определенным типом ситуаций, но и тип коммуникативного задания.

Рассмотрим высказывание (9) *Это карандаш*. На первый взгляд, перед нами не более чем элементарная реализация языковой модели N_1V_f . Однако при построении парадигмы выявляется возможность двух разных форм:

⁶Необходимо различать ситуации денотативные / сигнификативные, являющиеся предметом отображения в высказывании, и ситуации коммуникативные, характеризующиеся соотношением собеседников во временном, пространственном, социальном и прочих аспектах, состоянием текущей коммуникации, интенциями участников и т. п. Особый случай коммуникативной ситуации — текстовая ситуация. Здесь имеется в виду связь модели со вторым типом ситуаций.

9а

Это был карандаш
Это карандаш
Это будет карандаш
Пусть это будет карандаш
Если бы (вот бы) это был карандаш!
Если бы это был карандаш, то...
Это был бы карандаш, если бы...
Будь это карандаш...

9б

Это было карандашом
Это карандаш
Это будет карандашом
Пусть это будет карандашом
Если бы (вот бы) это было карандашом!
Если бы это было карандашом, то...
Это было бы карандашом, если бы...
Будь это карандашом...

Присмотримся к (9а) и (9б) внимательнее. Хотя ярче всего видны грамматические различия, попытаемся сначала определить различия семантические.

В левом столбце местоимение *это* имеет более широкую референцию: оно может указывать 1) и на конкретный предмет, который говорящий держит в руке, и 2) на графическое изображение предмета, и 3) на какой-нибудь другой предмет, который не является карандашом, но получает в данном речевом акте условное наименование карандаша (например, палец или палка), и 4) на мыслимый предмет, которого в данной коммуникативной ситуации не существует. В правом же столбце местоимение имеет только конкретную референцию: на отсутствующий, только мыслимый, предмет (4) оно указывать не может.

Различия в референции местоимения, являющегося опорой модели (моделей?), связаны с различиями в функциях высказываний. В левом столбце представлены формы высказывания, цель которого — или (I) идентификация неизвестного предмета, присутствующего в коммуникативной ситуации (*Чем это ты там спину мне царапаешь?! — Не бойся, это всего лишь карандаш*) либо мыслимого (*А что это у тебя вчера было в руке вместо указки? Такое что-то красное? — Да [это] просто [был] карандаш*), или (II) присвоение имени предмету, который адресату незнаком (в том числе и изображению незнакомого предмета) (*А вот эта палочка как называется? — Это не палочка, это карандаш*; ср. также у С. Я. Маршака: *Вот это стул: на нем сидят; вот это стол: за ним едят*). В правом столбце представлены формы высказывания, цель которого — (I) отождествление конкретного предмета (или его изображения) с известным понятием (*Что это у тебя в руке? — Две минуты назад это было карандашом*⁷). Идентификация неизвестного

⁷ Безусловно, вариант *Две минуты назад это был карандаш* возможен. Однако он представляется менее вероятным, тем более что при замене формальной связки

предмета (I, 9a) и отождествление предмета с понятием (I, 9б) — почти одно и то же⁸, однако существенно, что высказывания правого столбца могут иметь место только в ситуациях, когда адресату известно понятие, обозначаемое словом *карандаш*, в то время как для высказываний левого столбца такого ограничения не существует.

Семантические и функциональные различия получают и явное грамматическое выражение:

1) в правом столбце присвяточный компонент везде, кроме наст. вр., имеет форму творительного падежа (в отличие от левого столбца), а при замене формальной связки на полузнаменательную парадигма полностью выравнивается (*Это является карандашом*);

2) в правом столбце связка согласуется в роде с местоимением, чем подчеркивается его функция подлежащего, — в отличие от левого столбца, где связка согласуется в роде с существительным.

Сказанное означает, что только в правом столбце (9б) мы имеем предикативную структуру, в которой форма именительного падежа местоимения маркирует подлинное подлежащее, а сказуемое подчеркивает эту функцию местоимения. Квалификация того же местоимения как подлежащего в левом столбце (9а) — проблематична. Референция его не просто значительно шире, чем у «правого соседа»: она едва ли не безгранична, что делает семантику субстанции, свойственную подлежащему, крайне размытой⁹. Сказуемое свою форму с ним не согласует.

Указанные различия становятся более очевидными при замене референции к предмету референцией к лицу:

(10) — *Здравствуй, Кузьма, как живешь?.. Лошадь у тебя пусть, а? — Можно и у меня, — спокойно и ласково сказал мужик, беря лошадь под уздцы. — На охоту, гляди?.. А это кто ж такие будут? — спросил он, приветливо присматриваясь к Юрию (М. П. Арцыбашев. Санин).*

был на полузнаменательную исключаются и форма именительного падежа именно-го компонента, и форма мужского рода у связки: *Две минуты назад это являлось / казалось / притворялось... карандашом*.

⁸ Показательно, например, что «Немецко-русский и русско-немецкий философский словарь» З. Н. Зайцевой (М.: МГУ, 1998) предлагает следующие немецкие переводы к слову *отождествление*: *Identifikation, Identifizierung, Gleichsetzung* — и при толковании немецких терминов с корнем *ident-* последовательно использует русские основы *идент-* (заимствованную) и *тождеств-* (исконно славянскую) как синонимичные.

⁹ Точнее говоря, семантика субстанции в этом случае привносится только самим местоимением, но не поддерживается его референцией.

Но еще более сильными различия между (9а) и (9б) становятся при замене референции к предмету референцией к ситуации: *Кто (это) там стучит в гараже?* — (11) *Это отец*; *Кто же мне звонил вчера?* — *Я думаю*, (12) *это был твой отец / Я прослушал автоответчик: ни за что не догадаешься!* (12.1) *Это оказался твой отец*. — (13) *Если бы это был папа, он бы обязательно перезвонил*.

Во-первых, очевидна невозможность творительного падежа (**Это оказалось твоим отцом*, **Если бы это было папой*), то есть перед нами реализации модели (9а). Во-вторых, появляется надежда объяснить функцию связки в этих высказываниях. На вопрос *Кто там стучит в гараже?* можно ответить более развернуто: (11.1) *Это отец стучит* — и даже более информативно: (11.2) *Это отец ворота чинит*; на вопрос *Кто же мне звонил вчера?* тоже можно ответить: *Я думаю*, (12.1) *это звонил твой отец*. Отсюда можно вывести предположение, что связка в таких высказываниях — это универсальный заменитель полноценного сказуемого, очевидного из предыдущей реплики диалога¹⁰. Характерно, что в том случае, когда полноценное сказуемое не совпадает со сказуемым вопросительной реплики (11.2), резко меняется актуальное членение высказывания: в отличие от (11, 12, 11.1 и 12.1), где ремой является только *отец*, в (11.2) рема двойная (или «двухвершинная», по И. И. Ковтуновой). Кроме формы *отец*, здесь рематичен и состав сказуемого (что подчеркивается типичной разговорной инверсией: *ворота чинит* вместо нормативного *чинит ворота*).

Наконец, самое существенное: выясняется, что, как и в (10), на роль подлежащего в этих высказываниях, кроме местоимения *это*, претендует существительное в им. п. (теперь ясно, почему оно не может быть в творительном падеже!). При восстановлении полнозначного глагола (*чинит*, *стучит*, *звонил*) оно оказывается бесспорным подлежащим, а статус местоимения становится настолько неопределенным, что некоторые грамматики «отправляют» его в разряд частиц (поневоле вспоминается знаменитое замечание акад. Л. В. Щербы о том, что разряд частиц напоминает не столько определенный лексико-грамматический класс, сколько свалку). Между тем признание слова *это* в таких предложениях частицей равносильно признанию того, что тема высказывания может быть выражена частицей. Согласиться с этим невозможно. Какое же можно предложить решение?

¹⁰ Видимо, именно по этой причине возможность варьирования связки в таких высказываниях весьма ограничена, чаще всего встречается лишенное модальных оттенков *быть*.

Референцией к лицу в высказываниях (11–13) обладает только имя-подлежащее; местоимение же отсылает не к лицу, а к ситуации (*кто-то стучит в гараже; кто-то вчера звонил*), то есть представляет собой классический случай номинализации в целях тематизации: для того чтобы назвать ситуацию в теме ответной реплики, необходимо обозначить ее непредикативно; идеальное средство для этого — указательное местоимение. Действительно, (11.1–11.2) могут служить ответом не только на конкретный вопрос *Кто (это) там стучит в гараже?*, но и на общеситуативный вопрос *Что (это) там за шум в гараже?*. При этом местоимение маркируется именительным падежом — видимо, потому, что представляет тему, исходный пункт высказывания. Вторая половина высказывания — рема — представлена предикативной группой, которая соотнесена с той же ситуацией. Семантическая структура высказывания, таким образом, следующая: **{Ситуация₍₀₎ есть Ситуация₍₁₎}**, где первый компонент — ситуация, названная в предшествующей реплике собеседника, предшествующем высказывании, или конситуация, второй — интерпретация той же ситуации (конситуации) говорящим. *Есть* в этой экспликации — не реальная связка, а глубинный логико-семантический оператор; однако его незримое присутствие сказывается в том, что при выборе глагола предпочтение чаще всего отдается глаголу *быть*: в этом случае возникает полное совпадение глубинного оператора со связкой и полная изосемия реального высказывания и его семантической структуры — с той лишь оговоркой, что обе номинации ситуации редуцированы.

Таким образом, перед нами биноминативное высказывание, не совпадающее с моделью биноминативного предложения вида *Всякая война есть зло*. В то же время это и бипредикативное высказывание. Во-первых, отношения логической предикации устанавливаются между темой и ремой, хотя здесь они лишены прототипического грамматического выражения. Во-вторых, предикативное отношение устанавливается между подлежащим (существительным) и сказуемым (спрягаемой формой)¹¹, и это отношение оформлено предикативной связью. Первое предикативное отношение не выражается грамматически уже хотя бы потому, что этому препятствует наличие другой предикативной структуры (*стучит / был / звонил отец*): в простом предложении, по опре-

¹¹ Точнее, оно устанавливается между семантическими компонентами, которые грамматически оформлены как подлежащее и сказуемое.

делению, может быть только одна развернутая предикативная структура¹².

Говоря об отсутствии прототипического грамматического выражения у первого предикативного отношения, мы подразумеваем лишь отсутствие главного средства выражения — предикативной структуры. Другие же грамматические средства — порядок слов и интонация — здесь присутствуют. И хотя степень эффективности этих средств, при всей их несомненной важности, несопоставима с эффективностью и гибкостью предикативной структуры, можно все же утверждать, что *оба* предикативных отношения в высказываниях типа (3–5) не мыслятся или домысливаются, а *реализованы*.

Очевидно, что и биноминативность, и бипредикативность высказываний (11–13) связаны с их **биситуативным** характером, ясным из экспликации их семантической структуры.

Наличие двух реализованных предикативных отношений внутри высказывания, грамматически представленного простым предложением; жесткая закреплённость крайне узкого круга лексических единиц за одним из компонентов модели (*это, то, ?сие*) — эти признаки позволяют считать, что перед нами модель, не принадлежащая синтаксической системе языка, — если исходить из того, что последняя включает набор базовых моделей, лишенных внутренней противоречивости, и предполагает связь компонентов структурных схем с широкими пластами лексики. Модели же, подобные нашей, представляют собой устойчивые способы использования базовых моделей — и не просто в речи, а в конкретном типе речевых ситуаций.

Итак, **биситуативное высказывание** — это речевая синтаксическая модель *Это / N_I V_f*¹³, опирающаяся на языковую модель *N_I V_f*, воплощающая семантическую структуру {Ситуация₍₀₎ *есть* Ситуация₍₁₎} и реализующая два предикативных отношения: первое выражается актуальным членением и грамматически поддерживается порядком слов и интонацией, второе реализуется предикативной структурой. Тема такого высказывания представлена именительным падежом только указательного местоимения-существительного (*это*,

¹² Исходим при этом из той точки зрения, что представленность одного или обоих членов предикативной пары однородными рядами не умножает количество предикативных структур, а лишь усложняет семантические отношения внутри пары, не затрагивая логической основы предикативного отношения.

¹³ Косая черта — знак актуального членения.

то, сие), рема — либо полной предикативной структурой (полная реализация модели, *Это / N_I V_f*), либо редуцированной — имени-тельным падежом имени с глаголом-связкой (свернутая реализация, *Это / Cop N_I*).

Данную выше характеристику выразительно иллюстрирует следующий пример (интересующее нас высказывание подчеркнуто):

(14) — Скидывай-ка, приятель, свою страшную личину! Полно тебе дурачить людей! — проговорил голова, ухватив его за ворот, и оторопел, выпучив на него глаз свой. — Левко, сын! — вскричал он, отступая от удивления и опуская руки. — Это ты, собачий сын! вишь, бесовское рождение! Я думаю, какая это шельма, какой это вывороченный дьявол строит штуки! А это, выходит, все ты, невареный кисель твоему батьке в горло, изволишь заводить по улице разбои, сочиняешь песни!.. Эге-ге-ге, Левко! А что это? Видно, чешется у тебя спина! Вязать его! (Н. В. Гоголь. Майская ночь, или Утопленница).

Из контекста ясно наличие Ситуации₀ и Ситуации₁, в подчеркнутом высказывании вербализован акт установления их тождества.

Приведем дополнительные примеры реализации данной речевой модели:

(15) Вдруг поднялся великий стук да гром — весь дворец затрясся. Гости испугались, повскакали с мест, а Иван-царевич говорит:

— Не бойтесь, честные гости! Это моя лягушонка в коробчонке приехала (Царевна-лягушка. Ред. А. Толстого);

(16) Анна Андреевна. Что тут пишет он мне в записке? (Читает.) «Спешу тебя уведомить, душенька, что состояние мое было весьма печальное, но, уповая на милосердие божие, за два соленые огурца особенно и полпорции икры рубль двадцать пять копеек...» (Останавливается.) Я ничего не понимаю: к чему же тут соленые огурцы и икра?

Добчинский. А, это Антон Антонович писали на черновой бумаге по скорости: там какой-то счет был написан (Н. В. Гоголь. Ревизор);

(17) — А что это за шаги такие на лестнице? — спросил Коровьев, поигрывая ложечкой в чашке с черным кофе.

— А это нас арестовывать идут, — ответил Азazelло и выпил стопочку коньяку (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита)¹⁴;

¹⁴ Пример (4), строго говоря, соответствует иной, хотя и близкой модели: *Это / V_{гп3}*, восходящей к языковой модели неопределенно-личного предложения. Однако, поскольку отношения между языковой и речевой моделями здесь аналогичные

(18) *Грек - донжуан. Что это? Такое что?..*

Серафима. Боже мой!.. Позор, позор!

Чарота. Господин грек!

Грек - донжуан. А, это я в мухоловку попал, притон! (Печален.) (М. А. Булгаков. Бег);

(19) *...я встретил Фази, он весело шел с несколькими итальянскими выходцами.*

— *А, здравствуйте, что нового?* — *сказал он, увидав меня.*

— *Много,* — *отвечал я с изысканной сухостью.*

— *Что же такое?*

— *Да вот, например, в Женеве, точно в Париже, людей хватают на улице, насильно увозят, il n'y a plus de sécurité dans les rues,* — *я боюсь ходить...*

— *А, это вы говорите насчет Струве...* (А. И. Герцен. Былое и думы).

Сопоставление примеров (15–19) с примером (14) показывает, далее, что в (14) имеется особенность, отличающая его от серии (15–19): в нем более сложное актуальное членение и непрямой порядок слов. В примерах (15–18) вся предикативная группа является единой ремой¹⁵; в (14) рема двухвершинна, и абсолютной рематической силой наделено подлежащее *ты*, выделяемое внушительным комплексом средств: интонацией, акцентом, частицей *все* и постпозитивным ругательно-междометным восклицанием. Перед нами одна из регулярных реализаций данной речевой модели¹⁶; эта регулярная реализация и должна быть интерпретирована как **модель высказывания** {вводн._{когн.} [(А, Так) это // $N_I \setminus V_f$]}¹⁷. В отличие от речевой модели, здесь жестко фиксированы: а) интонация удивления (возможно

и поскольку неопределенно-личные предложения иногда рассматриваются как неполные реализации двусоставных, считаем возможным использовать этот пример.

¹⁵ В (6) иная структура, демонстрирующая явление коммуникативного динамизма, по Я. Фирбасу: исходный элемент *это* является абсолютной темой, вся предикативная группа является по отношению к ней ремой, однако сама распадается на вторичную тему *вы говорите* (метаречевая семантика которой сводит ее рематический характер к нулю) и абсолютную рему *насчет Струве*.

¹⁶ Множественность этих регулярных реализаций доказывается неполной однотипностью примеров (2–6).

¹⁷ Косую черту с наклоном влево используем как знак дополнительного членения при срединном положении абсолютной ремы. Символ **вводн._{когн.}** означает вводный компонент с когнитивным значением (*оказывается, значит, получается, выходит, как выясняется, вишь* и т. п.); его позиция в высказывании может варьировать, что отображено в схеме вынесением его за скобки. Запись (А, Так) следует

использование и с имитацией удивления: [*Инполит*] *Ребята!.. А это я ломаю дверь!..* [Э. Рязанов, Э. Брагинский. Ирония судьбы, или С легким паром!]), б) семантика возможного вводного компонента, в) инициальная частица *А*, *Так* или их сочетание, г) порядок слов и интонационно-акцентный рисунок с выделением абсолютной ремы — подлежащего. Все это связано с максимально четко определенной функцией высказываний, построенных по этой модели, в контексте. Речевая модель *Это* / $N_I V_f$ имеет тесную связь с предшествующим высказыванием (репликой), в котором должна быть обозначена Ситуация₀, но способна реализовать ряд коммуникативных заданий и служить ответом на вопросы «Что представляет собой Ситуация₀?» (ср. примеры 15, 17, 18), «Кто является агенсом Ситуации₀?» (1), «Какова причина Ситуации₀?» (16) и даже «Что является темой / причиной речевой Ситуации₀?» (19). Модель высказывания {*вводн.*_{когн.} [(*А*, *Так*) *это* // $N_I \setminus V_f$]} может служить только ответом на вопрос об агенсе, то есть ее типовая функция в контексте закреплена предельно четко.

Приведем дополнительные примеры реализации этой модели высказывания¹⁸:

(20) — *Странно как-то получается... темы пропадают только в Брокерах и Рекламе... в тех ветках, где обсуждается не только «Альпари», а другие подобные конторы... Laughing и модераторы не могут исправить эту ошибку... или не хотят?*

— *А это я темы убиваю...*

(21) — *Так это ты его тогда в больницу отправил?*

(22) — *Так это ты весь тираж скупил?!*

(23) — *Так это вы отстроили Британскую империю?*

(24) — *Это я вчера так напился или у тебя правда лимон по столу скакал?*

— *Так это ты, гад, выжал в чай мою канарейку?!*

Таким образом, выстраивается иерархия:

языковая синтаксическая модель

$N_I V_f$

речевая синтаксическая модель

Это / $N_I V_f$

модель высказывания

{*вводн.*_{когн.} [(*А*, *Так*) *это* // $N_I \setminus V_f$]}

читать: возможно появление обеих частиц, в том числе и совместное. Впрочем, если N_I представлено местоимением 1-го лица, частица *так* исключена.

¹⁸ Все примеры этой серии найдены на «чатах» Интернета с помощью Rambler.ru. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с действующими нормами.

Ясно, что эта иерархия — лишь одна из огромного множества «звездных нитей», тянущихся от этой и других языковых моделей — из глубинной, невидимой и не осознаваемой рядовым носителем, структуры языка — к живой поверхности языкового сознания и речевой деятельности. Проследить эти нити и означает построить такое описание синтаксической системы, которое даст вполне определенный ответ на вопрос, каким образом человек строит свое высказывание.

Возвращаясь к этому вопросу, следует подчеркнуть, что в процессе построения высказывания непосредственного обращения к базовому уровню (языковых моделей) не происходит, а следовательно, не происходит и перебора многотысячных вариантов, вопреки Б. М. Гаспарову. Непрерывный анализ текущей ситуации действительности, происходящий уже в силу того, что говорящий воспринимает эту ситуацию (участвуя или не участвуя в ней), актуализирует в его речевом сознании определенный фрейм, ассоциированный с четко очерченной семантической группой предикатов (конкретных лексем), которые, в свою очередь, связаны с типовым лексико-синтаксическим окружением. Таким путем в активной речевой зоне возникает лексико-грамматический прообраз высказывания, представленный глагольной группой¹⁹. Пример (1) выразительно демонстрирует присутствие в активной речевой зоне говорящего именно семантической группы предикатов, порождающей в соседствующих высказываниях ряд глагольных групп, связанных отношениями контекстуальной синонимии: *(тебе) дурачить людей, (дьявол) строит штуки, (ты) ...заводить по улице разбои, сочиняешь песни*.

Параллельно с анализом ситуации действительности в сознании говорящего так же непрерывно идет анализ текущей коммуникативной ситуации (участником которой он является по определению) и выработка коммуникативных интенций; результатом последней является актуализация в активной речевой зоне определенной коммуникативно-синтаксической модели с предзаданным актуальным членением, то есть, в сущности, модели высказывания. Так, в случае *Полно тебе дурачить людей!* лексико-грамматический прообраз *(ты) дурачи(ть) людей* подчиняется модели высказывания с типовым значением воликативной каузации прекращения некоторого действия *Полно (Хватит) || Pron_{2/3} / Inf!*, в результате чего исходный предикат

¹⁹ Об этом убедительно писал С. Д. Кацнельсон в работе [Кацнельсон 1984]. Подробнее об этом см. в гл. «Протодейксис...».

включается в безличную конструкцию. В случае же *А это, выходит, все ты... изволишь заводить по улице разбои, сочиняешь песни!..* лексико-грамматический прообраз той же семантической группы подчиняется модели высказывания с типовым значением идентификации агенса Ситуации₀ (остальные фиксированные признаки этой модели перечислены выше), и результат оказывается иным. Ни в том, ни в другом (и ни в каком!) случае, повторим, в процессе порождения высказывания не происходит непосредственного обращения к уровню языковых синтаксических моделей: такая операция избыточна, поскольку весь набор базовых языковых моделей представлен в речевых моделях и их регулярных реализациях — моделях высказываний.

ВЫСКАЗЫВАНИЕ И КОММУНИКАТИВНОСТЬ

0. Постановка проблемы. Исходные положения

Под высказыванием будем понимать, вслед за Н. Ю. Шведовой, «любой линейный отрезок речи, в данной речевой обстановке выполняющий коммуникативную функцию и в этой обстановке достаточный для сообщения о чем-либо»; при этом «признаками, общими для всех высказываний, являются: 1) организация формами слов — одной или несколькими, грамматически между собою связанными; 2) функция сообщения (коммуникативная); 3) интонация сообщения: повествование, побуждение, вопрос...; 4) способность соединяться с другими высказываниями в составе текста» [Русская грамматика 1980: 83–84]. Данное понимание в «Русской грамматике» характеризуется как «широкое», в противоположность «узкому», согласно которому термин «высказывание» закрепляется только за коммуникативными единицами, не представляющими собой грамматически оформленного предложения [там же]. Широкая трактовка высказывания имеет то очевидное преимущество, что она одним понятием охватывает весь круг речевых фактов («линейных отрезков речи»), объединенных ведущим признаком — способностью реализовать коммуникативную функцию.

С другой стороны, названное преимущество неизбежно оборачивается тем недостатком, что круг явлений, подводимых под понятие высказывания, оказывается неоднородным: в него включаются как отрезки речи, организованные по грамматической модели предложения, так и многообразные отрезки, не организованные по такой модели. Следует, кроме того, учесть, что модели предложений также обладают значительным разнообразием; что под моделями предложений в данном случае следует разумеать не только структурные схемы простого предложения²⁰, но и модели сложных предложений;

²⁰ Смысловое наполнение понятия структурной схемы предложения, вообще говоря, может быть различным в зависимости от того, как трактуются понятие предложения и его соотносительность с понятием высказывания. Известен целый ряд концепций структурной схемы (модели) простого предложения: Н. Ю. Шведовой [Грамматика... 1970; Русская грамматика 1980], А. М. Мухина [Мухин 1968], И. П. Распопова [Распопов 1970], Н. Д. Арутюновой [Общее языкознание... 1972],

что в сфере сложного предложения имеются явления, весьма различные по степени регулярности — в плане соотносённости семантики и структуры; что, наконец, высказывание — сложное предложение может быть сильно разветвленным и представлять собой соединение нескольких минимальных моделей сложного предложения. Становится ясно, что круг явлений, охватываемых понятием высказывания в указанной трактовке, не просто широк: можно предположить, что этот круг имеет полевую структуру с характерными для нее отношениями центра и периферии, инвариантности и прототипичности. Проверка этого предположения — одна из задач настоящей главы, нацеленная на перспективу дальнейших исследований. Главная же задача — попытаться осмыслить природу того начала, которое объединяет разнородные явления, охватываемые понятием высказывания (в широком смысле), — коммуникативности.

1. Понятие модели высказывания

При всей своей уникальности, высказывания как факты речи поддаются типизации и моделированию. Высказывание может не опираться на модель предложения, но за ним всегда стоит определенная модель коммуникативной организации. Например, реплика «Не пойду!» (фильм В. Меньшова «Любовь и голуби», Надя) обладает следующими признаками: 1) наличие грамматической модели, реализацию которой представляет собой данное высказывание

Т. П. Ломтева [Ломтев 1972], Г. А. Золотовой [Золотова 1982], В. А. Белошапковой [Белошапкина 1977], группы чешских лингвистов [Русская грамматика 1979], Б. Ю. Нормана и С. А. Киселева [Норман 1988; Киселев 1990]. В. А. Белошапкина попыталась свести разнообразие подходов к понятию структурной схемы в две группы: 1) понимание структурной схемы как «предикативного минимума» предложения; 2) понимание структурной схемы как «номинативного минимума» предложения [Белошапкина 1977: 101–117]. При всей существенности расхождения в акцентах, все эти подходы опираются на представление о структурной схеме как о **минимальной конфигурации структурных или структурно-семантических компонентов, необходимых для реализации предикативного значения предложения**; различия же производны, в частности, от различий в трактовке сущности предикативности (об этом см. ниже). В данном случае структурная схема (модель) простого предложения понимается именно в таком — обобщенном — смысле. Показательно, что в словаре, описывающем семантические модели глагольных предложений, авторы опираются на то же представление и используют стандартный набор структурных схем (в уточненной нотации В. А. Белошапкиной) [Русские глагольные предложения 2002: 35].

(здесь — модели односоставного определенно-личного предложения); 2) элиминация темы (что выражается в синтаксической неполноте: опущен обстоятельственный компонент. Данная реплика появляется в диалоге героини с тетей Шурой в ответ на совет обязательно пойти на берег реки, куда Надю пригласил на свидание провинившийся муж; поэтому полная реализация модели предложения в данной коммуникативной перспективе должна была бы выглядеть примерно так: **На свидание [вариант: на берег] не пойду!*)²¹; 3) характерный интонационный рисунок: реплика произносится как бы по слогам, с акцентным выделением первого и третьего слогов и резким понижением тона на втором; 4) отсутствие осложнения вводными и вставными компонентами, обращениями, модальными частицами, междометиями.

Если же рассмотреть следующую диалогическую реплику: «Ну что ты, конечно!» (пример из [Борисова 2001: 360]), — то выяснится, что данное высказывание 1) не реализует какую-либо из грамматических моделей предложения; 2) с формальной точки зрения не обладает актуальным членением, так как включает только междометие и вводный компонент, акцентирующий подразумеваемую ремю; 3) окрашено стандартной интонацией согласия-подтверждения. (Об осложнении вводными компонентами, обращениями и проч. здесь говорить не приходится, так как отсутствует осложняемое.) Тем не менее и в данном случае перед нами вполне дееспособное высказывание, функционирующее в качестве полноценной диалогической реплики, ср. диалогический контекст (речь идет о собаке, которую хозяйке не удавалось увести с автостоянки):

«А. — Мне эти мужики-охранники говорят/ <давайте мы его на руках отнесем>/ а я <да что вы/ он прикоснуться к себе не даст/

Б. — Не даст//

А. — ...кабан такой/ он вас загрызет>

Б. — Ну что ты/ конечно//» [там же; сохранена оригинальная нотация].

Представляется очевидным, что в обоих случаях, несмотря на глубокие различия между ними, правомерно говорить об опре-

²¹ Известно, что некоторые специалисты видят в определенно-личном предложении лишь регулярную неполную реализацию двусоставной модели (ср. соответствующую статью в [Русский язык: Энциклопедия 1979]). Если согласиться с этой точкой зрения, приведенная экспликация должна включать подлежащее: **[Я] на свидание [вариант: на берег] не пойду!*

деленной речевой модели, стоящей за каждым рассмотренным высказыванием.

В главе 1 было введено определение (для удобства читателя повторим его здесь):

Модель высказывания — это регулярно воспроизводимая в живой коммуникации совокупность следующих признаков отрезка речи:

а) способность быть отдельной репликой в диалоге; этот признак тесно связан с признаками (в) и (д);

б) наличие / отсутствие модели предложения (структурной схемы), реализацию которой представляет собой данное высказывание;

б') в случае наличия — характер этой модели и полнота ее реализации;

б'') в случае отсутствия — степень воспроизводимости высказывания как готового речения;

в) типовая функция высказывания в контексте и обусловленный этой функцией характер реализации и распространения схемы (последнее — для высказываний, опирающихся на структурную схему предложения);

г) характер тема-рематической организации (полная / неполная реализация компонентов актуального членения, взаимное расположение компонентов);

д) интонационное оформление;

е) наличие и позиция вводных и вставных компонентов, междометий, модальных частиц, обращений.

Из названных признаков комментария требуют, по-видимому, только признаки (б'') и (в).

Признак (б''). Приведенные выше примеры реплик различаются по этому признаку следующим образом: реплика «Не пойду!» не является воспроизводимым речением, в то время как реплика «Ну что ты, конечно!» представляет собой относительно свободное соединение двух воспроизводимых речений, из которых первое обладает вариативностью первого компонента (*Ну что ты / Да что ты / Ой, что ты / Что ты*), а второе невариативно.

Признак (в). Под типовой функцией высказывания в контексте следует понимать, в самом общем виде, назначение, которое предписывается высказыванию говорящим в данных коммуникативных условиях. Понятие типовой функции высказывания по своему содержанию близко к понятию речевого жанра: ведь любое высказывание представляет собой реализацию того или иного речевого

жанра (последний в данном случае трактуется в духе концепции М. М. Бахтина — см. [Бахтин 1979]). Для письменного текста применяемое к высказыванию понятие речевого жанра может быть модифицировано с учетом принадлежности к определенному типу речи²²: функционально-смысловому (описание, повествование, рассуждение), композиционно-смысловому (информационный, демонстрационный, сентенционный) [Ильенко 2003] — или коммуникативному регистру в понимании Г. А. Золотовой (репродуктивному, информативному, генеритивному, а также повествовательному или описательному подтипам репродуктивного или информативного регистров (в монологе) и волюнтивному или реактивному подтипам всех трех основных регистров — в диалоге)²³. Понятие типовой функции высказывания в контексте может быть соотнесено, кроме того, с типологией речевых актов: думается, что существующие типологии речевых актов, с одной стороны, и жанров речи, с другой, имеют больше точек пересечения, чем можно было бы ожидать, опираясь на глубоко различные исходные положения соответствующих теорий. Наконец, следует учитывать и несомненную связь типовых функций высказывания с функциями языка — не только коммуникативной, но также когнитивной, экспрессивной, апеллятивной, фатической. Очевидно, что функциональное своеобразие конкретного высказывания в конечном итоге восходит к реализуемой им

²² Связь между речевыми жанрами и типами речи составляет проблему, требующую специального изучения. Жанры речи обычно рассматривают в связи с теорией функциональных стилей (например, Т. В. Матвеева считает функциональный стиль «сопоставительным родовым понятием» по отношению к жанру речи [Матвеева 2003: 68–70]. Симптоматична, однако, точка зрения В. В. Деметьева, который трактует речевой жанр как явление «переходное между языком и речью»: «речевые жанры составляют буферное пространство между “отчужденной” от человека системой языка и ее реальным использованием» [Деметьев 2000: 155]. Так или иначе, существование связи между речевыми жанрами и функционально-смысловыми типами речи представляется несомненным, хотя иногда такая связь искусственно ограничивается рамками только определенного типа коммуникации: в [Культура... 2001], например, такая связь прослеживается только при описании ораторской речи (автор раздела Н. Н. Кохтев, отв. ред. Л. К. Граудина и Е. Н. Ширяев).

²³ Перечень регистров дан не в своем первичном (см. [Золотова 1982]), а в уточненном виде по более поздней публикации [Золотова 2003: 103], где автор указывает на «текстовую функцию» (именно в смысле принадлежности к определенному регистру) как на один из трех существенных признаков предложения: «...предложение, как и синтаксема, характеризуется взаимодействием трех признаков: модель, со своим типовым значением и текстовой функцией» [там же].

функции языка, и в этом смысле существенным может оказаться то, что данное высказывание реализует, допустим, апеллятивную функцию: в таком случае функция сообщения практически сводится к нулю, и, следовательно, вероятность того, что это высказывание будет опираться на структурную схему простого предложения, также очень мала.

Под характером реализации и распространения схемы подразумевается комплекс индивидуальных особенностей конкретного высказывания (поддающихся, однако, моделированию), которые не предусмотрены схемой предложения и детерминируются типом отображаемой внеязыковой ситуации и интенциями адресанта. В числе этих особенностей следует назвать, прежде всего, аспектуальную характеристику и субъектно-объектную перспективу высказывания.

Понятие модели высказывания не является принципиально новым. Е. Н. Ширяев предлагал считать высказывание основной единицей «разговорного языка» (РЯ) и определял его через понятие фразы: «Фраза — любая интонационно законченная единица (с интонацией понижения на конце). Высказывание — это: а) несколько фраз, если они очевидным образом могут быть сведены в предложение (ср.: *Я зайду к тебе // Вечером // После семи // — Я зайду к тебе вечером после семи*) или б) одна фраза, если она не входит в состав а)» [Ширяев 1975: 131]. Говоря о высказываниях типа (б), ученый подчеркивал, что даже те из них, «которые нормально могут функционировать только в определенных конситуативных условиях», поддаются моделированию: «есть основания думать, что строение конситуативных высказываний РЯ не есть что-то совершенно стихийное и не регулируемое языком. Конситуативные высказывания имеют свои схемы» [там же: 131–132]. Рассматривая, например, высказывания: *Подождем на троллейбусе* // (‘подождем троллейбуса и поедем на нем, а не на переполненном автобусе’), *Поставь до завтра* // (‘молоко в холодильнике, чтобы оно не прокисло до завтра’), *Напиши индекс побыстрее* // (‘напиши индекс на письме, чтобы оно пришло побыстрее’), — автор предлагал интерпретировать их общую схему так: «глагол в повелительном наклонении и приглагольный член, смысл которого соотносится не непосредственно со смыслом глагола, а через смысловые звенья, ясные из конситуации и потому не вербализованные; приглагольный член называет конечную цель, которая должна осуществиться, если будет выполнено действие, названное глаголом в императиве» [там же: 132; семантизация примеров Е. Н. Ширяева].

Наш подход к понятиям высказывания и модели высказывания, как очевидно, шире: он не ограничивается рамками разговорной речи и ориентирован на все сферы литературного языка; кроме того, модель высказывания в нашем представлении (нетрудно видеть, что в нем использован предложенный Н. С. Трубецким принцип «пучка признаков») далека от модели (структурной схемы) предложения, в то время как Е. Н. Ширяев стремился построить аналог последней. Одно другого, впрочем, не исключает; подход Е. Н. Ширяева заслуживает внимания и требует развития; важнее же всего для нас то, что вопрос о моделируемости высказывания (в том числе и не опирающегося на структурную схему предложения) был поставлен в синтаксической теории уже давно.

Изучение моделей высказывания должно составлять центральную задачу синтаксиса речи, развитие которого все еще представляет собой дело будущего, несмотря на известный призыв В. Скалички более чем полувековой давности²⁴, несмотря на предложение рассматривать и разрабатывать теорию высказывания как особую отрасль лингвистики, отличную от синтаксиса предложения, высказанное Ф. Данешем еще в 1964 г. [Daneš 1964], а также на ряд работ, в которых сделаны первые шаги к осмыслению предмета синтаксиса речи, — Ю. В. Ванникова [Ванников 1979] и С. Г. Ильенко [Ильенко 1989].

Уточняя сформулированную выше задачу, можно сказать, таким образом, что данная работа преследует прежде всего цель осмыслить понятие коммуникативности, без чего невозможно говорить и о высказывании, и о моделях высказываний.

2. Коммуникативность и предикативность

Осмысление понятия коммуникативности невозможно без обращения к тесно связанному с ним понятию предикативности. Их соотношение обычно кажется ясным. Скажем, для В. А. Белошапковой в этой паре очевиден примат предикативности. Говоря о фундаментальном характере различия между предикативными и непредикативными синтаксическими единицами, она добавляет: «Все другие различия или производны от данного, или не всеобщи. Так, производным от признака предикативности ~ непредикативности

²⁴ Имеется в виду статья В. Скалички «The Need for a Linguistics of la Parole» (1949).

является признак различия в функциях предложения и словосочетания, а именно функция коммуникативной единицы у предложения и неспособность словосочетания выступать в этой функции» [Белошапкова 1989: 533–534]. Е. Беличова-Кржижкова расставляет приоритеты прямо противоположным образом: «Предложение как коммуникативная единица системы языка нуждается в структурном оформлении, т. е. в сигнализации коммуникативной функции. Сигнализация же коммуникативной функции в свою очередь нуждается в закреплении за ней строго фиксированных языковых средств. В русском языке, равно как и в чешском или в других языках индоевропейского строя, предложение как коммуникативная единица языка опирается на предикативность» [Русская грамматика 1979: 669]. Я. Г. Тестелец, автор учебника «Введение в общий синтаксис», занимает в данном случае нейтральную позицию, ограничиваясь указанием на связь обсуждаемых понятий, но не задавая вопрос о том, что от чего производно: «Грамматическое свойство предикативности, которое отличает предложения от прочих видов групп, связано с типичным употреблением предложений в качестве **высказываний**, т. е. речевых отрезков, уместных в конкретной с и т у а ц и и р е ч и, в которой есть говорящий, адресат, предмет, время, место и цель сообщения» [Тестелец 2001: 233; полужирный шрифт и разрядка автора].

Дело, однако, не только в подобных теоретических расхождениях. Проблема — в границах обсуждаемых понятий.

Любой носитель языка широко пользуется речениями типа «*Еще бы!*», «*Неужели?*», «*Еще чего!*», «*Да ну?!*», «*Пожалуйста*» и т. п. и без труда приведет в пример десятки ситуаций, в которых они уместны, осмысленны и адекватно воспринимаются адресатами, то есть успешно выполняют коммуникативную функцию. Между тем из цитированных формулировок В. А. Белошапковой и Е. Беличовой-Кржижковой вытекает, что такие речения не могут быть признаны коммуникативными единицами, так как лишены выраженной предикативности. Возникает парадокс, требующий решения.

2.1. Из истории вопроса о предикативности

В. В. Виноградов, с чьим именем в русистике принято связывать развернутое системное описание категории предикативности, признавал за речениями указанного типа статус и коммуникативных, и предикативных единиц. Характеризуя категорию предикативности как «совокупность таких грамматических категорий, которые опре-

деляют и устанавливают природу предложения как грамматически организованной единицы речевого общения, выражающей отношение говорящего к действительности и воплощающей в себе относительно законченную мысль» [Виноградов 1954: 76], он указывал на «многообразие форм и способов выражения предикативности», которые «бывают морфологическими, конструктивно-синтаксическими и интонационно-синтаксическими» [там же: 82–83]. Согласно концепции В. В. Виноградова, предикативность обнаруживается как в глагольных предложениях, так и в явлениях типа «Внимание!», «Тише!», «Разве?», «Едва ли!», «Может быть!» и т. п. [там же: 80], где морфологическая опора для определения значений модальности (объективной), времени и лица отсутствует или существенно ослаблена.

Полезно иметь в виду, что концепция предикативности В. В. Виноградова, по-видимому, складывалась в том числе и как ответ на вопрос, остро сформулированный Л. В. Щербой в докладе «Очередные проблемы языковедения» (черновой текст доклада был впервые опубликован в ИАН ОЛЯ в 1945 г.). Позволим себе привести пространный цитату из этой работы:

«Смешно спрашивать: “что такое предложение?”: надо установить прежде всего, что имеется в языковой действительности в этой области, а затем давать наблюдаемым явлениям те или другие наименования. Применительно к европейским языкам, а в том числе и к русскому, мы прежде всего встречаемся с явлением большей или меньшей законченности высказываний разных типов, характеризующихся разнообразными специфическими интонациями, — повествование, вопросы, повеления, эмоциональные высказывания. <...> Далее, мы наблюдаем такие высказывания, где что-то утверждается или отрицается относительно чего-то другого, иначе говоря, где выражаются логические суждения с вполне дифференцированными S и P <...>. Далее, мы наблюдаем такие высказывания, посредством которых выражается та или иная наша апперцепция действительности в момент речи, иначе говоря, узнавание того или иного ее отрезка и подведение его под имеющиеся в данном языке общие понятия <...>. При таких обстоятельствах оказывается совершенно неясным, что же имеется в виду, когда мы говорим о “предложении”» [Щерба 1974: 44; разрядка автора].

Можно полагать, что в этом контексте учение В. В. Виноградова о предикативности предстает, помимо прочего, и как попытка вернуть понятию предложения единство, причем на собственно лингвистических основаниях, вне зависимости от интонационных типов вы-

сказывания, от его совпадения или несовпадения со структурой логического суждения, от его соотнесенности или несоотнесенности с конкретной ситуацией восприятия действительности. Именно в этом можно видеть смысл характеристики предикативности как *грамматической* категории, *всегда* присущей предложению. И именно по этой причине вопрос о способах *выражения* в предложении предикативного значения решается В. В. Виноградовым в самом широком плане.

Между тем ученики и последователи В. В. Виноградова прямо вводят в определения предикативности признак *выраженности* предикативного значения в предложении. Так, Н. Ю. Шведова пишет: «предикативность — категория, которая целым комплексом *формальных синтаксических средств* соотносит сообщение с тем или иным временным планом действительности» [Русская грамматика 1980: 85–86; курсив здесь и в последующих цитатах в данном абзаце мой. — М. Д.]; В. А. Белошапкова подчеркивает: «Именно в комплексе грамматических значений, соотнесенных с актом речи, опирающихся на него и его отражающих, увидел Виноградов грамматическую сущность предложения. Этот комплекс грамматических значений, *всегда имеющих формальное выражение*, он назвал предикативностью» [Белошапкова 1989: 533]; Г. А. Золотова формулирует: «Предикативность — сопряженность предикативного признака с субъектом — его носителем, *выражающая в языковых категориях* модальности, времени и лица отнесенность предложения к действительности» [Золотова и др. 1998: 104]. «Предикативность, — пишет Е. Беличова-Кржижкова в пражской “Русской грамматике”, — заключается в *обязательном выражении* того, как соотнесено с точки зрения говорящего с действительностью содержание предложения в плане реальности / потенциальности его реализации... и, как правило, также во временном плане <...>. *Предикативность реализуется посредством глагола* и его морфологических категорий» [Русская грамматика 1979: 669]. Последняя из приведенных цитат демонстрирует тот факт, что внимание к способу выражения в предложении его предикативного значения вполне естественным образом влечет за собой понимание предикативности как категории, в первую очередь опирающейся на морфологические категории глагола. Отсюда вытекает сужение объема понятия предикативности, что, в свою очередь, ведет к указанному выше противоречию: высказывания, успешно выполняющие коммуникативную функцию, не признаются коммуникативными единицами на том основании, что они лишены выраженной предикативности.

Ю. А. Левицкий дает следующее определение: «предикативность — это *форма* приписывания признака предмету в соотнесенности с моментом коммуникации», или, если опереться на материал цитируемой главы его книги, предикативность — это форма предикации [Левицкий 2002: 48–49].

В. В. Виноградов, как известно, стремился преодолеть отождествление категорий логики и языка, поэтому предикативность в его трактовке — именно грамматическая категория, и о предикации как о логической основе высказывания он не говорит. (Кстати, Г. А. Золотова, убежденная в отсутствии семантической структуры предложения как особого уровня или аспекта его организации и отвергающая понятие пропозиции [Золотова 2003], в этом смысле продолжает традицию В. В. Виноградова.) Однако при отсутствии эксплицитного разведения понятий предикации и предикативности возникает возможность смешения этих категорий — не в сознании создателя концепции, но в сознании читателей. Не исключено, что именно этим обусловлена критика, которой подверг концепцию В. В. Виноградова М. И. Стеблин-Каменский [Стеблин-Каменский 1956; 1971]. Процитированное утверждение Ю. А. Левицкого вскрывает сущность того пути дальнейшего осмысления категории предикативности, который преобладал в 70–80-е гг.: разграничение предикации и предикативности, даже не обязательно столь ясно, как у Ю. А. Левицкого, декларируемое, естественным образом приводит к тому, что предикативность жестко прикрепляется к морфологической выраженности.

Убеждение в том, что предикативность есть только там, где предикативное значение выражено формальными средствами, иногда приводит современных синтаксистов к решениям, которые в свете господствующей концепции могут показаться неожиданными: например, С. Н. Кузнецов считает, что в номинативных предложениях (*Мороз*) предикативности нет, но признает их, тем не менее, *предложениями* — на том основании, что они способны выполнять коммуникативную функцию [Кузнецов 1984: 50].

2.2. Понятие высказывания: из литературы вопроса

В позиции В. В. Виноградова многое объясняется тем, что для него предложение — единица речевая, и сомнению это представление не подвергается, ср. формулировки: «...предложение как грамматически организованная единица речевого общения»; «предложение как основная форма речевого общения» [Виноградов 1954: 76, 82].

Несколько позже, как известно, после целого ряда работ советских и чешских лингвистов, в отечественной традиции в той или иной мере утвердилась плодотворная идея о необходимости различать предложение как языковую единицу, модель (структурную схему) — и высказывание как факт речи, представляющий собой реализацию языковой модели. Однако понятие высказывания трактуется различно.

Оригинальную позицию занимает, например, «Русская грамматика» 1980 г.: «Термин “высказывание” может быть употреблен в широком или в узком смысле. В широком смысле слова высказыванием является любая сообщающая единица — как грамматически оформленное предложение, так и (при соответствующем интонационном оформлении) единица, грамматическим предложением не являющаяся. В узком смысле высказывание — это сообщающая единица, не являющаяся грамматическим предложением... В “Русской грамматике” термин “предложение” сохраняется для сообщающих единиц, специально предназначенных языком для передачи относительно законченной информации и имеющих <...> грамматические характеристики (“образовано по специально предназначенному для этого абстрактному грамматическому образцу...” и т. д. — *М. Д.*); по отношению к высказываниям, не имеющим таких специальных характеристик, термин “предложение” не употребляется» [Русская грамматика 1980: 7–8]. Таким образом, Н. Ю. Шведова — автор цитированного «Введения» ко II тому «Русской грамматики» — частично отходит от виноградовского использования термина «предложение», но к «широкой» — и, добавим, более последовательной — трактовке высказывания не приходит, предпочитая значительно менее убедительную «узкую», что вынуждает ее в последующем к постоянным уточнениям: «высказывания, не являющиеся грамматическими предложениями» [там же, но ниже] — хотя, казалось бы, использование термина «высказывание» исключительно в «узком» смысле было уже обстоятельно оговорено.

Любопытнее всего, однако, то, что далее, в разделе «Простое предложение. Основные понятия» (прежде всего § 1891–1892). Н. Ю. Шведова все-таки очевидным образом приходит к «широкой» трактовке высказывания: именно эта формулировка была приведена нами в начале главы.

Особое место в литературе вопроса о высказывании занимает монография В. Г. Адмони «Система форм речевого высказывания» (1994). В системе, предлагаемой В. Г. Адмони, различаются, прежде всего, высказывания «цельные» и «элементарные». «Под цельными

высказываниями, — пишет автор, — ...понимаются те, которые охватывают все высказывание (любого характера) полностью, от самого начала до самого конца. Это любой диалог, или любое полифоническое речевое единство, любой текст любого размера» [Адомони 1994: 7–8]. «Элементарные высказывания — это мельчайшие составные части цельного единства, образующие структурные единства. В диалоге это реплика или вопросо-ответное единство, в развернутых устных и письменных высказываниях это сверхфразовое единство, абзац, а как минимальная единица предложение» [там же: 8]. Кроме того, последовательно проводится различие между высказываниями *«разовыми»*, не рассчитанными на последующее воспроизведение, и *воспроизводимыми* (текстами). Отдельные главы монографии посвящены типологии разового речевого высказывания и типологии воспроизводимых высказываний (текстов). Типология разового высказывания, как показывает автор, может строиться по нескольким основаниям. Во-первых, намечена тематическая классификация (высказывания бытового, производственного, научного или учебного диалога и т. д.), во-вторых — классификация по признаку целеустановки (повествовательные, побудительные, вопросительные), в-третьих — «в аспекте афfirmативности и модальности предложения (вопросительные, отрицательные, дубитативные — с разной степенью дубитативности — предложения)», в-четвертых — «в аспекте эмоциональности предложения (нейтральные и эмоционально повышенные предложения)» [там же: 71–75].

Дифференцируя понятия предложения и высказывания, автор подчеркивает: «предложения являются такой же языковой реальностью, как единицы высказывания (здесь, очевидно, подразумевается высказывание в самом широком смысле, включающем и “цельные”, не ограниченные в объеме речевые произведения. — М. Д.), но в отличие от них входят в определенную систему, складывающуюся по-своему в каждом языке и меняющуюся в процессе языкового развития, <...> мы имеем здесь дело не с соотношением языкового конструкта и языковой реальности, а с соотношением двух форм реальности, в которых существует речевая деятельность человека. И хотя непосредственно предстает эта деятельность всегда в форме высказывания, <...> существует эта форма в ее конкретности лишь на основе грамматической реальности, свойственной данному языку в данный момент его развития» [там же: 70–71]. Один из важнейших тезисов автора — следующий: «Предложение в своей глубинной высвобожденности из конкретных ситуационных связей, с одной

стороны, само по себе является основной единицей подлинной человеческой коммуникации, единицей реального подлинно языкового высказывания, т. е. человеческим речевым высказыванием как таковым, а именно высказыванием элементарным. С другой стороны, предложение служит той основой, на которой — в результате соединения двух или большего числа предложений — создаются многообразнейшие усложненные цельные высказывания. Наконец, оформляясь в многообразные типы по тем аспектам, в которых протекает реальная жизнь предложения, оно не только обслуживает все участки речевой коммуникативной деятельности человека, но нередко выступает в преображенном, даже деформированном виде в тех функциях, при которых оно подвергается сильнейшему воздействию условий ситуации и контекста — и все же служит основой для этих деформаций, которые в конечном счете, если это не специализированные ситуационно-закрепленные коммуникативные единицы — междометия, могут быть аналитически сведены к своим развернутым предложениям-праобразам» [там же: 44–45].

Таким образом, с точки зрения В. Г. Адмони, в основе практически любого минимального высказывания лежит предложение, которое «в принципе двусоставно и связь между его составами осуществляется прочным нерасторгаемым синтаксическим отношением, а именно предикативным» [там же: 42]. Нельзя не отметить определенную близость в этом пункте позиций В. Г. Адмони и В. В. Виноградова: подобно тому, как В. В. Виноградов считает предикативными образования вида «Внимание!», «Тише!», «Разве?», «Едва ли!», «Может быть!», В. Г. Адмони настаивает на том, что в основе любых, в том числе и таких, высказываний лежит предложение с присущей ему предикативностью.

Концепция В. Г. Адмони привлекает глубокой продуманностью основных положений, непротиворечивостью, внутренним единством и целостностью. Особенно ценным представляется, в частности, предложенное автором разграничение «разовых» и воспроизводимых высказываний, имеющее важное значение не только для общей теории высказывания, но и для лингвистической теории текста. Вместе с тем некоторые положения оставляют поле для дальнейших размышлений. Представляется дискуссионной интерпретация диалогического единства в качестве единого высказывания. В монографии не дано общего определения высказывания, однако материал, которым оперирует автор, является по преимуществу монологическим. Это естественно: ведь в общее представление о высказывании, из которого, как можно полагать, исходит В. Г. Адмони, включается и пред-

ставление о единстве *субъекта высказывания*. Но такое представление исключает трактовку диалогического единства как единого элементарного высказывания.

Побуждает к размышлениям утверждение автора о том, что в основе любого элементарного высказывания лежит предложение, пусть даже сильно деформированное, и что подобные высказывания «могут быть аналитически сведены к своим развернутым предложениям-праобразам». Слово *праобраз*, употребленное здесь В. Г. Адмони, позволяет думать, что автор в данном случае ставит проблему в диахроническом плане; такое предположение оправдывается и материалом всей книги, на протяжении которой автор систематически обращается к диахронии (см. в особенности гл. 1, 3, 4, 7–9). Если это предположение верно, то цитированное утверждение не вызывает никаких возражений. Но следует иметь в виду, что в синхронном плане дело обстоит иначе: высказывания типа «Внимание!», «Тише!», «Разве?», «Едва ли!», «Может быть!» и многие им подобные при своем порождении не опираются на грамматические модели предложения и, соответственно, не представляют собой деформированные предложения. Многие из них допускают варьирование лексического состава и многочисленных модальных оттенков, то есть не полностью воспроизводятся в качестве готовых речевых формул, а являются продуктом взаимосвязанных процессов производства и воспроизводства. Например, высказывание «Ну-у, друзья мои...» (с характерной интонацией недовольства, разочарования или обиды) допускает не только вариации в обращении (личное имя с уменьшительно-ласкательными суффиксами или без них, *ребята, ребятки, ребяташки, ребяташечки, брат, браток, братцы, господа хорошие, друг, дружок, приятель* и т. п.), в наличии или отсутствии притяжательного местоимения или прилагательного (*мой/мои, милый, любезный*), но и введение дополнительных частиц («Ну во-от, братцы...»). Воспроизводится в подобных случаях модель высказывания (в очерченном выше понимании), но видеть за этой моделью еще и грамматическую модель предложения, особенно двусоставного, в синхронном плане невозможно.

Значительный интерес представляет концепция В. Г. Гака²⁵. С одной стороны, автор утверждает: «Наиболее целесообразно, как нам представляется, использовать термин *высказывание* в понимании,

²⁵ Позиция, о которой идет речь, была сформулирована автором в работе «Высказывание и ситуация», опубликованной в 1973 г. в томе «Проблем структурной лингвистики» за 1972 г. Однако автор включил текст этой статьи в качестве главы

близком к определению Матезиуса и его последователей» [Гак 1998: 245]. Это должно означать, что автор принимает, соответственно, и противопоставление высказывания «как простейшего языкового проявления, связанного с определенной ситуацией», и предложения «как обычной типизированной грамматической формы этого проявления» [там же]. Однако, с другой стороны, в собственной трактовке высказывания ученый отстоит от Матезиуса и его последователей дальше, чем может показаться. В. Г. Гак предлагает понимать высказывание «как функциональную единицу, равновеликую предложению, но отличающуюся от последнего тем, что анализ этой единицы преследует цель не вскрыть ее общую абстрактную схему синтаксической организации, но показать, как она связана с ситуацией, какими средствами и как эта последняя описывается» [там же: 245–246]. Далее автор посвящает несколько страниц доказательству того, что высказывание следует рассматривать как языковой знак²⁶ и в то же время — как единицу и речи, и языка; ср.: «с точки зрения динамики языка — речи — <...> важнейшей единицей является высказывание, поскольку именно оно является коммуникативно значимым, имеет точный референт — ситуацию, — не представляющий собой результат условного языкового членения» [там же: 248]; «именно с точки зрения реального функционирования языка знаком в языке следует считать высказывание» [там же]; «мы полагаем... целесообразным относить высказывание к речи, как к сфере реализации языка в соприкосновении с ситуацией» [там же: 250, примеч. 4].

Определяя высказывание как «функциональную единицу, равновеликую предложению» и отличающуюся от последнего *целями ее анализа*, В. Г. Гак тем самым существенно изменяет характер противопоставления высказывания и предложения. В его трактовке это уже не явление и его сущность, соответственно (ср. ниже цитату из чехосло-

в книгу «Языковые преобразования» [Гак 1998: 243–263], и это позволяет думать, что позиция автора сохраняла актуальность до самого последнего времени.

²⁶ См. также статью автора «О двух типах знаков в языке (высказывание и слово)» [Гак 1998: 205–209]. Автор при этом исходит из «общего определения знака», что по отношению к *языковому* знаку представляется спорным, хотя сам автор утверждает: «Языковой знак не имеет... особой специфики по сравнению с другим знаком» [там же: 208]. Трактовка высказывания как языкового знака, по нашему мнению, не согласуется со следующим — справедливым — утверждением автора: «Высказывание обозначает конкретную ситуацию в определенный момент. Всякий раз оно заново организуется (хотя по одним и тем же принципам) и не закрепляется в языке» [там же: 259].

вачкой «Русской грамматики»), а две операциональные единицы, используемые для описания разных аспектов *одного и того же явления*. Видимо, именно по этой причине автор в дальнейшем причисляет высказывание к единицам и языка, и речи и присваивает высказыванию характеристики, присущие предложению — если последнее действительно понимать в духе В. Матезиуса и блестящей плеяды его последователей. В частности, в качестве «отличительных свойств высказывания» (в противоположность слову, но без упоминания о предложении) В. Г. Гак называет предикативность и модальность [там же: 247].

Не соглашаясь с В. Г. Гаком в отмеченных пунктах, подчеркнем, что пафос цитированной работы заключается, судя по всему, не столько в определении онтологического статуса высказывания, сколько в исследовании соотношенности высказывания с ситуацией («референтом высказывания является ситуация» [там же: 251]). В этом смысле самого пристального внимания заслуживают намеченная автором основа типологии ситуаций (ситуации-манифестации с преобладанием временной координации, ситуации-отношения с преобладанием пространственной координации и смешанные ситуации, в которых представлены оба типа координации [там же: 253]) и перечень «основных черт высказывания» с их развернутой характеристикой: ситуативность, избирательность, компрессия и избыточность, направленность, информативность, эфемерность, уровневая интеграция, внутренняя форма [там же: 257–263].

Понятие внутренней формы высказывания В. Г. Гак выводит из понятия внутренней формы языка, по В. Гумбольдту, уточняя последнее с опорой на концепцию установки Д. Н. Узнадзе: «Проблему внутренней формы и различия языков обычно рассматривали с точки зрения отдельного слова. Между тем, в силу того, что установка определяет целостный подход к построению фраз, следует говорить и о “внутренней форме” высказывания» [там же: 262]. От внутренней формы слова «внутренняя форма высказывания» отличается следующими особенностями: 1) высказывание «почти всегда мотивировано и, следовательно, обладает внутренней формой»; 2) она «подвижна, она заново создается в каждом новом акте коммуникации»; 3) она «обычно содержит указания на признаки ряда элементов ситуации и соотношения между ними» и отражает «а) отбор обозначаемых элементов ситуации; б) способ обозначения этих элементов; в) тип устанавливаемых отношений между ними» [там же]. Понятие внутренней формы высказывания, очевидно, не случайно венчает перечень его «основных черт»: ведь особенности «внутренней формы»,

по сути дела, охватывают большую часть этих черт, — и ситуативность (3), и избирательность (3а), и эфемерность (2), и информативность (1, 3а–в), и уровневую интеграцию (1), и направленность (3а–в); что же касается компрессии и избыточности, то это, в сущности, свойство любых языковых проявлений. Нельзя не отметить некоторую близость представления о «внутренней форме» высказывания с предлагаемым нами понятием модели высказывания: ведь модель высказывания — это «пучок признаков», а за понятием «внутренней формы» высказывания стоит представление о неразрывном единстве его признаков.

Вместе с тем наше представление о модели высказывания отличается от теории В. Г. Гака отрицанием положения о том, что высказывание является языковым (речевым?) знаком. Неотъемлемым свойством языкового знака является его регулярная воспроизводимость в единстве плана выражения и плана содержания. Высказывание, за исключением готовых речений, целиком воспроизводимых в речевой практике, этим признаком не обладает. Даже модель предложения, если признавать ее языковым знаком, воспроизводима не так, как воспроизводимо слово — несомненно, центральный и прототипический знак в столь сложной семиотической системе, каков язык. При воспроизведении слова возможны сдвиги в плане содержания (образование переносного значения), но план выражения остается неизменным²⁷, и это означает, что даже при наличии сдвигов в плане содержания последний также **воспроизводится** целиком, но с дополнительными наслоениями, которые обычно так или иначе индуцированы контекстом. При воспроизведении же модели предложения типичны и регулярны сдвиги не только в плане содержания, но и в плане выражения (модификации способа выражения компонентов предикативного центра, детерминация, характер распространения схемы), причем эти сдвиги обусловлены и друг другом, и особенностями референтной ситуации. Это означает, что при порождении высказывания параллельно и взаимосвязанно протекают процессы воспроизведения и производства. Высказывание — это минимальное речевое произведение, которое, как и любая манифе-

²⁷ Возможное варьирование плана выражения (*творѡг* — *твѡрог*, *калоша* — *галоша*) не сказывается на плане содержания и, следовательно, в данном случае может не учитываться. (Данное уточнение, вместе с примерами, принадлежит С. Н. Цейтлин, которую автор искренне благодарит за внимательное чтение работы и ценные замечания.)

стация языка, имеет знаковую природу, но само по себе не является языковым знаком. В речевой деятельности существуют как собственно языковые знаки, так и знаковые образования разной степени и разного характера воспроизводимости; некоторые из них в разной мере приближаются к прототипическому знаку — слову (и их, соответственно, можно именовать квазизнаками), — но превратиться в такой же прототипический знак эти «квазизнаки» могут только при условии их полного закрепления в лексико-фразеологической системе языка в качестве целиком воспроизводимых готовых речений, то есть при полном взаимном закреплении планов выражения и содержания. Думается, что представление о сосуществовании в речевой деятельности явлений, так сказать, разной степени «знаковости» продуктивнее, чем стремление обосновать собственно-знаковый статус все более крупных объектов — не только высказывания, но и текста.

Возвращаясь к традиции дифференцированного употребления терминов «предложение» и «высказывание», заметим, что эта традиция недостаточно устойчива. Это, естественно, ведет к путанице и неясности позиций. Вот фрагменты из работ известных и пользующихся заслуженным авторитетом исследователей: «Конститутивным свойством *предложения* является *предикативность*. <...> фундаментальное свойство языка — субъективность — локализуется в *высказывании* в виде его модуса — комплекса субъективных смыслов, грамматический минимум которых — *предикативность* — получает в нем *обязательное выражение*» [Белошапкова, Шмелева 1995: 147]. Судя по контексту, речь идет не о любом высказывании, а только о таком, которое обеспечено грамматической моделью предложения, однако авторы этого не оговаривают. Еще пример: «Предикативное значение — одно из важнейших в грамматической системе русского языка; это категориальное значение *предложения*. Оформление *высказывания* невозможно без выражения предикативного значения с помощью специализированных показателей» [Лекант 1995: 165; курсив в обеих цитатах мой. — М. Д.].

Впрочем, в этом положении дел нет ничего удивительного. Термин «предложение» настолько старше, привычнее и понятнее, что многозначный термин «высказывание» не может ему не уступать. В высшей степени показательно, что авторы чехословацкой «Русской грамматики» (цитируемый раздел написан Е. Беличовой-Кржижковой), введя теоретические понятия предложения и высказывания, далее говорят: «Последовательное терминологическое разграничение предложения как сущности и высказывания как проявления сущности,

т. е. как явления, в лингвистической литературе не всегда имеет место, чаще всего термин “предложение” употребляется недифференцированно как в первом, так и во <втором> значении. Этой традиции следует описание синтаксиса в настоящей книге» (!) [Русская грамматика 1979: 668].

Не менее показательно в этом же смысле решение, к которому приходит В. А. Звегинцев в своей известной монографии: отказываясь от терминологического противопоставления предложения и высказывания (в этом случае, по его мнению, неоправданно лишаются статуса предложения случаи типа *С добрым утром!* или *Пожалуйста*), он называет предложениями то, что в указанной выше традиции именуется как раз высказываниями, и считает их, соответственно, единицами речи, а единицу языка — предложение как пример или как модель (и то и другое оторвано от реальной конкретной ситуации общения) — называет «псевдопредложением» [Звегинцев 1976: 176–186]. Ср. также точку зрения И. П. Сусова: «большинство лингвистов пользуются этим термином [“предложение”. — *М. Д.*] недифференцированно. Думается, что в этом нет особой беды. В случае необходимости можно говорить о предложении в широком смысле, или предложении на коммуникативном уровне, имея в виду высказывание, и о предложении в узком смысле, или предложении на синтаксическом уровне, синтаксическом предложении, имея в виду абстрактную формулу» [Сусов 1975: 62; рядка автора].

Так или иначе, если мы принимаем разграничение высказывания и предложения в качестве плодотворного принципа, мы оказываемся перед необходимостью заново осмыслить понятие предикативности и его соотношение с понятием коммуникативности. Эта необходимость подкрепляется и продемонстрированными колебаниями в использовании терминов «высказывание» и «предложение», и, как кажется, стоящей за этими колебаниями недостаточной определенностью теоретических представлений.

2.3. Коммуникативная функция и коммуникативность

Ведущий признак высказывания — коммуникативность. Это очевидно²⁸, но констатация эта малоинформативна, поскольку при-

²⁸ Впрочем, это очевидно только с позиций оговоренного выше понимания высказывания. В. Г. Гак ведущей функцией высказывания считает номинативную: «Более точно было бы видеть во всех аспектах структуры высказывания номина-

знак коммуникативности приписывается всем высказываниям без раскрытия его сущности. Под этим признаком обычно понимается, собственно, коммуникативная функция, или, как уточняет Н. Ю. Шведова, функция сообщения.

Понятие коммуникативной функции высказывания, как очевидно, производно от понятия коммуникативной функции языка (или, в иной трактовке, речи). Однако и понятие коммуникативной функции языка — видимо, в силу кажущейся прозрачности — чаще всего толкуется недостаточно отчетливо. Ю. В. Рождественский, например, раскрывает это понятие следующим образом: «Коммуникативная функция языка есть такой способ рассмотрения акта речи, при котором исследуются основные социальные условия осуществления речевого акта. Поскольку при этом изучаются внутренние признаки произведений словесности, эти условия сводятся к установлению общего для обоих участников акта коммуникации знания языковых форм и значений» [Рождественский 2000: 103]; «использование говорящим слов и выражений, понятных слушающему, и адекватное распознавание языковой формы этого высказывания слушающим называют реализацией коммуникативной функции речи» [там же: 62]. Приведенные формулировки не лишены парадоксальности: в первой из них, в частности, *функция языка* трактуется как «способ рассмотрения акта речи», то есть явление подводится под способ его постижения. Однако, несмотря на эту парадоксальность, мысль автора ясна: если коммуникативная функция языка/речи реализуется тогда, когда языковые компетенции говорящего и слушающего совпадают (допустим, хотя бы применительно к данному конкретному высказыванию), то второе является условием первого. Однако сущность коммуникативной функции, по-видимому, не может быть сведена к условию ее реализации. Характерно в этом смысле следующее суждение Ю. В. Рождественского: «Что касается коммуникативной функции языка, которая предполагает равенство обоих участников коммуникации, то она не может объяснить, ради каких целей и как осуществляется акт коммуникации...» [там же: 103].

В. И. Кодухов, осмысливая предложение как коммуникативную единицу, разграничил «три понимания коммуникации — логико-психологическое, ситуативное и информативное (когнитивное)» [Кодухов 1975: 34]. Первое «состоит в том, что коммуникацию

тивную функцию, различая внутри нее денотативную и коммуникативно-модальную» [Гак 1998: 252].

понимают как отношение языковой единицы к форме мышления — суждению» [там же]. Автор различает три разновидности этого подхода. Формально-логическая разновидность прямо соотносит предложение с суждением. Психологическая разновидность заменяет термин *суждение* термином *психологическое суждение*; коммуникация в этом случае, согласно формулировке А. А. Шахматова, оказывается «сочетанием в мышлении представлений, приведенных говорящим в предикативную связь» [там же]. Третью разновидность логико-психологического понимания коммуникации В. И. Кодухов видит в теории актуального членения: в этом случае, по его мнению, «связь предложения и суждения усматривается <...> в актуализации формально-логических свойств предложения, в актуальном членении предложения» [там же: 34–35]. Второе понимание — ситуативное — «опирается на учение о самом акте общения» и «чаще истолковывается психолингвистически. Предложение рассматривается как составной компонент ситуации речи» [там же: 35]. Третье понимание коммуникации «состоит в том, что она понимается как формирование и выражение конкретной мысли, как передача самого содержания информации, а не ее языковой и логической формы» [там же: 36]. Подводя итог этому обзору, В. И. Кодухов заключает: «предложение как коммуникативная единица обладает таким существенным для него свойством, которое дает ему возможность мобилизовать языковое содержание для передачи внеязыкового конкретного содержания в понятных формах мышления и обычных формах общения. Поэтому только логический, ситуативный и конкретно-содержательный признаки, вместе взятые, характеризуют предложение как коммуникативную единицу» [там же: 36–37].

Анализ, предпринятый В. И. Кодуховым, был нацелен на выявление наиболее существенных для интерпретации предложения аспектов его устройства (ср. название цитированной статьи): выделение трех подходов к пониманию коммуникативной сущности предложения оказалось удобным для того, чтобы вывести из них аспекты организации предложения и их изучения. Например, второй подход, рассматривающий предложение как «компонент ситуации речи», ведет к изучению форм и типов речи; при этом «диалогические формы речи признаются основными», а «категория лица и связанные с ней единицы языка и формы, почти не существенные и иногда вовсе исключаемые при формально-логическом понимании коммуникации, при ситуативном понимании коммуникации становятся необходимыми и важными» [там же: 35]. Однако даже сумма «признаков предложения

как коммуникативной единицы» не может рассматриваться в качестве сущности коммуникативности как свойства, позволяющего высказыванию успешно осуществить свое предназначение. Эти признаки представляют собой *условия коммуникативности*, причем, вероятно, не всегда в равной мере обязательные и способные к многообразным комбинациям в зависимости от реальных условий функционирования высказывания-предложения. Поэтому, когда автору по стилистическим соображениям потребовалась перифраза, он прибегает к испытанной формуле: «сама по себе структура предложения не является *единицей сообщения*: сообщение может быть передано только при помощи взаимодействия коммуникативных и номинативных средств языка» [там же: 39; курсив мой. — М. Д.]. Показательна и осторожная формулировка в конце статьи: «коммуникативная функция *связана* с формами мысли, условиями общения и передаваемой информацией» [там же: 40; курсив мой. — М. Д.].

Таким образом, обзор существующих пониманий коммуникации как таковой не приводит к чему-либо принципиально отличному от привычного отождествления коммуникативности и способности быть единицей сообщения. То же представление обнаруживаем, например, и в определении, которое И. П. Сусов дает «предложению на коммуникативном уровне», то есть высказыванию: «Предложением на коммуникативном уровне можно считать структуру, которая в формальном плане обладает оформленностью вообще, без дальнейшей ее конкретизации, а в семантическом плане является сообщением о какой-либо ситуации, имеющей место в действительности или конструируемой мыслительно» [Сусов 1975: 68]; и в перечислении признаков предложения-высказывания у Ю. М. Скребнева: «...оно является средством передачи сообщения, т. е. обладает коммуникативностью» [Скребнев 1975: 116]. Примеры можно было бы умножить.

По-видимому, для того чтобы проникнуть в сущность качества коммуникативности, то есть понять, что же обеспечивает высказыванию способность реализовать коммуникативную функцию, целесообразно использовать отрицательный языковой материал — в данном случае примеры высказываний, по какой-либо причине не реализующих свою коммуникативную функцию. Значительное количество примеров такого рода накоплено в исследованиях по речевой конфликтологии, в которых эти явления часто именуются коммуникативными неудачами.

Уточним, что под коммуникативной функцией высказывания здесь, в соответствии с традицией, подразумевается собственно

функция сообщения, или вопроса, или побуждения. Эту функцию можно считать реализованной в том случае, если содержание высказывания адекватно воспринято, понято адресатом в полном объеме. Коммуникативные намерения говорящего и их реализацию следует отличать от прагматических намерений; соответственно, нельзя смешивать коммуникативную и прагматическую функции высказывания. В работах по прагматике (а еще чаще — в университетских аудиториях) регулярно приводятся примеры типа: 1) — *Закрой окно. — Сама и закрой...*; 2) — *Мне кажется, становится прохладно... — Ну, если тебе прохладно, то закрой окно...* В обоих диалогических парах перлокутивный эффект, программируемый иллокутивной силой первых реплик, не достигнут, то есть не реализована их *прагматическая* функция; но это вовсе не означает, что не выполнена *коммуникативная* функция первых высказываний: напротив, их содержание понято адресатами адекватно и полно, о чем содержание вторых реплик свидетельствует недвусмысленно²⁹. Строго говоря, прагматическую функцию следует закрепить не за высказыванием (и тем более не за предложением), а за речевым актом (ср. работу [Вахтель, Голицына 2001]).

Уточним также, что нас не будут интересовать примеры, в которых высказывание адресанта не реализует коммуникативную функцию из-за явного несовпадения языковой компетенции говорящего и слушающего (употребление не известной адресату лексической единицы, использование по-разному оцениваемого стилистически окрашенного средства, неадекватное построение синтаксической конструкции и т. п.). При отборе всех приводимых ниже примеров в качестве обязательного условия выступало полное и адекватное понимание адресатом вещественного содержания высказывания адресанта.

Итак, среди множества разновидностей коммуникативных неудач (см., например, [Аспекты... 1996]) особое место занимают ситуации непонимания, которые строятся по схеме:

[Реплика-высказывание 1] — [Реплика-высказывание 2 — вопрос о соотносительности высказывания 1 с данной ситуацией].

Стандартными реализациями реплики 2 являются вопросительные высказывания либо модального типа («К чему ты это говоришь?», «Почему ты говоришь это мне?», «Зачем ты мне об этом говоришь?»), либо диктального типа («Что вы имеете в виду?», см. также ниже:

²⁹ Мыслью написать этот абзац я обязан Е. А. Быстрике, которую, пользуясь случаем, искренне благодарю.

«Какая свадьба?» и т. п.). В простейших случаях подобные диалогические единства имеют место, когда второму участнику коммуникации реплика 1 кажется неожиданной, так как неясна ее соотнесенность с самой ситуацией общения: ее обстоятельствами, участниками, предметом разговора (при том, подчеркнем, что собственно предметное содержание этой реплики ему понятно). Рассмотрим в качестве примеров два диалогических единства из «Горя от ума» А. С. Грибоедова:

(I) Фамусов. <...> Скажи, тебе понравилась она (София. — М. Д.)? / Обрыскал свет; не хочешь ли жениться? Чацкий. А вам на что? (д. II, явл. 2).

Чацкому, в этот момент поглощенному мыслями о Софии, непонятно не то, что говорит Фамусов, но то, почему именно Фамусов его об этом спрашивает, то есть неясна соотнесенность содержания реплики говорящего с фигурой самого говорящего. Заметим, что Фамусову хватает чувства юмора оценить рассеянность Чацкого, ответить на его невежливый вопрос спокойно и прямо, с мягкой ироничной литотой («Меня не худо бы спроситься, Ведь я ей несколько сродни...») — и коммуникативное недоразумение разрешено: к Чацкому возвращается способность ориентироваться в ситуации, и в следующей реплике он не только отвечает на исходный вопрос Фамусова (хотя в предположительной модальности), но даже подчеркивает свой интерес именно к его мнению («Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?»)³⁰.

(II) Лиза. А вам, искателям невест, / Не нежиться и не зевать бы; / Пригож и мил, кто недоест / И недоспит до свадьбы. Молчалин. Какая свадьба? с кем? (д. IV, явл. 12).

Сходным образом, Молчалину вполне понятен смысл реплики Лизы, но, так сказать, в отвлеченном плане; ему совершенно неясно, какое отношение эта реплика имеет непосредственно к нему — второму участнику диалога, — поскольку ни о какой свадьбе он не

³⁰ Еще более выразительный пример неясной для адресата соотнесенности высказывания адресанта с самим адресантом — знаменитая телеграмма, полученная Поплавским в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: «*Меня только что резало трамваем на Патриарших. Похороны пятницу, три часа дня. Приезжай. Берлиоз*». В этом случае адресат обеспечивает удовлетворяющее его понимание рассуждением: «Очень просто. Произошла ошибка, и депешу передали исковерканной. Слово “меня”, без сомнения, попало сюда из другой телеграммы, вместо слова “Берлиоза”, которое приняло вид “Берлиоз” и попало в конец телеграммы. С такой поправкой смысл телеграммы становился ясен...».

помышляет и руки Софии не «ищет». Таким образом, высказывание Лизы — заметим, вполне дееспособное — не достигает цели.

Близкую ситуацию описывает Р. Киреев в романе «Подготовительная тетрадь»:

(III) Свечкин мыслил.

— Как было бы хорошо, — произнес он, напряженно усмехнувшись, — если бы все на земле думали только о хольнителях и пуговицах.

Сигарета замерла в моей руке. **Что подразумевал Свечкин? Я прямо спросил его об этом**, и он, помедлив, ответил (полужирный шрифт мой. — М. Д.).

Здесь второму участнику коммуникации неясно, как соотносится высказывание Свечкина с предметом разговора — центральным компонентом акта общения — и его участниками.

Еще один пример (нумерация реплик здесь и в последующих примерах моя. — М. Д.):

(III.I) — Пошли, — сказал Домарошнинер. — Но я констатирую, что вы не ответили ни на один мой вопрос. Вы меня очень огорчаете, Перец. Разве так можно? — Он посмотрел на большой блокнот и, пожав плечами, сунул его под мышку. — Странно даже. Решительно никаких впечатлений, я уже не говорю об информации. Сплошная неясность.

(1) — Так а что отвечать? — сказал Перец. — Просто мне нужно было здесь поговорить с директором.

Домарошнинер замер, словно застряв в кустах.

(2) — **Ах, вот как это у вас делается**, — сказал он изменившимся голосом.

(3) — Что делается? Ничего не делается...

(4) — **Нет-нет**, — шепотом сказал Домарошнинер, озираясь. — **Молчите и молчите. Не надо никаких слов. Я уже понял. Вы были правы.**

(5) — Что вы поняли? В чем это я прав?

(6) — Нет-нет, я ничего не понял. Не понял — и все. Вы можете быть совершенно спокойны. Не понял и не понял. И вообще я здесь не был и вас не видел. Я, если хотите знать, все утро просидел на этой скамеечке. Очень многие могут подтвердить. Я поговорю, я попрошу... (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Улитка на склоне)

Реплика Переца (1) заставляет Домарошнинера резко изменить свою позицию по отношению к собеседнику. До этого он, состоящий в «группе Искоренения», чувствовал себя в разговоре с Перцем хозяином положения и вел беседу в слишком хорошо знакомом

стиле: «...На вашем месте я бы прямо рассказал мне все. И все расставил бы на свои места. Откуда вы знаете, может быть, есть смягчающие обстоятельства и вам в конечном счете ничто не грозит. А, Перец?» и т. д. Теперь этот образцовый функционер так же убежден в существовании неведомой ему связи между Перцем и директором — и, следовательно, в своем непростительном служебном промахе, — как до реплики (1) был убежден в пока неведомой, но несомненной виновности Переца. Реплика (2) означает *‘вот каким образом происходят ваши негласные встречи с директором’*, причем местоимением *у вас* Домарошнинер объединяет своего собеседника и директора в единое целое; реплика (4) означает *‘я понял мотивы вашего скрытного поведения, и вы были правы, не отвечая на мои вопросы, а я, наоборот, не имел права их задавать’*. Реплики же (3) и (5) свидетельствуют об искреннем недоумении Переца, которого на самом деле с директором ничто не связывает и который в предшествующем разговоре ничего не утверждал. «Сверхпонимание» и мнительность трусливого Домарошнинера, таким образом, ведут его к столь резкому изменению своей позиции, что смысл его реплик (2) и (4), и прежде всего их соотносительность с предметом разговора и позициями коммуникантов друг относительно друга, оказывается для собеседника неясным.

Приведем в качестве дополнительной иллюстрации фрагмент расшифрованной магнитофонной записи реального бытового диалога коммуникантов М. и ВВ. (оба рабочие; М. — 27 лет, студент заочного отделения филологического факультета, ВВ. — 46 лет, образование среднее специальное; разговор происходит в нерабочее время в подсобном помещении завода; ВВ. занят ремонтом спидометра автомобиля, М. время от времени ему помогает и ведет фатический диалог, одна из сквозных тем которого — правильность речи; ВВ. к этой проблеме относится скептически. По классификации Н. Д. Арутюновой, это в основном диалог-5, то есть праздноречевая деятельность, в ее эмоциональной и артистической разновидностях, с ярко выраженными элементами диалога-3 («обмен мнениями с целью принятия решения или установления истины»)) и диалога-4 («установление или регулирование межличностных отношений»)) [Арутюнова 1999: 650–652]. Сохранена нотация источника³¹, полужирный шрифт мой. — М. Д.):

³¹ Текстотека кафедры риторики и стилистики русского языка Уральского государственного университета.

(III.П) М. Да конечно / откуда мне знать / я не обладаю под руками какой-то справочной литературой / не смогу объяснить конечно там что-то // ВВ. Ну не сволочь / вот и все // М. Конечно / откуда мне что знать // ВВ. Понял // М. Ну значит понял / о! / сразу понял / я что не понял? ВВ. Как хочу так и говорю // М. Ну как хочу / ну я понимаю / **каждый хочет / или хотит?** ВВ. Что хочет? / ты договаривай // М. Или хотит? ВВ. Что ты хочешь сказать? М. Ну ты сам знаешь // ВВ. Нет я не знаю // М. Каждый хочет // ВВ. Ну что хочет? / ну что хочет? М. Я забыл как там // ВВ. Ну что? / что хочет? М. Ну любимое твое занятие-то // ВВ. Какое мое любимое занятие? / а? // М. Ерундой заниматься // ВВ. Какой ерундой? М. Слушай / ты меня уже достал / что ты ко мне привязался а?

Как видно из развития диалога после выделенной реплики, ВВ. не понял смысла вопроса о правильном образовании формы глагола *хотеть*, поэтому, для того чтобы соотнести этот вопрос с предметом разговора и его участниками, ему требуется дополнение (ср. следующую за выделенной реплику).

Сходный пример разбирает Ю. В. Рождественский, размышляя о коммуникативной функции речи: «Например, преподаватель, войдя в класс, видит запачканную классную доску и произносит с возмущением: “*Дежурный, что это?*” Дежурный отвечает: “*А что это?*” — **как бы недоумевая, о чем вопрос.** Экспрессивная функция высказываний различна: преподаватель возмущен тем, что доска не вытерта; дежурный успокаивает: “У нас все в порядке, стоит ли волноваться?” Оценочная функция высказываний также различна. Дежурный: “Вот пристал, что особенного, забыли стереть!..”; преподаватель: “Хулиган, еще передразнивает!”» [Рождественский 2000: 62]. Здесь дежурный демагогически имитирует непонимание (ср. выделенный мною комментарий автора. — М. Д.), используя типичный вариант диалога с переспросом, нацеленным на «исправление» коммуникативной неудачи.

Несколько более сложный вариант такой ситуации описывает И. С. Тургенев в хрестоматийно известной сцене спора Базарова и Павла Петровича Кирсанова:

(IV) — Позвольте вас спросить, — начал Павел Петрович, и губы его задрожали, — по вашим понятиям слова «дрянь» и «аристократ» одно и то же означают? <...> Вспомните, милостивый государь, <...> английских аристократов. Они не уступают иоты от прав своих, и потому они уважают права других; они требуют исполнения обязанностей в отношении к ним, и потому они сами

исполняют *свои* обязанности. Аристократия дала свободу Англии и поддерживает ее.

— Слышали мы эту песню много раз, — возразил Базаров, — но что вы хотите этим доказать? («Отцы и дети», X).

Здесь стандартный вариант развития диалога используется Базаровым с откровенным прагматическим расчетом: делая вид, что не понимает, какое отношение имеют к предмету разговора *английские* аристократы (разговор об аристократии начался, напомним, с пренебрежительного отзыва Базарова об одном из соседей Кирсановых), он вынуждает оппонента прямо сформулировать выдвигаемый тезис, что, безусловно, труднее ссылки на прецедент, к которой прибег Павел Петрович в своем монологе; в результате волнение Кирсанова усиливается, тем более что предполагаемая им убедительность аргумента уже дезавуирована Базаровым («Слышали мы эту песню...»).

Еще более сложный случай, сочетающий пример сознательного использования все той же диалогической схемы в демагогических целях и пример ее стандартной реализации, обнаруживаем в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова:

(V) Только тогда бедный страстный юнкер заметил мое присутствие.

(1) — Ты видел? — сказал он, крепко пожимая мне руку. — Это просто ангел!

(2) — Отчего? — спросил я с видом чистейшего простодушия.

(3) — Разве ты не видал?

— Нет, видел: она подняла твой стакан. Если б был тут сторож, то он сделал бы то же самое, и еще поспешнее, надеясь получить на водку. Впрочем, очень понятно, что ей стало тебя жалко: ты сделал такую ужасную гримасу, когда ступил на простреленную ногу...

— И ты не был несколько тронут, глядя на нее в эту минуту, когда душа сияла на лице ее?..

— Нет.

Я лгал; но мне хотелось его побесить («Княжна Мери», 11-го мая).

Печорин, как видно из ремарки к реплике (2), лишь делает вид, что ему неясно, отчего Грушницкий назвал княжну Мери ангелом (1); его прагматические намерения вполне раскрываются в последующем изложении. Однако Грушницкий в реплике (3) выражает искреннее непонимание; ему непонятно, как можно, будучи свидетелем гуманного поступка княжны, спрашивать, отчего она «ангел». Отсюда и его вопрос, нацеленный на выяснение тождества / различия пространственно-временной локализации обоих партнеров в ближайшем прошлом и, как следствие, владения / невладения предметом разговора.

Во всех приведенных примерах коммуникативные неудачи вызваны тем, что коммуникативная функция вполне дееспособных, грамматически правильных и т. д. высказываний не реализована или реализована неполно — по причине неясной для собеседника соотносительности предметного содержания высказывания (или даже его отвлеченного смысла) с данной конкретной коммуникативной ситуацией.

Из сказанного можно сделать вывод, что **способность реализовать коммуникативную функцию сообщается высказыванию его соотносительностью с данным коммуникативным актом**. Ни наличие предикативной структуры, ни интонационная оформленность, ни актуальное членение и прочие признаки высказывания сами по себе еще не гарантируют ему заведомого выполнения коммуникативной функции, для реализации которой оно предназначено. Такую гарантию может дать только ясная для адресата соотносительность высказывания с коммуникативным актом, именно — с его базовыми компонентами: *ego*, *tu*, *hic et nunc*, — а также с предметом разговора. В примерах (I–III. II) мы как раз и видели неясную для адресата первой реплики ее соотносительность с *ego* адресанта (I), с *tu* адресанта³² (II), с тем и другим и с предметом разговора (III–III. II).

Каким же образом осуществляется эта соотносительность, если даже правильно оформленная предикативная конструкция, как выясняется, не может ее гарантировать? Выдвинем следующую гипотезу.

Человеческая коммуникация опирается на фундаментальную презумпцию: если некто здесь и сейчас сообщает мне нечто, то это сообщение имеет непосредственное, прямое отношение ко мне, к нему, к нашему с ним общему положению во времени и пространстве, к тому, что нас с ним, помимо общей локализации во времени и пространстве, в данный момент связывает (например, к предмету разговора). Эта презумпция представляет собой инвариант, лежащий в основе огромного множества вариантов коммуникативных актов. На этот инвариант, в частности, опираются коммуниканты, использующие указанную презумпцию в демагогических целях (примеры IV–V). Именно эту презумпцию раньше всего усваивает ребенок через так называемый инпут — речевую продукцию матери и других близких, адресованную ему (ср. типичные высказывания инпута, в которых указанная прямая соотносительность очевидна: «Вот

³² Если считать исходя из позиции адресанта первой реплики, его адресат для него — *tu*.

и папа пришел!»³³, «Собачка делает ав-ав», «Машенька очень хочет кашки», «Вот Машенька ест кашку», «Машенька молодец», «Что машинка делает? Машинка едет», «Мишка упал, ему больно» и т. п.). И. Н. Горелов, характеризуя первую стадию интеллектуально-речевого онтогенеза (стадия «сенсомоторного мышления», возраст до 2-х лет), предлагает именовать эту стадию «преимущественно рецептивно-репродуктивной» и подчеркивает, что в этом возрасте «дети почти не говорят вне ситуации, да и рецепция обращенной к ним речи успешно осуществляется также в типичной ситуации. Доказательством этому служит, например, тот факт, что, разговаривая по телефону, дети, как правило, не могут отвечать на хорошо знакомые им вопросы, выполнять просьбы, которые легко понимаются и выполняются ими в ситуации непосредственного общения» [Горелов 2003: 22–23].

Сходные представления обнаруживаем в учении Карла Бюлера об указательном поле языка. В книге «Теория языка», в параграфах, посвященных проблеме предложения, К. Бюлер неоднократно высказывает мысль о том, что наиболее древним является тип ситуативно зависимого предложения, которое, в силу неразрывной привязанности к ситуации общения, не нуждается в категориях, имеющих дейктическую природу. С этой точки зрения развитие синтаксических систем индоевропейских языков предстает как процесс освобождения предложения от ситуативной зависимости: «...потребность в освобождении репрезентативного содержания речи от актуального указательного поля возникает в *нарративной* (курсив автора. — М. Д.) речи. Одноклассные системы дейктических призывов можно считать первым этапом великого процесса эволюции человеческого языка. Но в дальнейшем однажды появилась потребность включить отсутствующее, то есть освободить высказывание от ситуативной зависимости. В языке, на котором мы говорим, даны средства такого освобождения для двух основных случаев. Высвобождение языкового

³³ Заметим, что грамматическое значение прошедшего времени здесь несколько не мешает соотносительности высказывания именно с актуальным настоящим, поскольку форма прошедшего времени здесь имеет перфектное значение, близкое к англ. Present Perfect. Данное высказывание может иметь двойную адресованность, особенно в устах матери (она комментирует ребенку наблюдаемое им событие и одновременно выражает радость по поводу прихода мужа), но доминирует первая адресованность, т. к. мать использует номинацию *папа*, то есть описывает ситуацию с позиций ребенка — так же, как и в дальнейших примерах (см., в частности, характерные диминутивы *собачка*, *Машенька*, *машинка*).

высказывания из указательного поля наглядной демонстрации в нашем собственном языке начинается или в локально-темпоральной сфере, когда вводится специальный назывной знак, замещающий первоначально не оформленный (по причине ситуативной определенности) *здесь-сейчас*-дейксис... или с первоначально также не оформленного (опять же по причине ситуативной заданности) *Я*-дейксиса (глагольное предложение)» [Бюлер 1993: 348]. Полностью солидарен с К. Бюлером в этом пункте и В. Г. Адмони: «...для развития человечества значение внеситуационного предложения невозможно переоценить. Только в его рамках оказались возможными создание подлинно обобщенных высказываний, развитие теоретической мысли человека, возникновение науки во всех ее видах» [Адмони 1994: 48]³⁴. Полагаем, что концепция К. Бюлера может служить надежным фундаментом для предположения о «презумпции отнесенности», лежащей в основе любого коммуникативного акта.

В работах по прагматике неоднократно обсуждался ставший уже хрестоматийным пример из широко известной сказки о мальчишке-шутнике, который несколько раз криками «Пожар!» обманывал односельчан, сбегавшихся к нему на помощь, а впоследствии остался без помощи, когда случился настоящий пожар. Этот пример использовался для подкрепления тезиса о презумпции истинности, лежащей в основе коммуникации. Однако очевидно, что он может служить не менее убедительным доказательством существования «презумпции отнесенности»: ведь соседи сбегались на помощь мнимому погорельцу не только потому, что принимали его высказывание за истинное, но и — прежде всего — потому, что воспринимали его как сообщение о том, что имеет место здесь, сейчас и прямо относится по меньшей мере к одному из односельчан (а следовательно, и ко всем остальным).

Пример противоположного, в определенном смысле, свойства обнаруживаем в своеобразном эксперименте, который описывают И. Ильф и Е. Петров в романе «Золотой теленок». Остап Бендер отправляет подпольному миллионеру Корейко телеграмму: «Графиня изменившимся лицом бежит пруду». Подписи нет; никаких признаков отнесенности содержания телеграммы к данному адресату, даже

³⁴ В. Г. Адмони возражает К. Бюлеру только по поводу «нарративной речи», считая, что она не могла служить средой, в которой возникает потребность освободить высказывание от ситуативной зависимости, так как «сама возможность существования возникает лишь тогда, когда у человека появляется способность создавать предложения, не прикрепленные к ситуации» [Адмони 1994: 31].

косвенных, тоже нет — за исключением того, что она адресована Корейко. Но этого оказывается достаточно для того, чтобы последний задумался над смыслом... — которого нет, как и в случае с телеграммой «Грузите апельсины бочками».

Отвлечемся от Корейко и представим себе, скажем, кошку, которая отдыхает (но не спит). Раздается некий звук — кошка внимательно прислушивается, пытаясь локализовать и идентифицировать его источник. Зачем? Очевидно, чтобы не пропустить опасность или нечто важное. Она не знает, имеет ли этот звук какую-либо связь с чем-либо опасным для нее или съедобным, является ли он сигналом чьих-либо намерений в отношении нее, и она не успокоится, пока не оценит раздражитель с этих позиций. Поведение животного диктуется инстинктами (прежде всего инстинктом самосохранения), действие инстинкта включается первой сигнальной системой.

Остроумие эксперимента Бендера можно видеть в том, что, используя код **второй** сигнальной системы (то есть правильное языковое высказывание), он прямо апеллирует к сфере, которая изначально обслуживается **первой** сигнальной системой адресата, минуя вторую, то есть апеллирует к инстинкту самосохранения³⁵. Логика Корейко ничем не отличается от логики любого другого человека: если это адресовано мне, значит, это имеет ко мне какое-то отношение, — то есть Корейко исходит из «презумпции отнесенности», которая, как можно предположить, генетически связана с одним из базовых инстинктов³⁶. Но поскольку смысла нет, постольку расшифровать его Корейко не удастся. Коммуникативная функция высказывания о графике не реализована и не могла быть реализована, так как отправитель и не вкладывал в него никакой коммуникативной функции: он послал подпольному миллионеру, так сказать, *коммуникативный ноль* (однако с ненулевым экспонентом!)³⁷. Тем большее беспокойство испытывает получатель — на что и рассчитывал Бендер.

³⁵ В то время как обычно противоположное: использование первой сигнальной системы и, соответственно, неязыковых знаков в качестве эквивалентов языковых сообщений, воспринимаемых второй сигнальной системой (например, цветок в окне как знак провала конспиративной квартиры).

³⁶ Данное предположение не должно казаться совершенно невероятным. Интереснейшие размышления о глубинных связях базовых инстинктов животных и константах человеческого поведения, в том числе и речевого, с опорой на исследования лауреата Нобелевской премии К. Лоренца, см. в [Формановская 2003].

³⁷ Это утверждение может быть оспорено на том основании, что телеграммы Бендера своим содержанием должны были вызвать у Корейко смутные, но тре-

Не требуется, впрочем, особой проницательности, чтобы увидеть, что «презумпция отнесенности» имеет прямое отношение и к прагматике. Точнее, она имеет столь же грамматическую, сколь и прагматическую природу. В самом деле: отношение последовательности языковых знаков к участникам коммуникации и парное ему обратное отношение, согласно классическим определениям, составляют предмет прагматики; вместе с тем отношение той же последовательности к актуальному настоящему представляет собой один из классических вопросов грамматики; отношение высказывания к предмету разговора, то есть к содержанию предыдущих высказываний, изучалось риторикой, стилистикой, грамматикой текста и др. Другими словами, коммуникативность есть то качество высказывания, которое органично соединяет в себе как прагматические, так и грамматические его аспекты.

Глубинная связь прагматики и грамматики — мысль не новая: сошлемся хотя бы на замечательную работу [Бергельсон, Кибрик 1981]. Однако выдвигаемый нами тезис, как кажется, вносит новый акцент в постановку этой проблемы. Если в указанной работе авторы ставят во главу угла «прагматический принцип Приоритета» и интерпретируют грамматические механизмы как продукты кристаллизации этого принципа в словесных образцах, то в нашем случае речь идет об органичном слиянии прагматики и грамматики высказывания

возные ассоциации и мысли (*изменившимся лицом... к пруду... топиться? грустите бочками... чего от меня хотят? кто?* и т. п.), то есть, по замыслу отправителя, произвести впечатление (мнимой) многозначительности. Действительно, Бендер не мог отправить Корейко абсолютно произвольный текст: если бы это была традиционная телеграмма (*Тетя приезжает пятницу трехчасовым московским*), адресат счел бы ее результатом почтовой ошибки и не обратил бы на нее внимания; если бы это была фраза, вызывающая более приятные ассоциации (*Графиня торжествующим лицом входит залу*), эффект тоже был бы слабее желаемого. Однако это лишь сопутствующий фактор, которым Бендер и пользуется попутно; решающую роль играет все-таки факт последовательного отправления одному и тому же адресату бессмысленных телеграмм. Первая телеграмма адресата озадачила, но в конце концов он успокаивает себя тем, что это «какая-то ошибка». После получения второй телеграммы Корейко встревожен не на шутку, так как «списать» и ее на почтовую ошибку уже невозможно. Полное отсутствие смысловой связи между первой и второй телеграммами подтверждает нашу интерпретацию этих высказываний как «коммуникативных нулей». Подлинной коммуникативной функцией в данном случае обладает упомянутый **факт последовательного отправления** адресату бессмысленных телеграмм, то есть **ряд действий**, включающих в себя речевые высказывания; но это не равносильно наличию коммуникативной функции у самих этих высказываний.

в его важнейшем качестве, которое, собственно, и делает его высказыванием, — в коммуникативности.

Таким образом, **именно наличие соотнесенности с актуальным временем-пространством, участниками и предметом данного акта общения** обеспечивает высказыванию социально значимую коммуникативную функцию, является важнейшим и фундаментальным условием ее реализации. Вторая же составляющая, без учета которой определение коммуникативности невозможно, — это интенция говорящего, его намерение сообщить собеседнику нечто, побудить его к чему-л. и т. п. Очевидно, что без этой интенции никакая коммуникация невозможна. Исходя из сказанного, **под коммуникативностью целесообразно понимать интенционально обусловленную соотнесенность содержания высказывания с базовыми параметрами данной ситуации общения.**

2.4. Соотношение коммуникативности и предикативности

В свою очередь, соотнесенность с данным коммуникативным актом есть первичное условие более широкой соотнесенности высказывания с действительностью.

Представляется целесообразным различать соотнесенность содержания высказывания с действительностью (эта соотнесенность более широка, так как включает, по меньшей мере, разные модальные, временные и пространственные планы) — и с данным коммуникативным актом как несравненно более определенным и узким фрагментом действительности. Вторая соотнесенность более узка еще и потому, что не предполагает варьирования модальных, временных и пространственных значений: если кто-либо говорит мне нечто, то это **имеет место в действительности** в данное время и в данной точке пространства³⁸. С другой стороны, эта вторая соотнесенность имеет базисный характер: она наличествует **в любом высказывании**, первая же — только в таком, где вторая выражена грамматическими средствами. Это различие не вполне учтено, например, в формулировке: «...содержание предложения всегда актуализировано,

³⁸ Стихийное языковое сознание учитывает этот факт: ср. пословицу «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь» и устойчивые формулы типа *На всякий случай: я тебе этого не говорил; Предположим, я говорю тебе сейчас следующее...* и т. п., которые представляют собой специализированные модусные рамки, отменяющие действительный статус последующего высказывания. Ср. также упомянутую реплику Чацкого: *Пусть я посватаюсь...*

соотнесено с действительностью, с актом коммуникации» [Белошапкина 1989: 533]. Здесь вызывает возражение подача понятий действительности и акта коммуникации как понятий одного порядка, почти синонимов.

Однако указанное первичное условие не является единственным.

Коммуникативность высказывания может быть подкреплена грамматически — предикативной структурой (предложением), лежащей в его основе. В этом случае высказыванию обеспечивается более широкая сфера функционирования, поскольку соотнесенность с данным коммуникативным актом в нем *выражена*, а следовательно, высказывание может быть более или менее адекватно интерпретировано, с опорой на эту выраженность, третьими лицами — разумеется, при том условии, что им известна локализация данного коммуникативного акта во времени, пространстве и социуме. Заметим, что само по себе словосочетание «соотнесенность с данным коммуникативным актом» в буквальном смысле означает прежде всего отнесенность к актуальному настоящему и непосредственным участникам акта общения. Именно это значение автоматически (!) прочитывается в любом высказывании, не содержащем спрягаемой глагольной формы (если это, конечно, не очевидно неполное предложение в структуре диалогического единства, напр.: — *Ты мне завтра когда позвонишь, в восемь или позже? — В три, конечно*).

Спрягаемая форма глагола есть именно то средство, которое сообщает содержанию предложения возможность быть соотнесенным с более широким кругом временных и модальных планов с опорой на актуальное настоящее и реальную действительность текущего коммуникативного акта (ср. концепцию К. Бюлера). Иначе говоря, наличие спрягаемой формы (в том числе и нулевой) является вторым условием более широкой, по сравнению с границами данного коммуникативного акта, соотнесенности высказывания с действительностью.

Однако коммуникативность высказывания может быть и не подкреплена предикативной структурой. Правомерно ли утверждать, что и в этом случае за высказыванием — на синхронном срезе — стоит грамматическая модель предложения? Такое утверждение оставляет в стороне глубочайшие различия между явлениями вида «*Я ехал на перекладных из Тифлиса*» (М. Ю. Лермонтов) и, скажем, «*Вот еще!*» (Н. В. Гоголь, «Ревизор», д. II, явл. VIII, часть реплики Хлестакова). Отсутствие спрягаемой формы глагола делает *грамматическое выражение* соотнесенности с действительностью в комплексе катего-

рий модальности, времени и лица невозможным (еще раз подчеркнем: невозможным становится *выражение* соотнесенности, а не сама соотнесенность). Соотнесенность может быть, как известно, неграмматически выражена лексическими средствами, однако и наличие таких лексических показателей (местоимений, обстоятельств времени, вводно-модальных слов, частиц и проч.) отнюдь не является признаком любого высказывания.

Сущность теоретических расхождений в данном случае сводится, повторим, к трактовке категории предикативности. Если трактовать предикативность как категорию, скорее, понятийного характера, опирающуюся на широкий спектр средств воплощения предикативного значения, не обязательно грамматических и в том числе контекстуальных и конситуативных, находящихся за рамками данного высказывания, — тогда следует признать, что ученики и последователи В. В. Виноградова сужают трактовку предикативности, «привязывая» ее к определенным средствам выражения. Тогда следует согласиться с тем, например, что высказывание *«Вот еще!»* обладает предикативным значением, которое аналитически выводится следующим образом. Это высказывание выражает нежелание что-либо делать, неприятие некоторой перспективы, отнесенное 1) к первому синтаксическому лицу, так как касается перспективы отправиться в тюрьму для *говорящего* и в ближайшем контексте фигурируют местоимения первого лица (*Хлестаков. Нет, я не хочу! Вот еще! мне какое дело? Оттого, что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно!*); 2) к ирреальному модальному плану (и тогда значение синтаксического времени не определяется), так как говорящий отказывается оценивать перспективу попасть в тюрьму как реальную, — или иначе: к реальному модальному плану, так как говорящий уверен в том, что его собираются препроводить в тюрьму, и в таком случае — 3) к настоящему, так как неприятие имеет место в момент речи (или будущему, так как неприятие относится к ближайшей перспективе?), синтаксическому времени. Искусственность и шаткость такой интерпретации «предикативного значения» становится особенно явной, если обратить внимание на то, что в следующей реплике Хлестакова снова встречается то же высказывание, которое, следуя тому же методу, придется отнести уже не к первому, а ко второму синтаксическому лицу: *«...Я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях или о какой-то унтер-офицерской вдове... Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеее высечь, до этого вам далеко... Вот еще! смотри ты какой!..»* Если одно

и то же высказывание в разных контекстах без всяких изменений своего состава выражает разные «предикативные значения», то есть ли у него это значение?

Если же интерпретировать предикативность как категорию грамматическую, то следует отказаться от признания предикативного статуса за всеми без исключения высказываниями и согласиться с тем, что *во всяком высказывании коммуникативность* (но не предикативность) *находит свое полное или минимальное выражение*.

В самом деле: в высказывании, которое обеспечено предикативной структурой, коммуникативность находит полное выражение, так как соотносённость с действительностью, и прежде всего с данным коммуникативным актом, в нем выражена грамматически, то есть наиболее стандартным, **прототипическим** для языка способом. Однако в высказывании, которое не обеспечено предикативной структурой и, соответственно, грамматической моделью предложения, коммуникативность также присутствует: его соотносённость с данным коммуникативным актом закреплена и выражается интонационно, хотя предикативности нет.

Принципиальная особенность высказываний типа «*Ни-ни!*», «*Вероятно*», «*Вряд ли*» и т. п., не содержащих предикативного сочетания, заключается в том, что они наиболее жестко привязаны к конкретной речевой ситуации и потому «употребляются преимущественно в диалогической речи, в ответных и вопросительных репликах собеседников» [Виноградов 1954: 79]. Синтаксическое время таких высказываний, как правило, настоящее: «*Вероятно*» может означать ‘сказанное вами *только что* вероятно’, «*Ни-ни*» — ‘просимое / предлагаемое / задуманное тобой невозможно’, причем и то и другое — именно в данный момент времени³⁹. Выраженные значения прошедшего и будущего, варьирование модальных значений для таких высказываний невозможны. Отнесенность к планам будущего или прошедшего и т. п. может возникать в таких высказываниях только благодаря контексту или иным специальным условиям — например, в диалогическом единстве: — *Вы поедете завтра на бал?* — *Вероятно*⁴⁰. Следовательно, усматривать и сколь угодно

³⁹ Неполные предложения в ответных репликах (*Он сегодня заходил? — Вероятно*) здесь не рассматриваем. Случаи превращения частиц в эквиваленты предикативных слов (*С тех пор и до вчерашнего дня я к бутылке ни-ни*) также оставляем в стороне.

⁴⁰ Считаю приятным долгом выразить благодарность за это уточнение проф. В. С. Храковскому.

«особое» грамматическое выражение соотнесенности с актуальным настоящим в таких высказываниях нет оснований. Другими словами, они способны функционировать только в качестве ситуативно зависимых, теряющих качество коммуникативности при их изъятии из структуры коммуникативного акта. Важно отметить, что в последнем случае актуальный смысл, приобретаемый такими высказываниями в конкретной коммуникативной ситуации, становится неопределимым, так как допускает взаимоисключающие трактовки, а это равносильно едва ли не полной его утрате.

Высказывания этого типа по своей природе и не нуждаются в предикативной структуре — ее отсутствие вполне компенсируется их ситуативной привязанностью. Одни из них представляют собой готовые речения («коммуникативные фрагменты», по Б. М. Гаспарову: см. [Гаспаров 1996]), целиком или с незначительными вариациями воспроизводимые в речи, — хотя незначительность вариаций, что важно, не исключает их многочисленности. Каждый случай функционирования подобных высказываний представляет собой не что иное, как *актуализацию* — в прямом, первичном значении этого термина: готовое речение извлекается из памяти и используется применительно к данной коммуникативной ситуации; собственно информация при этом заключается прежде всего в факте применения именно данного речения, с его сравнительно несложным содержанием, именно к данной ситуации. Актуализация может сопровождаться незначительными модификациями (повторами, введением дополнительных частиц, междометий и междометных выражений, вплоть до комбинирования таких готовых речений: «Вероятно, вероятно...»; «Ну, вероятно...»; «Ни-ни-ни, что вы! Ни боже мой!»), вызванными особенностями конкретной ситуации — факторами преимущественно прагматической природы: эмоциональным состоянием говорящего, характером его взаимоотношений с партнером по коммуникации, личностной оценкой ситуации в целом и многими подобными. Другие высказывания этого типа представляют собой воспроизведение не готовых речений, а речевых моделей, предполагающих довольно широкие вариации знаменательного компонента: так, приведенный выше (в п. 2.2) пример «Ну-у, друзья мои...» реализует модель «Ну + обращение (+ определение к обращению)», в которой первый компонент невариативен и жестко связан с определенным типом интонации, второй, знаменательный, — вариативен, третий, тоже знаменательный, — также вариативен и, кроме того, факультативен. Причем изменения знаменательных компонентов в таких высказываниях прямо

сказываются на их ситуативном смысле. Например, выбор типа обращения при реализации модели «Ну + обращение (+ определение к обращению)» может смягчить выражение недовольства (*дружок*), может подчеркнуть недовольство не референтной ситуацией вообще, а прежде всего действиями адресата (*господа хорошие*), может добавить высказыванию иронический оттенок (*друг милый*). Отсюда вытекает, что такие высказывания могут обладать выраженным модальным значением (точнее — субъективно-модальным), но этого, тем не менее, недостаточно для констатации предикативного статуса этих структур: наличие модальности не равносильно наличию предикативности.

3. Инвариант и прототип в сфере высказывания

Обобщим сказанное. Коммуникативность — сущностное свойство любого высказывания, заключающееся в соотнесенности содержания высказывания с данным актом коммуникации — с говорящим и слушающим, их временными и пространственными координатами. Проявления этого свойства могут быть различны: от минимального выражения (только интонация сообщения / вопроса / побуждения) до максимального (полная распространенная предикативная структура). В случае минимального выражения самый акт отнесения содержания высказывания к данному акту общения осуществляется на основе «презумпции отнесенности» — одного из фундаментальных начал человеческой коммуникации.

Присоединяясь — в главном — к позиции Е. Беличевой-Кржижковой, можно сказать, что предикативность представляет собой структурно закрепленную, выраженную, явленную коммуникативность. Формально выражая указанную базисную соотнесенность, предикативность обеспечивает содержанию высказывания возможность более широкого соотнесения с действительностью, а самому высказыванию — ситуативную независимость. В синтаксической системе языка имеются модели предложений, обнаруживающие разную степень ситуативной независимости, что проявляется и в их грамматических свойствах. В русском языке, например, по этому признаку резко различаются инфинитивные и безличные предложения, которые в других отношениях настолько близки, что в первых можно видеть своеобразный «неустойчивый изотоп» вторых.

В свете очерченных представлений особый интерес приобретает вопрос об инвариантности и прототипичности в сфере высказывания.

Будем исходить из понимания инварианта как «абстрактного обозначения одной и той же сущности... в отвлечении от ее конкретных модификаций — вариантов», из того, что «в понятии инварианта отображены общие свойства класса объектов, образуемого вариантами», а «сам инвариант не существует как отдельный объект, это не представитель класса, не эталон» [Солнцев 1990: 80–81]. Следует, с нашей точки зрения, также учитывать исходное — и более общее — понимание инварианта в математике как «величины, остающейся неизменяемой при тех или иных преобразованиях» [Советский энциклопедический словарь 1981: 493]. С этими исходными позициями согласуется следующее определение: инвариант — это «признак или комплекс признаков изучаемых системных объектов... который остается неизменным при всех преобразованиях, обусловленных взаимодействием исходной системы с окружающей средой» [Бондарко 2003: 5].

Под прототипом же будем понимать то, от чего В. М. Солнцев отграничивает понятие инварианта: прототип — это эталон, «образцовый вариант» для данного класса объектов; в отличие от инварианта, прототип существует как отдельный объект, доступный непосредственному восприятию. Будем опираться на следующее определение: «прототип — это наиболее репрезентативный (канонический, эталонный) вариант определенного инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью (концентрацией специфических признаков данного объекта), способностью к воздействию на производные варианты (признак “источник производности”) и (во многих случаях) наиболее высокой степенью регулярности функционирования» [Бондарко 2003: 19]. При таком понимании соотношения инвариантности и прототипичности в сфере высказывания обнаруживается важная особенность.

Высказывание, реализующее коммуникативность минимально (не обеспеченное предикативной структурой и опирающееся только на интонацию и «презумпцию отнесенности»), оказывается ближе всего к **инварианту** речевой коммуникации. Действительно, такое высказывание содержит только минимально необходимый комплекс признаков, способных обеспечить элементарную коммуникацию: 1) некоторая вербальная продукция (состоящая из слов данного языка), 2) оформленная интонационно, 3) соотносенная с данным актом коммуникации (обладающая адресованностью, то есть соотношенностью с говорящим и слушающим, а тем самым и с ситуацией общения). Можно полагать, что главнейшая функция интонационного оформления высказывания состоит в выражении именно этой

соотнесенности. Данный комплекс признаков образует инвариант высказывания как базовой коммуникативной единицы. Отсутствие любого из них уничтожает высказывание как таковое; с другой стороны — все три признака неизменно присутствуют во всех существующих вариантах высказывания.

В свою очередь, высказывание-предложение (обеспеченное полной предикативной структурой) представляет собой в сфере речевой коммуникации **прототип**. Прототип с необходимостью включает в себя инвариантные признаки, но является — здесь — более сложным образованием. Существенно бóльшая, по сравнению с инвариантом, степень сложности прототипа в данной сфере вызывается необходимостью обеспечить высказыванию относительную ситуативную независимость; из этой независимости, в свою очередь, вытекает и «наиболее высокая степень регулярности функционирования» прототипа.

Заметим, что такое понимание соотношения инварианта и прототипа в сфере высказывания отличается от концепций, опирающихся преимущественно на анализ морфологических форм и значений (ср. [Бондарко 2003; Болдырев 2003]). Н. Н. Болдырев пишет, что «инвариант — это понятие, скорее, гносеологического плана, в то время как прототип — понятие онтологического уровня» [Болдырев 2003: 56]. А. В. Бондарко, напротив, подчеркивает: «инварианты относятся к плану онтологическому»; «базисные языковые инварианты... существуют в том слое языковой системы, который можно назвать глубинным. Инварианты не лежат на поверхности, их нужно извлечь из многообразных вариантов как то общее, что лежит в их основе» [Бондарко 2003: 6–7; разрядка авторская]. За этими цитатами стоит принципиальный спор о природе инварианта — гносеологической или онтологической, — имеющий уже свою историю. Наш материал является аргументом в пользу онтологической трактовки природы инварианта.

Различие между инвариантом и прототипом в сфере высказывания, помимо прочего, заключается в том, что ориентация на инвариант в речевой практике является неосознанной, автоматической, так как впитывается каждым говорящим с молоком матери, а ориентация на прототип — сознательной. Чем более спонтанный характер имеет речь, тем вероятнее опора говорящего только на инвариант и частичная или полная элиминация признаков прототипа; чем более речь подготовлена и обдумана, тем маловероятнее отступление от прототипа. В этой особенности соотношения инварианта и прототипа в данной сфере коренятся широчайшие возможности стилистического варьирования высказывания. Эта же особенность существенным образом сказыва-

ется на процессе изучения иностранного языка, в частности — на преодолении так называемого языкового барьера. Учащийся владеет универсальным для всех языков инвариантом высказывания, но до определенного срока лишен возможности реализовать его в прототипических высказываниях, так как система последних в данном языке ему еще неизвестна. Но и набором ситуативно зависимых не-предикативных речевых клише — простейших реализаций инварианта — он пока не владеет. В результате возникает парадоксальная ситуация, когда учащийся уже располагает определенным словарным запасом, но общаться на изучаемом языке еще не может.

Сказанное выше о коммуникативности и предикативности не следует, однако, понимать в том смысле, что отношения между коммуникативностью и предикативностью сводятся к прямолинейному взаимно-однозначному соответствию. В современных индоевропейских языках наличие предикативной структуры само по себе еще не означает реализации коммуникативной функции. Ведь коммуникативная функция сообщается высказыванию не наличием предикативности, а говорящим субъектом: только в его компетенции решать, чему придать функцию целостного сообщения, а чему — нет.

Как и в других сферах грамматики, на уровне предикативных структур регулярны преобразования, в результате которых сложное содержательно-формальное явление высшего, по отношению к своим конституентам, порядка само превращается в конституент явления еще более сложного. Так происходит и при формировании высказываний, в основе которых лежат полипредикативные структуры. Механизм подобных преобразований уже сравнительно давно описан как механизм номинализации (Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак). Роль предикативности в этом случае заключается в отображении ситуации **в ее соотношенности с другими отображенными в высказывании ситуациями**, смежными или отстоящими во времени и / или пространстве. Соответственно, грамматическое значение полипредикативной структуры представляет собой более сложную семантическую конструкцию. Коммуникативная же функция в этом случае опирается на это грамматическое значение, поддерживается им, но, повторим, придается высказыванию говорящим.

Таким образом, предикативная часть сложного предложения — это квазикоммуникативная единица.

С другой стороны, в рамках одной коммуникативной единицы (высказывания) возможна неоднократная реализация коммуникативной функции: речь идет о так называемых гиперкоммуникативных

высказываниях, к которым мы относим бикоммуникативные, метакоммуникативные и транскомуникативные. В подобных высказываниях параллельно реализуются разные типы коммуникативной функции (или разные модусы коммуникации).

1) В бикоммуникативных высказываниях совмещены функции сообщения и реакции на некий сигнал собеседника по поводу сообщаемого:

— *Ну-с, — начала Марья Николаевна, снова опускаясь на диван, — так как вы попались и должны сидеть со мною, вместо того чтобы наслаждаться близостью вашей невесты... **не возвращайте глазами и не гневайтесь — я вас понимаю и уже обещала вам, что отпущу вас на все четыре стороны,** — а теперь слушайте мою исповедь* (И. С. Тургенев).

2) В метакоммуникативных высказываниях совмещены функция сообщения и функция метаязыкового комментария:

[Ирина] — *<...> Не светская женщина теперь перед вами, вам только стоит взглянуть на меня, не львица... **так, кажется, нас величают...** а бедное, бедное существо, которое, право, достойно сожаления* (И. С. Тургенев).

3) В транскомуникативных высказываниях совмещены функции сообщения и транскомуникативная, которая состоит в подчеркивании авторства приводимых чужих слов, что представляется говорящему необходимым в силу сложности субъектной перспективы основного высказывания:

«Если, — повторила она (Лолита. — М. Д.), — у тебя нет карандаша, но если ты уже умеешь читать и писать — **вот что он** (автор раздела в журнале. — М. Д.) **хочет сказать, понимаешь теперь, балда?** — то попробуй нацарапать номер на земле при дороге...» (В. В. Набоков. Лолита. Ср. в английском оригинале: «If,” she repeated, “you don’t have a pencil, but are old enough to read and write — **this is what the guy means, isn’t it, you dope — scratch the number somehow on the roadside**»).

Грамматически такие высказывания представляют собой простые или сложные предложения, дополнительно осложненные вставными конструкциями, которые, в свою очередь, реализованы полными или неполными предикативными структурами (подробнее см. в [Дымарский 20016]).

Сказанное позволяет выдвинуть предположение о том, что, подобно разным уровням реализации предикативных структур, существуют различные уровни реализации коммуникативной функции.

Можно говорить о трех уровнях реализации предикативности: нулевым (0); монопредикативном (1); полипредикативном (2).

Можно также говорить о трех уровнях реализации коммуникативной функции: квазикоммуникативном (1); коммуникативном (2); гиперкоммуникативном (3).

Очевидно, что различные комбинации указанных вариантов реализации предикативности и коммуникативности существенным образом характеризуют модель высказывания. Теоретически возможны 9 комбинаций, однако в реальной коммуникации функционируют следующие 6 типов:

- 1-1 — предикативная часть СП, предикативная синтаксема;
- 0-2 — непредикативное высказывание, высказывание «в узком смысле», по Н. Ю. Шведовой;
- 1-2 — простое предложение;
- 1-3 — «гиперкоммуникативное» высказывание;
- 2-2 — СП закрытой структуры;
- 2-3 — СП открытой структуры.

Представим реально возможные комбинации в таблице.

Таблица 1

Модели высказываний по признаку соотношения реализации предикативности и коммуникативной функции

Уровни реализации предикативности	Уровни реализации коммуникативной функции		
	квазикоммуникативный	коммуникативный	гиперкоммуникативный
нулевой	—	непредикативное высказывание	—
монопредикативный	предикативная часть сложного предложения	высказывание — простое предложение	«гиперкоммуникативное» высказывание
полипредикативный	—	высказывание — сложное предложение закрытой структуры	высказывание — сложное предложение открытой структуры

Очевидно, что, если непредикативное высказывание, как сказано выше, представляет древнейший инвариант в сфере коммуникативности, то высказывание — простое предложение, соединяющее в себе базовые варианты реализации двух ведущих признаков высказывания, является в данной сфере прототипом. Остальные типы, представленные в таблице 1, образуют по отношению к этому прототипу периферию.

ГЛАВА 3

ОБЪЕКТ СИНТАКСИСА И МОДЕЛЬ СИНТАКСИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ. ТИПОЛОГИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Существующие синтаксические описания обычно открываются указанием на то, что объектом (не предметом) синтаксиса являются речевые произведения (с известными ограничениями количественного характера). Однако в дальнейшем изложении внимание от этого объекта — единственного, так как язык доступен восприятию и изучению исключительно в форме речевых произведений, — отвлекается и концентрируется вокруг единиц виртуальной природы: словосочетания, предложения (как модели), синтаксемы, коммуникативного регистра и др. Множественность единиц синтаксиса делает описание синтаксического строя языка вынужденно разрозненным: достаточно вспомнить характерное для классического синтаксиса середины XX в. довольно автономное существование учений о словосочетании, простом предложении и сложном предложении. Синтаксис представлялся некой суммой этих учений; говорить о его внутреннем единстве было затруднительно. Любой преподаватель помнит, например, неудобное ощущение от вопросов пытливых студентов, интересовавшихся тем, почему другие уровни языковой структуры имеют каждый по одной единице, этот уровень конституирующей, а синтаксический насчитывает несколько; или на каких основаниях словосочетание трактуется как особая единица, если его функция, в отличие от предложения, совпадает с функцией слова, и др.

Аспектное описание синтаксического строя (60–80-е гг.), возникшее как результат стремительного развития семантического и коммуникативного синтаксиса, преодолеть эту разрозненность не смогло — поскольку и не пыталось.

Интересный и плодотворный опыт принципиально иного построения синтаксиса реализован в концепции Г. А. Золотовой, конечным воплощением которой стала «Коммуникативная грамматика...» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998]. Вместе с тем ряд решений авторов (например: полный отказ от идеи односоставного предложения; выдвижение синтаксемы на роль базовой единицы синтаксического строя; чрезмерно упрощенная трактовка понятия текста — одного из центральных для этой концепции; отказ от понятия семан-

тической структуры предложения) представляется неприемлемым. Эти решения, разумеется, не случайны, а вытекают из фундаментальных черт концепции функционального, позже — коммуникативного синтаксиса Г. А. Золотовой. Одной из таких черт является неоправданное (хотя исторически объяснимое⁴¹) приглушение структурного начала, вызванное стремлением развить прежде всего начало функциональное, коммуникативное. Именно эта черта, по-видимому, повлекла за собой названные решения, с которыми невозможно согласиться.

Таким образом, имеются основания считать, что дальнейший поиск более последовательной и адекватной модели синтаксического описания оправдан и целесообразен.

Одну из удачных попыток в этом направлении предприняла С. Г. Ильенко, выдвинувшая концепцию **коммуникативно-структурного синтаксиса**. Эта концепция получила первое относительно законченное воплощение в работе [Ильенко 2009]. Главная идея этой концепции, имеющей отчетливо выраженный методический акцент, заключается в интегрирующем подходе к описанию центральной единицы синтаксиса, предложения, — в противоположность аспектному рассмотрению, реализованному, например, Н. Ю. Шведовой [Русская грамматика 1980], В. А. Белошапковой [1977] и др. «Было бы бессмысленно, — пишет С. Г. Ильенко, — критиковать этот общий подход (аспектный. — М. Д.): он дал весомые результаты, особенно в применении к исследовательской практике (см. работы М. В. Всеволодовой, И. И. Ковтуновой, О. А. Крыловой, Е. В. Падучевой, Т. В. Шмелевой и др.); но было бы методически недальновидным не сохранить в преподавательской практике возможность и другого подхода — интегрального. Интеграция же курса синтаксиса, предпринимаемая в учебных целях, должна подразумевать коммуникативно-структурные основания. Ведь в конечном итоге назначение синтаксиса, на уровне которого завершается оформление главной функции языка — быть средством общения, — сводится к реализации двух задач: отразить мысль, указывающую на “положение дел” в реальной (или вымышленной) действительности, и скоординировать межличностное общение. Важно не только **что** сообщается (первая задача), но **кем, кому и как** (вторая задача). Поскольку основной единицей

⁴¹ Как известно, концепция Г. А. Золотовой складывалась и оттачивалась в тяжелейших условиях непрерывной и крайне жесткой полемики со сторонниками преимущественно-структурного подхода, прежде всего Н. Ю. Шведовой.

синтаксиса является предложение, постольку именно при его анализе следует показать реализацию этих задач» [Ильенко 2009: 38].

Одну из принципиальных новаций излагаемой концепции составляет введение понятия коммуникативной оси: «Коммуникативная ось — это коммуникативная категория, отражающая отношения между говорящим и слушающим, грамматикализованная обслуживающим ее симбиозом Я—ТЫ, при котором местоимение первого лица Я содержит в себе потенциальную сему *ТЫ*, а местоимение второго лица ТЫ — потенциальную сему *Я*» [там же: 34–35]. Связующим звеном между коммуникативной осью и структурно-смысловой составляющей предложения (которая воплощается прежде всего в предикативности) служит категория лица, обретающая, таким образом, положение не второстепенной (как к ней нередко относятся), а одной из центральных грамматических категорий предложения-высказывания.

Вместе с тем концепция коммуникативно-структурного синтаксиса предполагает дальнейшее развитие. Контуры этого развития будут намечены ниже.

1. Поскольку во главу угла синтаксического описания в данном случае поставлено коммуникативное начало, в центре внимания должна находиться синтаксическая единица, реализующая это начало. Такой единицей является **высказывание**. Именно высказывание является не только главным, но и единственным объектом синтаксиса: все остальные единицы, вокруг которых обычно строится синтаксическое описание, суть исследовательские конструкты, инструменты, позволяющие в большей или меньшей мере приблизиться к постижению природы главного объекта.

Под высказыванием понимается отрезок речи, выполняющий коммуникативную функцию, то есть отрезок, реализующий некоторое элементарное коммуникативное намерение говорящего и доносящий это намерение до слушающего. Отличительный признак такого отрезка — способность служить полноценной репликой диалога. Обязательный признак высказывания — интонационное оформление, включающее сверхдолгие паузы, отграничивающие одно высказывание от другого (в том числе и одну диалогическую реплику от другой), фразовый акцент и связанное с ним определенное движение тона. Чаще всего интонацию относительно законченного целого, оформляющую высказывание, называют фразовой интонацией; но в определенных типах высказываний это может быть аффертивная, ответно-утвердительная и другая интонация.

В качестве высказывания может выступать отрезок речи, построенный в соответствии с той или иной моделью предложения, но это может быть и отрезок, не опирающийся на подобную модель; это может быть даже междометие или комбинация из междометий и частиц — но с соответствующим интонационным оформлением.

Соответственно, выстраивается типология высказываний. В основу этой типологии целесообразно положить два критерия: 1) мера и способ реализации качества коммуникативности; 2) мера информативности, иначе говоря — качественно-количественная характеристика того, что иногда называют предметно-фактическим, или вещественным, или номинативным содержанием высказывания.

Опора на названные критерии диктуется тем фактом, что любое высказывание существует прежде всего в координатах коммуникативности и номинативности; эти координаты столь существенны, что целесообразно трактовать их как две ведущие функции любого высказывания — коммуникативную функцию и номинативную функцию.

Коммуникативность трактуется как базовое свойство человеческого высказывания, его фундаментальная категория — но категория не в грамматическом, а в намного более широком смысле. Сущность этого свойства можно определить, по-видимому, только в самых общих чертах: способность служить единицей общения, то есть единицей передачи информации (фактической, эмоционально-оценочной, волитивной и т. д.). Анализ показывает, что эта способность существует не сама по себе: она обеспечивается выполнением обязательных условий, нарушение которых ведет к коммуникативному провалу, даже если высказывание построено в полном соответствии с языковыми нормами. Эти условия формулируются как ясная для участников соотносительность содержания высказывания с базовыми параметрами текущего коммуникативного акта: фигурами говорящего (адресанта, *Ан*) и слушающего (адресата, *Ам*), а также их пространственными (*Место*) и временными (*Время*) координатами⁴². Кроме того, никакая коммуникация не состоится без наличия коммуникативного намерения говорящего (именно этот признак — интенциональность — принципиально отличает человеческую коммуникацию от систем коммуникации животных).

Названные условия столь существенны, что представляется оправданным введение их в онтологическую интерпретацию коммуникативности. В этом случае получаем следующее определение: **комму-**

⁴² Подробно см.: [Дымарский 2005].

никативность — это свойство высказывания служить единицей общения, обеспечиваемое соотносительностью коммуникативной интенции и вещественного содержания высказывания с базовыми параметрами коммуникативной ситуации.

В отличие от коммуникативности, **предикативность** свойственна отнюдь не всем высказываниям, и даже не всем высказываниям, отражающим ментальный акт предикации (подробнее об этом см. ниже, п. 2).

С точки зрения меры и способа реализации качества коммуникативности, в разнообразной речевой продукции человека имеет смысл различать по меньшей мере следующие явления:

- 1) произвольные вокализации (НВ);
- 2) междометные высказывания (МВ);
- 3) высказывания, содержащие предикативную структуру (ВПредик).

1.1. Произвольные вокализации представляют собой реакции на внешний или внутренний раздражитель (внезапная сильная боль, испуг, восторг и т. п.), не контролируемые сознанием⁴³ и не опирающиеся на языковые средства. К речевой продукции в сколько-нибудь строгом смысле их отнести нельзя, однако именно они играют роль прообраза речевой деятельности в онтогенезе (именно с них начинается гуление — важнейшая стадия онтогенеза, предшествующая лепету и следующим позже первым собственно высказываниям ребенка — голофразам⁴⁴). По мере освоения языка удельный вес НВ в речевой продукции человека неуклонно снижается, их функцию берут на себя междометные высказывания, но полного вытеснения первых вторыми не происходит: вероятность НВ в экстремальных ситуациях отлична от нуля.

⁴³ Не случайно такие вокализации называют еще *лимбическими* (см.: [Козинцев 2004]): в отличие от речевой деятельности, подчиненной кортикальному контролю, НВ у всех живых существ управляются лимбической системой, которая генетически старше неокортекса не менее чем на сто миллионов лет (она начала развиваться еще у рыб ок. 150 млн лет назад) и обеспечивает отправление жизненно важных функций организма (кровообращение, дыхание, пищеварение, взаимодействие со средой и др.), но не функций высшей нервной деятельности. Существенный признак НВ, связанный также с лимбическим (а не кортикальным) контролем, заключается в том, что они могут производиться как на выдохе, так и на вдохе, в то время как речь продуцируется только на выдохе (произвольная регуляция дыхания свойственна только человеку).

⁴⁴ См.: [Цейтлин 2000: 15–16]. Применительно к онтогенезу автор использует термин *предречевые вокализации* — более широкий по значению, так как им охватывается и лепет, который признаком произвольности уже не обладает.

Коммуникативность НВ — если исходить из очерченного выше понимания — равна нулю, так как в них отсутствует коммуникативная интенция. Однако это не означает нуля и на месте всех остальных параметров. Если под коммуникативной интенцией понимать (осознанное) намерение сообщить кому-либо нечто, то ее наличие автоматически означает наличие определенных адресанта и адресата: само намерение что-либо сообщить подразумевает осознание себя в качестве говорящего и приписывание некоторому объекту (в широком смысле) статуса слушающего. Отсутствие коммуникативной интенции означает, следовательно, отсутствие фигур адресанта и адресата, однако два других базовых параметра — Время и Место (со значениями ‘здесь’ и ‘сейчас’) — присутствуют. В этом отношении НВ ничем не отличаются от сигналов, издаваемых животными в условиях естественной среды обитания⁴⁵: любой сигнал животного (пение, крик, рычание, поза и т. д.) отнесен к ‘здесь’ и ‘сейчас’ и никакой другой отнесенностью обладать не может. Безусловная и автоматическая соотнесенность с моментом продуцирования НВ, отработанная миллионами лет эволюции в системах коммуникации животных, — прообраз автоматической соотнесенности с моментом речи, свойственной человеческим высказываниям; таким образом, зерно языковой категории времени (имплицитующей и пространственный параметр⁴⁶) унаследовано человеком от биологических предшественников — в отличие от категории лица, которая начинается формироваться только с возникновением коммуникативной интенции и свойственна исключительно человеческой речи.

⁴⁵ Эта оговорка необходима потому, что во всех условиях, предполагающих регулярный контакт с человеком (заповедник, зоопарк, ферма, лаборатория и проч.), животные могут приобретать навыки диалогического взаимодействия с человеком, навязывающим им этот способ поведения, и их сигналы, следовательно, могут приобретать признаки наличия коммуникативной интенции — именно так они, как правило, интерпретируются человеком.

⁴⁶ В связи с этим см. изложение идей В. И. Вернадского: «живое вещество есть единственный случай в природе, где надо иметь в виду не просто пространство, а время-пространство, единое явление, которого нет ни в каких других естественных телах. Только после смерти живого организма это единство распадается. А смерти нет ни в каких других естественных телах. Это не абстрактное измерение пространства, которое введено Эйнштейном, но реальное пространство-время, которое выражается в симметрии живого вещества, резко отличающейся от симметрии косного вещества» [Аксенов 2006: гл. 16].

1.2. Междометные высказывания — весьма широкий и разнородный круг высказываний, объединяемых следующими общими признаками:

- а) наличие коммуникативной интенции;
- б) использование языковых средств (междометий; релятивов и некоторых вводно-модальных слов⁴⁷ вроде *Да, Нет, Конечно*; фразеологизмов и др. единиц, в том числе обценных, с функцией эмоциональной реакции — вроде *Ну уж!, Да уж!, Вот еще!*⁴⁸; *Черт!*);
- в) интонационная оформленность по законам данного языка;
- г) отсутствие предикативной структуры;
- д) жесткая привязанность к 'здесь' и 'сейчас'.

Признаки (а–в) отличают МВ от НВ, признак (г) — от ВПредик, признак (д) объединяет МВ и НВ. Из данной характеристики видно, что термин «междометные высказывания» весьма условен; вместе с тем он косвенно указывает на то, что по содержанию этот тип сопоставим скорее с НВ, чем с ВПредик, поскольку смысловое наполнение используемых средств ситуативно и личностно зависимо (некоторые из них более конвенциональны — например, *Да* и *Нет*, другие менее — и могут использоваться амбивалентно). Поэтому возможная номинация «непредикативные высказывания» представляется менее удачной, поскольку она ставит в центр внимания не содержательный параметр, а признак наличия / отсутствия предикативной структуры, имеющий до известной степени формальный характер.

Содержание МВ, как уже сказано, поддается лишь самой общей характеристике, причем имеется несколько групп МВ, практически не связанных друг с другом по типу содержания: трудно найти, например, содержательную общность между релятивами *Да, Нет* и реактивами типа *Елки-палки!*

Из наличия же коммуникативной интенции вытекает и определенность в МВ не только локального и темпорального параметров, но также фигур говорящего и слушающего. Однако параметры А_н и А_т не получают в МВ никакого выражения, кроме интонационного

⁴⁷ Не имеющих омонимов, способных входить в структуру предложения и позволяющих интерпретировать однословные высказывания как неполные предикативные структуры (ср.: *Возможно* — *Да, это возможно*).

⁴⁸ Возможность интерпретировать речения типа *Вот еще!* как осколки предикативных структур не отменяет того факта, что в современном языке такие речения (в отличие от других) полностью утратили связь с породившими их конструкциями и — более того — со стоящим за ними актом предикации, превратившись в эквиваленты междометий.

(которое — в сравнении с прямыми словесными обозначениями *я* и *ты* — нельзя не признать максимум косвенным). Все названные признаки и особенности МВ суммируются в свойстве, которое К. Бюлер называл «ситуативной зависимостью» [Бюлер 1993: 348]. Ситуативно зависимые высказывания успешно осуществляют коммуникативную функцию, могут служить полноценными репликами в диалоге, способными резко изменить его течение и т. д. Но, находясь в абсолютной зависимости от конкретной ситуации общения, вне этой ситуации они лишены и смысла, и способности выполнять коммуникативную функцию. Эти особенности МВ выразительно подчеркиваются диалогами типа:

— *Ой...*

— *Что-что?*

— *Ой...*

— *Я не слышу, что ты там говоришь?*

— *Я говорю — ой!..*

С одной стороны, способность к экспликации модусной рамки (последняя реплика) доказывает коммуникативную полноценность МВ; с другой стороны, эта реплика выглядит аномально, так как в смысловом отношении модусная рамка здесь явно богаче «диктума», хотя должно быть наоборот. А дело в том, что в данном случае вынужденная собеседником автоцитация фактически вырывает междометную реплику говорящего из первичного контекста, и последняя реплика, в отличие от исходной, уже не выражает никаких эмоций, а по смыслу эквивалентна фразе «Я тут произношу междометие “Ой”».

1.3. Высказывания, содержащие предикативную структуру, опираются на ту или иную модель предложения (структурную схему) и реализуют коммуникативность полнее всего, так как базовые параметры коммуникативной ситуации в них не имплицированы, но грамматически выражены — прямо или косвенно.

Прямое выражение этих параметров обеспечивается формами 1-го / 2-го лица и настоящего времени (в значении актуального настоящего); косвенное — формами 3-го лица и других времен и наклонений, в том числе неактуального настоящего⁴⁹. В одном

⁴⁹ Формы не 1-го / 2-го л., не наст. вр. и / или не изъяв. накл. рассматриваются как косвенное выражение базовых параметров коммуникативной ситуации на том основании, что все указанные значения (не 1-го л. и т. д.) неразрывно связаны с точкой отсчета, которой служит актуальное настоящее текущего коммуникативного акта, и имеют смысл только в пределах этой связи.

высказывании, таким образом, может иметь место и только прямое, и только косвенное, и сочетание прямого и косвенного выражения базовых параметров коммуникативной ситуации.

Грамматическое выражение этих параметров, каким бы оно ни было, обеспечивает ВПредик ситуативную независимость: поскольку в высказывании уже не подразумеваются, а зафиксированы (прямо или косвенно) момент речи и участники коммуникации, становится возможным отнесение предиктируемого признака к любому временному и модальному плану, а также к любому субъекту, а не только к говорящему или слушающему.

Однако в неполных реализациях ВПредик могут частично или полностью — в зависимости от характера неполноты — утрачивать ситуативную независимость. Существует (и не только в русском языке) значительный корпус устойчивых неполных высказываний, занимающих промежуточное положение между МВ и ВПредик: *Вероятно (Это вероятно), Безусловно (Это безусловно), А то! (А то ты сомневался!) Ни в коем случае! (Не стану этого делать / Не делай этого / Не разрешу этого [и т. п.] ни в коем случае!)* — ряд примеров может быть весьма протяженным. Степень «междометизации» подобных устойчивых формул различна, и многие из них представляют собой спорные случаи: например, проблематична квалификация выражения *Ни боже мой!*, которое трудно, с одной стороны, возвести к полной предикативной структуре, но трудно, с другой стороны, и безоговорочно свести к уровню МВ.

Любопытно, что при сопоставлении высказываний с прямым и косвенным способами выражения базовых параметров коммуникативной ситуации обнаруживается явление, сходное с тем, которое мы наблюдали на уровне МВ. При экспликации модусной рамки высказывания «*Ой...*» его сущность выхолащивается, фактически от него остается только рамка. Рассмотрим ВПредик:

(2) — *Постой, Абдулла! Это говорю я, Саид!* (Ежов В., Ибрагимбеков Р. Белое солнце пустыни)⁵⁰.

Более прямое выражение базовых параметров коммуникативной ситуации, чем во втором высказывании реплики Саида, вряд ли можно придумать: это полностью эксплицированная модусная рамка, осложненная вторичной предикацией (приложением). Но если отвлечься от этого осложнителя, то окажется, что информативность высказывания, представляющего собой как бы «воплощенную комму-

⁵⁰ В тексте романа реплика звучит иначе: «**Послушай**, Абдулла! Это говорю я, Саид!»

никативность», стремится к нулю. Между тем в соседнем высказывании (первом в реплике Саида) информативность явно существенно выше — а коммуникативные параметры выражены только косвенно.

Эти наблюдения могут быть интерпретированы различно. Можно утверждать, в частности, что экспликация модусной рамки в норме, то есть — в данном случае — в высказывании, условия порождения которого не выходят за рамки прототипа, является излишней. Появление эксплицированной модусной рамки свидетельствует об отклонениях от прототипических условий коммуникативного акта: шум в канале связи, прагматически обусловленная потребность акцентировать тот или иной параметр (в реплике Саида — личность адресанта), жанрово обусловленная необходимость указать на смену коммуникативных ролей (ср. «переключатели» при пересказе диалога: *Она говорит: <...> Я говорю: <...> А она мне: <...>*).

Таким образом, применительно к ситуативно независимым высказываниям (ВПредик) можно говорить о балансе коммуникативного (служебного) и информационного начал. В полных высказываниях с исключительно косвенным способом выражения базовых параметров коммуникативной ситуации (3-е синтаксич. лицо, не наст. актуальное) имеет место коммуникативно-информационное равновесие: базовые параметры выражены, но не актуализированы, внимание адресата целиком сосредоточено на сообщаемой информации. Частично или полностью прямое выражение базовых параметров равносильно их актуализации, количество же информации, передаваемой высказыванием, при этом неизбежно снижается. Сопоставим два сходных высказывания:

3а) *Я иду на почту;*

3б) *Какая-то старушка идет на почту.*

ВПредик (3б), помимо информации о том, что субъект не совпадает ни с говорящим, ни со слушающим, содержит имплицитную информацию о существовании этого субъекта — *какой-то старушки*⁵¹. Между тем в (3а) субъект совпадает с говорящим, и ясно, что информации о существовании *этого* субъекта (3а) не содержит: было бы странным, если бы говорящий в контексте сообщения о походе

⁵¹ В артиклевом языке в данном случае был бы использован неопределенный артикль (*an old woman; eine alte Frau*); именно это подчеркнуто в примере несколько нарочитым использованием неопределенного местоимения. В реальности же носители русского языка, как правило, обходятся без него.

на почту попутно информировал слушающего о своем (или его) существовании. Следовательно: в (3а) прямое выражение базового параметра коммуникативной ситуации ведет к усилению коммуникативного начала, но неизбежно оборачивается снижением информативности, в (3б) картина противоположная.

Итак, наличие предикативной структуры придает высказыванию ситуативную независимость, которая опирается на выраженность базовых параметров коммуникативной ситуации, и потенциально бесконечное содержательное богатство.

2. Баланс коммуникативного и информационного начал упомянут выше не случайно: он является неотъемлемой характеристикой высказывания. Любое высказывание может быть интерпретировано как некая равнодействующая двух «сил», именно — двух названных начал, или двух важнейших функций высказывания: коммуникативной и номинативной. Непроизвольные вокализации характеризуются нулевым значением номинативной функции и несколько отличающимся от нуля значением коммуникативной функции. Междометным высказываниям свойственно такое же превалирование коммуникативной функции над номинативной. (Нужно заметить, что междометные высказывания могут имплицировать значительное номинативное содержание, но это относится к области лингвистической прагматики; выражение «имплицировать содержание» отнюдь не равносильно выражению «нести содержание».) Наконец, предикативные высказывания, как уже было сказано, характеризуются приблизительным паритетом коммуникативной и номинативной функций.

Предикативность с этой точки зрения предстает как **грамматическое воплощение коммуникативности**, как универсальный языковой механизм, обеспечивающий высказыванию коммуникативную надежность в различных ситуациях речевого общения при передаче не просто неэлементарной, но и весьма сложной и объемной предметной информации. Принцип работы этого механизма заключается в **трансляции номинативного содержания высказывания на коммуникативную ось**. В самом деле, соотнести (вещественное) содержание высказывания «с действительностью» (а именно эту формулировку использовал В. В. Виноградов, вслед за Й. Рисом и некоторыми другими грамматистами [Виноградов 1954]) значит прежде всего соотнести его с действительностью текущего коммуникативного акта, поскольку другого способа (соотнести некое содержание с действительностью «вообще», минуя текущий акт коммуникации)

в языке попросту не существует. Текущий акт коммуникации и есть тот единственный минимальный, данный коммуникантам в ощущение фрагмент «действительности вообще», через который возможен «выход» содержания в любую сферу пространственно-временного континуума, частью которого ощущает себя *Homo loquens*.

Трактуя предикативность как грамматический механизм, как, в конечном счете, некое **средство** (а не как суперкатегорию, выше которой как будто ничего не может быть), мы, безусловно, несколько принижаем тот статус, который традиционно приписывался ей в синтаксических описаниях начиная с середины прошлого века. Но суть дела, как представляется, не в снижении статуса, а в том, что найдено ее закономерное место в системе языка, более последовательно объяснен смысл ее существования. При этом, как нередко бывает в отношениях «функция — средство», взаимная однозначная закреплённость между коммуникативностью и предикативностью отсутствует. С одной стороны, качеством коммуникативности могут обладать МВ, лишённые предикативной структуры. С другой стороны, части сложных предложений формально наделены предикативностью, но это не влечет за собой наличия у каждой из них собственной коммуникативной функции (такие явления представляют собой скорее исключения из правила).

И еще одно важное уточнение. Предикативность связана отношением «функция — средство» не только с коммуникативностью, но и с предикацией. Представляется совершенно необходимым проводить четкое различие между предикативностью как грамматическим механизмом и предикацией как ментальной операцией. В общем случае предикативность призвана служить воплощением ментального акта предикации; но нужно учитывать, что, во-первых, значительное количество предикативных конструкций не отражает никаких актов предикации (ср. клишированные речения типа *Дело в том, что...*, в которых первая часть формально является главной частью сложноподчиненного предложения), во-вторых — сами акты предикации вовсе не с необходимостью требуют для своего воплощения предикативной структуры. Первичное средство отображения акта предикации в филогенезе — актуальное членение, которое, как известно, далеко не всегда совпадает с грамматическим членением предложения. Поэтому простое предложение может отражать один акт предикации (это коммуникативный прототип, в котором оба членения совпадают), но может и больше (членения не совпадают, ср.: *Что это у тебя с рукой? — Это / я вчера потолок красил*).

Таким образом, в курсе синтаксиса, реализующем коммуникативно-структурную концепцию (можно было бы даже сказать, в коммуникативно-центрированном описании синтаксиса), при изучении ВПредик естественным образом вводятся понятия предикативности и предикации, актуального членения, предикативной структуры, а также моделей предикативных структур, то есть типология минимальных структурных схем предложения.

3. Если принять МВ за коммуникативный **минимум**, а ВПредик за коммуникативный **прототип**, то логично будет признать роль коммуникативного **стереотипа** за таким высказыванием, которое не только опирается на предикативную структуру, но и **распространено**. Общеизвестно, что нераспространенные простые предложения в реальной речевой практике используются не столь уж часто и отличаются рядом особенностей (см., в частности: [Конева 1978; 1996]); наиболее же широко употребительны высказывания, содержащие, помимо собственно предикативной структуры, те или иные распространители (это относится и к приведенным выше примерам 2, 3 и 3а).

Распространение высказывания может осуществляться, как известно, на двух основаниях. Первое заключается в реализации компонентов семантической структуры предложения, не представленных предикативной структурой (например, субъектный детерминант в безличном предложении), второе — в реализации семантических и / или грамматических потенций какого-либо слова (словоформы), причем и в данном случае может идти речь о реализации компонента семантической структуры предложения (ср. прямые дополнения). Первое обычно именуют, за неимением лучшего термина, присхемным распространением (или детерминацией), второе — присловным. Очевидно, что при введении понятия распространения предложения целесообразно опереться на понятие семантической структуры предложения (имея в виду пропозицию, ее предикатно-актантную структуру; модусно-диктумное членение имеет смысл рассматривать позже). Описывая же присловное распространение, мы практически целиком охватываем учение о словосочетании, причем модели словосочетаний оказываются не чем иным, как моделями распространения слова / словоформы.

4. Дальнейшее усложнение высказывания может быть интерпретировано как движение от коммуникативного стереотипа в направлении, которое определяется суммой двух векторов: номинативного (усложнение предметно-информационного содержания) и коммуникативного (усиление коммуникативной адаптации высказывания,

насыщение его элементами метаинформации относительно компонентов текущего коммуникативного акта — говорящего, слушающего, самого высказывания и т. п.).

При описании движения по линии номинативного усложнения (структурно-семантическое осложнение) вводятся понятия однородности, обособления, полипропозитивности, полипредикативности и, наконец, рассматривается типология сложного предложения.

Особый сюжет, по-видимому, должны составлять механизмы компрессии содержания. Именно в связи с компрессией целесообразно рассматривать такие способы усложнения коммуникативного стереотипа, как свернутые пропозиции, детерминанты, не предусмотренные семантической структурой предложения, и др.

При описании движения по линии усиления коммуникативной адаптации вводятся понятия вводности, вставности, эллиптичности, вокативности, модусно-диктумного членения высказывания; уточняется и углубляется представление об актуальном членении.

5. В заключение — одно чисто методическое соображение. Думается, что общая, целостная картина синтаксической системы должна обрисовываться с самого начала и в ходе дальнейшего описания постоянно находиться в поле зрения. Это единственный путь, позволяющий не утратить целостности описания. Кроме того, это единственный путь, позволяющий ввести в описание представление о единой системе синтаксических связей, которые обычно рассматриваются разрозненно.

ГЛАВА 4

ПРОТОДЕЙКСИС, ПРЕДИКАЦИЯ И СОСТАВ ПРЕДИКАТИВНЫХ КАТЕГОРИЙ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

1. Введение

Предикативными обычно называют или морфологические категории глагола, участвующие в выражении предикативного значения предложения, или опирающиеся на них синтаксические категории, формирующие суперкатегорию предикативности. В данном разделе речь пойдет о синтаксических категориях.

В число предикативных включают синтаксические категории модальности, времени и лица (хотя, как известно, последняя в этом качестве не раз становилась предметом дискуссий — см., например, [Шведова 1971; Золотова 1975; Ильенко 1975]; некоторые современные синтаксисты по-прежнему исключают лицо из числа предикативных категорий [Стародумова 2005]). Предлагалось и расширение состава предикативных категорий: в частности, Г. А. Золотова писала, что «требует специального исследования и дополнительной аргументации вопрос о том, какое место занимает признак временной локализованности в отношении к категории предикативности: составляет ли он четвертый грамматический (или функционально-семантический, по А. В. Бондарко) компонент этой категории, либо представляет аспекты категории времени, либо, может быть, должен рассматриваться среди структурно-семантических модификаций моделей предложения» [1975: 151].

Очевидно, что состав предикативных категорий определяется трактовкой понятия предикативности. Как известно, триада модальности — времени — лица прочно закрепилась в отечественной лингвистике после работ В. В. Виноградова 1940-х — середины 1950-х гг. Во второй половине 50-х гг. в советском языкознании развернулась дискуссия о предикативности, продолжавшаяся до середины 70-х гг. В ходе этой дискуссии учение В. В. Виноградова было поддержано, но подвергалось и критике, суть которой сводилась, в частности, к следующему: 1) если под предикативностью понимается выраженность в предложении модального, темпорального и персонального значений, то она совпадает с понятием сказуемости; возникает дублирование терминов и понятий; 2) если предикативность

выражает соотнесенность содержания предложения с действительностью и модальность — тоже, и если 3) предикативность трактуется как «то, что делает предложение предложением», то она оказывается понятием, лишенным реального содержания, тавтологичным по сути и ничего не добавляющим к нашим знаниям об устройстве предложения [Стеблин-Каменский 1956; 1971]. Соображения критического характера высказывали также В. Г. Адмони [1956], И. П. Распопов [1958; 1961] и О. А. Крылова-Самойленко [1965].

Несмотря на эту критику, понятие предикативности утвердилось в отечественной лингвистической традиции, особенно в практике университетских курсов синтаксиса, именно в трактовке В. В. Виноградова. Это произошло не потому, что замечания оппонентов были отведены содержательными аргументами, а потому, что дискуссия свелась к выражению по-разному мыслящими специалистами своих взглядов на проблему, но не привела — и вряд ли могла привести — к выработке единой теоретической концепции. При этом большинство ученых склонялись к уточнению и / или внутренней дифференциации понятия предикативности, но не отвергали его. Объединить различные точки зрения вообще слишком трудная задача, а ситуация в теоретическом синтаксисе и была, и остается напоминающей строительство одного и того же здания несколькими бригадами с разных сторон, без согласованного плана и без общего фундамента. Нет ничего удивительного в том, что университетские преподаватели стремились опереться на авторитетные источники, — а в них излагалась концепция В. В. Виноградова. Еще в 1961 г., задолго до того, как дискуссия о предикативности утратила первоначальную остроту, Т. П. Ломтев афористично выразил возобладавшую точку зрения: «То, что обладает свойством предикативности, есть предложение; то, что не обладает этим свойством, не есть предложение» [1961: 67].

Таким образом, проблемы, связанные с традиционной трактовкой предикативности, не были решены. При интерпретации предложений, построенных по прототипической двусоставной модели, эти проблемы о себе практически не напоминают; но как только в круг рассмотрения включаются предложения (высказывания), не содержащие эксплицитной спрягаемой формы глагола, в особенности разговорные высказывания типа *Неужели?*, *Ну-ну*, *Внимание!* и т. п., — возникают противоречия, разрешить которые, оставаясь в русле виноградовской концепции, невозможно (подробнее см. ниже, п. 2.2). Речь идет отнюдь не о каком-то маргинальном явлении, лишь sporadически возникающем в разговорном диалоге. Основной подкорпус Национального

корпуса русского языка (далее — НКРЯ), например, в ответ на запрос «*Да ну*» выдает 1079 документов, 1936 вхождений; по запросу «*Да неужели?*» — 398 документов, 607 вхождений; в первом случае примерно половина, во втором примерно треть — именно отдельные высказывания, либо целиком формирующие диалогическую реплику, либо входящие в нее как отдельное высказывание (дата обращения 01.02.2016). Существенно, что контексты вхождений представляют собой не только диалоги персонажей, но и несобственно-авторскую речь, и монологические фрагменты (в частности, посты в блогах).

Задача настоящего раздела заключается в том, чтобы сформулировать такое понимание предикативности, которое позволило бы устранить названные противоречия, сохранив при этом исходные очертания понятия, а также уточнить состав предикативных категорий высказывания. Для этого необходимо рассмотреть соотношение предикативности и ряда смежных понятий: коммуникативности, протодейксиса, предикации, предикативного отношения.

2. Коммуникативность и предикативность

В главе 2 на основе анализа коммуникативных неудач было предложено понимание коммуникативности, опирающееся на тезис: социально значимую коммуникативную функцию обеспечивает высказыванию наличие ясной для участников общения соотнесенности факта высказывания с базовыми параметрами текущей коммуникативной ситуации, а именно актуальным временем-пространством, участниками и предметом данного акта общения. Эта соотнесенность является фундаментальным условием реализации коммуникативной функции. Второе важнейшее условие — это интенция говорящего, его намерение сообщить собеседнику нечто, побудить его к чему-л. и т. п. Очевидно, что без этой интенции никакая коммуникация невозможна — за исключением ситуаций *н а в я з а н н о й* коммуникации, когда один участник продуцирует неинтенциональную вокализацию (например, покашливает, не вкладывая в свое покашливание никакого коммуникативного намерения), а второй сознательно интерпретирует эту вокализацию как несущую коммуникативное намерение и реагирует соответствующим этой интерпретации образом. Коммуникация при этом навязывается вторым участником первому, и отсутствие исходной коммуникативной интенции компенсируется как бы удвоенной интенцией второго участника. Особый случай со-

ставляет протодиалог между взрослым и ребенком, в котором также имеет место сознательная интерпретация взрослым неинтенциональных «реплик» ребенка в качестве интенциональных⁵². Здесь природа та же, что и в навязанной коммуникации, но отсутствует элемент коммуникативного насилия, который заменен развивающей (лингводидактической) интенцией взрослого.

Названные условия столь существенны, что представляется оправданным введение их в онтологическую интерпретацию коммуникативности. Если пойти на этот шаг, получим следующее определение: *коммуникативность — это свойство высказывания служить единицей общения, обеспечиваемое наличием коммуникативной интенции и соотносительностью самого факта высказывания с базовыми параметрами коммуникативной ситуации*⁵³. Коммуникативность — качество, сообщаемое высказыванию самим фактом его осуществления, качество, для возникновения которого достаточно наличия коммуникативной интенции и ее реализации в факте высказывания. В минимальном случае последнее может быть оформлено даже отдельным звуком (междометием) с определенной интонационной окраской⁵⁴, другие средства необязательны.

Имеет смысл попытаться ответить на вопрос, почему для реализации коммуникативности не требуется специальных языковых средств, кроме названных.

⁵² Этот пример подсказан мне В. В. Казаковской. О протодиалоге см.: [Bråten 1991; Питерс 1999: 159; Казаковская 2008].

⁵³ Приведенная формулировка содержит акцент на факте высказывания, отличающий ее от прежнего варианта, в котором говорилось о соотносительности *вещественного содержания* высказывания с данной коммуникативной ситуацией. Необходимость этого уточнения объясняется по меньшей мере двумя причинами: 1) вещественного (предметного, номинативного) содержания может просто не быть (ср. модально-ситуативные высказывания типа *Да ну?* или *Вот еще!*; см. о них ниже, п. 2.2); 2) участие вещественного содержания в этой соотносительности вторично, производно от факта высказывания как такового; понятие факта высказывания шире, так как включает и его содержание.

⁵⁴ Без интонации человеческая речь, как известно, невозможна. Ср. у Ч. Пирса: «Некоторые утверждают, что предложение *Идет дождь* не содержит никакой предикации. Однако если оно — утверждение, то оно не означает, что дождь идет в сказочной стране, но сам акт говорения чего-либо с явным серьезным намерением представляет собой Индекс, который понуждает адресата оглядеться и выяснить, к чему относится то, что было сказано» [1983: 151]. Выделенный нами фрагмент означает, что интонационное оформление имеет непосредственное отношение к формированию и предикации (по Пирсу), и коммуникативности.

2.1. Протодейксис

В стандартном случае (при успешной коммуникации) указанная отнесенность высказывания к базовым параметрам текущей коммуникативной ситуации осуществляется автоматически. Нейрофизиологической опорой этого процесса служит механизм, который побуждает воспринимающего к мгновенному и безусловному отнесению сигнала к своему актуальному настоящему и к самому себе, — безусловный рефлекс, отработанный миллионами лет эволюции в системах коммуникации животных, а затем унаследованный человеком. В работе [Дымарский 2013] было предложено называть этот механизм протодейксисом⁵⁵. Очевидно, что это не тот дейксис, который осуществляется при помощи личных и указательных местоимений, поскольку средства выражения в данном случае отсутствуют, а следовательно, отсутствуют и какие бы то ни было противопоставления (нет ни временной, ни модальной, ни персональной оппозиций). В то же время речь идет о явлении именно дейктической природы (о ничем не опосредованной референции), имеющем базисный, исходный характер.

Можно полагать, что протодейксис сформировался в филогенезе (и формируется в онтогенезе) как составляющая фундаментального механизма обстановочной афферентации, описанного П. К. Анохиным как «совокупность всех тех внешних воздействий на организм от данной обстановки, которые вместе с исходной мотивацией наиболее полно информируют организм о выборе того действия, которое более всего соответствует наличной в данный момент мотивации. Физиологическая роль и поведенческий смысл обстановочной афферентации состоит в том, что она прежде всего благодаря свойственному ей относительно постоянству действия создает в центральной нервной системе весьма разветвленную интегрированную систему возбуждений, своего рода нервную модель обстановки» [Анохин 1966: 9. Цит. по: Леонтьев 1969/2003: 145–146; разрядка авторская]. Протодейксис относит факт некоторого сигнала (впоследствии — высказывания) к текущему моменту физического времени субъекта восприятия, минуя активное сознание и все присутствующие в нем понятийные (или функционально-семантические) категории. Разумеется, при необходимости содержательного анализа сигнала активное сознание немедленно подключается, но это уже следующая стадия обработки сигнала.

⁵⁵ Термин *Protodeixis* использует также немецкий философ Вольфрам Хогребе [Hogrebe 2010], однако в ином значении, связанном с природой визуальных искусств.

Протодейксис является фундаментальной предпосылкой коммуникативности, но в ее основе лежит не он, а его зеркальное отражение — коммуникативная интенция. В современных нейрофизиологических исследованиях имеются обобщения, указывающие на возможное время появления коммуникативной интенции в глоттогенезе. Опираясь на открытие так называемых зеркальных нейронов (*mirror neurons*), — прежде всего в премоторном кортексе, то есть в той области коры полушарий головного мозга обезьян и человека, которая связана с регуляцией как двигательных, так и речевых (у человека) функций, — М. Арбиб выстраивает последовательность из 7 стадий (пре)глоттогенеза: от хватательных движений до человеческого языка⁵⁶. Первые три стадии, по его мнению, были общими для прегоминид, стадии 4–6 отличали линию гоминид от других приматов; последняя, седьмая, стадия — это появление человека и его языка. Возникновение коммуникативной интенции автор относит к пятой стадии — эпохе протознака («S5: Protosign») [Arbib 2005: 108]⁵⁷, то есть к периоду, когда гоминиды отделились от ближайших родственников, но еще задолго до возникновения человека⁵⁸.

Иначе говоря, возникновение коммуникативной интенции, а вместе с ней и коммуникативности, предшествовало формированию языка и послужило глоттогенезу сильнейшим стимулом. Возникновение коммуникативной интенции должно связываться с необходи-

⁵⁶ I. Хватание. II. Зеркальная система для хватания. III. Простая имитационная система для объектно-направленного хватания. IV. Сложная имитационная система для хватания — способность распознать поведение другого как множество знакомых действий и затем повторить их. V. Протознак, коммуникативная система, опирающаяся на движения рук, разрывающая ограниченность репертуара вокализаций приматов. VI. Проторечь VII. Язык.

⁵⁷ См. также [Arbib, Rizzolatti 1998; Ризцоллатти, Синигалья 2012], где высказана одна из возможных гипотез о возникновении коммуникативной интенции и зеркальных нейронах. В частности, авторы первой из указанных работ, описав гипотетический протодиалог, состоящий из «префиксов» движений (впоследствии — жестов), распознаваемых при помощи зеркальных нейронов, пишут: «Это новое использование зеркальной системы знаменует начало интенциональной коммуникации — как на индивидуальном уровне, так и на уровне вида» (р. 191; перевод мой. — М. Д.).

⁵⁸ Опираясь на данные палеоантропологии, можно предполагать, что коммуникативная интенция возникла по меньшей мере на миллион (!) лет раньше человеческого языка (см. о возрасте останков австралопитеков, архантропов и особенностях эволюции последних [Дробышевский 2013а–в], интерпретацию этих данных в [Дымарский 2013]).

мостью регулировать совместную деятельность, что непосредственно вытекает из коллективного употребления орудий, характерного для гоминид [Козинцев 2004]. Именно при этом условии изначальная автоматическая отнесенность сигнала к актуальному настоящему может быть одухотворена адресованностью, включающей осознание себя как субъекта и Другого — как объекта коммуникации. Это осознание и составляет коммуникативную интенцию. Синтез этих факторов уже означает коммуникативность. Таким образом, предполагаемая последовательность событий, ведущих в филогенезе к возникновению человеческой коммуникации, следующая: 1) формирование протодейксиса (задолго до появления приматов); 2) формирование коммуникативной интенции как его зеркального отражения (эпоха гоминид); очевидно, что условием и основой для возникновения интенции послужил именно протодейксис; возможный механизм описан М. Арбибом и Дж. Ричцоллатти, см. сноску 58; 3) начало формирования первичных систем произвольных жестов / вокализаций с фиксированной коммуникативной функцией (позднее — семантикой).

Можно предположить, что одна из самых ранних стадий речевого онтогенеза, когда ребенок достигает способности фиксировать внешний сигнал и начинает учиться реагировать на него, представляет собой стадию актуализации протодейксиса. Дальнейший протодиалог между матерью и ребенком развивает эту способность и формирует коммуникативную интенцию, в результате чего протодиалогические «реплики» малыша постепенно достигают уровня полноценных в коммуникативном отношении (но обязательно в грамматическом и лексическом отношениях) реплик диалога.

Гипотеза о протодейксисе созвучна идеям психологов, занимающихся онтогенезом личности: теориям врожденного «виртуального Другого» С. Брётена, тесно с ней связанной концепции «врожденной интерсубъектности» К. Тревартена и др., см. [Bråten 1991; Trevarthen 1998: 16]. По мнению этих авторов, ребенок «готов к диадической коммуникации с самого рождения. Невербальный протодиалог между ребенком и матерью, эмоциональная подстройка друг к другу и другие явления взаимности ведут к предположению о существовании онтогенетического базиса, который Тревартен называет исходной интерсубъектностью» [Tarpen 2007: 71; перевод мой. — М. Д.]. Показательно, что и в данном случае объяснение адаптивно-коммуникативной готовности ребенка, проявляющейся

с самого рождения, связывается с функционированием зеркальных нейронов [Ibid.: 72].

Представляется возможным рассматривать протодейксис как дограмматический прообраз языковых категорий лица, времени и модальности — другими словами, как дограмматический прообраз предикативного значения. Если принять это предположение, то развитие естественных языков по пути формирования предикативной структуры и, соответственно, всего комплекса образующих ее средств предстает предопределенным задолго до своего начала.

Из сказанного следует, что целесообразно различать соотношенность содержания высказывания с действительностью — и опирающуюся на протодейксис соотношенность факта высказывания с параметрами текущего коммуникативного акта. Соотношенность первого типа более широка, так как включает по меньшей мере разные модальные, временные и пространственные планы.

Будучи явлением нейрофизиологической природы, протодейксис обеспечивает основу для восприятия высказывания и не может непосредственно присутствовать в нем. Однако в высказывании всегда наличествует лингвистически выявляемый след его зеркального отображения — коммуникативной интенции, а именно речевая модусная рамка (далее — МР)⁵⁹. Между тем соотношенность с действительностью (в широком плане) возможна только при наличии определенных грамматических средств, а самое главное — она приобретает актуальность только при наличии определенного диктального содержания; протодейксис не связан и не может быть связан с диктальным содержанием.

Речевая МР вида ‘Я говорю тебе здесь и сейчас’ (с позиций слушающего это протодейксис, суть которого формулируется аналогично, но с соответствующей меной ролей) явно или скрыто присутствует в любом высказывании. Факт высказывания (воспринятый коммуникативный сигнал) актуализирует протодейксис как зеркальное отображение уже речевой МР, как импульс, побуждающий человека

⁵⁹ Исходим при этом из определения: «Конструкция, соединяющая ментально-речевой предикат с субъектной словоформой (синтаксемой), называется модусной рамкой» [Онипенко 2013: 97]. В этой дефиниции не фигурируют адресат, *здесь* и *сейчас*, но очевидно, что там, где есть *Я* говорящего, есть и *Ты* слушающего, а если имеет место акт высказывания, то он обладает пространственной и временной координатами. Отсутствие этих компонентов в приведенном определении речевой МР объясняется, скорее всего, тем, что даже в случаях ее вербализации они обычно остаются невыраженными как ясные по умолчанию.

осознать себя в качестве участника коммуникации. Это осознание порождает оппозицию говорящего и слушающего, что становится основой для восприятия и интерпретации, в частности, субъектной перспективы высказывания. Н. К. Онипенко предложила трактовку последнего понятия как «соединения на одной оси пяти субъектных ролей (и, соответственно, пяти субъектных сфер)»: 1) «субъект базовой модели (субъект действия, качества, состояния) и 2) субъект-каузатор (субъект воздействия)»; эти две роли относятся к сфере диктума; 3) «субъект сознания (тот, кому принадлежит мысль), 4) субъект данной речи (*Я*) и 5) субъект восприятия речи (*Ты*)» [Онипенко 2013: 96]; три последних роли принадлежат к сфере модуса. Очевидно, что протодейксис может быть связан только с двумя последними ролями — *Я* и *Ты*. Они же представлены и в прототипической структуре речевой МР, поэтому, учитывая зеркальную соотнесенность последней с протодейксисом, можно называть ее также протодейктической. Такая дополнительная характеристика подчеркивает ее особый статус, отличный от статуса модусных рамок с ментальными предикатами *Я считаю / думаю / полагаю...*⁶⁰ Последние, в частности, могут иметь место как в случае пересказа чужой речи (*Он считает, что...*), так и в случае интерпретации чужого поведения, не сопровождаемого никакими речевыми действиями. Например, если неожиданно для присутствующих выясняется, что кто-то незаметно ушел (не попрощавшись, «по-английски»), то можно сказать *Он полагает, что прощаться с нами ему не требуется*. Речевая же (протодейктическая) МР в таком случае невозможна: если не иметь в виду переносные значения слов (*своим поступком он сказал...*), то неприемлемой окажется фраза *Он говорит / сказал, что прощаться с нами ему не требуется* — в силу неистинности ассерции главной части сложноподчиненной конструкции.

Структура речевой МР, неизбежно присутствующей в любом высказывании, оказывает существенное влияние на прагматику диалога и монолога. Высказывание, содержащее номинации элементов структуры речевой МР или хотя бы косвенные отсылки к ним, оказывается более «дружественным» (ср. нем. *mensch-freundlich*) к адресату и воспринимается легче. Именно поэтому опытный преподаватель широко использует конструкции типа *Сегодня мы с вами поговорим о...*, *Как вы знаете*, *Как мы с вами уже видели* и т. п. Чем меньше в речи

⁶⁰ Ср. давнюю полемику по поводу различий между речевой и другими типами модусных рамок между В. Г. Гаком [1987] и Н. Д. Арутюновой [1988].

говорящего подобных апелляций к структуре речевой МР (которая весьма близка к структуре текущего коммуникативного акта), тем больше вероятность возникновения коммуникативных неудач.

Стоит заметить, что в любом случае непрототипической коммуникации ее участники — осознанно или подсознательно — стремятся приблизить ее к прототипу, в частности — воспринимать любую реплику, которую они слышат от собеседника, как высказывание со стандартной речевой МР (*Ты говоришь мне здесь и сейчас*). Появление телефонной связи, которая обеспечивает непрототипическую коммуникацию, сделало эту тенденцию наблюдаемой. Оно привело к возникновению асимметричной коммуникации, когда один участник является субъектом двух коммуникативных актов, текущих одновременно, а два других — участниками одного из этих актов каждый (иногда не подозревая о существовании параллельного акта): например, директор разговаривает в своем кабинете со своим подчиненным — и одновременно по телефону со своей женой. Второй участник телефонной коммуникации может не знать о течении параллельного коммуникативного акта; в восприятии каждой реплики, которую он слышит в трубке, он исходит из модели стандартной речевой МР. Субъект двух параллельных коммуникаций может в подобной ситуации избежать неудач или провалов только в том случае, если будет сопровождать переключения с одного адресата на другого хотя бы частичной вербализацией речевой МР. Типична, однако, ситуация, когда такая вербализация происходит постфактум: *Это я не вам*. Коммуникативный провал уже произошел, и единственный способ вернуть взаимопонимание с собеседником состоит в уточнении адресованности реплики, вызвавшей непонимание.

Появление же технических средств, позволяющих говорить по мобильному телефону, не держа его в руках (гарнитуры *hands-free*), довело тип ситуаций асимметричной коммуникации до логического завершения — до грани абсурда. Если в предыдущем случае только один участник асимметричной коммуникации может заблуждаться на предмет отнесенности воспринимаемой им реплики к нему, то в этом случае заблуждаться могут уже двое: как телефонный абонент, так и участник прототипического коммуникативного акта. Это выразительно продемонстрировано, например, в фильме «Ирония судьбы. Продолжение»⁶¹. В аналогичной ситуации находятся и участники

⁶¹ Ср.: На дя. *Вроде бы ничего не взял. И р а к л и й. Да, ну, слава богу. Привет, Владик!* Константин. *Здравствуйте, только я не Владик! И р а к л и й. Искал, искал,*

записываемой телепередачи, когда ведущий одновременно общается и с ними, и с режиссером или редактором, голос которого он слышит с помощью микронаушника.

Очевидно, что подобные коммуникативные провалы возникают, в конечном счете, именно потому, что действие механизма протодейксиса безусловно. Оно сильнее любых привходящих обстоятельств, и еще до того, как человек успевает осознать, что услышанная им «странная» реплика адресована не ему, он воспринимает ее так, как подсказывает ему протодейксис, то есть в соответствии с прототипом коммуникативной ситуации. Известен еще более сложный тип потенциально неразрешимых коммуникативных неудач, возникающих в случаях двойного использования средств телекоммуникации — радио и телефона: это ситуации звонка в прямой эфир, когда дозвонившийся слушатель ожидает, когда его «выпустят» в эфир, а в тот момент, когда ведущий обращается к нему, он не может понять, к нему ли обращаются (такие ситуации описаны в [Дымарский 2004]). Здесь у слушателя возникает конфликт между побуждением воспринять услышанную реплику радиоведущего как адресованную ему (это побуждение диктует протодейксис) — и блокирующим это побуждение знанием того факта, что дозвонившихся может быть несколько и ведущий может обращаться к другому (это знание вытекает из опыта). И в этом случае, как видим, первую скрипку играет протодейксис.

Не требуется особой прозорливости, чтобы увидеть совпадение структуры речевой (протодейктической) МР со структурой приведенного выше определения коммуникативности: в них присутствуют одни и те же компоненты — *Я, Ты, здесь и сейчас*. Ведь именно эти компоненты составляют базовые параметры коммуникативной ситуации, отнесенность к которым трактуется как ядро коммуникативности. Таким образом, ответ на вопрос, почему для реализации коммуникативности не требуется специальных языковых средств, кроме интонации, заключается в том, что коммуникативность опирается на протодейксис — не знающий сбоев нейрофизиологический механизм, на базе которого возникла и коммуникативная интенция, воплощаемая в речевой модусной рамке.

чуть попозже мне перезвони, только обязательно перезвони. Да. Давай! Встал, быстро! Ты меня слышишь? Константин. А это вы мне? Ираклий. Да я с тобой сейчас разговариваю (автор сценария А. Слаповский. URL: <http://vvord.ru/tekst-filma/Ironiya-sudjbyi--Prodolzhenie/>).

2.2. Соотношение коммуникативности и предикативности

В. В. Виноградов считал предложением любую знаковую последовательность, способную служить единицей коммуникации, независимо от ее целенаправленности, типа содержания, грамматического состава и т. д., в том числе и типичные диалогические реплики, не несущие диктального содержания, которые мы далее будем называть модально-ситуативными высказываниями (*Вот-вот!; Да ну?* и т. п.). Соответственно, ученый описывал категорию предикативности как присущую всем без исключения предложениям, а средства ее выражения характеризовал как многообразные, но специального внимания им не уделял [1954: 82–83] (подробнее об этом см. [Дымарский 2005]). Можно полагать, что он мыслил предикативность как категорию, скорее, понятийного плана, опирающуюся на широкий спектр средств воплощения предикативного значения, не обязательно грамматических и в том числе контекстуальных и конситуативных, находящихся за рамками данного высказывания⁶². Тем не менее В. В. Виноградов писал о ее грамматическом характере («совокупность таких грамматических категорий, которые определяют и устанавливают природу предложения как грамматически организованной единицы речевого общения, выражающей отношение говорящего к действительности и воплощающей в себе относительно законченную мысль» [там же: 76]). Таким образом, виноградовская трактовка предикативности не была лишена внутренней противоречивости: с одной стороны, предикативность характеризовалась по сути как категория понятийная (и тогда вопрос о средствах ее выражения приобретал статус второстепенного), с другой стороны, сам ученый настаивал на ее грамматическом характере (и тогда вопрос о средствах ее выражения должен был выдвигаться на первый план, чего, однако, не происходило; применительно к модально-ситуативным высказываниям этот вопрос превращался в неразрешимую проблему).

В дальнейшем в работах Н. Ю. Шведовой, В. А. Белашапковой, Г. А. Золотовой, М. В. Ляпон, Х. Беличовой-Кржижковой и др. происходит очевидное связывание категории предикативности только с такими речевыми фрагментами, которые не просто выполняют коммуникативную функцию, но содержат спрягаемую форму глагола

⁶² Такова, в частности, точка зрения А. В. Бондарко (личное сообщение).

или по меньшей мере формальную (бытийную) связку. Логика этого теоретического шага понятна: требовалось устранить указанное противоречие, сделав выбор между понятийной и грамматической трактовками предикативности, и вторая трактовка возобладала, так как количество и — главное — значимость для человеческой коммуникации высказываний, содержащих спрягаемую форму глагола или формальную связку, несопоставимы с количеством и значимостью высказываний модально-ситуативного типа.

В результате этого уточнения возникла лакуна: модально-ситуативные высказывания оказались в неопределенном положении, так как, будучи лишены диктального содержания, они не включают ни спрягаемой формы глагола, ни связки, следовательно — лишены предикативности, а значит, не являются предложениями, хотя успешно реализуют коммуникативную функцию.

Суть предлагаемого нами решения сводится к следующему: 1) все то, что у В. В. Виноградова именуется предложением, получает наименование *высказывания*; 2) общим признаком, объединяющим все без исключения высказывания, признается не предикативность, а коммуникативность (в очерченном понимании); 3) принимается грамматическая трактовка предикативности, предполагающая обязательное наличие формального выразителя — спрягаемой формы; только такая — предикативная — синтаксическая структура признается не только высказыванием, но и предложением.

Конечная цель любого высказывания — в осуществлении коммуникативной функции. В любом высказывании присутствует инвариантный минимум — соотнесенность самого факта высказывания с параметрами текущей коммуникативной ситуации, возникающая как результат совместного действия протодейкиса и коммуникативной интенции говорящего. Высказывания типа *Вот еще!*, не несущие диктального содержания, выражающие лишь субъективно-модальные смыслы (оценки говорящего, его отношение к предмету речи или другим компонентам текущей ситуации общения), вполне обходятся этим инвариантным минимумом, предикативная структура для них является излишней. Наличие же диктума меняет положение: одно дело — взглянуть в окно и, увидев дворового мальчика, катающего Жучку в салазках, воскликнуть *Ха-ха!* или *Ого!*, и совсем другое — описать наблюдаемую ситуацию, причем так, чтобы ее с достаточной наглядностью мог представить себе даже человек, никогда ничего подобного не видевший. Для локализации диктального содержания относительно текущего коммуникативного акта и через него — от-

носителем действительности в широком смысле — силы протодейкиса недостаточно, потому что он, как было сказано, не несет собственно временных, персональных и модальных значений. Поэтому высказывания, несущие диктальное содержание, всегда нуждаются в предикативной структуре, в то время как при отсутствии диктального содержания она факультативна.

2.3. Коммуникативность, предикативность и модульный принцип в синтаксисе

Итак, предикативность, в отличие от коммуникативности, — свойство отнюдь не любых высказываний, а только таких, значение которых шире рамок модального смысла, выраженного с непосредственной опорой на протодейкис, без привлечения дополнительных языковых средств. Предикативность может рассматриваться как грамматический механизм, который обеспечивает таким высказываниям реализацию коммуникативной функции [Беличова-Кржижкова 1979: 669], поскольку возможности протодейкиса ограничены узкими рамками соотнесенности с моментом речи. Между коммуникативностью и предикативностью — отношения прямой преемственности, поскольку протодейкис, лежащий в основе коммуникативности, представляет собой дограмматический прообраз предикативного значения. В этом смысле можно сказать, что предикативность является грамматическим воплощением коммуникативности.

Однако наличие предикативной структуры, то есть, как вытекает из сказанного выше, предикативность, обеспечивая высказыванию возможность реализовать коммуникативную функцию, не заменяет коммуникативности. Источником последней является не синтаксическая структура высказывания, а намерение говорящего, его замысел. Именно поэтому правильно построенное, развернутое высказывание с предикативной структурой в основе может потерпеть коммуникативную неудачу, если адресату неясна соотнесенность самого факта данного высказывания с одним из базовых параметров коммуникативной ситуации — например, с ним самим: *Л и з а . А вам, искателям невест, / Не нежиться и не зевать бы; / Пригож и мил, кто недоест / И недоспит до свадьбы. Мол ч а л и н . Какая свадьба? с кем?* (А. С. Грибоедов. Горе от ума). Причина неудачи не в построении высказывания, а в его замысле.

Очерченное соотношение коммуникативности и предикативности может подвергаться модификациям, причем некоторые из них носят регулярный характер. Синтаксис широко использует м о д у л ь н ы й

принцип организации, суть которого состоит во включении готовой структуры в качестве компонента (модуля) в структуру более высокого порядка (понижение статуса) или, наоборот, в использовании компонента в качестве субститута структуры, частью которой он является (повышение статуса) [Дымарский 2011].

При понижении статуса роль компонента подавляет присущую данной структуре функцию. Так, в высказывании *На какие средства эти коттеджи возведены — дело, если есть вопросы, правоохранительных органов* (газ.; пример из [Чичварина 2007: 316]) целая предикативная структура использована в роли подлежащего и собственной коммуникативной функции, разумеется, лишена. В широко распространенных конструкциях типа *Счастье — это когда тебя понимают* (Г. Полонский. *Доживем до понедельника*)⁶³ предикативная структура, симметричным образом, выступает в роли сказуемого.

Еще более регулярным является использование предикативной единицы в качестве части сложного предложения. В одних случаях можно говорить о полном отсутствии у предикативных частей сложного высказывания собственной коммуникативной функции. Это касается, прежде всего, сложноподчиненных моделей нерасчлененной структуры — например: *Кто хочет, тот добьется*, — и некоторых собственно бессоюзных моделей (по классификации С. Г. Ильенко [2009: 309 и сл.]), например: *Не случись такого казуса, она, быть может, была бы жива и доселе...* (А. П. Чехов. *Мои жены*). В других случаях, особенно в сложносочиненных предложениях открытой структуры и в бессоюзных конструкциях, которые С. Г. Ильенко квалифицирует как явления текста [там же], предикативные части или способны к самостоятельному функционированию, или фактически имеют самостоятельную коммуникативную функцию, или объединяются в смысловые блоки, имеющие собственную коммуникативную функцию: *Чувство это* (к брату. — М. Д.) *было так силь-*

⁶³ Ср. также: *Свобода — / это когда забываешь отчество у тирана, / а слюна во рту слаще халвы Ширази, / и, хотя твой мозг перекручен, как рог барана, / ничего не каплет из голубого глаза* (И. Бродский. «Я не то что схожу с ума, но устал за лето...»). В отличие от автора сценария «Доживем до понедельника», И. Бродский не ставил и не мог ставить задачу стилизации речи десятиклассника. Использование поэтом данной конструкции выразительно подчеркивает ее повсеместное распространение. НКРЯ в ответ на запрос «это когда» выдает 1720 документов с 2539 вхождениями, Google — 180 млн результатов. Данные представляются убедительными даже с учетом случайных совпадений.

но в первую минуту выезда из Воронежа, что провожавшие ее (княжну Марью. — М. Д.) были уверены, глядя на ее измученное, отчаянное лицо, что она непременно заболеет дорогой; но именно трудности и заботы путешествия, за которые с такою деятельностью взялась княжна Марья, спасли ее на время от ее горя и придали ей силы (Л. Н. Толстой. Война и мир).

При повышении статуса компонент некоторой структуры, сохраняя внешние признаки именно компонента, функционирует в качестве заместителя этой структуры в целом: ср., например, типичное самостоятельное функционирование изъяснительных / целевых придаточных с союзом ирреальной модальности *чтобы* / *чтоб* в заголовках (*Чтобы помнили*), в инвективных высказываниях (*Чтоб тебе провалиться, Чтоб тебя разорвало*⁶⁴), в категорических приказаниях (*Чтоб ни звука мне!*).

Как повышение, так и понижение статуса предикативной структуры определяются общим замыслом высказывания. На шкале признаков, конституирующих высказывание, коммуникативность занимает иерархически более высокое положение, нежели предикативность. Последняя не является ни самоцелью, ни высшей ступенью организации высказывания; это важнейший механизм, обеспечивающий высказыванию способность осуществить коммуникативную функцию, — но не более того.

3. Предикация, предикативное отношение, предикативность

Недостаточная определенность в соотношении понятий предикации, предикативного отношения и предикативности ведет к неправомерным отождествлениям и не способствует прояснению онтологического статуса предикативности.

Понятие предикации исторически связано с понятием предиката и с *предикабиями*, под которыми Аристотель понимал, выражаясь современным языком, логические типы предикатов⁶⁵. В представлениях

⁶⁴ Союз в таких высказываниях и в категорических приказаниях утрачивает союзную функцию и приобретает свойства сентенциальной частицы.

⁶⁵ Аристотель в «Топике» выделяет четыре предикабии: род (γένος, genus), вид (εἶδος, species), собственное отличие (ἴδιον, proprium) и случайное, или привходящее, отличие (συμβεβηκός, accidens). Порфирий во «Введении к Категориям» Аристотеля в качестве пятой предикабии указывает видовое отличие (διαφορά, differentia) [Стяжкин, Субботин 1967].

средневековых схоластов предикация — познавательный акт, отображаемый суждением, структура которого, если отвлекаться от частностей, сводилась к формуле *S есть P*.

В XIX–XX вв., с развитием представления о несводимости структуры предложения к структуре логического суждения, понятие предикации дифференцируется: различаются логико-философское и лингвистическое понятия предикации, причем последнее тесно сближается с понятием предложения. Тем не менее существующие трактовки сходятся в том, что предикация рассматривается как процесс, происходящий при формировании предложения (или другого относительно завершеного языкового выражения), причем на том этапе, когда «независимые предметы мысли» уже «выражены самостоятельными словами» [Степанов 1990: 393] (см. также [Смирницкий 1957: 102], обзор см. [Дымарский 2015]).

Такое понимание предикации вступает, однако, в противоречие с известным тезисом Л. С. Выготского: «Внутренняя речь по своему синтаксическому строению почти исключительно предикативна» [1934: 211]⁶⁶. Во внутренней речи нет предложений; тезис ученого означает, что внутренняя речь «почти исключительно» состоит из предикатов, лишенных привычного для внешней речи актантного окружения. Возникает вопрос: если акт предикации совершается при формировании предложения, а предложений во внутренней речи нет, то откуда в ней возникают предикаты?

Мысль Л. С. Выготского была развита его последователями: «по своему морфологическому строению внутренняя речь резко отличается от внешней: она имеет свернутый, аморфный характер, а по своей функциональной характеристике является прежде всего предикативным образованием. Предикативный характер внутренней речи <...> является основой для перевода исходного “замысла” в будущее развернутое, синтагматически построенное речевое высказывание <...> внутренняя речь по своей семантике никогда не обозначает предмет, никогда не носит строго номинативный характер, т. е. не содержит “подлежащего”; внутренняя речь указывает, что именно нужно выполнить, в какую сторону нужно направить действие. Иначе говоря, оставаясь свернутой и аморфной по своему строению,

⁶⁶ Известны по меньшей мере три значения термина *внутренняя речь*: 1) планирование и контроль «в уме» речевых действий; 2) внутреннее проговаривание — беззвучная речь «про себя»; 3) один из этапов внутреннего программирования как фазы порождения речевого высказывания. Здесь имеются в виду 1-е и 3-е значения.

она всегда сохраняет свою *предикативную* функцию» [Лурия 1979: 140–141]. Н. И. Жинкин, настаивая на принципиальной несводимости внутренней речи к редуцированной внешней, называл язык внутренней речи «предметно-изобразительным кодом» и подчеркивал его универсальность и избыточность: «Во внутренней... речи связи предметны, т. е. содержательны, а не формальны» [1964: 36]. Предметность, содержательность связей внутренней речи и есть ее «почти исключительная предикативность»: ведь эти связи устанавливаются между предикатами, поскольку связи каждого субъекта со своим предикатом заданы самим фактом течения речемыслительного процесса и во внутренней речи не актуализируются.

По мнению классиков отечественной психо- и нейролингвистики А. Р. Лурия, П. Я. Гальперина и др., внутренняя речь является необходимым этапом порождения внешней речи. П. Я. Гальперин, в частности, писал: «по сравнению с “чистым” мышлением — это еще речь, а по сравнению с речевым сообщением — это особая речь, форма мышления; от внешней речи она происходит, а благодаря скрытому за ней мышлению ее бессвязные частицы выполняют осмысленную роль; и генетически, и функционально внутренняя речь служит переходом от внешней речи к чистой мысли и от нее к внешней речи» [1957: 57]. В этом и причина обращения к феномену внутренней речи в данном контексте: поскольку мы ставим под сомнение прикрепленность акта предикации к процессу оформления предложения, необходимо предложить альтернативу.

Если понятие предикации неразрывно связывать с предложением, то есть с внешней речью (во внутренней речи законченного предложения нет и не может быть), то становится неясным, как вообще возможна внутренняя речь. Ведь появление не только цепочки предикатов, как представлял себе внутреннюю речь Л. С. Выготский, но даже одного предиката возможно только тогда, когда по отношению к некоторому заданному, наличному на текущий момент в сознании предмету мысли⁶⁷ (потенциальному субъекту потенциального предложения) некая сущность (предмет, признак, понятие) приобретает статус предикатирующего его компонента. Предикация, следовательно, должна трактоваться как ментальный акт, предшествующий внешней речи, предшествующий, следовательно, и предложению, — ментальный акт, осуществляемый средствами

⁶⁷ Наличие в текущем сознании предмета мысли обеспечивается упоминавшейся выше обстановочной афферентацией.

не «натурального», по Н. И. Жинкину, языка, а предметно-изобразительного кода.

Акт предикации локализован в первом звене процесса порождения высказывания (построение внутренней речевой схемы, или этап внутреннего программирования). Согласно А. А. Леонтьеву, внутренняя структура этого звена может быть представлена следующим образом:

«а) перевод данных восприятия в последовательность чувственных образов или других элементов предметно-схемного кода ($I \rightarrow S_i O_i$);

б) факультативный этап — атрибуция некоторых признаков элементам предметно-схемного кода, своего рода первичная предикация ($S_i + \uparrow \rightarrow S\uparrow$, $O_i + \uparrow \rightarrow O\uparrow$)⁶⁸;

в) предикация, возможно, на базе дополнения программы “вербальным” компонентом, но не обязательно $[(S\uparrow O\uparrow) + (V)]\uparrow$;

г) факультативный этап — атрибуция некоторых признаков высказыванию в целом.

Собственно элементами программы, по-видимому, являются элементы типа $S\uparrow$, $O\uparrow$ (то есть элементы предметно-схемного кода, которым программируется смысловой статус субъекта / объекта, с предикаторованными им на этапе (б) признаками. — *М. Д.*), и реальная последовательность программирования именно с них (как уже данных) и начинается. Ведь в типовом случае к моменту начала речи мы всегда имеем чувственные образы предметных компонентов высказывания, уже “отягощенные” определенным “смыслом”, рядом субъективных ассоциаций, неразрывных с этим образом» [Леонтьев 1969/2003: 165; разрядка наша. — *М. Д.*]. Выделенное разрядкой замечание автора означает, что центральной операцией, ядром звена внутреннего программирования является (в) — предикация.

Следует заметить, что иногда содержание этапа внутреннего программирования интерпретируют как формирование компонентов актуального членения, что не меняет сути дела, поскольку тема-рема-тическое членение высказывания является одним из двух основных средств выражения предикативного отношения (о чем писал еще в 60-е гг. В. Г. Адмони [1960: 38; 1968: 286–288]).

Развивая и углубляя представления о процессе речепорождения, Т. В. Ахутина приходит к выводу о действии в этом процессе трех механизмов, или трех «синтаксисов». Эти «синтаксисы» действуют одновременно, но с некоторым запаздыванием каждого следующего относительно предыдущего: первый — смысловой (создание пропо-

⁶⁸ $\uparrow$ — знак, символизирующий предикацию.

зиции), за ним — семантический (построение семантической структуры предложения), третий — формально-грамматический [1989: 191–194].

Принимаемое, вслед за А. А. Леонтьевым, Т. В. Ахутиной и др., понимание предикации не является принципиально новым: оно лишь возвращает предикацию на ее «законное» место. Во всех цитированных (и многих других) определениях предикации зафиксирована ее процессуальная сущность — *установление, отнесение, акт*. В определении Ю. С. Степанова, несмотря на эксплицитное привязывание к «языковым выражениям» (*предикация — одна из трех основных функций языковых выражений*), речь идет прежде всего об «акте соединения независимых предметов мысли», «акте создания пропозиции» [1990: 393]. Очевидно, что пропозиция не есть языковое выражение, поэтому упоминание о том, что «независимые предметы мысли» выражены «самостоятельными словами», следует понимать, видимо, как указание на способ выражения компонентов пропозиции в результирующем высказывании, которому акт предикации предшествует: в противном случае противоречия не избежать.

Таким образом, понимание предикации как ментального акта (а не процесса, совершающегося исключительно в предложении) не противоречит существующим трактовкам: оно лишь уточняет их, восстанавливая их связь с многовековой традицией.

Существенно, что отнюдь не каждый акт предикации получает дальнейшее воплощение во внешней речи и, соответственно, в предложении. Постоянное изменение текущей ситуации, в которую включен мыслящий субъект / говорящий (в том числе коммуникативной ситуации), столь же постоянное изменение его психологического состояния и, так сказать, ментального интерфейса могут прервать или перефокусировать процесс порождения высказывания на любом этапе, — не говоря уже о том, что мелькнувший в сознании прообраз мысли отнюдь не обязательно связывается субъектом с речевой интенцией, так как коммуникативного мотива в данный момент может просто не быть. Мышление (в том числе его наглядно-действенный и наглядно-чувственный типы) — постоянно и неостановимо. В сравнении с общей продолжительностью мыслительных процессов в бодрствующем сознании подключение к ним механизмов продуцирования речи (словесно-логического мышления) выглядит едва ли не эпизодическим. Между тем любой тип мышления, очевидно, включает последовательность этапов (а–в) звена внутреннего программирования, по А. А. Леонтьеву, то есть неразрывно связан

с рекурсивной цепью актов предикации (если не представляет собой эту цепь). Это еще одна причина, заставляющая отказаться от тесного привязывания понятия предикации к понятию предложения, тем более к понятию предикативности.

Результатом акта предикации является установление предикативного отношения. Именно воплощение последнего (последних) мы наблюдаем во внешней речи — а не воплощение самого акта предикации.

Способы же реализации предикативного отношения (далее — ПО) множественны. Предикативность, интерпретируемая как грамматическая категория предложения, то есть категория, воплощаемая предикативной структурой, является, возможно, высшей ступенью реализации ПО, но помимо этой ступени существует целый ряд других. Кратко охарактеризуем их (развернутую характеристику см. в следующей главе).

4. Способы реализации предикативного отношения

Множественность способов реализации ПО естественна, так как ПО представляет собой структуру, обладающую той важной особенностью, что ни какой-либо ее компонент, ни вся она в целом не наделены признаком обязательности реализации в высказывании.

Для представления структуры ПО воспользуемся хорошо известной формулой $\{S \text{ есть } P\}$, где S — субъект, носитель предикативного признака, P — предикцируемый субъекту признак, $\{\text{есть}\}$ — собственно связь, глубинный логический оператор (не формальная связка биноминативного предложения!), связывающий S и P .

Воплощение предикативного отношения целесообразно описывать с учетом двух признаков: полноты / неполноты и изоморфности / гомоморфности.

4.1. Полнота / неполнота воплощения предикативного отношения

При полном воплощении ПО во внешней речи получают выражение все три его компонента: S и P выражаются дискретно — отдельными словами, а компонент $\{\text{есть}\}$ может быть выражен как дискретно (например, в предложениях с именными сказуемыми: *Супружество нам буд ет мукой* (А. С. Пушкин. Евгений Онегин)), так и недискретно — например, в нексусе, специфической взаимно-

направленной грамматической связи между подлежащим и сказуемым (*Вот бежит дворовый мальчик...* (А. С. Пушкин. Евгений Онегин)). При неполном воплощении ПО во внешней речи получают выражение два или даже один его компонент.

4.2. Изоморфность / гомоморфность воплощения предикативного отношения

Будем исходить из допущения, что компоненты *S* и *P* предикативного отношения обладают равным статусом. Тогда и з о м о р ф н ы м является только тот случай полного воплощения ПО, когда эти компоненты выражаются компонентами полной предикативной структуры — подлежащим и сказуемым. Г о м о м о р ф н ы м воплощением ПО признается, соответственно, синтаксическая структура, компоненты которой не являются парой «подлежащее + сказуемое», но могут быть интерпретированы как отображения *S* и *P*. Гомоморфным может быть как полное, так и неполное воплощение ПО.

Подлежащее при этом трактуется как прототипический носитель предикативного признака, обладающий двумя важнейшими чертами, отличающими его от других носителей предикативного признака (в частности, дательного субъектного, родительного субъектного, гипотетических «нулей Мельчука», см. [Циммерлинг 2012]): — формой им. п. и включенностью в двунаправленную связь со сказуемым (нексус).

5. Глубинный падеж как предикативная категория высказывания

Множественность и разнообразие способов отображения предикативного отношения в поверхностной структуре высказывания не только свидетельствуют об отсутствии взаимно-однозначного соответствия между предикацией и предикативностью, но и выразительно подчеркивают особый — прототипический — статус полного изоморфного воплощения ПО. В связи с этим представляется важным обратить внимание на то, что одним из условий полного изоморфного отображения ПО в высказывании является соблюдение требования формы именительного падежа в подлежащем. В сущности, это означает, что категорию падежа целесообразно включить в число предикативных категорий, поскольку падеж принимает прямое участие в прототипе воплощения ПО в высказывании, то есть в реализации того качества предложения-высказывания, которое называется предикативностью.

В самом деле, изоморфное воплощение ПО немислимо без кодирования субъекта формой именительного падежа. Это верно не только для языков с развитой системой словоизменения, но и, например, для английского языка, сохранившего лишь отдельные рефлекс-ы падежной системы (противопоставление прямого и косвенного падежей в формах личных местоимений и так называемый притяжательный падеж). Носитель английского языка никогда не использует формы *me, him, her, us, them* в функции подлежащего и никогда не использует в этой же функции существительное с предлогом (скажем, *of John* вместо *John*). Это означает, что, несмотря на отсутствие в данном языке морфологического маркирования именительного падежа, в его грамматическом сознании соответствующий падеж присутствует как «глубинный»⁶⁹.

Если выйти за рамки языков номинативного строя, то утверждение, связывающее изоморфное воплощение ПО с именительным падежом, потребует коррекции. Но важно, что не только в языках эргативного строя, но и в языках с другими, менее распространенными стратегиями морфосинтаксического кодирования (например, активной, тематической, транзитивной, трехчленной; см., в частности, [Климов 1972; Шахтер 1982; Ли, Томпсон 1982]) существуют те или иные средства, позволяющие различать субъект и объект переходного глагола, субъект непереходного глагола, активный / статичный / пассивный актанты, агентив и пациентив и т. д. Применимость понятия глубинного падежа, скажем, к тем языкам активного строя, в которых отсутствует именное склонение⁷⁰, — вопрос дискуссионный. Однако аргументом в пользу положительного решения этого

⁶⁹ Ср. у Ч. Филлмора: «Смыслы (глубинных. — М. Д.) падежей образуют набор универсальных, возможно врожденных, понятий, идентифицирующих некоторые типы суждений, которые человек способен делать о событиях, происходящих вокруг него, — суждений о вещах такого рода, как ‘кто сделал нечто’, ‘с кем нечто случилось’, ‘что подверглось некоему изменению’» [1981: 405]. Показательно, что свои положения Ч. Филлмор иллюстрирует материалом прежде всего английского языка. Идею Ч. Филлмора существенно дополняют замечания С. Д. Кацнельсона о необходимости учета «валентностной схемы» предиката при идентификации глубинных падежей [1988: 113].

⁷⁰ Как пишет Г. А. Климов, морфологическая категория падежа в этих языках «почти совершенно отсутствует». Среди немногочисленных из них, «знающих элементарную парадигму склонения бинарного типа», автор называет языки дакота и галф [1982: 9]. В целом же языки активного строя представлены на территории Северной Америки группами на-дене, сиу и галф, в Южной Америке — семьей тупи-гуарани [там же: 3].

вопроса может служить мнение: «Есть некоторые основания реконструировать А[ктивный] с[трой] для прошлого ряда современных языков номинативного строя (среди них — индоевропейских) и эргативного строя» [Климов 1990: 22].

Глубоко и точно писал об инвариантном значении и функциях именительного падежа М. А. Шелякин: «инвариантный грамматический (синтаксический) признак именительного падежа можно отразить в следующем определении: именительный падеж имен существительных обозначает предмет / класс предметов, исходно задаваемый говорящим при моделировании данной ситуации для установления его предикативных признаков и связей с другими предметами, т. е. как исходно-центральный (фокусированно-ситуативный) по отношению к приписываемым ему признакам или связям с другими предметами. Формально это выражается в независимости его формы от других слов в предложении. <...> им. падеж является синтаксически исходной точкой отсчета, узлом связей и отношений при моделировании выражаемой ситуации и представляет собой актант, логически предшествующий в формуле актантных отношений xRy » [1998: 106].

Н. М. Александров, опираясь на широкий материал как истории, так и современного состояния иранских, тюркских, германских, романских, малайских и других языков, приходил к знаменательному выводу (подкрепленному, помимо прочего, ссылками на сходные суждения А. А. Шахматова и Л. В. Щербы), что в современных языках выразителем предикативного отношения становится не столько глагол, сколько «независимое имя (подлежащее)» и «глагольно-именное сочетание»; то же касается и предложений, «в которых с глаголом в личной форме связаны облигаторный объект или облигаторное обстоятельство» [Александров 1975: 138]. Глагол в таких предложениях можно опустить: это не приведет к невыраженности предикативного отношения (ср.: *Она — к нему, а он — ко мне* (А. С. Грибоедов)) [там же: 136]. Эти суждения можно рассматривать как дополнительный аргумент к предлагаемому включению категории (глубинного) падежа в круг предикативных категорий высказывания.

В пользу прототипичности именительного падежа как маркера носителя предикативного признака говорит, помимо прочего, и тот факт, что при пассивной диатезе языки номинативного строя, как правило, маркируют второй актант именно номинативом, хотя, рассуждая логически, вполне можно предположить, что для этой цели язык мог бы использовать (или, еще лучше, — создать) какой-либо иной (или особый) падеж.

Особый статус номинатива признается и в различных версиях формального синтаксиса. Касаясь в кратком обзоре проблемы разнородности значений, выражаемых падежными граммемами, при том, что «в плане выражения падежные грамме́мы образуют парадигму», Е. А. Лютикова и Д. Р. Ибатуллина пишут: «значения падежей варьируют от семантически наполненных инструменталиса, комитатива, пространственных падежей до структурно мотивированных аккузатива или обликвуса, не несущих, по-видимому, никакой содержательной информации, кроме синтаксической зависимости <...>. Номинатив как падеж называния, оформляющий именную группу в независимом употреблении, очевидно, в такой системе может иметь только отрицательное значение» [Лютикова, Ибатуллина 2016: 371–372]. В минималистской модели Н. Хомского номинатив трактуется как один из трех основных структурных (в противоположность «ингерентным», т. е. лексически управляемым) падежей, «приписываемый финитной предикативной вершиной» (теория приписывания падежа функциональными вершинами) [там же: 374]. В теории А. Марантца, альтернативной модели Н. Хомского, номинатив рассматривается как «немаркированный падеж» — в отличие от «лексически управляемых», «зависимых» и «дефолтных» падежей (теория конфигурационного приписывания падежа) [там же: 375].

Универсальность категории (глубинного) падежа и обязательность ее участия в отображении ПО в структуре высказывания, разумеется, не ограничена рамками прототипа (полного изоморфного воплощения ПО). В подавляющем большинстве случаев полного и неполного гомоморфного воплощения ПО падеж также принимает прямое участие в кодировании компонента структуры предложения, соответствующего *S* предикативного отношения. В русском языке это прежде всего дательный субъекта, родительный с различными предлогами и творительный падежи. Между тем дательный со значением субъекта не является уникальной чертой русской грамматики: ср. рус. *Мне все равно* и его нем. аналог *Mir ist es egal*, букв. ‘мне есть оно безразлично’. В английском языке сохранилось слово *methinks*, функционирующее как вводный компонент со значением ‘мне кажется’ и восходящее к древнеанглийскому предложению, которое реконструируют в современном написании как *[it] me thinks*, где спрягаемая форма является формой глагола *thynkan* ‘казаться’, впоследствии слившегося с глаголом *thenkan* ‘думать’, а *me* — формой датива⁷¹.

⁷¹ https://en.wikipedia.org/wiki/Dative_case.

В ряде случаев неполного гомоморфного воплощения ПО также встречаются примеры участия падежа в кодировании субъекта: таковы тема-рематические пары, агентивные словосочетания и биситуативные высказывания. Особенно существенным представляется тот факт, что именные односоставные предложения, слитно выражающие предикативную пару $S \equiv P$, используют для этой цели именно номинатив, а не какой-либо иной падеж⁷².

Все, что человек может помыслить как предикат к некоторому (данному) субъекту, может быть осмыслено и как субъект по отношению к некоторому (дальнейшему) предикату. Если внутренняя речь не нуждается в способах дифференциации субъекта и предиката, поскольку роли субъекта и предиката в ней никогда не могут быть смешаны, то внешняя речь нуждается в механизме такой дифференциации. Простейший, дограмматический способ различения компонентов ПО во внешней речи — актуальное членение; Ч. Ли и С. Томпсон показали, что существуют языки, вполне обходящиеся этим механизмом [1982]. На другом полюсе находятся языки, развившие не только грамматические механизмы дифференциации компонентов ПО (прежде всего, это имя и глагол как таковые с принципиально различными системами словоизменения), но и средства вторичного актуального членения — см. пример, в котором все три механизма дифференциации субъекта и предиката, в том числе выдвижения топика, противопоставленного комментарию, используются для воплощения разных ПО:

(5) {А мэрия}_{topic} — {[нам от нее]_T, между прочим, [досталось неплохое пианино]_R}_{comment}.

Различные стратегии морфосинтаксического кодирования далеко не всегда предполагают прямое маркирование словоформ, выражающих первый актант, соответствующим морфологическим падежом, как это имеет место в языках номинативного строя. Возможны многообразные средства и их комбинации: например, в филиппинских языках активная и пассивная роли выражаются «падежеобразными

⁷² Так называемые генитивные (*Огня!*; *Грибов-то!*) и аккузативные (*Кресло мне!*) предложения представляют собой, с нашей точки зрения, устойчивые неполные реализации инфинитивных, определенно-личных, номинативных (с количественно-именным сочетанием) и др. моделей и в данном случае не рассматриваются. То же касается и «вокативных предложений» А. А. Шахматова, которые представляют собой не грамматические модели реализации ПО, а модели высказываний, стоящие в одном ряду с междометными и другими модально-ситуативными высказываниями, не опирающимися на предикативную структуру [Дымарский 2014].

префиксами, суффиксами и инфиксами» в структуре глагола, а не имени [Шахтер 1982]. Однако назначение всех известных в типологии стратегий едино: это прежде всего дифференциация компонентов ПО в поверхностной структуре высказывания. Исходя из этого, а также из того, что глубинный падеж — как семантическая роль — представлен во всех языках, независимо от их строя, приходим к выводу: категория глубинного падежа должна быть включена в число предикативных категорий высказывания.

6. Заключение

Коммуникативность представляет собой первичный признак высказывания, опирающийся на протодейксис и присущий высказыванию уже в силу того, что оно осуществилось, поскольку последнее означает и наличие коммуникативной интенции говорящего. В простейшем случае коммуникативность не нуждается более ни в каких подкрепляющих ее грамматических средствах, хотя сфера этих простейших случаев практически исчерпывается модально-ситуативными высказываниями. За ними, как и за любыми высказываниями, стоит ментальный акт предикации — и предикативное отношение как его результат; но выражение ПО в модально-ситуативных высказываниях не только предельно недискретно, но и фрагментарно: чаще всего словесный компонент такого речения выражает лишь субъективно-модальное значение, не составляющее обязательного элемента ПО.

Если же высказывание несет диктальное содержание, оно неизбежно использует грамматические механизмы, обеспечивающие полное или неполное, изоморфное или гомоморфное воплощение в его структуре предикативного отношения. К этим грамматическим средствам относятся не только синтаксические категории времени, модальности и лица, но и дифференциация компонентов ПО, включающая падежное маркирование субъектного компонента (последнее — с различными вариациями в зависимости от строя языка).

Предикативность, таким образом, предстает как категория, которую можно рассматривать в трех аспектах.

С онтологической точки зрения предикативность — это отображение в структуре высказывания ПО, являющегося результатом ментального акта предикации.

С точки зрения соотносительности с фундаментальным признаком высказывания — коммуникативностью — предикативность представляет собой воплощение коммуникативности в грамматической

структуре высказывания, поскольку первая материализует то, что присутствует во второй по определению: соотносённость с базовыми параметрами текущей коммуникативной ситуации.

Наконец, с грамматической точки зрения предикативность — это механизм, обеспечивающий грамматическое маркирование компонентов структуры высказывания, соответствующих компонентам предикативного отношения, и локализацию этого отношения в мыслимой действительности через соотносённость с базовыми параметрами коммуникативной ситуации.

Выше были высказаны два предположения. Первое: коммуникативность, возникшая раньше человеческого языка и послужившая сильнейшим стимулом для его развития, опиралась на механизм протодейксиса. Второе: протодейксис в то же время послужил дограмматическим прообразом предикативности, поскольку комплекс «актуальное настоящее» (время) + «я» (лицо) + «реально» (модальность) был фактически в нем уже заложен. Если эти предположения верны, то онтологическая, неразрывная связь между коммуникативностью и предикативностью, при всей неоднозначности отношений между ними, становится еще более очевидной. Становится ясной и та огромная роль, которую протодейксис сыграл в глоттогенезе и продолжает играть как в становлении коммуникативной компетенции ребенка, так и в повседневном человеческом общении.

СПОСОБЫ ВОПЛОЩЕНИЯ ПРЕДИКАТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ

1. Предикация как ментальный акт

Принимаемое в данном случае, вслед за А. А. Леонтьевым, Т. В. Ахутиной и др., понимание предикации как ментального акта, воплощаемого, но не осуществляемого в высказывании, не является принципиально новым: оно лишь возвращает предикацию на ее «законное» место. Во всех существующих определениях предикации зафиксирована ее процессуальная сущность (*установление, отнесение, акт*). В определении Ю. С. Степанова⁷³, несмотря на эксплицитное привязывание к «языковым выражениям» (*предикация — одна из трех основных функций языковых выражений*), речь идет прежде всего об «акте соединения независимых предметов мысли», «акте создания пропозиции». Очевидно, что пропозиция не есть языковое выражение (в том числе и в трактовке Ю. С. Степанова), поэтому упоминание о том, что «независимые предметы мысли» выражены «самостоятельными словами», следует читать, видимо, как указание на способ выражения компонентов пропозиции в результирующем высказывании, которому акт предикации предшествует: в противном случае противоречия не избежать.

Старые логические классификации типов предикации, как и античная классификация предикабилей, также указывают на ментальную, а не языковую природу акта предикации. Комментарии Ч. Пирса к перечисляемым им «схоластическим словосочетаниям» — типам предикации, выделявшимся в логике начиная с античных времен, — вполне в этом убеждают, ср.: «...Аналогическая предикация; доволь-

⁷³ Предикация — «одна из трех основных функций языковых выражений (наряду с номинацией и локацией), акт соединения независимых предметов мысли, выраженных самостоятельными словами (в норме — предикатом и его *актантами*), с целью отразить «положение дел», событие, ситуацию действительности; акт создания пропозиции. Предикация разделяется на 2 этапа. 1-й этап (предикация в узком смысле) — создание пропозиции, соединение смыслов более элементарных языковых выражений — *незавершенная* предикация; 2-й этап (предикация в широком смысле) — утверждение или отрицание (истинности или ложности) пропозиции относительно действительности — *завершенная* предикация» [Степанов 1990: 393].

но излюбленное выражение Фомы Аквинского: предикация, в которой предикат берется не в своем строгом смысле и не в несвязанном смысле, а в особом смысле, для которого есть достаточные основания, например, когда о статуе говорят, что это человек»; «...*Деноминативная предикация*: предикация, в которой то, что предназначено по своей природе быть субъектом, берется в качестве субъекта, а нечто, предназначенное по своей природе для предикцирования, берется в качестве предиката; сущности предикцируется здесь акциденциальное свойство» [Пирс 1983: 151–152]. Совершенно очевидно, что речь идет не о процессе создания предложения и не об устройстве последнего, а о способах мысли, связь которых со строением предложения исчерпывается тем, что эти способы в конечном счете получают воплощение именно в предложении. Не более того.

Таким образом, понимание предикации как ментального акта (а не процесса, совершающегося исключительно в предложении) не противоречит существующим трактовкам, но уточняет их, восстанавливая их связь с многовековой традицией.

Существенно, что отнюдь не каждый акт предикации получает дальнейшее воплощение во внешней речи и, соответственно, в предложении. Постоянное изменение текущей ситуации, в которую включен мыслящий субъект / говорящий, в том числе коммуникативной ситуации, столь же постоянное изменение его психологического состояния и, так сказать, ментального интерфейса могут прервать или перефокусировать процесс порождения высказывания на любом этапе, — не говоря уже о том, что мелькнувший в сознании прообраз мысли отнюдь не обязательно связывается субъектом с речевой интенцией, так как коммуникативного мотива в данный момент может просто не быть. Мышление постоянно и неостановимо (имеются в виду все типы, в том числе наглядно-действенное и наглядно-чувственное мышление); в сравнении с общей продолжительностью мыслительных процессов в бодрствующем сознании подключение к ним механизмов продуцирования речи (словесно-логического мышления) выглядит эпизодическим. Между тем любая разновидность дискурсивного мышления, очевидно, включает последовательность этапов (а–в) звена внутреннего программирования, по А. А. Леонтьеву⁷⁴, то есть неразрывно связана с рекурсивной цепью актов предикации (если не представляет собой эту цепь). Это еще одна

⁷⁴ «а) перевод данных восприятия в последовательность чувственных образов или других элементов предметно-схемного кода ($I \rightarrow S_i O_i$);

причина, заставляющая отказаться от тесного привязывания понятия предикации к понятию предложения, тем более к понятию предикативности в трактовке В. В. Виноградова и его последователей.

Результатом акта предикации является установление предикативного отношения. Именно воплощение последнего (последних) мы наблюдаем во внешней речи — а не воплощение самого акта предикации.

Способы же реализации предикативного отношения (далее — ПО) множественны. Предикативность, интерпретируемая как грамматическая категория предложения, то есть категория, воплощаемая предикативной структурой, является, возможно, высшей ступенью реализации ПО, но помимо этой ступени существует целый ряд других. Рассмотрим их подробнее.

2. Способы реализации предикативного отношения

Множественность способов реализации ПО естественна, так как ПО представляет собой структуру, обладающую той особенностью, что ни какой-либо ее компонент, ни вся она в целом не наделены признаком обязательности реализации в высказывании.

Для представления структуры ПО воспользуемся хорошо известной формулой $\{S \text{ есть } P\}$, где S — субъект, носитель предикативного признака, P — предикцируемый субъекту признак, $\{\text{есть}\}$ — собственно связь, глубинный логический оператор (не формальная связка биноминативного предложения!), связывающий S и P .

Воплощение предикативного отношения целесообразно описывать с учетом двух признаков: полноты / неполноты и изоморфности / гомоморфности.

2.1. Полнота / неполнота воплощения предикативного отношения

При полном воплощении ПО во внешней речи получают выражение все три его компонента: S и P выражаются дискретно — отдельными словами, а компонент $\{\text{есть}\}$ может быть выражен как дискретно (например, в предложениях с именными сказуемыми:

б) факультативный этап — атрибуция некоторых признаков элементам предметно-схемного кода, своего рода первичная предикация ($Si + \uparrow \rightarrow S\uparrow$, $Oi + \uparrow \rightarrow O\uparrow$) [$\uparrow$ — знак, символизирующий предикацию. — М. Д.];

в) предикация, возможно, на базе дополнения программы «вербальным» компонентом, но не обязательно $[(S\uparrow O\uparrow) + (V)]\uparrow$;

г) факультативный этап — атрибуция некоторых признаков высказыванию в целом» [Леонтьев 1969/2003: 165].

Супружество нам будет мукой (А. С. Пушкин)), так и недискретно — например, в нексе, специфической взаимно-направленной грамматической связи между подлежащим и сказуемым (*Вот бегают дворовый мальчик...* (А. С. Пушкин)). При неполном воплощении ПО во внешней речи получают выражение два или даже один его компонент.

2.1.1. Воплощение компонента {есть}. Следует особо оговорить, в каких случаях компонент ПО {есть} целесообразно признавать выраженным в синтаксической структуре и в каких — нет. Исходя из представления о том, что в порожденном актом предикации ПО {есть} — всегда актуальная связь между *S* и *P*, имеет смысл считать, что эта связь выражена в том случае, когда приписывание субъекту предикативного признака и сохраняет характер акта, действия. Это возможно только тогда, когда в результирующей структуре участвует спрягаемая форма глагола: именно она является единственным необходимым и достаточным языковым средством воплощения процессуальности, способным обеспечить реализацию ведущей актуализационной функции предложения (об актуализационных функциях см., в частности, [Бондарко 1975: 140–141]). В свою очередь, если считать предикативность категорией, тесно связанной с предикацией и служащей грамматическим воплощением предикативного отношения, то сказанное означает, что ее имеет смысл видеть только в тех синтаксических структурах, которые содержат спрягаемую форму глагола.

Таким образом, хотя в конструкциях типа *явление героя; любимая жена; любовь Ромео к Джульетте; Иванова, студентка V курса* и под. без труда вычлениются субъект и приписываемый ему признак (легко интерпретируемый как предикативный, что выявляется простейшими трансформациями), компонент {есть} в них не выражен, поэтому воплощение ПО в них является неполным; эти структуры не являются предикативными. То же следует сказать и в отношении коммуникативно-структурных членений высшего уровня в конструкциях типа:

- (1) *Это / моя лягушонка в коробчонке едет,*
- (2) *Самолет / — он ведь не игрушка* и т. п.

Последнее требует пояснения.

2.1.1.1. Конструкции вида (1), которые в [Дымарский 2007] было предложено называть биситуативными речевыми (не языковыми!) синтаксическими моделями, имеют семантическую структуру {Ситуация₍₀₎ = Ситуация₍₁₎}, где первый компонент — ситуация, названная в предшествующем высказывании, или конситуация,

второй — интерпретация той же ситуации (конситуации) говорящим. Местоимение *Это (То)* в таких конструкциях регулярно отсылает к Ситуации₍₀₎, замещает позицию темы и находится в абсолютном начале, остальное предложение является ремой, внутри которой возможно наличие собственного актуального членения (ср.:

(3) *А, это // я / в библиотеку, оказывается, \ зашел!* —

где *это* — абсолютная тема, все остальное — рема, внутри которой *я зашел* — тема, *в библиотеку, оказывается* — абсолютная рема).

Существует альтернативная интерпретация таких конструкций, обсуждение которой тем более целесообразно, что именно она предлагается Национальным корпусом русского языка. Постулируется «сентенциально-предикативное отношение», которое отличается от обычного предикативного тем, что в качестве сказуемого при местоименном слове в им. п. выступает целое предложение. Местоимению *Это (То)* приписывается, соответственно, статус «сентенциального» подлежащего (в отличие от подлежащего самой «сентенции» *лягушонка едет*). В [Апресян и др. 2010; автор раздела «Синтаксические отношения» Л. Л. Иомдин] и в Национальном корпусе русского языка (авторы те же) дано пояснение: такое местоимение — это, «метафорически говоря, подлежащее при сказуемом — предложении» [<http://www.ruscorpora.ru/instruction-syntax.html>]. «Говорить метафорически» авторам приходится потому, что понятиям темы, ремы и вообще актуального членения (как организатора высказывания, способного оперировать готовыми структурами уровня предложения) в их системе нет места: любое высказывание в этой системе должно быть сведено к дереву отношений, причем все отношения суть разновидности отношения «хозяин — слуга», а все ветви дерева лежат в одной плоскости⁷⁵; никакие факторы, кроме грамматических, формировать структуру высказывания в этой системе не могут.

Постулирование «сентенциально-предикативного отношения», в сущности, противоречит исходному тезису авторов: «Отношения связывают только отдельные слова, а не словосочетания» [там же]. В данном случае авторы устанавливают отношение между отдельным словом — и даже не словосочетанием, а целым предложением. Для устранения этого противоречия предназначена оговорка: «В случае так называемых синтаксических групп один из членов группы вы-

⁷⁵ «Каждое слово предложения, кроме одного (называемого вершиной предложения), зависит от какого-то слова по одному из синтаксических отношений» [<http://www.ruscorpora.ru/instruction-syntax.html>]

ступает в качестве представителя группы во внешних связях (локальной вершины группы) и подчиняет остальные члены группы» [там же]. Следуя этой максиме, авторы вынуждены подчинять спрягаемому глаголу два подлежащих: так, в примере

(4) *Это мышь скребется за печкой*

как «слуги» «хозяина» *скребется* помечены подлежащее *мышь* и «сентенциальное подлежащее» *Это* [там же]. В этом случае никакие метафорические оговорки не спасают от двоякого и неприемлемого чтения: получается, что скребется одновременно и мышь, и загадочное *Это*, причем неясно, почему в сказуемом использована форма ед. ч. Если же высказывание переводится, скажем, в план прошедшего времени (*Это мышь скреблась*), или если подлежащее приобретает форму мн. ч. (*Это мыши скребутся*), то становится совершенно непонятным, в чем, собственно, усматривается связь (отношение) между глагольным сказуемым и «сентенциальным подлежащим».

Понятие сентенциально-предикативного отношения выглядело бы намного убедительнее, если бы рассматриваемые конструкции имели вид

(5) **Это (То) БЫТЬ_f N₁ V_f —*

и имели соответствующую парадигму:

(5а) **Это было моя лягушонка в коробчонке ехала;*

(5б) **Это Ø моя лягушонка в коробчонке едет;*

(5в) **Это будет моя лягушонка в коробчонке будет ехать...* и т. д.

Поскольку же подобные реконструкции неприемлемы, постольку увидеть грамматическую связь, пусть сколь угодно специфичную, между *Это (То)* и остальным предложением невозможно. Следовательно, хотя тема-рематическая структура высшего уровня в речевых моделях *Это / N₁ V_f* не может не быть признана воплощением ПО, это воплощение приходится квалифицировать как неполное: компонент {*есть*} в нем не выражен.

2.1.1.2. Конструкции вида (2) демонстрируют сходную картину. Наиболее убедительным их объяснением представляется интерпретация Т. В. Ахутиной [1989: 47–49, 193], которая видит в них наложение структуры *топик — комментарий* на стандартную тема-рематическую и подлежащно-сказуемую модель:

(6) {*Самолет*}_{topic} — {[*он*]_T ведь [*не игрушка*]_R}_{comment};

(7) {*То, чем ты жил, твой порядок жизни,*}_{topic} {[*он*]_T [*уже не годится для нас*]_R}_{comment} (пример, приведенный А. А. Шахматовым в иной связи).

Частотное совпадение форм топикального элемента и подлежащего в таких конструкциях привело к появлению понятия конструкции со вторым (прономинальным) подлежащим. Между тем такое совпадение является частным случаем, ср.:

(8) {А Иванов}_{topic} — {чего же от него еще ожидать?}_{comment};

(9) {А деньги}_{topic} — {их нет}_{comment}⁷⁶;

(10) {Комплименты}_{topic} — {кто ж их не любит}_{comment}⁷⁷.

Таким образом, и в конструкциях с выдвиганием топика, дублируемого местоимением в комментарии, грамматическая связь между топиком и комментарием отсутствует. Воплощение предикативного отношения структурой *топик — комментарий* является, как и в предыдущем случае, не полным: компонент {есть} в нем также не выражен.

2.1.2. Дополнительные замечания. Рассмотренные здесь речевые модели лишний раз подтверждают то положение, что попытки интерпретировать любой факт синтаксиса как единую структуру с непрерывной цепочкой синтаксических связей, лежащих исключительно в одной плоскости, оказываются удачными применительно к довольно широкому кругу реализаций базовых языковых моделей, но рано или поздно наталкиваются на непреодолимые препятствия. Конструкции данных типов имеют по меньшей мере двухуровневое строение, причем уровни структуры относительно независимы друг от друга. Так, в первой речевой модели состав ремы может быть реализован, конечно, не только языковой моделью $N_I V_f$, но любой структурной схемой, способной служить номинацией ситуации, ср.:

(11) — *Что это ты вчера такая грустная была?*

— *Да это мне от маминого рассказа как-то не по себе стало.*

Возможность самого различного конструктивного решения комментария в моделях с выдвиганием топика уже продемонстрирована выше.

Остается заметить, что анализ подобных речевых моделей подтверждает тезис о действии в синтаксисе модульного принципа, охарактеризованного выше.

2.1.3. Воплощение компонента {есть} в инфинитивных предложениях. Из четырех основных модальных типов русских инфинитивных предложений только один включает формальную связку:

⁷⁶ <http://www.democrator.ru/problem/11411/comments>

⁷⁷ <http://www.ladoshki.ch/forum/archive/index.php/t-5658.html>

1) императивный: *Всем встать!* — невозможно **Всем было / будет встать!*;

2) оптативный: *Вот теперь зайти бы куда-нибудь* — невозможно **Вот теперь бы было / будет зайти куда-нибудь*⁷⁸;

3) долженствовательный: *Мне через час уже выезжать* — невозможно **Мне через час уже было / будет выезжать*;

4) невозможности: *Мне ∅ не справиться с этим заданием* — *Мне было / будет не справиться с этим заданием*.

Тем не менее принадлежность инфинитивных моделей к предикативным структурам несомненна. Аргументы следующие.

2.1.3.1. Типы (1–3) выражают ирреальные модальные значения, что исключает возможность временной парадигмы, совмещенной с модальной.

2.1.3.2. Типы (1–3) употребляются исключительно в прямой отнесенности к базовым параметрам текущей коммуникативной ситуации (протодейктическое настоящее):

- (12) *Вот теперь зайти бы* = ‘Я испытываю (здесь и сейчас)
куда-нибудь желание куда-нибудь зайти’.

В более сложных ситуациях, когда говорящему требуется отнести желаемое положение дел к некоторому моменту, не совпадающему с моментом речи, в предложении появляется лексический показатель, однозначно выражающий временное значение, наложенное поверх как ирреально-модального значения, так и значения протодейктического настоящего:

- Вот вам бы тогда (в тот момент, после этого, вместо этого, перед этим...) зайти куда-нибудь, пере-* = ‘Тогда (в тот момент...) было желательно, чтобы вы зашли куда-нибудь’.
ждать дождь — не о чем сейчас
было бы и жалеть

2.1.3.3. Долженствовательные и оптативные инфинитивные конструкции находятся в столь тесных отношениях с безличными предложениями, в которых соответствующие модальные значения выражены лексически, что едва ли не вступают с ними в парадигматические отношения. Многолетние эксперименты в университетской аудитории однозначно свидетельствуют, что студенты воспринимают конструкции

⁷⁸ Вариант с *было* изредка встречается в разговорной речи, но не является нормативным.

(14) *Через час мне уже выезжать* и *Через час мне уже надо было выезжать*

как члены одной парадигмы. Легкость подобных переходов убеждает в том, что прикрепленность инфинитивных предложений к плану настоящего в сознании носителей языка действительно существует.

2.1.3.4. Аналогичное верно и по отношению к инфинитивным моделям, регулярно функционирующим в качестве вопросительных и придаточных предложений.

В вопросительных предложениях глагольная семантика инфинитива вместе с конструктивно и / или интонационно выраженной модальностью гипотетичности (разновидностью ирреальной модальности, исключающей совмещенную временную парадигму) образует комплекс, который с полным основанием можно считать выражающим предикативное значение. В придаточных предложениях наблюдается либо та же ситуация (изъяснительные инфинитивные придаточные, восходящие к вопросительным предложениям:

(15) *Иван все думал, как нам обустроить Россию* → *Как нам обустроить Россию?*),

либо ситуация, когда аналогичный комплекс формируется значением инфинитива в сочетании с лексико-морфологическим выражением ирреального модального значения в структуре союза — *чтобы, если, если бы, кабы* и т. п. (о чем писал еще А. М. Пешковский).

Таким образом, относим инфинитивные модели предложения к предикативным структурам, считая, что компонент ПО {*есть*} в них выражен недискретно.

2.1.4. Воплощение компонента {*есть*} в номинативных предложениях. Базовая структурная схема номинативного предложения — *Сор N_I*, то есть формальный выразитель предикативных значений в стандартных реализациях присутствует всегда. В указательно-номинативных типа *Вот N_I* (*Вот эта улица...*) формальной связки нет, но она заменяется той же прикрепленностью к базовым параметрам текущего коммуникативного акта (значение настоящего индикатива), о которой только что говорилось применительно к инфинитивным предложениям. Таким образом, и здесь имеет место либо дискретное, либо недискретное воплощение компонента {*есть*}.

2.2. Изоморфность / гомоморфность воплощения предикативного отношения

Будем исходить из допущения, что компоненты *S* и *P* предикативного отношения обладают равным статусом: оба одинаково «глав-

ные», ни один не имеет приоритета. Тогда и з о м о р ф н ы м является только тот случай полного воплощения ПО, когда компоненты *S* и *P* выражаются компонентами полной предикативной структуры — подлежащим и сказуемым. Г о м о м о р ф н ы м воплощением ПО признается, соответственно, синтаксическая структура, компоненты которой не являются парой «подлежащее + сказуемое», но могут быть интерпретированы как отображения элементов *S* и *P*. Гомоморфным может быть как полное, так и неполное воплощение ПО.

При этом возникает необходимость уточнить, какие именно структуры понимаются как подлежащно-сказуемостные, поскольку недостатка в различных трактовках этой проблемы нет.

2.2.1. Понятия сказуемого и подлежащего. Сказуемое понимается вполне традиционно (см. изложение этого вопроса в [Лекант 1976]). Относительно подлежащего принимается трактовка А. В. Бондарко, согласно которой подлежащее рассматривается в качестве прототипа носителя предикативного признака [Бондарко 1992: 53–54]. Класс синтаксем, выступающих в качестве носителя предикативного признака, как известно, существенно шире понятия подлежащего: помимо «канонического» подлежащего, то есть именительного падежа имени (местоимения), в том числе группы, возглавляемой именем в этой форме, он включает инфинитив, дательный субъекта, «ситуативное *это*» (в предложениях вида *Это мне чуждо*), «сентенциальное *это*» (в высказываниях вида *Это самолет летит*, рассмотренных выше); ведутся дискуссии вокруг подлежащего (?) статуса «нулей Мельчука» (постулируемых И. А. Мельчуком нулевых подлежащих безличных и неопределенно-личных предложений), винительного падежа в конструкциях типа *Васю скрючило от боли* и др. (термины и примеры, кроме авиационного, из содержательной работы А. В. Циммерлинга [2012]). Тем не менее представляется целесообразным сохранить наивысший статус за единицей, обладающей максимальным количеством признаков подлежащего, и терминологически отличать ее от других единиц, регулярно выполняющих функцию носителя предикативного признака. Именно по этой причине более предпочтительным представляется терминологическое решение А. В. Бондарко: *подлежащее* vs. *носитель предикативного признака*; разграничение «канонических» и «неканонических» подлежащих кажется, с этой точки зрения, менее продуктивным.

Признаки подлежащего, перечисляемые в [Циммерлинг 2012]: способность к реализации в виде группы, к прономинализации,

ролевая непрозрачность, референциальная непрозрачность, контроль согласовательной формы предиката, контроль подчиненного нефинитного оборота, связывание возвратного местоимения, — не являются равнозначными.

Рассмотрим, в частности, признак ролевой непрозрачности. Предполагается, что подлежащее может, в отличие от других актантов, реализовать различные семантические роли: Агенса, Пациенса, Субъекта состояния и др. — и потому обладает этим признаком. В то же время, скажем, один из «нулей Мельчука», а именно постулируемая им «нулевая лексема 3 л. ед. ч.», выполняющая функцию «подлежащего» в предложениях, обычно называемых безличными [там же: 573], отличается от «канонического подлежащего» тем, что не обладает этим признаком: утверждается, что этот нуль (всегда) выражает роль «неодушевленного Агенса / Причины» [там же]. Фиксированная категориальная семантика (роль) этого нуля обозначается И. А. Мельчуком при помощи индекса: « $\emptyset^{\text{elements}}$ », А. В. Циммерлинг толкует эту семантику как «примерное значение “Мир”, “Стихия”» [там же: 574]. Такое толкование может быть сочтено удовлетворительным для примеров следующего вида (запись и глоссирование А. В. Циммерлинга [там же: 573]):

- (16) «рус. $\emptyset^3 \text{Sg}$ Улицу засыпал-о песком.
[3 л. ед. ч. им. п. Неодуш.] улица_{-вин.п.} засыпать_{-прш.вр.} 3л. ед.ч. ср.р. песок_{-тв.п.}».

Однако если подвергнуть анализу еще один типичный случай безличного предложения:

- (17) *Лодку опрокинуло ветром*,
то гипотетическому нулю придется приписывать другое значение (и роль), поскольку роль неодушевленного Агенса / Причины «занята» *ветром*. Можно было бы семантизировать эту словоформу как Инструмент, с помощью которого Агенса «Мир», «Стихия» осуществляет свое действие, но этому мешает то простое соображение, что наличие Инструмента с необходимостью предполагает конкретный (не воображаемый, не мифологический) Агенса, преимущественно одушевленный. Конечно, в таких предложениях, как

- (18) *Экскаватор выбирает породу ковшом*,
Агенса все-таки неодушевленный, но его конкретность очевидна.

Столь же плохо укладывается «нуль 3 л. ед. ч.» в безличные предложения типа

- (19) *Эк тебя разнесло-то, матушка*;
(20) *Без закуски его быстро развезло*.

Семантизировать гипотетический нуль как Агенс «Мир», «Стихия» здесь не приходится, так как в качестве Агенса в таких случаях мыслятся значительно более конкретные причины.

Таким образом, положение о ролевой прозрачности одного из «нулей Мельчука» не подтверждается. Значит ли это, что этот гипотетический нуль тем самым приближается к «каноническому» подлежащему? Нисколько. Это означает только то, что признак ролевой непрозрачности не просто «трудно использовать в качестве универсального диагностического критерия подлежащности» по той причине, что «во многих языках вообще нет актантов, непрозрачных в ролевом отношении» [там же: 574–575], — его трудно использовать даже применительно к русскому языку, где ролевая непрозрачность встречается, но отнюдь не является отличительным признаком только подлежащего.

Вершинное положение среди признаков подлежащего занимают два: 1) форма (им. п.) и 2) наличие нексуса — грамматически выраженной связи со сказуемым (то есть того, что в приведенном выше перечне именуется «контролем согласовательной формы предиката»).

На самом деле понятия нексуса и контроля согласовательной формы предиката нетождественны. Под нексусом мы понимаем двуправленную связь между подлежащим и сказуемым, которая заключается, с одной стороны, в элементах согласования формы сказуемого с формой подлежащего, с другой стороны — в требовании определенной формы для первого актанта, исходящем из сказуемого (в частности, в русском языке это требование формы им. п.). Нексус имеет место только в том случае, когда наличны обе эти составляющие; именно по этой причине, например, в предложениях вида:

(21) *Мне что-то не работается сегодня,*
которые Г. А. Золотова считает двусоставными, нексус отсутствует (можно предполагать, что требование дат. п. исходит из «сказуемого», но элементов согласования форм *Мне* и *не работается* в таких предложениях нет), поэтому *Мне* — не подлежащее, но лишь носитель предикативного признака.

Понятие же контроля согласовательной формы предиката, как очевидно из его словесного воплощения, актуализирует представление об однонаправленной связи, которое, кстати сказать, плохо согласуется с идеей подчиненности подлежащего сказуемому, декларируемой в генеративно-ориентированных версиях синтаксиса — например, в версии И. А. Мельчука, Ю. Д. Апресяна, Л. Л. Йомдина и др. Подлежащее в подобных — последовательно вербоцентрических —

концепциях подчинено сказуемому, но при этом почему-то контролирует согласовательную форму последнего. Ни один другой случай подчинительной связи между словоформами не предполагает таких отношений⁷⁹.

Кроме того, применение понятия контроля согласовательной формы предиката не всегда отличается корректностью.

Рассмотренный выше безличный «нуль Мельчука» представляет собой «нулевую лексему 3 л. ед. ч.». Но в приводимом при этом примере (16) граммема лица в форме *засыпало* отсутствует, зато имеется родовое окончание, обычно передающее граммему среднего рода. Пояснений не дается.

«Неопределенно-личный нуль» Ø^{3Pl}, или Ø^{people} (оригинальное обозначение И. А. Мельчука) [Циммерлинг 2012: 573], постулируется как «нулевая лексема» с обязательной граммемой мн. ч., что понятно: иначе в пределах данной концепции объяснить обязательную форму мн. ч. в предикате невозможно. Но трудность в том, что, как хорошо известно, неопределенно-личные предложения часто имеют в качестве подразумеваемого Агенса *о д н о г о* человека. Например, фразу

(22) *Меня уволили*

с равным успехом может сказать как человек, вышедший из кабинета директора, где присутствовали несколько руководителей, так и экономка, бывшая единственной прислугой в доме одинокого лорда. Неопределенно-личные конструкции регулярно употребляются в ситуациях заведомо известной единичности Агенса:

(23) *Тебе только что звонили;*

(24) *К вам пришли.*

Это означает, что форма мн. ч. в таких конструкциях не мотивирована реальной множественностью субъектов. Можно предполагать даже, что граммема мн. ч. в неопределенно-личных предложениях претерпевает конструктивно обусловленную модификацию в граммему *н е о п р е д е л е н н о г о* числа. Но предполагать, что говорящий, имея в виду единичного субъекта, все-таки строит предложение с подразумеваемой нулевой субъектной лексемой мн. ч., то есть «размножает» субъектов, только для того, чтобы согласовать форму предиката с этим гипотетическим нулем, — вряд ли продуктивно. Так

⁷⁹ В процессе порождения высказывания подчиненный компонент часто появляется раньше подчиняющего, чем создает иллюзию своей главенствующей, организующей роли (ср. понятие естественного прайминга в [Русакова 2009]). Но по отношению к строю предложения это лишь иллюзия.

что и в этом случае использование понятия контроля согласовательной формы предиката вызывает сомнение.

Итак, подлежащее трактуется как прототипический носитель предикативного признака, обладающий двумя важнейшими отличительными чертами: 1) формой им. п. и 2) включенностью в двунаправленную связь со сказуемым — нексус. Структуры с гипотетическими «нулями Мельчука» к подлежащно-сказуемостным не относятся, так как реальность этих единиц не представляется убедительно доказанной.

2.2.2. Гомоморфное воплощение ПО может быть обусловлено разными причинами:

1) операциями номинализации, свертывания ПО (*любовь Ромео к Джульетте; отъезд президента; звеня и подпрыгивая; желание Маши уехать; красный сарафан* и мн. под.);

2) модификацией исходного ПО, вызванной семантико-прагматическими факторами, что обычно выражается в использовании односоставных моделей и может сопровождаться меной предикатной лексемы:

(25) <i>Ветер сорвал крышу</i>	→ <i>Ветром сорвало крышу;</i>
(26) <i>Кошка после операции растолстела</i>	→ <i>Кошку после операции разнесло;</i>
(27) <i>Я здесь без тебя скучаю</i>	→ <i>Мне здесь без тебя скучно;</i>
(28) <i>Тебе кто-то два раза звонил</i>	→ <i>Тебе звонили два раза.</i>

По-видимому, в большинстве случаев подобные причины и вызванные ими операции свертывания или модификации исходного ПО локализуются в начальных фазах порождения высказывания; ведь факультативные этапы фазы программирования высказывания, о которых писал А. А. Леонтьев: «первичная предикация» ($Si + \uparrow \rightarrow S\uparrow$, $Oi + \uparrow \rightarrow O\uparrow$) и «атрибуция некоторых признаков высказыванию в целом», — порождают именно предикативные отношения, к случаям воплощения которых следует отнести многие элементарные и неэлементарные синтаксические конструкции, о чем писали в разное время и в разных терминах А. А. Потебня⁸⁰, Г. Пауль⁸¹ и др. Особенно

⁸⁰ «Не только каждая пара членов предложения (подлежащее и сказуемое, подлежащее и определение, сказуемое и обстоятельство, сказуемое и дополнение) может соответствовать суждению, но и один член предложения может соответствовать одному и более чем одному суждению, причем не только в составных словах <...>, но и в простых...» [Потебня 1958: 68].

⁸¹ «Отношение определяющего элемента к определяемому аналогично отношению сказуемого к подлежащему <...> определение есть не что иное, как деградировавшее сказуемое...» [Пауль 1960: 165].

пристальное внимание уделит подобным конструкциям О. Есперсен, объединявший под понятием нексуса, которое он трактовал расширительно, связи / отношения в любом построении, допускающем интерпретацию в качестве свернутой предикативной структуры [2006].

Убеждение в том, что предикация «лежит в основе всех мыслительных операций, совершаемых людьми» [Денисова 2013: 4], путем вполне очевидных рассуждений может привести к предположению, согласно которому не только любая синтаксическая конструкция, но и любое слово, в конечном счете, является продуктом цепочки актов предикации и, соответственно, воплощением предикативного отношения (или, скорее, целого комплекса ПО). Подобное суждение содержится в цитированном высказывании А. А. Потебни. Полностью заверченный вид эта мысль приобретает у Ф. Вегенера, писавшего: «Нужно представлять себе, что первоначально язык использовал отдельные звуки как предикаты к наблюдаемому, — звуки связывались со звуками в новые предложения, которые затем механизировались в корни, — корень, предикатор, другой корень, механизировался в основу...» и т. д., вплоть до периода [Wegener 1885: 101; перевод мой. — М. Д.].

Указанное исходное убеждение не вызывает возражений, если ограничить его референцию сферой дискурсивного (не интуитивного, не художественного и т. д.) мышления. И все же затруднительно, наблюдая за живым функционированием языка, видеть воплощение акта предикации не только в отношении между основой и флексией, но и в конструкции «сказуемое и дополнение», называемой в числе других А. А. Потебней. То, что когда-то, по выражению Ф. Вегенера, «механизировалось», то есть перешло из разряда производимого непосредственно в речемыслительном процессе в разряд готовых воспроизводимых единиц, перестало, соответственно, быть и воплощением предикативного отношения, так как за такими единицами уже не стоит живого акта предикации. В этом — суть различия между предикативными и, скажем, атрибутивными отношениями.

3. Конструкции гомоморфного воплощения предикативного отношения

Исходя из сказанного, круг конструкций, являющихся гомоморфным воплощением ПО, целесообразно ограничить. Перечислим важнейшие такие конструкции.

3.1. Полное гомоморфное воплощение ПО имеет место в ряде моделей безличных и инфинитивных предложений, расширенных

обязательным (чаще всего) детерминантом со значением субъекта, в том числе локуса как субъекта характеристики:

(29) {Ветром}_S {перевернуло}_P лодку;

(30) {Мне}_S {не спится}_P;

(31) {Мне}_S {скучно}_P, бес... (А. С. Пушкин. Сцена из Фауста);

(32) {Меня}_S {знобит}_P;

(33) {Можно {мне}_S написать вам}_P?;

(34) {Вам}_S, милочка, {надо еще поработать}_P над этой темой;

(35) {Мне}_S над этой темой {еще работать и работать}_P;

(36) {Мне}_S {уж не побывать в тех местах}_P;

(37) Как бы {нам}_S {спрятаться}_P где-нибудь?;

(38) {В комнате}_S {пусто}_P;

(39) {На дворе}_S {холодно}_P.

3.2. Неполное гомоморфное воплощение ПО имеет место в следующих случаях.

3.2.1. Отсутствует компонент S :

Неопределенно- и обобщенно-личные предложения: имеется лишь дейктическое указание на некий S в спрягаемой форме глагола; отсутствие дискретного выражения S является обязательным признаком конструкции:

(40) Ко мне вот-вот {придут}_P;

(41) Так, друзья мои, курсовые работы {не пишут}_P.

3.2.2. Компоненты S и P выражены слитно, то есть исходная структура ПО преобразована в {есть $S \equiv P$ }:

3.2.2.1. Номинативные предложения:

(42) Вот, наконец, и {эта улица}_{SP};

(43) Был {месяц май}_{SP};

(44) {Деревенская улица}_{SP}. {Колодец}_{SP}. {Старые тополя}_{SP};

(45) У вас {грипп}_{SP};

(46) {Смятение, обморок, поспешность, гнев, испуга}_{SP}! (А. С. Грибоедов. Горе от ума);

3.2.2.2. Безличные предложения, исключающие распространение словоформой со значением Агенса:

(47) Эк тебя {разнесло-то}_{SP} ...;

(48) На море {штормит}_{SP}.

3.2.3. Отсутствует компонент {есть}:

3.2.3.1. Тема-рематические пары, за исключением случаев, когда тема замещена подлежащим или носителем предикативного признака, перечисленных в п. 3.1:

- (49) {Завтра}_S {уже будет тепло}_P;
 (50) {К вечеру}_S {похолодает}_P;
 (51) А {в доме}_S {стук, ходьба}_P... (А. С. Грибоедов. Горе от ума);
 (52) ... {в дверях}_S {весь криво-накосо, появляется половой с под-
 носом под мышкой, в красной рубаше и в разодранном фраке поверх}_P
 (А. Н. Толстой. Актриса);

- (53) {Мне}_S {это безразлично}_P;
 (54) {У тебя}_S {вечно все подлецы}_P;

3.2.3.2. Разнообразные конструкции, реализующие атрибутивное отношение:

- (55) {любопытные}_P {глазки}_S;
 (56) {любопытствующий}_{P1} {субъект}_S {в штатском}_{P2};
 (57) {справочник}_S {для начинающих}_P;
 (58) {Вконец расстроенный}_P, {преподаватель}_S...;
 (59) {День}_S, {когда мы познакомились}_P, ...;

3.2.3.3. Конструкции с аппозицией:

- (60) Между тем вернулись {старики}_S, {отец и мать Нико-
 лая}_P, тощие, сгорбленные, беззубые, оба одного роста (А. П. Че-
 хов);

- (61) Теперь в земских учреждениях {я}_S, {как дворянин}_P,
 не вижу ничего, что бы содействовало моему благосостоянию
 (Л. Н. Толстой);

3.2.3.4. Агентивные словосочетания:

- (62) {возвращение}_P {блудного сына}_S;
 (63) {защита диссертации}_P {Ивановым}_S;

3.2.3.5. Конструкции с авторизующими, эмоционально-оценоч-
 ными и другими вводными компонентами:

- (64) {По-моему}_S, {пора уходить}_P;
 (65) {По Сашиным словам}_S, {колодец опять пересох}_P;
 (66) {К счастью}_P, {погода наладилась}_S;

3.2.3.6. Биситуативные высказывания:

- (67) {Это}_S {самолет летит}_P;

3.2.3.7. Пары топик — комментарий:

- (68) А {депутаты}_S — {они трудятся в поте лица}_P;
 (69) Что же касается {новых самолетов}_S, то {их по-прежнему
 нет}_P.

Следует особо подчеркнуть тот факт, что различные способы
 выражения ПО могут взаимодействовать в пределах одного выска-
 зывания, в том числе и накладываясь друг на друга, что очевидно
 в таких случаях, как (45), (51–54), (64–69).

4. Заключительные замечания

Взятые по отдельности, изложенные соображения и характеристики синтаксических конструкций в большинстве своем не отличаются принципиальной новизной. Однако существенной представляется показанная возможность типологизации конструкций по признаку характера воплощения в них предикативного отношения. Акцентируется важный аспект категории предикативности, на который, к сожалению, редко обращают внимание, — ее тесная связь с актом предикации и структурой порождаемого им предикативного отношения, ее определяющая роль в организации прототипического средства воплощения ПО — предикативных структур.

ГЛАВА 6

КОММУНИКАТИВНОСТЬ, ПРЕДИКАТИВНОСТЬ И ПРОБЛЕМА ОДНОСОСТАВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

С тех пор, как В. В. Виноградов обосновал представление о том, что предикативность — ведущая грамматическая категория предложения, осмысление односоставных предложений было особенно тесно связано с категорией предикативности. А поскольку последняя находит свое наиболее полное и, что немаловажно, очевидное выражение в двусоставных конструкциях, неудивительно, что усилия ученых, стремящихся осмыслить односоставность в этом русле, были направлены на то, чтобы обнаружить в односоставных конструкциях не менее полноценное выражение предикативности. Решения, которые могут быть найдены на этом пути, различны — в зависимости от принимаемого понимания предикативности, от готовности к пересмотру устоявшихся представлений и т. д.; однако в пределе этот путь ведет... к полному отрицанию односоставных предложений.

В самом деле, нельзя не признать логически безупречным следующее рассуждение:

- I. (а) все предложения конституируются категорией предикативности;
- (б) конструкции, которые мы именуем односоставными, относятся к классу предложений;
- (в) односоставные конструкции конституируются категорией предикативности.

Но тогда не менее правомерно и следующее умозаключение:

- II. (а) любое предложение конституируется категорией предикативности;
- (б) предикативность предполагает наличие предикативного признака и его носителя;
- (в) в любом предложении должны быть предикативный признак и его носитель.

Синтезирующий член второго силлогизма фактически означает: односоставных предложений быть не может. Отсюда могут следовать два вывода: либо 1) нужно отказаться от признания односоставных конструкций предложениями, либо 2) нужно доказать, что на самом деле они двусоставны. Первое решение неприемлемо по очевидным причинам: невозможно отказать в статусе предложения конструкциям, закрепленным в системе языка, в культурно-письменной и на-

родно-поэтической традициях, регулярно выполняющим коммуникативную функцию — причем без каких-либо дополнительных средств или условий⁸². Поэтому избирается второе.

И действительно, толкуя предикативность весьма широко: как «сопряженность предикативного признака с субъектом — его носителем, выражающую в языковых категориях модальности, времени и лица отнесенность предложения к действительности» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 104], — авторы обеспечивают себе возможность утверждать: «Предложения бесподлежащие возможны как модификации исходной модели с синтаксически значимой неназванностью субъекта или как неполные речевые реализации. Предложения без сказуемого в принципе невозможны; они встречаются лишь как неполные реализации известной из контекста модели (— *Кто пришел? — Андрей*)» [там же: 172]. Высказывания типа «Гроза!» интерпретируются в этой концепции как неполные реализации одной из двух моделей: либо репродуктивного регистра (*[Здесь, сейчас, на дворе, за окном...] гроза*), либо информативного (*[Это —] гроза*) [там же: 170], где реконструируемые компоненты трактуются как подлежащие, *гроза* — как сказуемое; см. также интерпретацию предложения *Кружом вас — всюду туман* (И. С. Тургенев) в [Золотова 2005: 10]. Если принять эту позицию, то отличие подобных конструкций от «канонической» двусоставной сведется лишь к способам выражения главных членов, которые и в «каноне» достаточно многообразны; другими словами, никакой принципиальной специфики эти конструкции не имеют, односоставных предложений попросту не существует.

В этой логике все хорошо, кроме одного: она слишком прямолинейна, чтобы быть приложимой к языку.

Можно согласиться с тем, что предложения типа «Гроза!», «Дождит», «Сильный жар» и многие подобные всегда контекстуально зависимы, всегда допускают восстановление подразумеваемых компонентов *здесь, сейчас, за окном, на дворе, у него* и т. п., а потому могут рассматриваться как устойчивые регулярные неполные реализации двусоставных моделей. Но и эта «уступка» не может привести к полному согласию с концепцией Г. А. Золотовой и ее учеников. Невозможно видеть ни репродуктивную, ни информативную двусоставную модель, скажем, в следующем примере:

⁸² Некоторые типы односоставных конструкций обладают известной зависимостью от контекста; см. об этом ниже.

Вот гвоздь, вот подкова, Раз, два — и готово!

«Вот гвоздь» здесь вовсе не означает ‘Это гвоздь’, контекст подобную «информирующую» интерпретацию исключает (да и грамматика, если соглашаться хотя бы с ее исходными постулатами, исключает трактовку частицы *вот* как подлежащего). По той же причине «Вот гвоздь» не означает и ‘Есть гвоздь’, или ‘У меня есть гвоздь’ (информативный регистр), или «У меня в руках гвоздь» (репродуктивный регистр). Исходя из контекста, наиболее близкой по смыслу была бы интерпретация «Я беру гвоздь, беру подкову...» (или, сохраняя размер: «Взял гвоздь, взял подкову...»), но рассматривать частицу *вот* как функциональный эквивалент предикативного центра «Я беру» / «[Я / ты] взял» (при котором *гвоздь* и *подкова* оказываются дополнениями, в другом падеже!) или как сигнал его подразумеваемого наличия тоже неприемлемо. Никакой синтаксической неполноты в этом предложении нет, да и контекстуальная зависимость его весьма относительна; для адекватного восприятия этой строчки совершенно не обязательно быть знакомым со стихотворением Маршака: любому носителю русского языка ясно, что речь идет о том, что нетрудно прибить подкову куда надо, и для понимания этого достаточно того минимального контекста, который и приведен. Бесспорно, зависимость предложений *Вот гвоздь, вот подкова* от этого минимального контекста налицо, но сама по себе контекстуальная зависимость не может служить аргументом ни против признания некоторой конструкции предложением, ни в пользу признания ее двусоставной: она свидетельствует лишь о многозначности конструкции.

Одного этого примера достаточно, чтобы предположить:

либо 1) неверно умозаключение I, и односоставные конструкции не следует рассматривать в классе предложений;

либо 2) неверно умозаключение II, и односоставные предложения все-таки существуют.

Избираем — по очевидным причинам — второе. В каком же случае рассуждение II может оказаться неверным? Очевидно, что наиболее уязвимо в нем суждение IIб, согласно которому предикативность обязательно предполагает наличие предикативного признака и его носителя. Однако в предикативности ли дело?

Предикативность как грамматическую категорию не следует отождествлять с предикацией как логической операцией. Именно это, однако, делает Г. А. Золотова. Соотнесение предикативного признака с его носителем — это предикация, логический акт, который может, но отнюдь не обязательно должен изоморфно отображаться в пред-

ложении. Предикативность как грамматическая категория есть **связанность** предложения с таким актом, **мотивированность** таким актом, но и это не означает, что в предложении обязательно должны **отображаться** все компоненты этого акта или что в том случае, когда такого полного отображения нет, предложение становится неполным. Поэтому суждение Пб неверно в том смысле, что предикативность с необходимостью предполагает выраженное наличие в предложении и предикативного признака, и его носителя.

Однако и такое решение не является удовлетворительным, потому что оно все равно оставляет прежним главный исследовательский ход: односоставное предложение по-прежнему рассматривается не просто в сопоставлении с двусоставным, а в качестве, так сказать, «недодвусоставного». Даже если мы и примем, как предложено в предыдущем абзаце, что предикативное отношение необязательно отображается в самом предложении, мы тем самым обяжем себя к поиску процедуры, позволяющей в каждом случае демонстрировать: вот предложение, вот предикативное отношение, которое за ним стоит, а вот — сигналы, позволяющие нам утверждать, что это предикативное отношение не выдуманно нами и предложение действительно им мотивировано. Подобная процедура немногим, к сожалению, отличается от хорошо знакомого приема восполнения «опущенных» компонентов, которому никогда не удастся избавиться от упреков в субъективизме. И суть дела не в том, что применимость подобных приемов ограничена; суть в том, что не существует — и не может существовать! — четких границ, отделяющих область применимости приема от сферы, где он работать не может. Потому что система языка (даже языка, не говоря уже о речи) не набор математических аксиом и выводимых из них теорем. Коль скоро в этой системе сохраняются следы ее прежних состояний, она не поддается аксиоматическому описанию. Поэтому и законы типа «предложения без сказуемого в принципе невозможны» являются на деле не законами, а утверждениями, истинными лишь по отношению к части случаев (и потому должны формулироваться иначе); часть эта может быть сколь угодно близка к целому, но никогда не равна ему.

Язык на каждом шагу демонстрирует принципиальную неопиываемость при помощи абсолютных утверждений. К чему бы мы ни обратились — везде сталкиваемся с тем, что утверждения, действительные для множества, даже для большинства случаев, все же не являются всеобщими законами. Множество фонов любого данного языка является конечным; однако однозначного ответа на вопрос,

сколько же именно фонем включает это конечное множество в русском языке, как известно, нет. И дело отнюдь не в «загадочной русской душе»: точно так же и в немецкой фонологии, например, является проблематичным фонематический статус согласного звука, производимого в местоимении *ich* (так называемый *Ich-Laut*). Множество конечное, да *нечеткое*⁸³.

Аналогичным образом обстоит дело и с множеством морфем, и с частями речи — ряд нетрудно продолжить.

Логика этих рассуждений с неизбежностью ставит под сомнение не только утверждение Пб, но и утверждение Ia («все предложения конституируются категорией предикативности»). Действительно, пора отказаться от неоправданного пиетета по отношению к категории предикативности. Если мы исходим из того, что ведущая функция предложения — коммуникативная, то главным для признания некоторой лексико-синтаксической модели моделью именно предложения и должен быть критерий: способна или неспособна данная модель регулярно служить основой высказывания, живой единицы коммуникации. Модель *Vom N_i* к этому способна — этого достаточно, чтобы признать ее моделью предложения, и ни к чему искать в ней предикативность. Которой там попросту нет — во всяком случае, если понимать ее в соответствии с цитированным выше определением из «Коммуникативной грамматики».

Правомерен вопрос: допустим, предикативности в таких предложениях нет; а что же есть? Ответом на него служит следующее понимание соотношения коммуникативности и предикативности.

Ведущее, определяющее качество высказывания — **коммуникативность**, под которой целесообразно понимать **интенционально обусловленную соотношенность содержания высказывания с базовыми параметрами данной ситуации общения**. Интенциональная обусловленность — фактор, играющий в порождении высказывания роль пускового механизма: ясно, что без коммуникативной интенции (намерения сообщить, спросить, поделиться впечатлениями, эмоциями и т. п.) ничего не будет. Что же касается указанной соотношенности с базовыми параметрами ситуации общения, то она опирается на охарактеризованный в главе 4 протодейкисис.

⁸³ *Нечетким множеством* (fuzzy set) называется «множество, элементы которого принадлежат ему в той или иной степени. Обычное множество, напротив, содержит все свои элементы полностью или не содержит ни одного» (http://glossary.basgroup.ru/n/fuzzy_set.htm). Теория нечетких множеств была предложена Лотфи Заде в 60-е гг. XX в. См. также: ru.wikipedia.org/wiki/Нечеткое_множество.

Исходя из соотношения коммуникативности и предикативности, охарактеризованного в главе 2, можно утверждать, что связь между ними не является жесткой, строго заданной. Синтаксическое построение с полной предикативной структурой само по себе отнюдь не обязательно осуществляет коммуникативную функцию: достаточно вспомнить о предикативных частях сложных предложений. Симметрично этому утверждению и следующее: коммуникативная единица не обязательно должна быть организована с участием полной предикативной структуры, и даже вообще с участием предикативной структуры. Существует огромное количество высказываний, в которых качество коммуникативности не подкреплено предикативной структурой, что нисколько не мешает им успешно выполнять коммуникативную функцию: *Пора!*; *Внимание!*; *Неужто?*; *В самом деле?*; *Пока!*; *Ну, давай!* (в значении «Пока!»); *Ух ты!* и мн. под.

Если согласиться с этими тезисами, то нужно согласиться и с тем, что наличие и полнота / неполнота предикативной структуры являются вторичными грамматическими признаками предложения. В таком случае и доказательство предикативного статуса односоставных именных конструкций является избыточной задачей. В именных односоставных предложениях нет такой предикативной структуры, как в предложениях двусоставных. Изыскивать в них эту структуру излишне. Но факт отсутствия предикативной структуры не отменяет того факта, что эти предложения прекрасно справляются с реализацией коммуникативной функции. Если мы считаем, что предложение — это минимальная коммуникативная единица, и называем предложением **грамматически фиксируемую (формализованную) модель, регулярно воспроизводимую в речи с коммуникативной функцией**, — этого достаточно для того, чтобы считать односоставные именные конструкции полноправными членами системы русского предложения.

У В. П. Проничева есть — среди множества других — удивительно точное и глубокое замечание (в цитате выделено моим курсивом. — М. Д.): «Именными односоставными предложениями... называем предложения, структурную основу которых составляет независимая форма имени существительного или субстантивированная форма, употребляющиеся в качестве самостоятельного сообщения и *вследствие этого* обретающие способность выражать синтаксические значения предикативности и модальности» [Проничев 1989: 5]. Вот в этом-то «вследствие» все и дело...

ОТ МОДЕЛЕЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ – К МОДЕЛИРОВАНИЮ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

1. Введение

Разработка принципов моделирования синтаксических единиц и построение систем моделей составили важнейшее направление развития теоретического синтаксиса второй половины XX в. Тем не менее, хотя сегодня нет недостатка в различных версиях таких систем, вряд ли кто-либо из специалистов в этой области решится заявить, что разработан такой свод моделей простого предложения, который охватывал бы — пусть даже с относительной полнотой — все синтаксическое богатство и многообразие речи. Более того: существующие своды синтаксических моделей выполняют преимущественно дескриптивную, но не экспланаторную функцию. Описывая ядро синтаксической системы некоторого языка, эти своды не объясняют, каким образом и в какой форме синтаксическая система хранится в памяти носителя языка, а главное — как она функционирует непосредственно в процессе порождения высказывания.

Последнее утверждение, надо заметить, вступает в явное противоречие с идейным фундаментом теорий моделирования предложения. Изначально предполагалось как раз противоположное: научившись моделировать предложение, мы ответим на вопрос, как на основе языковой модели порождается конкретное высказывание. Это представление редко декларируется — видимо, потому, что мыслится очевидным по умолчанию; но оно актуально и сегодня; ср. характерный контекст: «Мы <...> получаем подтверждение того, что *наряду с синтаксическими моделями в “классическом” понимании* (будь то структурные схемы, стеммы, предикатно-аргументные структуры и т. п.) в сознании носителя языка действуют и модели иного ранга и иного строения» (Норман 2012: 442; курсив мой. — М. Д.); из построения фразы следует, что существование и действие **в сознании** моделей типа структурных схем сомнению не подвергается.

Между тем такое сомнение целесообразно: оно диктуется самим характером разработанных моделей предложения, к какой бы версии этих моделей мы ни обратились. Синтаксическая система языка, как мы ее себе представляем, и индивидуальная синтаксическая система

говорящего на этом языке суть совершенно различные сущности. Первая есть конструкт высочайшей степени абстракции, плод аналитико-синтетических усилий нескольких поколений ученых, стремившихся прежде всего к построению адекватного описания языка. Вторая, напротив, — не виртуальный продукт, а реально существующий нейролингвистический механизм, в общем случае работающий безотказно. Что еще важнее — для того чтобы нормально функционировать, этому механизму не требуется, чтобы в сознании его владельца имелись специальные знания о синтаксической системе языка. Нет никаких оснований предполагать, будто этот механизм основывается именно на этой системе, и представлять себе процесс порождения высказывания как последовательный перебор базовых синтаксических моделей, сопровождаемый поиском подходящего слова (и его нужной формы) для каждой позиции модели и т. п., что требует сотен тысяч мыслительных операций в секунду. Несмотря на свою популярность, такое представление в высшей степени неправдоподобно — и не потому, что человеческий мозг неспособен к такому быстродействию (вполне возможно, что как раз способен), а потому, что такой путь порождения высказывания неэкономичен и неэффективен.

Вектор такого развития синтаксической теории, которое обещает решить как проблему (более) полного описания синтаксического богатства речи, так и проблему порождения высказывания, был столетие назад предсказан Ф. де Соссюром, а в середине прошлого века намечен В. Скаличкой (1948) и Ф. Данешем (1964). Сегодня уже можно говорить, пожалуй, о программе исследований, нацеленных на описание моделей не предложения, но высказывания — приблизительно в том смысле, который имел в виду в указанной работе Ф. Данеш, предлагая различать 1) структурную модель предложения, 2) модель высказывания и 3) конкретное высказывание как живой факт речи. Эта программа складывалась отчасти стихийно, но вместе с тем и закономерно, постепенно обретая свои черты в работах, посвященных осмыслению предмета синтаксиса речи (в том числе разговорного синтаксиса), онтологии высказывания, аспектов его организации и функционирования [Адамец 1966; Земская 1968; Распопов 1970; Гак 1973; Ширяев 1975; Ковтунова 1976; Лаптева 1976; Ванников 1979; Норман 1988, 2012; Ильенко 1989; Адмони 1994; Пиотровская 1994; Попова 1996; Сиротинина 1999; Меликян 1999, 2002; Янко 2001; Вахтель, Голицына 2001; Гаврилова, Кожина 2002; Андреева 2005; Дымарский 2005б, 2007; Копотев 2008 и мн. др.]. Для реализации этой программы существен также учет результатов многолетних исследований, в которых описываются, по сути, различные аспектуальные типы высказываний

(имеется в виду, прежде всего, большая серия диссертаций, выполненных под руководством А. В. Бондарко)⁸⁴. Наконец, стоит подчеркнуть, что активно развивающаяся в последнее время «грамматика / лингвистика конструкций» (Construction Grammar; см., в частности, [Fillmore 1988; Goldberg 1995; Kay, Fillmore 1999] и др.) в ряде отношений близка к программе изучения моделей высказывания, поскольку реализует, в конечном счете, сходную целеустановку.

Итак, программа построения синтаксиса речи нацелена, с одной стороны, на описание всего богатства и многообразия синтаксических конструкций и моделей, активно функционирующих в речевой практике носителей данного языка, с другой стороны — на приближение к пониманию механизма порождения высказывания. Фундамент, на котором синтаксис речи может быть построен, включает 1) общую синтаксическую теорию высказывания как базовой единицы речевого общения; 2) систему языковых синтаксических моделей; 3) теорию речевых синтаксических моделей и моделей высказывания. Это, безусловно, не закрытый список: в него включены лишь минимально необходимые компоненты. Поскольку второй из названных компонентов нуждается в характеристике менее всего, а первый и третий отчасти получили характеристику в предыдущих главах, ниже сосредоточим внимание лишь на дополнениях к третьему компоненту.

2. Речевые синтаксические модели и модели высказывания

Трехуровневый подход к синтаксису, предложенный в свое время Ф. Данешем, предполагает разграничение 1) уровня абстрактных образцов, лишенных связи с лексикой, — моделей (структурных схем) предложения; 2) уровня моделей высказывания, фиксирующих, помимо предикативного минимума, определенные ограничения, в том числе лексические, накладываемые типовой функцией высказывания в типовой речевой (контекстной) ситуации; 3) уровня высказывания как конкретного живого факта речи [Данеш 1964].

Следует по достоинству оценить смелость решения, предложенного Ф. Данешем. Оно не только заменяло прозрачную бинарную оппозицию *модель предложения* vs. *конкретное высказывание*, корреспондирующую с антиномией языка и речи, более сложной

⁸⁴ Полный список см. в кн.: От значения к форме, от формы к значению: Сб. статей к 80-летию чл.-корр. РАН А. В. Бондарко. М., 2012.

тернарной оппозицией с промежуточным уровнем, отношение которого к языку, с одной стороны, и речи, с другой, неоднозначно. Это решение, кроме того, фактически постулировало существование особого уровня системности в синтаксисе — уровня синтаксиса речи, обладающего собственной единицей — моделью высказывания. Наконец, это решение сильно опережало свое время: ведь середина 60-х гг. — это период интенсивной разработки типологии структурных схем предложения, ориентированной именно на указанную бинарную оппозицию; статья, в которой Н. Ю. Шведова приходит к понятию *регулярной реализации структурной схемы простого предложения*, — отнюдь не совпадающему с понятием модели высказывания у Ф. Данеша, но знаменующему движение мысли в том же направлении, — появилась лишь пятилетием позже [Шведова 1969]; время же первых попыток реализовать идею Ф. Данеша в конкретных исследованиях, причем с разной мерой эксплицитной преемственности, пришло лишь три десятилетия спустя — во всяком случае, в России [Пиотровская 1994; Попова 1996; Меликян 1999; Андреева 2005 и др.].

Предлагаемый нами подход следует мысли Ф. Данеша, однако отличается наличием не одного, а двух уровней, располагающихся между языковой моделью предложения и конкретным высказыванием: уровня **речевых синтаксических моделей** и уровня **моделей высказывания**. Такое решение продиктовано учетом следующих критериев:

- 1) элементарный (непроизводный) / неэлементарный (производный) характер структуры модели;
- 2) отсутствие / наличие строго закрепленных за данной моделью лексических единиц;
- 3) возможность варьирования модели путем изменения коммуникативного задания, актуального членения, порядка слов.

Каждый из этих критериев допускает по меньшей мере два значения, и потому теоретически выделяемых уровней может быть больше. Однако анализ материала — во всяком случае, на данном этапе — показывает целесообразность различения трех уровней синтаксического абстрагирования и, соответственно, трех единиц. (Четвертый уровень — конкретного высказывания — в данном случае из рассмотрения исключен, поскольку абстрагирования он не предполагает.) В таблице 1 приведены характеристики этих единиц по названным критериям. Включенные в таблицу примеры призваны продемонстрировать не только сами модели разных уровней, но и возрастание количества

Характеристика единиц трех уровней синтаксического абстрагирования

	Характер структуры	Связь с лексикой	Возможность варьирования коммуни- кативных параметров
Языковая синтакси- ческая модель	непроизвод- ная	отсутствует	не ограничена
	Пример: Inf		
Речевая синтакси- ческая модель	производ- ная	отдельные компоненты выражены определенными лексическими единицами	ограничена связью с определенной группой ситуаций ⁸⁵
	Примеры: (Inf) бы $N^{opt}_{2/4}$, где N^{opt} — имя предмета желания; (Inf) $N^{imp}_{2/4}$, где N^{imp} — имя требуемого предмета (ситуация приказа)		
Модель высказы- вания	производ- ная или от- сутствует	отдельные компоненты выражены строго опреде- ленными лексическими единицами; фиксированы наличие и позиция вспомо- гательных элементов	отсутствует ; актуальное чле- нение и порядок слов строго закреплены; фиксированы не только связь с определенным типом ситуаций, но и тип коммуникативного задания
	Примеры: (Interj_{эмоц.}) D_i бы / $N^{opt}_{2/4}$ или (Interj_{эмоц.}) $N^{opt}_{2/4}$ бы \ (D_i) или (Interj_{эмоц.}) N₃ бы (D_i) / $N^{opt}_{2/4}$ <i>Ох, теперь бы пивка...; Кофейку бы (сейчас)...</i> ; <i>Мне бы вот эти часы.</i> (Позиция частицы <i>бы</i> подчиняется закону Вакернагеля; $N^{imp}_4 \setminus N_3$) <i>Кресло мне...</i> (М. Булгаков); <i>Звезду Суворову Александру Васильеви- чу!</i> (Рекламный ролик)		

Примечание: здесь и ниже косая черта (/) — знак актуального членения при постпозиции ремы; обратная косая черта (\) — при препозиции ремы.

моделей, представляющих собой модификации одного и того же языкового образца, при переходе от уровня к уровню. Подчеркнем, что это именно *примеры*, но никак не полная номенклатура речевых моделей и моделей высказывания, восходящих в данном случае к базовой структурной схеме инфинитивного предложения.

⁸⁵ Необходимо различать 1) ситуации денотативные / сигнификативные, являющиеся предметом отображения в высказывании, и 2) ситуации коммуникативные, характеризующие соотношением собеседников во временном, пространственном, социальном и прочих аспектах, состоянием текущей коммуникации, интенциями участников и т. п. Особый случай коммуникативной ситуации — текстовая ситуация. Здесь имеется в виду связь модели со вторым типом ситуаций.

Если принять изложенные представления, то описание синтаксической системы приобретает трехуровневую структуру — в соответствии с тремя ступенями абстрагирования и тремя типами синтаксических моделей.

4. Каковы преимущества многоуровневого подхода?

4.1. Во-первых, многоуровневый подход позволяет сделать более строгим описание ядра системы, принадлежащего собственно языку, освободив его от моделей, которые являются производными, вторичными, — например, от модели **Н_и N₂** (*Ни ветерка*), которая вызвала в свое время немало споров⁸⁶.

Высказывания типа (*В доме*) *ни души* являются регулярными неполными реализациями безличной модели с отрицательной спрягаемой формой экзистенциального глагола **N₂ Neg V_{exist}**: *В доме (нет / не было / не оказалось / не слышалось...) ни души*. Если же учесть тот очевидный факт, что форма **N₂** регулярно заменяет форму **N₁** при введении в предложение отрицания (*В доме оказалась / была лишь одна живая душа* → *В доме не оказалось / не было ни души*; *В кармане нашлись спички* → *В кармане спичек не нашлось*), то становится ясно, что перед нами две ступени производности от базовой языковой модели **N₁ V_f**:

1) на первой ступени синтаксической деривации при введении отрицания получаем речевую модель безличного предложения с относительно строгим лексико-семантическим ограничением⁸⁷:

N₂ Neg V_{exist}

2) на второй ступени деривации имеем модель высказывания с фиксированными актуальным членением, порядком слов, коммуникативным заданием и т. д.:

(D_{loc}) / ни N₂.

Сходные результаты можно получить и при обращении к другим структурным схемам, выделяемым в «Русской грамматике»: моделям генитивно-количественных предложений (схема **N₂**: *А зверя в тех*

⁸⁶ См., в частности, [Ильенко 1984: 7–8].

⁸⁷ Оценка этого ограничения как *относительно* строгого связана с тем, что под давлением модели соответствующую семантику могут приобретать глаголы, значение которых вне высказываний данного типа невозможно квалифицировать как экзистенциальное (ср. в приведенных примерах *найтись*). Ср., впрочем, и более очевидный результат трансформации лексического значения под давлением синтаксических условий в видовой паре этого глагола — *находиться* (*Аптека находится за углом*).

лесах!) и аккумулятивно-генитивных императивного характера (схема $N_{4/2}$: *Кресло мне...*; *Огня!* — *кричат*, — *Огня!*) (Русская грамматика 1980: 369–370). Частично эти результаты — применительно к схеме $N_{4/2}$ — показаны выше, в таблице 1.

При одноуровневом подходе вполне понятное стремление Н. Ю. Шведовой обеспечить полноту синтаксического описания оборачивалось тем, что модели разных ступеней абстракции оказывались в одном ряду, так как для производных моделей не было предусмотрено классификационного места. Трехуровневый подход позволяет решить эту проблему.

4.2. Во-вторых, многоуровневое описание синтаксической системы позволяет приблизиться к ответу на вопрос, каким образом человек владеет синтаксической системой, как она представлена в его памяти и как функционирует при построении высказывания. Действительно, слишком маловероятно, чтобы синтаксическая система была представлена в языковой памяти человека в виде совокупности образцов высшей ступени абстракции. Другое дело — совокупность образцов низших ступеней абстракции, **тесно связанных со строго ограниченными группами лексики и с конкретными лексемами**. В этом случае процесс построения высказывания представляется избавленным от перебора сотен тысяч вариантов «лексического наполнения» и его грамматического оформления. Схема этого процесса, в самом первом приближении, по-видимому, такова: параметры ситуации и коммуникативные намерения говорящего «вызывают» из памяти определенный фрейм, который, в свою очередь, актуализирует в активной речевой зоне⁸⁸ совершенно определенный участок ассоциативно-вербальной сети (по Ю. Н. Караулову) с совершенно

⁸⁸ Строгое научное определение этого понятия является, по-видимому, делом будущего. Известно, что в контроле речевой функции активное участие принимает премоторный кортекс (в частности, зона Брока); но известно также, что «функциональная карта мозга размыта, диффузна»; «можно говорить лишь о ключевой роли в речевом процессе префронтальной коры и нечетко локализованных областей вблизи силвиевой щели, но также и ряда других структур вплоть до мозжечка. Межполушарная асимметрия гораздо менее отчетлива, чем казалось недавно. В процессе онтогенеза (не только у детей, но и у взрослых) язык как бы блуждает по коре, выбирая в зависимости от обстоятельств, где ему “угнездиться”» ([Козинцев 2004: 43, 42], со ссылкой на работу: Deacon T. *The Symbolic Species: The Co-evolution of Language and the Brain*. N.Y., 1997). Отсюда вытекает предположение, что конфигурация «активной речевой зоны» у каждого индивида может быть индивидуальной. По названным причинам используем это понятие пока лишь как интуитивно ясное.

определенными лексическими единицами, с которыми этот фрейм прочно связан; параллельно с этим действие тех же факторов актуализирует в активной речевой зоне и определенную коммуникативную перспективу будущего высказывания; а так как любая лексическая единица, далее, существует в языковой памяти не изолированно, а в составе типичных для нее синтаксических конструкций, то вместе с лексической единицей в активную речевую зону «приходит» и набор этих конструкций — однако, заметим, весьма ограниченный. Б. М. Гаспаров рисует отчасти сходную картину, но синтаксические конструкции, связанные с лексическими единицами, называет «коммуникативными фрагментами», которые в качестве синтаксических конструкций не рассматривает и полагает неисчислимыми. Между тем если ориентироваться не на отдельные лексемы, а на фреймы, то окажется, что эти конструкции не так уж неисчислимы и вполне типизируемы; более того, тесно связаны друг с другом и с конструкциями более высокой ступени абстракции, другими словами — представляют собой систему, а не конгломерат. Для того чтобы описать эту систему, как раз и требуется многоуровневый подход.

Итак, изучение речевых моделей и моделей высказываний в их соотносительности с базовыми языковыми моделями открывает перспективу построения значительно более последовательного и полного описания синтаксических систем славянских языков — описания, которое обещает существенно приблизиться и к объяснению процесса порождения высказывания.

ГЛАВА 8

К ПРИНЦИПАМ ОПИСАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОГО СТРОЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Потенциал традиционных описательных грамматик далеко не исчерпан. Под традиционными — применительно к русскому языку — подразумеваются в данном случае три академические грамматики второй половины прошлого века: [Грамматика... 1952–1954], [Грамматика... 1970] и [Русская грамматика 1980]. К ним также следует причислить (с некоторыми оговорками) и «Краткую русскую грамматику» [Краткая... 1989]. За десятилетия, прошедшие со времени выхода в свет «Русской грамматики», в русистике разработан ряд альтернативных моделей описания грамматического строя (некоторые из перечисляемых ниже моделей начинали разрабатываться еще в 60-е гг., но результаты были опубликованы позже «Русской грамматики»): функциональная resp. коммуникативная [ТФГ 1987–1996; Золотова и др. 1998; Всеволодова 2000, 2004; Мустайоки 2006], когнитивная — как в структурно-когнитивном [Русские глагольные... 2002; Kiklewicz, Korytkowska 2010], так и в «собственно»-когнитивном вариантах [Норман 2013], модель «Смысл $\leftrightarrow$ Текст» [Mel'čuk, Pertsov 1987; Mel'čuk 1988; Мельчук 1995; Мельчук 2012], «корпусно-типологическая» [Проект корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>)]. Однако ни одна из перечисленных моделей не отвечает полностью трем минимальным требованиям, которые лежат в основе традиционных описаний:

- 1) целостность: описание должно охватывать весь (грамматический) строй языка;
- 2) единство: описание должно опираться на единую концепцию;
- 3) полнота: описание может служить грамматическим тезаурусом, для чего оно должно с максимально достижимой полнотой представлять синтаксические конструкции, допустимые в данном языке (во всяком случае, в его нормированной общенациональной разновидности).

[ТФГ 1987–1996] не удовлетворяет требованиям (1, 3), поскольку она преследует цель не столько собственно описания, сколько теоретического обоснования развиваемой концепции и выполнена на материале разных языков.

Работа [Золотова и др. 1998] не удовлетворяет требованию (3), о чем свидетельствует замечание в кратком предисловии «От авторов»,

которые «не стремились к исчерпывающей полноте описания» [там же: 3]. Кроме того, и грамматический строй языка охвачен в работе далеко не целиком.

Работа [Всеволодова 2000], как видно уже из ее названия, не удовлетворяет по меньшей мере требованию (1). То же относится и к работам [Мустайоки 2006; Русские глагольные... 2002; Kiklewicz, Korytkowska 2010; Норман 2013].

В рамках концепции «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» пока не создано работы, отвечающей требованиям (1, 3).

Наконец, [Проект корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>)] пока не отвечает требованию (3) и никогда не будет отвечать требованию (2), что следует из принципов, опубликованных на сайте Проекта: «Описание жестко не привязано ни к одной из существующих лингвистических теорий, что защищает его от опасности “устареть” вместе с теорией и обеспечивает его доступность самому широкому кругу читателей. При этом описание теоретически “открыто”: в нем по возможности учитываются последние достижения, сделанные в рамках самых разных лингвистических направлений» [<http://rusgram.ru/about>].

Генеративистская модель описания грамматического строя в данном случае не рассматривается, так как задач, которые бы перекликались с требованиями (1, 3), она перед собой не ставит, — во всяком случае, соответствующие публикации, если они существуют, мне неизвестны.

Таким образом, перечисленные концепции могут быть названы альтернативными по отношению к традиционной описательной грамматике лишь условно. Реальной альтернативы ей они не составляют; зато учет их достижений представляется обязательным, что в обоснованиях и не нуждается.

Современная грамматика традиционного типа должна строиться компактнее сводов второй пол. XX в. Очертим принципы такого построения применительно к синтаксису, сопровождая их, по мере необходимости, комментариями.

1. Существуют две дескриптивные стратегии моделирования в синтаксисе:

1) «алгоритмическая» (генеративная), в которой в качестве моделей выступают типизированные алгоритмы;

2) «номенклатурная», где в качестве моделей выступают готовые паттерны — например, структурные схемы словосочетаний и предложений.

Описательная грамматика опирается на вторую стратегию: в противном случае она не сможет удовлетворять требованию (3). Однако в грамматиках 1970 и 1980 гг. эти модели заданы развернутыми списками; системные отношения между ними не просто скрыты — вопрос о них даже не ставится. Между тем они, как представляется, должны составлять основу описания.

Опыт подобной систематизации синтаксических моделей представлен в [Золотова и др. 1998]: пяти базовым значениям предиката соответствуют пять базовых моделей предложения, все остальные интерпретируются как производные от них, получаемые путем различных модификаций [там же: 101–206]. Правда, систематизация всех этих модификаций и получаемых в результате производных моделей, включая производные 2-го и далее порядков, в книге лишь намечена. В полной грамматике эта задача должна быть решена. В этом случае синтаксическая система неизбежно получит многоуровневое описание, возможные принципы построения которого очерчены в [Дымарский 2013а].

2. В целом описание может быть построено по принципу полевого структурирования, с выделением ядра, окооядерной зоны, ближней периферии и дальней периферии. Применительно к различным звеньям синтаксической системы количество зон, разумеется, может варьировать: ср., например, шестичленную структуру синтаксического поля предложения в [Золотова и др. 1998: 205], которая на самом деле была предложена еще в монографии [Золотова 1982].

3. Ядро системы составляют 1) система синтаксических связей; 2) набор семантических типов предикатов с их актантным окружением; 3) базовые способы оформления предикативного центра (базовые модели простого предложения); 4) регулярные способы его модификации (изменения при введении отрицания, фазовые, модальные и т. п. модификации — и соответствующие производные модели простого предложения); 5) модели присловного распространения (словосочетания); 6) модели присемного распространения (детерминации); 7) модели номинализации; 8) базовые модели актуального членения и порядка слов.

3.1. Система синтаксических связей может быть описана по меньшей мере в двух различных аспектах: формальном («техническом») и содержательном. Первый подразумевает внимание к средствам, обеспечивающим связь, второй — к отношениям между элементами, актуализируемым данным видом связи.

В плане «техники», с точки зрения манифестации, синтаксические связи подразделяются на коннективные и иннективные.

Коннексия — простое соположение соединяемых элементов (ср. примыкание как разновидность подчинения, связь детерминанта с предикативным ядром предложения, некоторые бессоюзные предложения, бессоюзные однородные ряды). Сущность коннексии состоит в отсутствии специальных грамматических средств, маркирующих связь как таковую, за исключением интонации и порядка компонентов. Последние же не являются специфическим средством, отличающим коннективную связь от иннективной, поскольку они присутствуют при любом виде связи.

Иннексия, в отличие от коннексии, предполагает наличие специальных грамматических средств, к которым (в русском языке) относятся флексии, предлоги, союзы. Можно различать 2 вида иннективных связей: с лексикализованным коннектором и без такового (подробно см. [Дымарский 2013]).

В содержательном плане различаются предикативная связь, подчинение и сочинение. Каждый из этих видов связи может быть оформлен как иннективно, так и коннективно. Так, в предложениях с нексусом (координированными главными членами, по Н. Ю. Шведовой) предикативная связь оформлена иннективно, а в предложениях типа *Яблоки к полднику хорошо* — коннективно.

Подчинение и сочинение могут быть описаны как оппозиция внутри категории логического порядка, образующей поле, в ядре которого находятся наиболее ярко маркированные связи с иннективным оформлением — в таких конструкциях, как сложносочиненное предложение (с семантикой конъюнкции / дизъюнкции / противопоставления) vs. сложноподчиненное предложение, однородный ряд с сочинительными союзами vs. подчинительное словосочетание (с управлением или согласованием). За пределами ядра находятся связи, сочинительное vs. подчинительное оформление которых не (вполне) поддерживается отношениями, которые этими связями актуализируются: это связи в таких конструкциях, как предикативный центр + субъектный детерминант (оформлено как подчинение, но в реальности подчинения нет)⁸⁹, сложносочиненные предложения с семантикой присоединения, пояснения и градации (обязательный

⁸⁹ Если субъектный детерминант рассматривается не только как носитель предикативного признака в семантическом плане (А. В. Бондарко), но и грамматически как (неканоническое) подлежащее (ср. [Циммерлинг 2012]), то данная связь должна

для сочинения признак грамматического равноправия здесь ослаблен и осложнен противоположным по смыслу признаком семантического неравноправия), так называемые взаимоподчиненные сложные предложения. Еще дальше от ядра находятся связи с коннективной манифестацией: предикативный центр + обстоятельственный детерминант (наречие), словосочетания с примыканием и — в особенности — аппозицией, бессоюзный однородный ряд, бессоюзные предложения разных типов. По мере движения от ядра к периферии нарастает присутствие коннексии — вплоть до ее полного господства на дальней периферии поля.

Структура поля логического порядка здесь лишь бегло очерчена, она требует углубленной разработки, которая, несомненно, внесет в намеченную схему существенные уточнения. Можно надеяться, что решение этой задачи приведет к удовлетворительной систематизации синтаксических связей, отсутствие которой ощущается столь же остро, сколь и давно.

3.2–3.3. Второй ядерный компонент синтаксической системы в целом — набор семантических типов предикатов с их актантным окружением, а также система базовых структурных моделей предикативного центра.

В классификациях семантических типов предикатов недостатка нет (имеются в виду работы П. Адамца, Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Л. Г. Бабенко, В. А. Белошапковой, В. В. Богданова, Т. В. Булыгиной, Л. М. Васильева, В. Г. Гака, Ф. Данеша и К. Гаузенблаза, Г. А. Золотовой, О. Н. Селиверстовой, Ю. С. Степанова, Н. Ю. Шведовой, Т. В. Шмелевой и мн. др.), как нет и сомнений в том, что именно эти типы лежат в основе базовых семантических структур.

Сложность состоит в выборе базовой концепции и в определении принципов иерархизации: с одной стороны, такие обобщенные компактные классификации, как трехчленная типология в [Арутюнова 1976а], представляются стоящими слишком далеко от реального многообразия материала; с другой стороны, такая дробность классификации, как в [Русские глагольные... 2002], не способствует прояснению системных отношений между моделями предложений.

Еще одна трудность заключается в том, что базовые семантические структуры связаны с базовыми структурными моделями предложения (структурными схемами) не взаимно-однозначными, а, скорее, множе-

рассматриваться как предикативная, причем вопрос о характере связи в таком случае заслуживает отдельного обсуждения.

ственно-вероятностными отношениями. Г. А. Золотова демонстрирует связь «основных моделей предложения» и их «типовых значений» серией примеров: *Сестра шьет* (глагольный предикат, действие субъекта) — *Сестре скучно* (предикат — категория состояния, состояние субъекта) — *Сестра добрая* (предикат — прилагательное, свойство предмета) и т. д. [Золотова и др. 1998: 105]. Однако вывод, будто предложения, выражающие состояние субъекта, всегда строятся по модели «слово категории состояния + дативный субъект», был бы неверен, поскольку предложение *Сестра скушает* выражает то же, но строится иначе. Соответственно, был бы неверен и вывод, будто все предложения, которые строятся по схеме $N_i V_f$, выражают действие субъекта.

Опыт авторов работ [Русские глагольные... 2002; Kiklewicz, Korytkowska 2010] показывает, что систему структурных схем, как моделей наиболее отвлеченных, целесообразно использовать как первичную данность; изложение в этом случае организуется по принципу «данная семантическая структура может реализоваться в следующих структурных схемах». В этом случае описание системы структурных схем предложения (базовых способов оформления предикативного центра) должно предшествовать характеристике семантических типов предикатов с их актантным окружением.

3.4. Регулярные способы модификации базовых моделей предложения хорошо известны: это изменения при введении отрицания, лексически выраженных фазовых и модальных значений, а также круга вспомогательных значений, выражающих становление признака, его сохранение, обнаружение, оценку с точки зрения его реальности и т. п.

Некоторые модификации ведут к появлению производных моделей предложения. Например, предложения с предикатами существования, наличия, обнаружения и т. п. (*У нас есть время поговорить*; *У Петровых было двое детей*; *В кармане нашлись спички и одна сломанная сигарета*) при введении отрицания существенно меняют грамматическое оформление предикативного центра: *У нас нет времени поговорить*; *У Петровых не было детей*; *В кармане не нашлось ни спичек, ни даже сломанной сигареты*. Модель, в которой отрицается существование, наличие, обнаружение субъекта, кодируемого в этом случае генитивом и лишаящегося, таким образом, статуса подлежащего (по меньшей мере канонического), следует рассматривать как производную.

Аналогичным образом стоит интерпретировать и модель, которая у Н. Ю. Шведовой приводится в одном ряду с другими — $Nu N_2$

(*Ни ветерка; В комнате ни души*). (Следует еще раз подчеркнуть, что вопрос об отношениях производности между структурными схемами в трех грамматиках под редакцией Н. Ю. Шведовой не ставится, все модели даны как базовые.)

То же касается и ряда моделей с участием инфинитива в роли подлежащего: *Промолчать было разумно; Отказаться было обидеть; Дозвониться было проблемой; Промолчать было некстати*⁹⁰. С одной стороны, очевидно, что семантическая структура таких конструкций включает две пропозиции (начальный инфинитив выступает как имя первой из них) и, следовательно, они неэлементарны. С другой стороны, ясно, что в основе этих конструкций лежат модели с начальным компонентом N_1 (ср.: *Молчание было разумно; Задача — учиться*⁹¹; *Решение этой задачи было неотложной необходимостью; Молчание было некстати*), а замена имени инфинитивом вызвана, прежде всего, ограничениями на образование имен действия в русском языке (*молчать* → *молчание*, но *промолчать* → ∅), и в особенности тем, что даже при наличии имени действия от данного глагола аспектуальные свойства последнего сохраняются в производном имени лишь частично (см. [Пчелинцева 2016]).

3.5. Модели (подчинительных) словосочетаний представляют собой не что иное, как модели присловного распространения. Можно было бы описывать эти модели так, как это делали еще в XVIII в., рассматривая по отдельности синтаксические свойства имен, глаголов и т. д., ср. главы «О сочинении имен», «О сочинении глаголов» и др. в «Наставлении шестом, о сочинении частей слова» в [Ломоносов 1755: 183 сл.]. Однако такое морфологически ориентированное раздельное описание не отвечает представлению о единой подсистеме синтаксического строя и не вскрывает системных отношений между описываемыми моделями. Вместе с тем выделение словосочетания в качестве самостоятельной синтаксической единицы (и вообще множественность выделяемых единиц синтаксиса) вносит противоречие в теорию уровневого строения языковой системы. Более целесообразным представляется подход, предполагающий единственность центральной единицы синтаксического строя — предложения — и вспомогательный статус других (синтаксемы в смысле Г. А. Золотовой, словосочетания) — как единиц скорее описания, нежели собственно строевых. Выражение именно этого

⁹⁰ Примеры В. А. Белошапковой.

⁹¹ Пример Н. Ю. Шведовой.

смысла преследуется в данном случае использованием формулы «модели присловного распространения».

3.6. В разделе, посвященном способам присхемного распространения (детерминации, в смысле Н. Ю. Шведовой), представляется целесообразным описывать только те виды детерминантов, которые автор понятия характеризовала как «формирующие неэлементарные семантические компоненты» предложения [Русская грамматика 1980: 150]. Так называемые субъектные детерминанты (*Мне грустно; У папы неприятности на работе*) и внешне локальные, но по сути обозначающие характеризуемый локус как носитель предципируемого признака (*Дома уютно; На улице ветрено*), которые, по Шведовой, «формируют элементарные компоненты семантической структуры предложения» [там же], должны описываться в разделе, посвященном семантическим типам предикатов с их актантным окружением и базовым способом оформления предикативного центра (основным структурным схемам). Причины очевидны. Следовательно, в данном разделе должны получить характеристику только случаи типа *У приятелей ты гений; Для юноши призвание — это серьезно; По мне ты можешь совсем сюда не являться; Тебе он самый умный; Среди животных овцы — самые пугливые* (примеры Н. Ю. Шведовой [там же: 153–154]), а также детерминанты с обстоятельственными значениями, за исключением локальных со значением субъекта характеристики.

3.7. Модели номинализации, насколько можно судить, до сих пор не выделялись в грамматиках в особый сюжет. Между тем такое решение кажется уместным, поскольку способы свертывания предикативной единицы в номинативную не только составляют важный компонент синтаксической системы, но также играют существенную роль в порождении высказывания. Описать устройство даже такого незамысловатого предложения, как *Приезд брата обрадовал сестру*, без опоры на понятие номинализации (*Брат приехал → приезд брата*) невозможно.

Развернутое представление способов номинализации органично связывает организацию семантически неэлементарного (полипропозитивного) предложения, с одной стороны, с моделями присловного распространения (в приведенном примере субъект исходной пропозиции принимает роль присловного распространителя при имени действия), с другой стороны — с моделированием сложного предложения, поскольку любая полипропозитивная структура может быть развернута в сложное предложение (*Брат приехал, и сестра*

обрадовалась; Когда брат приехал, сестра обрадовалась; Брат приехал — сестра рада; То, что брат приехал, обрадовало сестру). В этом смысле модели номинализации занимают одно из центральных мест в синтаксической системе, почему и представляется необходимым описать их в составе ее ядра.

3.8. Тезис о вхождении основных моделей актуального членения и порядка слов в базовый компонент синтаксической системы, как кажется, в доказательствах уже не нуждается. Более того, помимо классической книги [Ковтунова 1976] и опирающейся на нее детально разработанной концепции Т. Е. Янко [2001; 2008], мы располагаем прекрасными работами, в которых уже построены различные версии исчисления этих моделей: [Падучева 2016; Циммерлинг 2016]. Относительно некоторых решений можно дискутировать (например, исходное допущение А. В. Циммерлинга о необходимости «постулата о наличии единого порядка слов для всех конструкций данного языка: для русского языка достаточным будет постулат о том, что подлежащее при базовом порядке слов всегда стоит слева от сказуемого» [2013: 268]; полемику см. в: [Дымарский 2017]); однако несомненно, что названные работы могут служить надежным фундаментом для данного раздела.

4. Околоядерная зона включает важнейшие средства осложнения и, в конечном счете, финального оформления высказывания: 1) способы структурного осложнения предложения (однородность, обособление); 2) способы коммуникативного осложнения (вокативность, вводность); 3) производные модели актуального членения; 4) закономерности расположения клитик.

4.1–4.2. Противопоставление структурного (структурно-семантического) осложнения коммуникативному предложено С. Г. Ильенко [1989/2003: 402–403]. Если введение однородных рядов или обособленных компонентов осложняет как структуру, так и семантику предложения, то использование обращений, вставных и вводных компонентов влияния на структуру не оказывает, их главное назначение — коммуникативная адаптация предложения, формирование его коммуникативного эскорта.

4.3. Под производными понимаются модели актуального членения, получаемые в результате линейно-акцентных преобразований (термин Е. В. Падучевой) — таких, как экспрессивная препозиция собственно ремы, дислокация ремы, в том числе с рецессией темы, темарематическая инверсия, тематизация ремы, контрастная тема, контрастная рема, суперпозиция ремы и др. [Падучева 2015].

4.4. Закономерности расположения фразовых клитик в таких языках, как русский, не грамматикализованы [Циммерлинг 2013]. Тем не менее тенденции, напоминающие о том, что в древнерусском языке (по меньшей мере в его новгородском диалекте), как показал А. А. Зализняк [2008], действовал закон Вакернагеля, в современном русском языке сохраняются. Чтобы в этом убедиться, достаточно проанализировать хотя бы иллюстративный материал посвященных частицам статей толковых словарей, в том числе диалектных. Так, данные 11 словарей свидетельствуют о том, что сослагательная частица *бы* (*б*) в абсолютном большинстве приводимых примеров занимает строго вакернагелевскую позицию⁹². Сопоставление употребительности вариантов типа *Ты прилег бы* (пример из Толкового словаря русского языка С. И. Ожегова) и *Ты бы прилег* с помощью поисковой системы Google убедительно свидетельствует о том же: для первого варианта система выдает 40 вхождений (причем половина из них — цитаты из названного словаря), в то время как для второго объем выдачи превышает 3000 документов.

Носитель русского языка обычно не задумывается о том, где расположить клитику, но это не значит, что соответствующим тенденциям не место в грамматическом описании. Во-первых, тенденция к сохранению за клитикой вакернагелевской позиции ведет, как минимум, к интонационным модификациям базовых моделей предложения: просодия в *Ты прилег бы* и *Ты бы прилег* очевидно различна. В первом варианте, где позиция частицы при глаголе как бы наиболее логична, тема *Ты* подвергается интонационной редукции (вплоть до атонирования). Во втором варианте *Ты*, отделенное от ремы клитикой, получает более отчетливое самостоятельное ударение и более отчетливое оформление восходящим тоном (ИК-3). Во-вторых, грамматическое описание, которое служит основой в том числе учебных пособий по русскому языку как неродному и как иностранному, должно содержать подобные сведения в обязательном порядке.

5. Ближняя периферия формируется 1) базовыми моделями сложного предложения (например, двухкомпонентные сложноподчиненные с изосемичным придаточным), 2) регулярными производными образцами простых предложений.

5.1. Отнесение базовых моделей сложного предложения к ближней периферии может показаться спорным, если исходить из пред-

⁹² Данные Ксении Друпп, успешно защитившей магистерскую диссертацию на соответствующую тему на кафедре русского языка РГПУ им. А. И. Герцена в 2018 г.

ставления о его вхождении в классическую для второй пол. XX в. триаду синтаксических единиц «словосочетание — предложение — сложное предложение», не говоря уже о расширенных версиях (например, с включением в этот круг синтаксемы в смысле Г. А. Золотовой). Однако, как уже сказано выше, представляется более целесообразным считать единицей синтаксического уровня языковой системы Предложение вообще (прототипически — простое). С таксономической точки зрения перечисленные единицы образуют в этом случае не таксоны одного уровня, а иерархическую систему. Роль таксономического универсума в этой системе отводится Предложению, а простое, осложненное, сложное предложения занимают позиции таксонов в рамках этого универсума.

В теории сложного предложения (СП) важную роль играет тезис, согласно которому грамматическим значением СП является отношение между смыслами входящих в его состав предикативных частей, а кроме того, тезис о «смысловых приращениях», «порождении добавочной информации (если иметь в виду слушателя), или в высвечивании пресуппозиций (из которых исходил говорящий): *Книга была о бабочках, но брат ее прочел* (говорящий исходит из известного ему факта: бабочки брата не интересовали)» [Ильенко 2016: 265]. Однако подобные приращения смысла отнюдь не прерогатива СП: та же пресуппозиция без труда прочитывается и во фразе *Брат почему-то прочел книгу о бабочках*, хотя она представляет собой простое — и даже ничем не осложненное — предложение.

Многочисленные явления семантического изоморфизма между простым, простым осложненным и сложным предложением ясно говорят о том, что СП, как и осложненное предложение, не отдельная единица синтаксиса, а подтип Предложения, один из таксонов данной иерархической системы. Этот факт, а также факт очевидной производности (в синхронном плане) СП от простого предложения и заставляют отнести базовые модели СП к ближней периферии синтаксического поля, а производные от них модели — к дальней периферии.

В качестве базовых целесообразно рассматривать модели СП с наиболее прозрачным, прототипическим соотношением семантики и формы. Это означает, что, например, из сложносочиненных предложений с соединительными союзами сюда попадут не все, а только предложения с временными отношениями (открытой структуры). Предложения же с семантикой обусловленности, неожиданного результата, резкой смены событий, противопоставления, в которых

наложение этих значений на базовое временное ведет к закрытию структуры, следует отнести к дальней периферии, так как они производны от первых и не вполне прозрачны в плане соотношения формы и семантики. То же касается, к примеру, сложноподчиненных предложений с целевыми союзами: в качестве базовой модели следует рассматривать только предложения с собственно целевой семантикой. Конструкции же, семантика которых квалифицируется как условно-целевая (*Чтобы иметь право судить, надо обладать мужеством беспощадно относиться к себе* (Ф. Гладков)), противительно-целевая (*Люди выдумывали себе пороки и извращения, лишь бы не прослыть пресными* (А. Н. Толстой)), причинно-целевая (*Солдаты не решались выпрыгнуть, чтобы не разбежались другие арестованные* (А. Фадеев)), образ действия (*Надо рассуждать кратко, складно, чтобы слушать тебя было занятно* (М. Горький)), перечислительно-целевая (*Глаза Жюль Верна закрылись, чтобы никогда больше не раскрываться* (К. Андреев)) ([Ильenko 1962/2003: 299–303]; примеры оттуда же; приведенный перечень далеко не полон, см. [Данилова 2010]), — должны быть безоговорочно отнесены к производным, находящимся на дальней периферии синтаксического поля.

5.2. Регулярные производные образцы простых предложений можно считать речевыми синтаксическими моделями. Они а) производны от базовых, б) обладают более сложной структурой, в) обладают ограниченной вариативностью коммуникативного задания и актуального членения, а также г) фиксированным с точностью до лексико-семантической группы (в отдельных случаях — до лексической единицы) способом выражения по меньшей мере одного из компонентов исходной языковой структуры. Возможно и более дробное членение: на базовые модели, речевые модели и модели высказываний, — обоснованное в [Дымарский 2013а]. Примерами могут служить идентифицирующие модели *Так вот + [вопросительное предложение]*, ср. *Так вот о чем вы тут шептались!* или *Это / N₁ V_f*, ср. *Это папа пришел*.

Соотношение базовой, речевой и модели высказывания можно проследить на примере регулярных дериватов от базовой структурной схемы инфинитивного предложения *Inf*. Производные первого порядка включают обязательные частицы:

— *Inf бы* (оптативная модель, ср. *Выставить бы Филонова так, чтобы ахнул Париж!* (Е. Евтушенко));

— *Не Inf бы, Как бы не Inf* (контропнативная модель, ср. *Не уходит бы вам сегодня* (А. и Б. Стругацкие));

— *He Inf же* (модель со значением отвергаемой версии перспективы, ср. *He драться же ему с тещей* (В. Токарева), пример Алины Израэли из [Israeli 2016: 312] и целый ряд других).

В производных второго порядка закреплены эллипсис инфинитива и наличие обязательного распространителя (и не только детерминанта), который и берет на себя роль «представителя» модели:

— (*Interj_{эмоц}*) (*D*) (*N*₃) *бы N^{opt}_{2/4}* (оптативно-объектная модель, ср. (*Ох,*) *теперь бы пивка; Пивка бы!*; *Мне бы вот эти часы*);

— *N^{imp}₄ \ N₃* (императивно-объектная модель, ср. *Кресло мне...* (М. Булгаков); *Звезду Суворову Александру Васильевичу!* (Рекламный ролик)).

Тем самым так называемые генитивные (или генитивно-аккузативные) предложения получают более удовлетворительную интерпретацию в качестве устойчивых неполных реализаций инфинитивной модели и исключаются из круга базовых моделей простого предложения.

6. Дальняя периферия включает 1) производные модели сложного предложения (например, с неизосемичной функцией придаточного, ср. модель со сравнительным придаточным в присубстантивной позиции ...*с таким гневом, будто...*, или стандартизированные многокомпонентные построения типа ...*сказали, что если..., то...*), и 2) (полу)фразеологизированные полипредикативные модели, сжатые до внешней монопредикативности (*Я не безумец лезть под пули*) — о последних см. [Дымарский 2016].

Предлагаемая модель описания синтаксического компонента грамматического строя русского языка, очерченная здесь, конечно, в самых общих чертах, позволяет, помимо прочего, наметить и разграничить уровни представления грамматических знаний: от минимального, необходимого при обучении русскому языку как иностранному и неродному, базового, элементы которого должны входить в школьную программу по русскому языку, — до основного, формирующего университетский курс, и далее.

II. СВЯЗИ И ОТНОШЕНИЯ В СИНТАКСИСЕ

ГЛАВА 9

КОННЕКТИВНЫЙ VS. ИННЕКТИВНЫЙ СИНТАКСИС (из наблюдений над языком романа Л. Н. Толстого «Война и мир»)

Литература о языке и стиле Л. Н. Толстого огромна. Не ставя себе целью ее обзор, ограничим наше внимание **отклонениями от синтаксической нормы** в романе «Война и мир». Об этих отклонениях писали в разное время и с разных позиций: см. работы [Чернышевский 1989, Чехов 1954, Шкловский 1928, Виноградов 1939, Чичерин 1968, Еремина 1983, Бочаров 1987, Платонова 1984, Степанов 1998] и мн. др. К наиболее устойчивым объяснениям элементов синтаксического аграмматизма¹ у Толстого принадлежат следующие:

- а) двуязычие романа и вытекающее из него влияние французского синтаксиса (В. Б. Шкловский, отчасти В. В. Виноградов);
- б) синтаксические пережитки XVIII в. (В. В. Виноградов);
- в) влияние разговорной речи (почти все исследователи);
- г) особенности повествовательной структуры романа: «стремление в формах речи передать динамику чувств в зарождении, становлении, изменении» [Еремина 1983: 177]; «сложная система взаимодействия и смешения литературного повествовательного стиля со сферами военного и официально-делового языков (в их диалектическом разнообразии) и со сферой научно-философской и журнально-публицистической речи» [Виноградов 1939: 123]; «Слова и мысли в “уединенном монологе” у Толстого движутся в стремительном и беспорядочном порыве, как бы освобожденные наполовину от логико-синтаксических и предметно-смысловых форм литературного выражения» [там же: 184].

Однако указанные объяснения, и даже наиболее развернутые интерпретации, как, например, у В. В. Виноградова, все же не вполне

¹ Под **аграмматизмом** здесь и далее подразумеваются, конечно, не клинические проявления, а случаи отклонения от грамматических норм, снижающие меру «грамматичности» данной синтаксической конструкции.

проясняют причину возникновения явлений аграмматизма на фоне несравненно более обширного корпуса абсолютно нормативных синтаксических конструкций в тех же самых текстах Толстого. Много написано о влиянии разговорного языка, просторечия, галлицизмов, но вопрос заключается в том, чем можно объяснить появление аграмматизмов в письменной речи *безусловно владеющего литературной нормой* профессионального писателя, а не крестьянина, владеющего исключительно просторечием, или аристократа начала XIX в., для которого французский язык являлся едва ли не первым родным языком.

В основу дальнейшего изложения положим перечисление наиболее заметных проявлений синтаксического аграмматизма в романе «Война и мир», поскольку именно в ходе наблюдений над материалом рождаются заслуживающие внимания объяснения.

1. Наиболее распространенными проявлениями аграмматизма в романе являются многочисленные буквальные **повторы**. В структурном плане их можно классифицировать следующим образом.

1.1. Повтор подлежащего или другого компонента предложения или целой конструкции (здесь и в последующих примерах интересные нас словоформы подчеркнуты):

(1) *И вдруг в такие-то минуты, при ней, этот отец, которого она осуждала, или искал очки, ощупывая подле них и не видя, или забывал то, что сейчас было, или делал слабевшими ногами неверный шаг и оглядывался, не видал ли кто его слабости, или, что было хуже всего, он за обедом, когда не было гостей, возбуждавших его, вдруг задремывал, выпуская салфетку, и склонялся над тарелкой трясущейся головой* (Т. II, ч. 5, гл. II).

Чем можно объяснить введение в это предложение второго прономинального подлежащего (черта, обычно приписываемая разговорному синтаксису), если учесть, что строй предложения этого повтора не предполагает и других обычных черт разговорности здесь не наблюдается?

Толстой в контексте, из которого извлечен этот фрагмент, прибегает к приему, близкому к несобственно-авторской речи, но не тождественному ей. Перед нами не отстраненное объективное повествование, а повествование с позиций княжны Марьи; однако очевидных примет несобственно-авторской речи (прежде всего лексических) здесь нет. Такое повествование можно квалифицировать как **субъектно-ориентированное**, которое в рамках третьеличной формы нарратива противопоставлено **субъектно-неориентированной** модели.

Для **субъектно-неориентированной** модели характерно структурное отсутствие ориентации на воспроизведение (моделирование) восприятия, оценок и т. п. конкретного субъекта-персонажа, что влечет за собой последовательную и непрерывную представленность в таком контексте словоформ с субъектным значением в актантных позициях. В этом случае единственным *несменяемым* субъектом остается повествователь, а появление в тексте тех или иных оценок, элементов, характерных для восприятия другого субъекта (персонажа), обязательно маркируется и не влечет превращения контекста в ориентированный на воспроизведение только одной (персонажной) точки зрения; передача чужой точки зрения при этих условиях не является структурно обязательной и в любой момент — по воле повествователя — может быть прекращена или заменена передачей точки зрения другого персонажа. В контексте же **субъектно-ориентированного** повествования представленность словоформ с субъектным значением в актантных позициях (имеется в виду субъект восприятия / описания / повествования) не просто излишня или факультативна: она исключена. Единственным условием (впрочем, очевидным) является заданность субъекта, что обычно обеспечивается левым контекстом (подробнее см.: [Дымарский 2001: гл. II, § 1.3.3]).

Структурно выраженной ориентацией на передачу субъективного восприятия ситуации княжной Марьей (то есть выбором субъектно-ориентированной модели третьеличной формы нарратива²) и объясняется в данном случае выбор конструкции: Толстой «нагнетает» однородные сказуемые, выстраивая их в градационный ряд и *таким* образом показывая, как княжна с болью наблюдает за нарастанием старческой немощи отца. Введение второго прономинального подлежащего превращает два последних сказуемых в грамматический центр еще одной предикативной единицы, которая, однако, соединена с предшествующим рядом на правах члена этого ряда. Аграмматизм налицо, но объясняется он тем, что Толстой имитирует строй смятенных мыслей княжны Марьи, в сознании которой отец всегда занимал главное место. В высшей степени характерно для всего облика княжны Марьи, всегда имевшей склонность к самоосуждению, использование «странного» определения *этот* к подлежащему *отец*, которое никоим образом не нуждается в подобных определениях. Конструкция *этот отец* выполняет ту же функцию, что и примыкающее к ней

² Выражением «третьеличная форма нарратива» пользуемся вслед за Е. В. Падучевой (см. [Падучева 1996]).

придаточное: не сообщая прямо о самоосуждении княжны Марьи, Толстой «цитирует» ее мысли, то есть *показывает* этот процесс. Строй предложения — именно грамматический строй предложения! — у Толстого оказывается **изобразительным** средством, и элемент аграмматизма играет в этом вполне определенную роль.

(2) *Кутузов, которому уже надоел Болконский своей деятельностью, служившей ему упрёком в праздности, Кутузов весьма охотно отпустил его и дал ему поручение к Барклаю де Толли* (Т. III, ч. 1, гл. VIII).

Для интерпретации этого примера целесообразно напомнить, что в описываемый момент Кутузов еще не назначен главнокомандующим и никаких предпосылок к этому пока не видно. Несмотря на упоминание о валашке, у которой Кутузов проводит дни и ночи (см. контекст), для него это, вероятно, период размышления и выбора: его праздность не случайна. Всякая деятельность, происходящая на этом фоне, даже осмысленная, в данный момент ему мешает. Потому-то он весьма охотно отпускает князя Андрея. Присубстантивное придаточное в этом случае передает ощущения Кутузова, а повтор подлежащего возвращает повествование из персонажного плана в авторский. При этом ощутимая немотивированность повтора воспринимается как выражение чуть иронического отношения Толстого — и не столько к Кутузову, сколько к восприятию его другими персонажами романа, не угадывающими за внешним поведением Кутузова его мудрой простоты.оборот *весьма охотно* при повторном подлежащем воспринимается в этом случае сразу в двух смысловых планах: он может передавать как ощущения самого Кутузова, так и впечатления других персонажей. Таким образом, в конструкции со вторым подлежащим у Толстого можно видеть не только и не столько влияние разговорного синтаксиса, на которое неоднократно указывали авторы работ о языке Толстого. Толстой использует конструкцию с внешней приметой разговорности, наполняя ее сложным содержанием и наделяя **функцией переключения между планами повествования**: с авторского на персонажный, с персонажного на авторский.

Несколько иную ситуацию наблюдаем в следующем примере:

(3) *Для историков, признающих то, что Россия образовалась по воле одного человека — Петра Великого, и Франция из республики сложилась в империю, и французские войска пошли в Россию по воле одного человека — Наполеона, такое рассуждение, что Россия осталась могущественна потому, что у Наполеона был большой насморк 26-го числа, такое рассуждение для таких историков неизбежно последовательно* (Т. III, ч. 2, гл. XXVIII).

В данном случае имеет место повтор подлежащего с изменением функции местоимения (катафорическое меняется на анафорическое). Повтор подлежащего здесь можно объяснить стремлением обеспечить легкость чтения (читателю благодаря этому повтору не приходится решать ребус, что именно «*неизбежно последовательно*»). Но Л. Н. Толстой использует этот повтор еще и для иронического подчеркивания «*таких историков*». Нагнетание в тексте указательного местоимения (*это, этот, тот* и пр.) неизбежно превращает его в своеобразный многозначительный эвфемизм, и за «*такими историками*» прочитываются горе-историки, псевдоученые и проч. Следовательно, не мотивированный конструкцией повтор используется Толстым и как **средство иронии**.

1.2. Повтор союза:

(4) *Все лица были такие спокойные, как будто все происходило не в виду неприятеля, перед делом, где должна была остаться на месте, по крайней мере, половина отряда, а как будто где-нибудь на родине в ожидании спокойной стоянки* (Т. I, ч. 2, гл. XV).

Излишний повтор союза в этом предложении как будто ничем не мотивирован и как будто не вносит никаких дополнительных смысловых оттенков. Однако можно полагать, что здесь играет свою роль собственная семантика союза. Перед нами местоименно-соотносительное сложноподчиненное предложение (далее — СПП), наиболее близкое к фразеологизированному типу (контактная рамка *такие спокойные... как будто*). Однако обычно к предложениям этого типа относят конструкции с союзом *что*, в которых придаточное выражает следствие из высокой степени проявления признака, на которую указывает местоимение в главной части (стандартный вид конструкции: *Все лица были такие спокойные, что солдат можно было принять за спящих*). В нашем же примере придаточная часть имеет не следственное, а сравнительное значение, поэтому данная выше характеристика предложения не безусловна. С другой стороны, квалифицировать эту конструкцию как СПП расчлененной структуры с детерминантным придаточным сравнения невозможно, так как очевидным образом имеет место контактная рамка. Так или иначе, для нас в данном случае важнее не тип СПП, а именно сравнительная семантика придаточного. Как известно, сравнительных союзов в русском языке довольно много: *как, как будто, будто, подобно тому как, словно* и др. Л. Н. Толстой из этого многообразия выбирает союз, подчеркивающий нереальность, гипотетичность ситуации, отображаемой придаточным предложением. Именно эта гипотетичность,

даже невозможность, и подчеркивается автором вторично при введении второго компонента противопоставления, оформленного союзом *не... а*.

Сходное явление наблюдаем и в следующем примере:

(5) *И ему казалось, что лучшее, что он может сделать теперь, — это то, чтобы он с своим величием, вследствие которого сын его в бильбоке играл земным шаром, чтобы он выказал, в противоположность этого величия, самую простую отеческую нежность* (Т. III, ч. 2, гл. XXVI).

В данном случае имеет место повтор подчинительного союза с подлежащим придаточной части.

Повтор союза здесь выполняет ту же функцию, что и в предыдущем примере: он подчеркивает гипотетичность ситуации (*чтобы* дает ирреальное синтаксическое наклонение). Как известно, А. М. Пешковский объяснял происхождение союза *чтобы* слиянием изъяснительного *что* с сослагательной частицей *бы* и выводил из этого объяснение ирреального модального значения придаточных с этим союзом [Пешковский 1956: 481–482]. В целом использованная здесь конструкция (*лучшее — это то, чтобы...*) характерна для синтаксиса Толстого, но нехарактерна для литературной нормы: в литературном языке для выражения подобных смыслов обычно используется конструкция с составным инфинитивным сказуемым. Сведенное к этому виду предложение Толстого выглядело бы следующим образом:

**И ему казалось, что лучшее, что он может сделать теперь, — (это) выказать самую простую отеческую нежность.*

Тем не менее опыт приведения толстовского предложения к соответствию норме оказывается неудовлетворительным. В «исправленном» предложении исчезает придаточное с подлежащим *он*, а потому не находится места и для дуплексива *с своим величием* с определительно-уступительным значением. Важность этого дуплексива подчеркивается, во-первых, его повтором (во втором случае определительное значение пропадает), во-вторых, придаточным *вследствие которого сын его в бильбоке играл земным шаром*. Как известно, уступительная конструкция по своей семантической структуре несравненно сложнее всех остальных конструкций обусловленности и, что еще важнее, способна передавать невыраженные смыслы. Опыт с трансформацией толстовского предложения показывает, что Толстой жертвует грамматической правильностью в пользу смыслового объема. Приведенная грамматически правильная кон-

струкция оказывается в смысловом отношении плоской, одномерной. Толстой не только избирает менее нормативный (но предоставляющий большую свободу) вариант, но и «усиливает» его повтором союза. Таким образом, ненормативный повтор союза наделяется у Толстого **функцией усиления аспекта смысла** (в обоих приведенных примерах — усиления гипотетического значения придаточного).

1.3. Повтор целой конструкции или ее части:

(6) *Наташа успокаивалась на мгновенье, но потом опять какой-то инстинкт говорил ей, что хотя все это и правда и хотя ничего не было, — инстинкт говорил ей, что вся прежняя чистота любви ее к князю Андрею погибла* (Т. II, ч. 5, гл. X).

Повторена главная часть изъяснительной конструкции. Ср.:

**Наташа успокаивалась на мгновенье, но потом опять какой-то инстинкт говорил ей, что хотя все это и правда и хотя ничего не было, (но) вся прежняя чистота любви ее к князю Андрею погибла*.

Повтор главной части изъяснительной конструкции в СПП усложненной структуры — довольно частотное для стиля Толстого явление. Используемая здесь модель:

[ГЛ. ЧАСТЬ] + (ЧТО + (ХОТЯ_{уступит. придат.}) + изъяснит. придат.) — весьма устойчива в книжно-письменной традиции³. Это подтверждается многочисленностью примеров ее нормативного использования в языке классиков XIX–XX вв., в том числе и у самого Л. Н. Толстого, ср.:

Он доложил князю Багратиону, что против его полка была конная атака французов, но что, хотя атака эта отбита, полк потерял больше половины людей (Т. I, ч. 2, гл. XVIII);

«И вот почему: во-первых я знаю, что хотя он и редко говорит о покойной жене, но печаль этой потери слишком глубоко вкоренилась в его сердце, чтобы когда-нибудь он решился дать ей преемницу и мачеху нашему маленькому ангелу» (Т. II, ч. 3, гл. XXV);

Но зато, когда он выходил в другую комнату, графиня поспешно выходила за ним, и он, принимая серьезный вид и покачивая задумчиво головой, говорил, что, хотя и есть опасность, он надеется на действие этого последнего лекарства, и что надо

³ Любопытно, впрочем, что в монографии Г. Ф. Гавриловой эта устойчивая конструкция специально не характеризуется, хотя довольно большой параграф посвящен «закономерностям сочетаемости предикативных частей в СПП с последовательным подчинением придаточных частей». См.: [Гаврилова 1979: 199–216].

ждать и посмотреть; что болезнь больше нравственная, но... (Т. III, ч. 1, гл. XVI);

*Потом она спросила Санина, знает ли он «Фрейшюца», любит ли Вебера, и прибавила, что хотя она сама итальянка, но такую музыку любит больше всего*⁴.

Отличительной особенностью данной конструкции является прерывистость синтаксических связей: состав изъяснительной придаточной части оторван от вводящего ее союза, что может вести к проблематичной интерпретации подчиненности этой части. Именно этим можно было бы объяснить повтор главной части, снимающей указанную проблематичность. Однако это умозрительное объяснение опровергается самим фактом устойчивости конструкции (ср. приведенные примеры). Повтор здесь можно объяснить только стремлением Толстого подчеркнуть интуитивный характер мышления Наташи: при повторном чтении фразы «*инстинкт подсказывал ей*» логическое ударение невольно падает именно на слово *инстинкт*, чем подчеркивается непреложность для Наташи печальной истины.

В следующем предложении наблюдаем повтор главной части вместе с придаточным, причем в первом случае придаточное не завершено:

(7) Необходимо было, чтобы миллионы людей, в руках которых была действительная сила, солдаты, которые стреляли, везли провиант и пушки, надо было, чтобы они согласились исполнить эту волю единичных и слабых людей и были приведены к этому бесчисленным количеством сложных, разнообразных причин (Т. III, ч. 1, гл. I).

Толстому важно подчеркнуть оппозицию «*миллионы людей, в руках которых действительная сила*» — «*единичные слабые люди*»; по этой причине при подлежащем *миллионы людей* появляется присубстантивное придаточное и вдобавок — приложение, и тоже со своим присубстантивным придаточным. Конструкция резко осложняется, затрудняется ее восприятие — и Толстой решает проблему излюбленным повтором. Кроме того, здесь, как и в примерах (4–5), повтор союза *чтобы* подчеркивает гипотетическое значение придаточного, то есть косвенно выражает ту мысль, что описываемая ситуация была отнюдь не предопределена волей какого-либо человека.

⁴Тургенев И. С. Вешние воды // Тургенев И. С. Собр. соч.: в 6 т. М., 1968. Т. 5. С. 179.

В целом в примерах (6–7) ненормативный повтор (части) конструкции является следствием авторского стремления особо акцентировать определенный аспект смысла, то есть можно говорить о **семантико-акцентирующей функции повтора**.

В примерах этой группы, впрочем, повтор может выполнять и **функцию переключения между планами повествования**, как в группе 1.1:

(8) *Не найдя Курагина в Турции, князь Андрей не считал необходимым скакать за ним опять в Россию; но при всем том он знал, что, сколько бы ни прошло времени, он не мог, встретив Курагина, несмотря на все презрение, которое он имел к нему, несмотря на все доказательства, которые он делал себе, что ему не стоит унижаться до столкновения с ним, он знал, что, встретив его, он не мог не вызвать его, как не мог голодный человек не броситься на пищу* (Т. III, ч. 1, гл. VIII).

Первая часть этой сложной конструкции выдержана в нейтральной тональности; во второй — взрыв экспрессии. Правильное развертывание изъяснительного СПП нарушается врывающимися в него уступительными «врезками» (подчеркнуты двойной чертой): придаточным и двумя оборотами — и каждый, вдобавок, с дальнейшими придаточными. При сохранении сдержанной тональности было бы достаточно первого местоименно-предложного оборота, который также имеет уступительное значение, и обобщенно-уступительного придаточного:

**...но при всем том он знал, что, сколько бы ни прошло времени, он не мог, встретив Курагина, не вызвать его...*

Появление еще двух уступительных оборотов, в которых, кроме того, усилено обобщенное значение (*несмотря на все презрение, несмотря на все доказательства*), может быть мотивировано только стремлением изобразить чувства, переполняющие героя. Именно эти обороты «обрывают» нормативную конструкцию и великолепно имитируют эмоциональную, сбивчивую внутреннюю речь обычно выдержанного князя Андрея (стоит обратить внимание и на разговорный характер конструкции *доказательства, что* — вместо нормативного *доказательства того, что*). Обрыв изъяснительной конструкции на предрематической паузе вызывает обостренное рематическое ожидание, что дополнительно усиливает напряжение. Второе *он знал, что*, с одной стороны, представляет собой немотивированный с точки зрения нормы повтор, в высшей степени характерный для спонтанной устной речи, с другой стороны — служит

границей между персонажным и авторским планами повествования: после этого повтора следует, наконец, абсолютная рема (*не вызвать его*), напряжение разрешается, и далее переход в авторский план подкрепляется сравнением, источник которого (автор, внешний наблюдатель) не подлежит сомнению.

В целом пример (8) являет собой типичный пример **аугментативной структуры высказывания**, то есть структуры, в основе которой лежит принцип расширения и усиления сказанного, также весьма характерный для спонтанной устной речи. Реализация этого принципа основана на вариативном повторе, который представлен в разобранном примере трехкратно:

а) *он знал, что он не мог... — он знал, что он не мог (не вызвать его)*;

б) *при всем том... — сколько бы ни прошло времени... — несмотря на все презрение... — несмотря на все доказательства...*;

в) *встретив Курагина — встретив его*.

Аугментативную структуру высказывания можно видеть также в примерах (6–7).

Сходное явление наблюдаем и в следующем примере, хотя он менее выразителен:

(9) *Та минута, когда Николай увидал в водомоине копошащихся с волком собак, из-под которых виднелась седая шерсть волка, его вытянувшаяся задняя нога, и с прижатыми ушами испуганная и задыхающаяся голова (Карай держал его за горло), — минута, когда увидал это Николай, была счастливейшею минутою его жизни* (Т. II, ч. 4, гл. V).

Особенно интересен следующий случай:

(10) *В минуты гордости, когда он [Пьер] думал о своем положении, ему казалось, что он совсем другой, особенный от тех оставших камергеров, которых он презирал прежде, что те были пошлые и глупые, довольные и успокоенные своим положением, «а я и теперь все недоволен, все мне хочется сделать что-то для человечества», — говорил он себе в минуты гордости* (Т. II, ч. 5, гл. I).

Здесь наблюдаем не только повтор детерминанта, но и двойную подчиненность прямой речи: один и тот же фрагмент внутренней речи персонажа сначала подается как одно из однородных придаточных в конструкции с косвенной речью (что уже нарушает нормы передачи чужой речи, так как фактически уничтожает границы между косвенной и прямой речью), затем — оформляется вводными словами в полном соответствии с нормативным каноном.

Стилистический эффект заключается в том, что грамматически правильная постпозитивная вводящая часть оказывается плеоназмом, так как вся конструкция в целом открывается главной частью «*в минуты гордости... ему казалось*», изофункциональной постпозитивному вводу.

Путем повтора Толстой переносит смысловой акцент на детерминант *в минуты гордости*. Любопытнее всего, однако, то, что изофункциональность главной части изъяснительного СПП и вводящей части конструкции с прямой речью — мнимая. Несмотря на сходство функций, главная часть *ему казалось* не может служить вводом к прямой речи, ср.:

*...*ему казалось*: «*Я и теперь все недоволен...*».

Таким образом, перед нами конструкция, аграмматичность которой, во-первых, вызвана контаминацией конструкций с косвенной и с прямой речью, во-вторых — объясняется стремлением Толстого не только возможно точнее передать мысли персонажа, но и подчеркнуть условия, в которых эти мысли появляются (*в минуты гордости*). Это становится очевидным, если обратить внимание на следующее за данным предложение:

«*А может быть и все те мои товарищи, точно так же, как и я, бились, искали какой-то новой, своей дороги в жизни, и так же как и я силой обстановки, общества, породы, той стихийной силой, против которой не властен человек, были приведены туда же, куда и я*», говорил он себе ***в минуты скромности***, и проживши в Москве несколько времени, он не презирал уже, а начинал любить, уважать и жалеть, так же как и себя, своих по судьбе товарищей (полужирный шрифт мой. — М. Д.).

В следующем примере снова наблюдаем сочетание авторского и персонажного планов, с преобладанием последнего:

(11) Он [Пьер] так привык повиноваться этому тону небрежной самоуверенности князя Василия, что и теперь он чувствовал, что не в силах будет противостоять ей; но он чувствовал, что от того, что он скажет сейчас, будет зависеть вся дальнейшая судьба его: пойдет ли он по старой, прежней дороге, или по той новой, которая так привлекательно была указана ему масонами, и на которой он твердо верил, что найдет возрождение к новой жизни (Т. II, ч. 2, гл. V).

Буквальный и едва ли не контактный повтор *он чувствовал* представляет собой явление, которое в книжно-письменной традиции считается нежелательным, — зато оно очень характерно для

разговорной речи, в особенности диалогической (в связи с этим стоит обратить внимание на противительную конструкцию: союз *но* как будто вводит реплику персонажа, вступающего в полемику с повествователем). Однако еще более ощутимый отпечаток разговорности несет конструкция с контаминацией придаточных (подчеркнута двойной чертой). Базовой в данном случае является конструкция с однородными присубстантивными придаточными выделительно-определятельного типа: **пойдет ли он... по той новой дороге, которая так привлекательно была указана ему масонами и на которой он найдет возрождение к новой жизни*. Но второе из этих придаточных приобретает и вторую подчиненность: ** он твердо верил, что на этой дороге найдет возрождение к новой жизни*. Совместить в одном придаточном изъяснительную и выделительно-определятельную функции при разных контактных словах (*дорога* и *верил*) и разных средствах связи (*которая* и *что*) невозможно, поскольку при этом, в частности, происходит проникновение одного придаточного внутрь другого — и в результате возникает алогичное «*на которой он твердо верил*». Поэтому литературная норма подобных конструкций не приемлет; при необходимости выражения в рамках одного высказывания именно такого смыслового комплекса используется вводная конструкция (а) или модель с относительно-распространительным (присоединительным) придаточным (б):

(а) **...и на которой, (как) он твердо верил, он найдет...;*

(б) **...и на которой он найдет возрождение к новой жизни, во что он твердо верил.*

Толстой, однако, предпочитает нормативной конструкции аграмматичную разговорную — возможно, потому, что именно она лучше передает ход мыслей персонажа.

Заметим, что большинство примеров, подобных (11), связано с характеристикой Пьера Безухова — героя беспокойного, находящегося в постоянных поисках истины, размышляющего над своей судьбой и над судьбами других людей. Знаменитая толстовская «диалектика души» (само это выражение принадлежит Н. Г. Чернышевскому [Чернышевский 1989: 418]) лучше всего прослеживается именно в контекстах, отражающих становление личности Пьера.

2. Некорректное построение конструкций с деепричастными оборотами:

(12) *Потом он живо представил себе Богучарово, свои занятия в деревне, свою поездку в Рязань, вспомнил мужиков, Дрона-старо-*

сту, и приложив к ним права лиц, которые он распределял по параграфам, ему стало удивительно, как он мог так долго заниматься такой праздной работой (Т. II, ч. 3, гл. XVIII);

(13) Он не только не думал тех прежних мыслей, которые в первый раз пришли ему, глядя на небо на Аустерлицком поле, которые он любил развивать с Пьером и которые наполняли его уединение в Богучарове, а потом в Швейцарии и Риме; но он даже боялся вспоминать об этих мыслях, раскрывавших бесконечные и светлые горизонты (Т. III, ч. 1, гл. VIII);

(14) Но, подъезжая к Ярославлю, когда открылось опять то, что могло предстоять ей, и уже не через много дней, а нынче вечером, волнение княжны Марьи дошло до крайних пределов (Т. IV, ч. 1, гл. XIV).

Многие исследователи, в том числе В. В. Виноградов (см.: [Виноградов: 1939: 117–220]), относят это явление к «синтаксическим пережиткам» конца XVIII — начала XIX в. О недопустимости подобных построений писал в «Российской грамматике» еще М. В. Ломоносов: «Весьма погрешают те, которые по свойству чужих языков деепричастия от глаголов личных лицами разделяют, ибо деепричастие должно в лице согласоваться с главным глаголом личным, на котором всей речи состоит сила: **идучи в школу, встретился я с приятелем; написав я грамотку, посылаю за море**. Но многие в противность сему пишут: **идучи я в школу, встретился со мной приятель; написав я грамотку, он приехал с моря; будучи я удостоверен о вашем к себе дружестве, вы можете уповать на мое к вам усердие**, что весьма неправильно и досадно слуху, чувствующему правое российское сочинение»⁵. Однако и сегодня, в начале XXI в., некорректное построение конструкции с деепричастным оборотом является одной из самых распространенных грамматических ошибок. По-видимому, здесь мы имеем дело не с пережитком прошлого, но и не с результатом влияния иностранных языков (вопреки М. В. Ломоносову): подобным образом часто строят предложения люди, не знающие ни одного иностранного языка.

Рассматриваемую погрешность в построении конструкции с деепричастным оборотом нередко пытаются объяснить влиянием разговорного синтаксиса. Однако это объяснение парадоксально: ведь для разговорной речи, как хорошо известно, употребление конструкций с причастными и деепричастными оборотами

⁵ Цит. по: [Ицкович 1982: 130].

не характерно⁶. Откуда же, в таком случае, устойчивое ощущение разговорности подобных конструкций?

Позволим себе в связи с этим высказать следующую гипотезу. Сделанные выше наблюдения будут служить нам дополнительной опорой.

2.1. Теоретическое отступление: коннективный vs. иннективный синтаксис.

В многообразии синтаксических построений и связей, то есть, иначе говоря, явлений, составляющих объект синтаксиса, можно ясно видеть оппозицию, пронизывающую все это многообразие. Обозначим ее — в рабочем порядке — как оппозицию **коннексии** и **иннексии**. Под первой подразумевается синтаксическая связь, основанная на простом соположении компонентов; под второй — связь, предполагающая элемент проникновения одного компонента в другой или их взаимного проникновения.

В обоих случаях результатом коннексии или иннексии оказывается интеграция элементов, которым тем самым придается статус компонентов интегрированного целого; но принципиально различны сами пути.

Коннексия (< лат. *con* ‘с, со’ и *necto, nexum* ‘вязать, связывать’) — это в известном смысле механическое совмещение элементов: придание им статуса компонентов интегрированного целого никак не сказывается на их форме, структуре, семантике, а само интегрированное целое в структурном отношении представляет собой, грубо говоря, сумму компонентов, и если подвергнуть его «обратному» расчленению, то и получим исходные элементы, без какого бы то ни было остатка. Конструкции такого вида будем называть **коннективными**, или **консинтаксическими**, в противоположность конструкциям с иннексией — **иннективным**, или **инсинтаксическим**. Примерами консинтаксических конструкций могут служить словосочетание с примыкающим приложением в им. п., конструкция с прямой речью, бессоюзный однородный ряд, бессоюзные сложные предложения открытой структуры с отношениями «чистой» одновременности или последовательности (так называемые «явления текста» в концепции С. Г. Ильенко⁷). Мож-

⁶ В разговорной речи «причастия действительного залога и страдательные причастия наст. вр. ... отсутствуют. Деепричастия, по-видимому, также чужды РР» [Земская 1968: 41, со ссылкой на раб.: Вишнякова Т. А. Некоторые количественные характеристики русской разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967].

⁷ См.: [Ильенко 2003].

но предположить, что соображения именно такого рода (то есть сознание глубокой отличности консинтаксических конструкций от инсинтаксических) заставили авторов «Русской грамматики» 1980 г. — в первую очередь, конечно, ее главного редактора Н. Ю. Шведову — вывести бессоюзные предложения из раздела «Сложное предложение» и дать им название «Бессоюзные сочетания предложений».

Если подойти к характеристике коннексии с иных позиций, то на первый план выйдет не механистичность, а *свобода* соединения компонентов. Коннективные конструкции опираются именно на принцип **свободного соположения** компонентов; при этом статус компонента и, соответственно, его завершенность определяется не его грамматической оформленностью, а смысловой достаточностью, хотя последняя иногда оценивается говорящим / пишущим довольно субъективно. Несколько огрубляя, можно сказать, что в коннективном синтаксисе статус компонента конструкции может примысливаться к любому элементу, если он, по мнению говорящего, выражает необходимый смысл. Принцип свободного соположения компонентов — ведущий принцип коннективного синтаксиса.

Иннексия (< лат. *in* 'в') — это такое соединение элементов конструкции, при котором в их форме, структуре, семантике происходят известные изменения с целью приспособить, «приладить» один элемент к другому, «состыковать» их, если прибегнуть к столярной метафоре, по принципу «паз + шип» или «паз + скрепа + паз». В иннективных конструкциях происходит (взаимное) проникновение одного элемента в другой (ср. взаимное воздействие подлежащего и сказуемого в прототипическом глагольном предложении) и / или возникает специализированное средство связи, самим фактом своего существования уже оказывающее воздействие на оба соединяемых компонента (ср. предложные и союзные конструкции). При попытке «обратного» расчленения иннективной конструкции неизбежен отрицательный эффект: возникает «остаток», или деформируются компоненты, или утрачивается некоторый элемент смысла. Примерами инсинтаксических конструкций могут служить словосочетания с управлением и согласованием, конструкции с причастными и деепричастными оборотами, союзные сложные предложения (в том числе и конструкция с косвенной речью).

Для языков флективного (синтетического) типа существенность оппозиции коннексии — иннексии несомненна; но она имеет место и в языках аналитического строя — во всяком случае, в тех из них, где имеются союзы, частицы и другие специализированные средства

организации сложного предложения или диалогического единства. Можно даже предположить, основываясь на элементарных логических допущениях, что в глоттогенезе коннексия была первична и что, хотя довольно раннее развитие иннективных конструкций с нексусом местоименного подлежащего и глагольного сказуемого (*я иду — ты идешь*) несомненно⁸, подлинное развитие иннективного синтаксиса и последующее становление оппозиции коннексии — иннексии было тесно связано с развитием письменности.

Оппозиция коннексии — иннексии хорошо прослеживается на материале конструкций, передающих чужую речь. Конструкция с прямой речью (КПР) по своей природе является консинтаксической (и это, кстати, один из случаев наиболее яркого проявления коннексии): вводящий компонент и чужая речь в КПР никак не пересекаются, они просто соплагаются — и только; синтаксическую связь между ними идентифицировать и охарактеризовать невозможно. Зато сохраняются неприкосновенными не только синтаксическая конструкция чужого высказывания и его базовый лексический состав, но также его субъектно-объектная перспектива и все модусные средства, ср.:

Тогда новый знакомый спросил меня: «И в каком же году, интересно, вы окончили университет?»

В конструкции же с косвенной речью (ККР) — инсинтаксической — происходит проникновение одного элемента в другой: это заключается не только в использовании специализированного подчинительного средства связи, но и в подчинении субъектно-объектной перспективы и модусной рамки (если она есть) чужого высказывания соответствующей перспективе и рамке «основного» высказывания; сохраняется лишь тип синтаксической конструкции чужого высказывания и его базовый лексический состав:

Тогда новый знакомый спросил меня (поинтересовался), в каком (же) году я окончил университет.

Наконец⁹, в так называемой конструкции с тематической речью (КТР) иннексия достигает максимального проявления: чужая речь как таковая в КТР не передается, выражается только ее смысл — как правило, (предложно-)падежной конструкцией, которая полностью

⁸ Впрочем, сколько десятков тысячелетий отделяет первые человеческие иннективные предложения, протосинтаксис которых был чисто «идеографическим» и состоял, как можно думать, в простом соположении бесфлексивных основ, от «элементарных» иннективных *я иду — ты идешь*, не знает, по-видимому, никто.

⁹ Несобственно-авторскую речь здесь не рассматриваем, так как она является не синтаксической конструкцией, а художественным приемом.

лишена автономности (ср. прямую и косвенную речь) и включена в структуру «основного» высказывания на правах присловного распространителя:

Тогда новый знакомый спросил меня о времени окончания мною университета.

Любопытно отметить, что не только единая синтаксическая конструкция, но и диалог могут строиться по разным принципам (что — правда, в другой связи — было отмечено еще С. О. Карцевским): известно, что степень синтаксической связанности контактных реплик диалога может быть весьма различной — от фактической парцелляции до полного отсутствия синтаксической связи. То есть и здесь мы можем наблюдать как коннексию, так и иннексию, и, кстати, речевые манеры разных говорящих могут различаться по признаку склонности либо к первой, либо ко второй.

Коннексия и иннексия соседствуют и переплетаются друг с другом в организации простого предложения. Не подлежит сомнению иннективный характер связи между подлежащим и сказуемым, главными членами и непримыкающими присловными распространителями; но вот последние, а в еще большей степени детерминанты, — в особенности те из них, которые реализуют семантические элементы, не представленные ни на уровне пропозиционального отношения, ни, соответственно, в семантической структуре предложения, — вводятся в предложение посредством связей коннективного типа. (Не случайно, кстати, ни к чему не привели в свое время попытки интерпретировать грамматическую связь между детерминантом и предикативным центром в терминах подчинения; Н. Ю. Шведова отказалась от своей первоначальной трактовки этой связи как предельно ослабленного управления — ср. [Шведова 1964 и Русская грамматика 1980], а Г. С. Коляденко и В. П. Малащенко одновременно и независимо друг от друга предложили видеть в этой связи совершенно особый тип: Г. С. Коляденко именовала ее «прислонением» [Коляденко 1972], а В. П. Малащенко — «свободным присоединением предложно-падежных форм» [Малащенко 1972].)

Однако **на более высоких уровнях синтаксической организации** (осложненное предложение, сложное предложение, конструкции с чужой речью, сложное синтаксическое целое) **коннексия и иннексия** не столько соседствуют, сколько **конкурируют**. Именно эта конкуренция, вызываемая постоянной необходимостью выбора между союзными и бессоюзными построениями, паратаксисом и гипотаксисом, грамматической полнотой и эллипсисом и т. п., ведет

к упомянутой дифференциации речевых манер говорящих. Более того, разные соотношения консинтаксических и инсинтаксических построений ярко характеризуют разговорную и книжно-письменную речь. **В разговорной речи явно доминирует коннективный синтаксис¹⁰, для книжно-письменной речи характерен, наоборот, синтаксис иннективный.** Широкое использование образованными людьми инсинтаксических построений в устной беседе всегда воспринималось как признак книжности речи (вспомним испуганную реплику Фамусова: «*Что говорит! И говорит, как пишет!*»). С другой стороны, неосознанная опора на принципы преимущественно-коннективного синтаксиса, характерная для разговорной речи, часто ведет к ошибкам при использовании конструкций, принадлежащих книжно-письменному языку.

Однако из сказанного не следует, что коннексия есть исключительная принадлежность разговорной речи, а иннексия — книжно-письменной. В этом случае все сказанное означало бы простое удвоение терминологии. Оппозиция коннективного vs. иннективного синтаксиса имеет не стилистический и не стратификационный, а фундаментальный характер, поскольку она сама является следствием фундаментального противоречия между линейной природой речи и нелинейной природой содержания. Вряд ли есть необходимость пояснять, что именно в линейной природе речи коренится коннективное начало синтаксиса. Связь же между нелинейной природой содержания и иннективным началом заключается в том, что именно иннексия позволяет в линейной цепочке передать те многообразные и «многоэтажные» нелинейные отношения, которые

¹⁰ О. А. Лаптева, вслед за В. Барнетом, говорит о действии в разговорном синтаксисе «принципа превалирования семантического плана высказывания над формальным» [Лаптева 1976: 120]; Е. А. Земская еще в 1968 г. подчеркнула «особую роль в РР (разговорной речи. — М. Д.) связи свободного соединения», которая «используется как для соединения отдельных словоформ... так и для объединения более крупных синтаксических “блоков”», причем способы этой связи характеризуются «отсутствием формального выражения синтаксической зависимости, а также отсутствием ее спецификации» — и более того: роль интонации и порядка слов в РР настолько велика, что «в ряде случаев только они являются синтаксическими средствами связи, так как иные средства связи отсутствуют»; там же отмечена и «повышенная роль паратаксиса» в РР [Земская 1968: 93]. Вообще, все *дифференциальные* (в сравнении с общелитературной нормой) характеристики разговорного синтаксиса как в указанных, так и во многих других работах по РР очень хорошо согласуются с излагаемым здесь представлением о коннективном синтаксисе. Но важно помнить, что именно *дифференциальные* (еще об этом см. ниже).

столь выразительно отображаются хорошо известными схемами генеративной грамматики.

Оппозиция коннективного *vs.* иннективного начал пронизывает *весь синтаксис*, все слои (подязыки, территориальные и социальные диалекты) национального языка. Весь синтаксический строй языка может быть интерпретирован как результат конкурирующего взаимодействия коннективного и иннективного начал в глоттогенезе, причем ясно, что результаты этого взаимодействия варьируют как от одного национального языка к другому¹¹, так и от одного подязыка к другому в рамках некоторого данного национального языка.

2.2. Если принять изложенную гипотезу, то, возвращаясь к примерам некорректного построения конструкций с деепричастными оборотами, можно резюмировать следующее. В этих случаях действительно можно усматривать проявления разговорности, но не в том смысле, что деепричастный оборот используется так же, как в разговорной речи (он в ней практически не используется), а лишь в том, что к построению предложения с деепричастным оборотом применяется принцип коннексии, который, подчеркнем, отнюдь не исключительно принадлежит разговорной речи, но, в силу своего доминирующего в ней положения, *воспринимается / осознается* как примета разговорности. Оборот соединяется с базовой конструкцией путем простого соположения, и единственным основанием для признания оборота готовым компонентом конструкции выступает его смысловая завершенность — точно так же, как и для «базового» компонента конструкции. Задача структурно-семантического приспособления компонентов друг к другу при этом упускается из виду — и вследствие этого игнорируется *инсинтаксическое* по своей природе требование совпадения субъектов основного и сопутствующего действий.

Глубинная же суть заключается не в том, что толстовский текст время от времени вдруг переключается в разговорный регистр, а в том, что синтаксис романа подвержен колебаниям меры «грамматичности», которые, в свою очередь, возникают как следствие колебаний соотношения между смыслом и формой. В подавляющем большинстве рассмотренного корпуса примеров¹² действует

¹¹ Ср. замечание Е. А. Земской: «Близость в условиях функционирования РЯ (разговорного языка. — М. Д.) не может нивелировать полностью структурные различия между языками» [Земская 2004: 335].

¹² Из текста романа было отобрано около 70 предложений с теми или иными отклонениями от нормативного грамматического стандарта.

закономерность: говоря о том, что вызывает меньше эмоций, что менее дорого, писатель достаточно — с точки зрения нормы — строго контролирует соотносительность смысла и формы; но, когда речь заходит о дорогих его сердцу героях, когда Толстой высказывает самые важные и заветные мысли, контроль за соответствием формы смыслу ослабляется, смысл становится доминантой синтаксического конструирования, — а это и есть главная предпосылка проникновения коннективного начала в сложные инсинтаксические построения. В том же, что толстовские конструкции — по своему замыслу — имеют именно иннективный и целиком книжный характер, легко убедиться двумя путями. Во-первых — обратив внимание хотя бы на то, что это, как правило, сложноподчиненные предложения (в них иннективное начало проявляется в максимальной, для сферы сложного предложения, степени: не случайно и в терминах оппозиции «открытость — закрытость структуры», предложенной В. А. Белошапковой, все СПП оказываются конструкциями закрытой структуры). Во-вторых — обратившись к работам по разговорной речи, в том числе по разговорному синтаксису: в богатейших как по материалу, так и по наблюдениям и обобщениям работах Е. А. Земской, О. А. Лаптевой и мн. др. конструкций, подобных толстовским, встретить невозможно.

Таким образом, у Толстого большинство отклонений от литературно-синтаксической нормы связано с отражением «диалектики души» его любимых героев или доказательством важнейших положений его историко-философской концепции. Стремление писателя передать напряженную работу мысли или движения чувств персонажей часто ведет к преобладанию смысла над формой, что, в свою очередь, влечет за собой частичный *переход на коннективный синтаксис в рамках инсинтаксической конструкции*: еще одной яркой иллюстрацией этого явления может служить рассмотренный выше пример (10). Следствием же этого процесса оказывается **восприятие** сложных инсинтаксических конструкций с ненормативными элементами коннективности как несущих отпечаток разговорности. На самом деле, онтологически этого отпечатка в них нет и не может быть, так как у Толстого не могло быть никаких оснований для перехода в разговорный регистр там, где нет речи персонажей, то есть в собственно авторской речи.

Теперь продолжим наши наблюдения и посмотрим, в какой мере высказанная гипотеза оправдывается на материале других конструкций.

3. Весьма характерна для синтаксиса Толстого **контаминация конструкций**.

3.1. Контаминация конструкций однородного ряда и сложно-сочиненного предложения:

(15) *Он [Борис Друбецкой] вполне усвоил себе ту понравившуюся ему в Ольмюце написанную субординацию, по которой прапорщик мог стоять без сравнения выше генерала, и по которой, для успеха на службе, были нужны не усилия на службе, не труды, не храбрость, не постоянство, а нужно было только уметь обращаться с теми, которые вознаграждают за службу, — и он часто сам удивлялся своим быстрым успехам и тому, как другие могли не понимать этого* (Т. II, ч. 2, гл. VI);

(16) *Срок возвращения князя Андрея и его женитьбы приближался, а его поручение приготовить к тому отца не только не было исполнено, но дело, напротив, казалось совсем испорчено, и напоминание о графине Ростовой выводило из себя старого князя, и так уже большую часть времени бывшего не в духе* (Т. II, ч. 5, гл. II).

Как видно из примеров, роль дополнительного фактора, который провоцирует смешение конструкций, играет двухместный градиционный союз: *не... а...* в (15), *не только... но (и)...* в (16). Погрешности в подобных конструкциях широко распространены и сегодня, причем отнюдь не только в речи малокомпетентных носителей языка: любой редактор хорошо знает, что ошибки этого типа часто встречаются в текстах весьма квалифицированных авторов. Глубинную причину этого явления можно так же, как в предыдущем случае, видеть в действии принципа коннективного синтаксиса: первая часть конструкции по своему написанию мыслится как завершенная, о чем как бы дополнительно сигнализирует противительный союз (кстати, то, что он входит в состав градиционного союза, образуя с его первой частью единое целое, многими пишущими не всегда осознается), — и вторая часть конструкции организуется не как *часть*, а как предикативно самостоятельное построение. Неудивительно, что при этом не соблюдается инсинтаксическое, по сути, требование структурной гомогенности обоих присоюзных компонентов. Происходит свободное соположение компонентов, которые мыслятся как структурно самостоятельные носители смыслов, а не элементы единой конструкции, то есть вместо инсинтаксической конструкции получается консинтаксическая.

3.2. Контаминация конструкций однородного ряда и сложподчиненного предложения:

(17) *Кроме большого роста и толщины, кроме странного мрачно-сосредоточенного и страдальческого выражения лица и всей фигуры, русские присматривались к Пьеру, потому что не понимали, к какому сословию мог принадлежать этот человек* (Т. III, ч. 3, гл. XXXIII).

Восстановить «грамматическую справедливость» в этом предложении можно только путем его кардинального перестроения:

а) **Кроме большого роста и толщины... русские присматривались к Пьеру из-за того, что не понимали...*;

б) **Русские присматривались к Пьеру потому, что их удивляли его большой рост и толщина... и, кроме того, потому, что не понимали...*

Из реконструкций (а–б) видно, что в толстовской фразе происходит наложение двух причинных конструкций. Первая причинная конструкция — *роста и толщины, ... выражения лица и ... фигуры* — в норме должна быть предложной (*из-за чего*), вторая — сложноподчиненная. Но Толстой не только соединяет две причинных конструкции разного уровня организации, но еще устанавливает между ними отношения ‘в добавление кому-чему’. Выражаются они предлогом *кроме*, который относится к числу производных и имеет сильное собственное управление. Введение этого предлога всегда существенно сказывается на структуре предложения: происходит переподчинение предложного дополнения, которое с этого момента управляется не глаголом, а *кроме*. Если исходное управление уже было предложным, то *кроме* поглощает и этот предлог:

Мы обратимся сначала к тексту «Войны и мира», а затем к тексту «Анны Карениной»

→ *Кроме текста* [NB: не **кроме к тексту*] «Войны мира», мы *обратимся к тексту* «Анны Карениной».

Из этой экспликации ясно, почему в (17) отсутствует причинный предлог. Но эта экспликация показывает также, что в норме предлог *кроме* должен подчинять себе один из однородных компонентов конструкции. В реконструкции (а) это требование соблюдено, но это влечет, как видим, изменение средства связи и модели СПП (вместо детерминантного придаточного и расчлененной структуры СПП получаем СПП нерасчлененной структуры, местоименно-соотносительное, вмещающее с акцентом на контактном слове). Сходные изменения происходят и в реконструкции (б).

Сложность использованной Толстым конструкции может служить дополнительным доказательством ее иннективного характера. Очевидно, однако, что при редактировании этой фразы писатель преимущественно руководствовался консинтаксическим, по сути, критерием — критерием смысловой завершенности компонента. Следовательно, и этот случай можно интерпретировать как проникновение коннективного синтаксиса в инсинтаксическую конструкцию.

Аналогичный пример:

(18) *Люди этой партии, большой частью не военные и к которой принадлежал Аракчеев, думали и говорили, что говорят обыкновенно люди, не имеющие убеждений, но желающие казаться за таковых* (Т. III, ч. 1, гл. IX).

К этому кругу явлений примыкает и следующий пример, в котором не вполне корректное построение конструкции со сравнительным оборотом приводит к неожиданному — но, по-видимому, запланированному — эффекту:

(19) *Но несмотря на то, что он твердо верил в то, что он был неаполитанский король, и что он сожалел о горести своих покидаемых им подданных, в последнее время, после того как ему велено было опять поступить на службу, и особенно после свидания с Наполеоном в Данциге, когда августейший шурин сказал ему: «*Je vous ai fait Roi pour régner a ta maniure, mais pas a la vôtre*», — он весело принялся за знакомое ему дело и, как разъевшийся, но не зажиревший, годный на службу конь, почуяв себя в упряжке, заиграл в оглоблях и, разрадившись как можно пестрее и дороже, веселый и довольный, скакал, сам не зная куда и зачем, по дорогам Польши* (Т. III, ч. 1, гл. IV).

Здесь очевидна двойная отнесенность сказуемого *заиграл*: норма требовала бы формы *как ...конь... играет в оглоблях — тогда играет относилось бы только к коню. А у Толстого *играет* и конь, и... Мюрат. На наших глазах происходит преобразование сравнения в метафору.

3.3. Контаминация моделей сложноподчиненного предложения.

Один пример этого рода уже был разобран выше (11). Вот еще один:

(20) *«Да, я заброшу вас за Двину, за Днепр и восстановлю против вас ту преграду, которую Европа была преступна и слепа, что по-зволила разрушить»* (Т. III, ч. 1, гл. VI).

Элементы аграмматизма в синтаксисе «Войны и мира», как уже отмечалось выше, нередко объясняют влиянием французского языка. Действительно, весьма вероятным кажется предположение, что Толстой, создавая монолог Наполеона по-русски, представлял его себе говорящим

по-французски и, таким образом, фактически переводил монолог с французского¹³, а в таких случаях интерференция даже предсказуема. Но и при этих обстоятельствах (20) резко выделяется на фоне остального монолога, занимающего более полутора страниц и изредка перебиваемого короткими репликами Балашева. Не означает ли это, что дело все-таки не во французском влиянии — или не в нем одном?

Перед нами конструкция, в которой соединены две модели:

а) СПП с присубстантивным придаточным выделительно-определяющего типа (*...ту преграду, которую Европа позволила разрушить*);

б) местоименно-соотносительное СПП фразеологизированного типа (*Европа была [столь] преступна и слепа, что позволила разрушить [эту] преграду*).

В результате совмещения моделей присубстантивное придаточное оказывается, мягко говоря, несколько странным: *которую Европа была преступна и слепа*. Нельзя быть *преступным и слепым* **кого-то-л.**, нет у этих прилагательных такого управления...

Возникает вопрос: нельзя ли было иначе выразить тот же смысловой комплекс?

Вот некоторые возможные варианты:

(20₁) *...ту преграду, которую Европа **преступно и слепо** позволила разрушить*;

(20₂) *...ту преграду, которую Европа **имела преступность и слепоту** позволить разрушить* (эта неуклюжая, но нормативная¹⁴ конструкция, кстати, также является типичным галлицизмом);

(20₃) *...ту преграду, которую Европа — **она была преступна и слепа!** — позволила разрушить*;

(20₄) *...ту преграду, которую Европа позволила разрушить, **что было преступно и слепо***.

Безусловно, ряд допустимых нормативных перифраз этим не исчерпывается, но и приведенных достаточно, чтобы продемонстрировать возможность выразить требуемый смысловой комплекс без создания несуществующей конструкции с формально бессмысленным придаточным. Почему же Толстой остановился именно на варианте (20)?

¹³ Подчеркнем, что в довольно продолжительной беседе с Балашевым, из которой извлечен пример, Наполеон произносит только 6 фраз по-французски с подстрочным переводом автора; все остальное автор дает как бы сразу в переводе на русский.

¹⁴ Ощутимая шероховатость этой конструкции — предмет не приведения к норме, а *нормализации*, по В. А. Ицковичу [Ицкович 1982].

Применительно к вариантам (20₂–20₄) ответ очевиден: они имеют слишком книжный характер и явно не соответствуют возбужденному состоянию Наполеона и ситуации устной беседы, в которой император не считает себя обязанным сдерживать эмоции и следить за правильностью речи. Можно утверждать, таким образом, что Толстой сознательно отказывается от грамматически правильных книжных вариантов в пользу неправильного, но более свободного разговорного построения: в данном случае это бесспорно, поскольку речь идет о монологе персонажа.

Но чем, однако, плох для Толстого вариант (20₁) — *в меру* книжный, экономный и вполне представимый в спонтанной речи образованного человека?

По-видимому, писателя не могла удовлетворить именно экономность этого варианта — точнее, ее следствия. Ведь экономность эта достигается тем, что существенный компонент смысла понижается в ранге до присловного распространителя (*преступно и слепо*), а само придаточное при этом становится более распространенным. Ни то ни другое Толстого не устраивало. Первое — по причинам идейным: Наполеону, по авторскому замыслу, важно *подчеркнуть* свою роль благодетеля и «вразумителя» преступной и слепой Европы; для этого требуется не присловный распространитель, а полновесная предикативная структура. Второе — из тех же соображений реалистической стилистики, которые делают неприемлемыми варианты (20₂–20₄). В синтаксическом строе романа неукоснительно действует правило: чем больше придаточных — тем они короче, особенно в речи персонажей.

Получается, что грамматически неверный вариант (20) избирается автором потому, что он удовлетворяет как смысловым, так и стилистическим требованиям. Если нормативный синтаксис оказывается неспособен предложить вариант, грамматически правильно уравнивающий эти два начала, Толстой не задумываясь перешагивает его границы. Своеобразный грамматико-стилистический футуризм?..

Еще одно важное замечание. Если взглянуть на пример (20) и варианты (20₁–20₄) с точки зрения оппозиции коннективного *vs.* иннективного синтаксиса, становится ясно, что более коннективный характер имеют варианты (20₃–20₄). В варианте же (20) доминирует, безусловно, иннективное начало, так как в этой конструкции автор попытался выстроить иерархию компонентов смысла, соединив их нелинейными синтаксическими связями. Следовательно, стремление к имитации разговорности, как и преобладание семантики над

формой, не всегда и не автоматически влечет доминирование в синтаксисе коннективного начала. Это еще один аргумент в пользу нашего утверждения о том, что оппозиция коннекции — иннекции имеет онтологический характер и не дублирует оппозицию кодифицированности — некодифицированности (разговорности).

Вот еще пример смешения моделей СПП:

(21) *Он рассказал им свое Шенграбенское дело совершенно так, как обыкновенно рассказывают про сражения участвовавшие в них, то есть так, как им хотелось бы, чтобы оно было, так, как они слышали от других рассказчиков, так, как красивее было рассказывать, но совершенно не так, как оно было* (Т. I, ч. 3, гл. VII).

Следующий пример являет собой один из наиболее ярких случаев толстовского аграмматизма:

(22) *В то время как Россия была до половины завоевана, и жители Москвы бежали в дальние губернии, и ополчение за ополчением поднималось на защиту отечества, невольнo представляется нам, не жившим в то время, что все русские люди от мала до велика, были заняты только тем, чтобы жертвовать собою, спасти отечество или плакать над его погибелью* (Т. IV, ч. 1, гл. IV).

Сложность интерпретации этого предложения вызвана двусмысленностью союзного речения *в то время как*. Оно может восприниматься и как уступительное, и как собственно временное. Возможность обеих интерпретаций вызвана разными семантическими оттенками, которые передаются однородными придаточными, введенными общим для них союзом *в то время как*. Придаточное «*жители Москвы бежали в дальние губернии*» акцентирует уступительное значение союза. Ср.:

**Хотя жители Москвы бежали в дальние губернии, нам представляется, что все русские люди... были заняты только тем, чтобы жертвовать собой...*

Но придаточные «*Россия была до половины завоевана*» и «*ополчение за ополчением поднималось на защиту отечества*» своей семантикой погашают уступительное значение союза и акцентируют собственно временное значение. Ср.:

**Невольнo представляется нам, что, когда Россия была до половины завоевана и ополчение за ополчением поднималось на защиту отечества, все русские люди... были заняты только тем, чтобы жертвовать собой...*

Таким образом, однородность первого ряда придаточных оказывается сомнительной; более того, интерпретация союза в собственно

временном значении изменяет подчиненность первого и третьего придаточных: вместо уступительных придаточных первой степени они превращаются во временные придаточные второй степени, подчиненные изъяснительному «*что все русские люди...*». Контекст показывает, что для Толстого актуальнее уступительное значение:

«В действительности же это так не было. Нам кажется это так только потому, что мы видим из прошедшего один общий исторический интерес того времени и не видим всех тех личных, человеческих интересов, которые были у людей того времени» (Т. IV, ч. 1, гл. IV).

Однако собственно временное значение союза и вводимых им придаточных контекстом не уничтожается, напротив, это значение дополнительно подчеркивается омонимичным оборотом *в то время*, включенным в главную часть рассматриваемого предложения. Непротиворечивая интерпретация этого предложения, по-видимому, вряд ли достижима. Возможно, Толстому было важно создать именно нагромождение смыслов, заставляющее читателя испытать сомнения и позволяющее автору затем вывести из этого нагромождения главную мысль, переводя повествование в иной ракурс или, точнее, проясняя ракурс повествования. В таком случае можно говорить о том, что элемент аграмматизма превращается Толстым в средство моделирования мыслительного процесса, и пользуется он этим средством, в таком случае, виртуозно.

4. Элементы коннективного синтаксиса, в той или иной мере деформирующие нормативные и иннективные по замыслу конструкции, можно видеть в многообразных **явлениях грамматического или коммуникативно-грамматического удвоения**, широко встречающихся в тексте романа.

(23) *Слова были ласковы, улыбка была на губах и лице князя Андрея, но взгляд был потухший, мертвый, которому, несмотря на видимое желание, князь Андрей не мог придать радостного и веселого блеска* (Т. II, ч. 2, гл. XI).

Перед нами сложноподчиненное предложение с присубстантивным придаточным повествовательного-распространительного разновидности. Незначительное отступление от нормы заключается в том, что придаточное «оторвано» от контактного существительного: тем самым, во-первых, разорвана контактная рамка *взгляд, которого*; во-вторых, придаточное в плане грамматической семантики выглядит излишним, так как, выполняя характеризующую функцию, оно следует за двумя

предикатами, которые выполняют ту же функцию. Может сложиться впечатление, что писатель допускает ошибку, хорошо знакомую каждому учителю-словеснику.

По всей видимости, модификация стандартного порядка компонентов вызвана здесь особой коммуникативной перспективой. Если привести предложение к стандартному виду, то есть восстановить контактную позицию придаточного при слове *взгляд*, в высказывании останется одна рема — *потухший, мертвый*. Именно она будет занимать главенствующее положение в результирующем смысле. Изменение, предпринятое Толстым, **удваивает рему**: высказывание оказывается более нагруженным с точки зрения актуального смысла. Толстой рематически подчеркивает не только следствие, но и его причину (придаточное несет причинный оттенок), наиболее прямо связанную с внутренним состоянием героя. Яркая примета коннективного начала в этой конструкции — противоречие между грамматическим статусом рематических компонентов и их линейным расположением в коммуникативной перспективе. В соответствии со своим грамматическим статусом компоненты должны выстраиваться иерархически: статус сказуемого главной части СПП выше статуса придаточного; соблюдение этого правила как раз и привело бы к перемещению придаточного в контактную позицию, и иннективный характер конструкции не был бы нарушен. Действительное же расположение компонентов искусственно повышает статус придаточного (точнее говоря, дистантная и финальная позиция как бы компенсирует подчиненный грамматический статус придаточного увеличением его коммуникативного веса) и приравнивает его в коммуникативном отношении к сказуемым главной части; в итоге мы имеем не иерархию компонентов, а их линейное соположение, то есть консинтаксическую конструкцию.

Эффект удвоения, но совершенно иной природы, находим и в следующем предложении:

(24) *Сначала в семействе чувствовалась неловкость в обращении с князем Андреем; он казался человеком из чуждого мира, и Наташа долго приучала домашних к князю Андрею и с гордостью уверяла всех, что он только кажется таким особенным, а что он такой же, как и все, и что она его не боится и что никто не должен бояться его* (Т. П., ч. 3, гл. XXIV).

Перед нами пример «вторжения» персонажного плана в авторский. Союз *а* в данном предложении — это отзвук Наташиной речи. Если попытаться реконструировать ее, получится весьма правдоподобное:

**Он только кажется таким особенным, а он такой же, как все.*

Этот союз *а* (с самым широким и недифференцированным из всех противительных союзов значением) в речи Наташи несравненно вероятнее, чем более специализированный и «строгий» союз *но*. Союз *что*, в свою очередь, ей принадлежать как раз не может: это союз повествователя, который передает слова Наташи в конструкции с косвенной речью. Получается, что Толстой «впускает» в авторское повествование речь персонажа, нарушая законы передачи чужой речи. Благодаря этому возникает эффект **удвоения субъекта речи**: повествователь как бы ставит героиню рядом с собой, позволяя ей «вмешиваться» в строй повествования. Весь ряд изъяснительных придаточных, передающих речь Наташи, имеет коннективный характер: Толстой здесь виртуозно имитирует нанизывание коротких простых предложений в пределах одного высказывания, столь характерное для взволнованной спонтанной речи. Но дополнительное проявление коннективного начала заключается в совмещении разных речевых планов в конструкции, которая в норме такого совмещения не допускает.

Однако отнюдь не всегда удвоение конструкции исключительно связано с проявлением коннективного начала — последнее иногда своеобразно компенсируется:

(25) «... И как ни дороги, ни милы мне многие люди — отец, сестра, жена, — самые дорогие мне люди, — но, как ни страшно и неестественно это кажется, я всех их отдам сейчас за минуту славы, торжества над людьми, за любовь к себе людей, которых я не знаю и не буду знать, за любовь вот этих людей», подумал он, прислушиваясь кговору на дворе Кутузова (Т. I, ч. 3, гл. XII).

Во внутренней речи князя Андрея происходит **удвоение уступительной конструкции** с нестандартным расположением факультативного противительного союза. Удвоение уступительной конструкции удваивает и противопоставление, органически входящее в структуру уступительной семантики. Каждое из обобщенно-уступительных придаточных акцентирует разные компоненты в главной части: первое акцентирует объект (*всех их*), второе — предикат (*отдам*). Коль скоро это так, логичнее было бы ожидать появления противительного союза (если он используется, чтобы подчеркнуть элемент противопоставления) непосредственно перед главной частью. В таком случае мы имели бы «чистое» удвоение и «чистую» аугментативную структуру высказывания: отношение обоих придаточных к главной части было бы и семантически, и логически одинаковым, между собой они были бы полностью равноправны, — можно было

бы констатировать еще один пример действия консинтаксического начала, причем конструкция полностью сохранила бы нормативность. Однако расположение союза между придаточными нарушает их логическое равноправие. Возникает своеобразная иерархия уступок: второе придаточное распространяет непосредственно главную часть, а первое — сложноподчиненную конструкцию «2-е придаточное + главная часть». Появление дополнительных логических отношений, выражаемых служебными средствами, — признак действия иннективного начала. Таким образом, в (25) усложнение исходной конструкции связано с действием как коннективного, так и иннективного начал, и именно второе, а не первое, влечет отступление от синтаксической нормы.

Отметим попутно еще одно проявление коннективного начала в этом примере: удвоение обособленных приложений в первом придаточном. *Отец, сестра, жена* — приложения к подлежащему *люди*; *самые дорогие мне люди* — обобщающее приложение к этому приложению, лишь усиливающее смысл, который уже выражен сказуемым *дороги*.

5. Выводы. Сделанные наблюдения позволяют констатировать, что к наиболее ярким проявлениям аграмматизма в синтаксисе романа «Война и мир» принадлежат 1) разнообразные излишние повторы, 2) некорректно построенные конструкции с деепричастными (и изредка сравнительными) оборотами, 3) контаминации синтаксических моделей и 4) случаи грамматического или коммуникативно-грамматического удвоения. Во многих случаях нетрудно видеть эстетическую нагруженность этих отступлений от нормы: они выполняют **функции переключения между планами повествования, изображения мыслительного процесса, создания иронического эффекта, усиления аспекта смысла**, и часто, когда аграмматизм имеет место в реплике или внутреннем монологе персонажа, эти функции связаны также с принципом реалистической стилистики. Реализация этих функций, кроме того, может вести к формированию **аугментативной структуры высказывания**.

Однако **глубинная, собственно синтаксическая, причина** появления аграмматизмов в тексте романа — и, можно думать, не только в текстах Л. Н. Толстого, но и вообще в нормативной речи — заключается в **конкуренции двух фундаментальных начал синтаксиса: иннективного и коннективного**. В этом смысле от термина «аграмматизм» применительно к нашему материалу следу-

ет, по-видимому, отказаться. Перед нами не нарушения грамматических законов (ведь и коннективный, и иннективный синтаксис принадлежат грамматической системе), а лишь отступления от синтаксической нормы, которая, как любая норма, уже системы. Синтаксис романа подвержен колебаниям меры нормативности, которые, в свою очередь, возникают как следствие колебаний соотношения между смыслом и формой. Результатом же оказывается проникновение коннективного начала в инсинтаксические построения. В итоге мы *воспринимаем* сложные инсинтаксические конструкции Толстого с ненормативными элементами коннективности как несущие отпечаток разговорности, хотя на самом деле этого отпечатка быть не может, поскольку и ориентации на разговорную норму в *авторской* речи писателя нет. То же касается и мнимого влияния галлицизмов, и «синтаксических пережитков XVIII в.», которые с завидным постоянством возрождаются в речи все новых поколений, слыхом не слыхивавших о позапозапрошлом веке. Конкуренция иннективного и коннективного начал в синтаксисе — подлинная причина отклонений от синтаксической нормы, ее колебаний и изменений.

ГЛАВА 10

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ТИПОЛОГИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ: ДВА БАЗОВЫХ ПРИНЦИПА ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР

1. Проблема типологии синтаксических связей сохраняет актуальность всегда. Причин тому несколько. Первая, и наиболее очевидная, заключается в том, что понятие и типология синтаксических связей — это ядро любого учения о синтаксисе. Вторая, существующая по меньшей мере теоретически, — язык не стоит на месте, следовательно, могут изменяться способы и виды синтаксических связей. Третья состоит в том, что существующие типологии не охватывают всего многообразия синтаксических объединений, реально функционирующих в речевом потоке.

Можно выделить две черты, характерные для существующих концепций: либо явный редуционизм, либо своеобразный «экспансионизм».

Первое наблюдается в тех случаях, когда реальное многообразие синтаксических связей сводится к двум-трем, а то и к одному типу. Наиболее выразительный пример «редуционизма» дает грамматика зависимостей, которая «рассматривает все связи только как направленные, при этом постулируется только один тип направленной связи — зависимости одного слова от другого» [Долинина 1977: 299]. Очевидно, что подобный «прокрустов» подход вряд ли способен приблизить к подлинному пониманию механизмов синтагматической организации речи.

Второе обнаруживается там, где связи, природа которых с трудом поддается осмыслению, рассматриваются как разновидности известных типов. Пример — интерпретация связи между компонентами составного глагольного сказуемого (глагольная связка + инфинитив) как примыкания (такое решение находим во многих работах: [Белашапкина 1989: 568–569; Валгина 1973: 56; Грамматика... 1954: 214–219; Распопов 1970: 47; Русская грамматика 1980: 41] и мн. др.). Нетрудно видеть, что в реальности различие между «редуционизмом» и «экспансионизмом» ничтожно мало.

Проиллюстрировать количество нерешенных проблем в области теории синтаксических связей можно следующим простым способом. Выпишем ряд частотных синтаксических конструкций (задача дать

исчерпывающий перечень не ставится) и попробуем поставить в соответствие каждой тип используемой в ней связи:

Таблица 1

Типы синтаксических конструкций и связей

	Конструкция	Тип связи	Примеры
1	с/с с управлением	подчинение	<i>читать книгу</i>
2	с/с с согласованием	подчинение	<i>хорошая книга</i>
3	с/с с примыканием	подчинение	<i>хорошо читать</i>
4	бессоюзный однородный ряд	?	<i>романы, стихи</i>
5	союзный однородный ряд	сочинение	<i>романы и стихи</i>
6	многочленное сказуемое	?	<i>было лень вставать</i>
7	координированная предикативная группа	нексус ¹⁵	<i>Книга была хорошая.</i>
8	некоординированная предикативная группа	?	<i>Я за рулем.</i>
9	детерминант плюс предикативная группа	?	<i>Утром лень вставать.</i>
10	БСП — аналог СПП	?	<i>С глаз долой — из сердца вон.</i>
11	БСП — аналог ССП	?	<i>Кричу — нет ответа.</i>
12	собственно БСП	?	<i>Ветер воет, гром грохочет.</i>
13	ССП	сочинение	<i>Или я его, или он меня.</i>
14	СПП	подчинение	<i>Если успеем, будет хорошо!</i>

Условные обозначения: с/с — словосочетание; БСП — бессоюзное сложное предложение; СПП — сложноподчиненное предложение; ССП — сложносочиненное предложение.

Как видим, ровно в половине случаев дать однозначный ответ на вопрос о типе связи или невозможно, или по меньшей мере затруднительно. Прокомментируем эти позиции.

1.1. Применительно к бессоюзному однородному ряду часто говорят о сочинении (см., например, [Валгина 1973: 206; Русская грамматика 1980: 166–173; Белошапкова 1989: 548]). Ясно, что на первый план в данном случае выводится логический, по своей природе, признак сочинения: «равноправие компонентов, их смысловая и грамматическая независимость друг от друга» [Валгина 1973: 206], другими словами — то, что в грамматике (а точнее — в логике,

¹⁵ Термин *нексус* в данном случае сознательно используем в расширительном значении.

от влияния которой грамматика не может избавиться до сих пор) давно известно под именем *паратаксиса*. Однако наличие данных отношений не равносильно наличию сочинительной связи: И. Н. Кручинина справедливо указывает на то, что паратаксис имеет место как при сочинении, так и при бессоюзии [1990а, 1990б], что лишает его силы дифференциального признака. «Основным средством передачи сочинительной связи являются сочинительные союзы» [Белошапкова 1989: 548]; ср. также у Кручининой: «Сочинение... — синтаксическая связь грамматически равноценных единиц языка, из которых ни одна не может быть сведена на положение компонента другой, располагающая своей системой средств выражения — сочинительными союзами» [1990б].

Только наличие союза может быть трактовано как дифференциальный признак сочинительной связи, поскольку другие средства — интонация и порядок следования компонентов — свойственны любому другому типу. Не случайно, по-видимому, и С. Г. Ильенко в статье «Сочинение» приводит примеры только союзных однородных рядов [1979].

Существует иное решение вопроса о связи компонентов в бессоюзном однородном ряду: между ними констатируется бессоюзная связь. Это решение представляется более предпочтительным, поскольку, в отличие от предыдущего, не содержит недостаточно мотивированных положений. Однако сам термин «бессоюжие», более удовлетворительный как обозначение конструкции, в качестве обозначения типа связи малоинформативен, так как подчеркивает то, чего в данном виде связи нет, и не выявляет того, что есть. Характеристика бессоюзия, аналогичным образом, является в основном апофатической: это связь «...без участия союзов <...>. Смысловые отношения при бессоюзии обычно остаются невыраженными, поскольку формирующие их факторы... в большинстве своем полисемантичны, т. е. не закреплены за строго определенными видами отношений, и недостаточно регулярны» [Кручинина 1990а].

Справедливо указывая на роль интонации в обеспечении данного вида связи, при его характеристике опускают — возможно, в силу очевидности — другой немаловажный фактор: соположение компонентов. В. А. Белошапкова, посвящая отдельный параграф «Средствам выражения синтаксических связей», о простом соположении компонентов не упоминает [1989: 544–545]. Между тем без соположения компонентов ни интонация, ни другие известные средства, поддерживающие бессоюзную связь, неработоспособны. Впрочем, ни со-

положение компонентов, ни интонация не могут быть признаны отличительными признаками данного типа связи, поскольку и то и другое наличествует в любой синтаксической конструкции.

Таким образом: наличие синтаксической связи несомненно, но вопрос о ее сущности остается весьма неясным. Если мы отказываемся от недостаточно убедительного подведения этого типа связи под сочинение, то мы описываем ее как связь, которая не является ни а) сочинением, ни б) подчинением, ни в) координацией (нексусом), ни г) тяготением и т. д. — в зависимости от принимаемой типологии; как связь, реализуемую средствами, которые играют роль дополнительных при других типах связи, и не располагающую специфическим средством, которое было бы присуще только данному типу. Удовлетворительность такой характеристики сомнительна; вопрос о природе связи в данной конструкции остается открытым. В таком случае, остается нерешенным и вопрос о природе синтаксической связи в трех типах бессоюзных предложений, связь в которых традиционно квалифицируется как бессоюзная.

1.2. О связи между компонентами многочленного (в том числе составного) сказуемого выше уже упоминалось. Удовлетворительной характеристики этой связи, насколько нам известно, не существует. Констатация же в этом случае примыкания вызывает следующие возражения. Понятно, что инфинитив трактуется здесь как примыкающий на том основании, что он является неизменяемой формой. Однако это основание чисто морфологическое и потому недостаточное; для того же, чтобы констатировать здесь синтаксическую связь примыкания, необходимо доказать, что инфинитив **подчинен** спрягаемой форме глагола (так как примыкание традиционно считается разновидностью подчинительной связи); сделать же это весьма трудно, а главное — вряд ли вообще нужно это делать. Определить, что чему подчинено в конструкции составного сказуемого, невозможно, поскольку вектора «неравноправия» в планах смысловой и грамматической специализации компонентов являются в данном случае встречно-направленными. П. А. Лекант, в частности, подчеркивает: «Один компонент выражает вещественное значение сказуемого... он является главным. Второй компонент заключает грамматическое значение сказуемого... он является вспомогательным (но не второстепенным, ибо без него главный компонент не имеет грамматического значения сказуемого)» [1976: 21].

В такой ситуации говорить о подчинении — тем более о подчинении инфинитива, то есть главного, по Леканту, компонента

составного сказуемого, спрягаемой форме — лишено смысла. То же относится, например, и к словам категории состояния в многокомпонентных сказуемых типа *было трудно разобрать (написанное)*.

1.3. Связь между компонентами некоординированной предикативной группы представляет собой неизвестную величину, не определяемую и не комментируемую ни в учебниках, ни в академических грамматиках русского языка. Естественно, что наличие ее сомнению не подвергается, однако внятные характеристики отсутствуют. Возможна констатация в этом случае «предикативной связи». Но как тогда квалифицировать связь между компонентами координированной предикативной группы?

Если же утверждать наличие «предикативной связи» в обоих случаях, то это понятие либо совпадает с понятием предикативного отношения, либо утрачивает смысл. В самом деле: поскольку обе конструкции отражают акт предикации, в них наличествуют предикативные отношения; в координированной предикативной группе это отношение получает воплощение в нексусе, или координации, в некоординированной — не получает такого воплощения.

Термин «(взаимная) координация», как известно, принят в российской лингвистической традиции после работ Н. С. Поспелова, Н. Ю. Шведовой и др., показавших принципиальные отличия связи между подлежащим и сказуемым от согласования как вида подчинения. Однако параллельные термины иноязычных грамматических традиций используются в совершенно иных значениях: англ. *coordination*, фр. *coordination*, нем. *Koordination*, исп. *coordinación* означают ‘сочинение’, при этом в англоязычной и немецкоязычной традициях термин может означать и ‘согласование’ [Ахманова 1969], причем в Германии под *Koordination* обычно понимают именно согласование, а сочинение обозначают термином *Beiordnung*. Поэтому кажется более предпочтительным использовать для обозначения связи между членами координированной предикативной группы термин *нексус*, как более явно сопряженный в европейской лингвистической традиции с понятием предикативного отношения.

Если мы признаем, что нексус и есть «предикативная связь», то применять это понятие к некоординированным предикативным группам лишено смысла. Если же мы все-таки утверждаем, что «предикативная связь» имеется в обеих конструкциях, то она превращается в понятие, дублирующее понятие предикативного отношения, с функцией, неотвратимо напоминающей о фиговом листке.

1.4. Связь детерминанта с предикативной группой изначально осмыслялась Н. Ю. Шведовой как распавшееся слабое управление или примыкание [1964]. То, что образовалось в результате распада подчинительной связи, позже было интерпретировано ею как «свободное присоединение, внешне сходное с примыканием, но отличающееся от него своим неприсловным характером» [Русская грамматика 1980: 149]. Стоит добавить, что отличие от примыкания состоит, кроме указанного автором, в отсутствии подчинения детерминанта предикативной группе: хотя возможность задать смысловой вопрос к детерминанту иногда существует (ср.: *Тошно мне!* (кому?) — в отличие от *На площади тишина*) и хотя по внешней форме детерминирующие компоненты, как правило, неотличимы от управляемых или примыкающих присловных распространителей, их нормативно-нейтральная позиция в абсолютном начале предложения свидетельствует об отсутствии подчинения: подчиненный компонент может быть вынесен в абсолютное начало предложения только силой актуализации, что и распространено, например, в разговорных высказываниях с весьма далеким от нейтрального порядком слов. О том же говорит их нормативная тематическая функция в актуальном членении высказывания: детерминант, как правило, самостоятельно, не входя в состав более сложного образования, замещает позицию темы (или одной из тем). Наконец, об отсутствии подчинения говорит и тот факт, что ни семантика предикативной группы, ни семантика детерминанта не определяют друг друга с необходимостью так, как определяет семантику и форму подчиняемого компонента главное слово в словосочетании. Отношения между ними намного ближе к отношениям между подлежащим и сказуемым: не случайно Г. А. Золотова последовательно интерпретирует предложения вида *Мне тошно* и др. как подлежащно-сказуемые [1998: 102–106]. Возможно, именно отсутствие подчинения подразумевает Н. Ю. Шведова, говоря о *свободном* присоединении.

Однако и в данном случае перед нами ситуация опоры на практически неизвестную величину. Если подчинительным связям слов в «Русской грамматике» посвящен весьма объемный раздел (с. 13–79), то характеристика связи «свободного присоединения» исчерпывается приведенной цитатой; место этой связи в системе синтаксических связей, ее соотношение с другими типами, ее сущность не охарактеризованы.

Известны другие опыты определения данного типа связи. Например, Г. С. Коляденко квалифицировала связь обстоятельственного детерминанта с предикативным центром как «семантико-синтакси-

ческую): «детерминирующее обстоятельство как бы прислонено к предикативному ядру, находясь с последним в отношениях полуподчинения (смыслового) — полуравновесия (обусловленного синтаксической самостоятельностью этих единиц)», — и определила ее как «синтаксическую агглютинацию» — «непредикативную связь смыслового характера» [Коляденко 1972: 13–15]. Отдавая должное изобретательности этого решения, отметим все же, что, во-первых, термин «синтаксическая агглютинация» воспринимался бы более осмысленно, если бы он существовал в системе соотносительных терминов (например, «синтаксическая фузия», «синтаксическая кумуляция»), — то есть если бы типология синтаксических связей последовательно повторяла на более высоком уровне типологию способов формо- и словообразования; во-вторых, ясно, что содержательно решение Коляденко практически ничем не отличается от предложенного Шведовой.

Таким образом, хотя связь между детерминантом и предикативной группой описана и терминирована, ее место в системе синтаксических связей, ее соотношение с другими типами и ее сущность остаются *terra incognita*.

1.5. Приведенный обзор, несмотря на свою фрагментарность, позволяет утверждать, что на сегодняшний день в русистике (как минимум) отсутствует целостная и последовательная типология синтаксических связей. Детально разработаны отдельные фрагменты: типология связей внутри подчинительных словосочетаний, сочиненных рядов, сложного предложения. Однако, во-первых, эти фрагменты не складываются в единое учение, поскольку построены на разных основаниях; во-вторых, они не охватывают реального многообразия связей.

В основу типологии связей внутри словосочетания положена оппозиция сочинения и подчинения. На этом классификационном основании строго разграничиваются два класса словосочетаний (если сочиненные ряды признаются словосочетаниями); далее изучаются виды подчинительной связи. Что же касается рядов с разновидностями отношений паратаксиса, то уже применительно к ним, как мы видели, возникают сложности. Если бессоюзные ряды причислять к сочинительным словосочетаниям, то понятие сочинительной связи разрушается, теряет смысл, так как совпадает с логическим понятием отношений паратаксиса (о различении в синтаксисе связей и стоящих за ними отношений сказано достаточно, поэтому соответствующие пояснения опускаем). Если же бессоюзные ряды выводить за рамки сочинения, то необходимо постулировать наличие третьего

типа связи — бессюзной, — а между тем «вписать» этот тип в базовую оппозицию сочинения и подчинения путем ее количественного расширения невозможно: ведь понятие бессюзия выделяется на совершенно иных основаниях. В результате типология словосочетаний лишается единого классификационного основания, а общая типология связей превращается в задачу, от решения которой теория синтаксиса практически отказывается.

Неудовлетворительность существующего положения дел объясняется, не в последнюю очередь, сложностью объекта описания. Синтаксические связи слишком многообразны, как многообразен и сам язык; хорошо известно, что применительно к естественному языку очень часто невозможно найти единое основание, на котором может быть построена последовательная и лишенная противоречий классификация. Ю. М. Лотман указывал на принципиальное различие между естественным и искусственным языком: если последний может быть охарактеризован как *код*, то первый — это «код плюс его история», то есть код постоянно изменяющийся, но хранящий в себе следы своих прежних состояний [Лотман 1992: 13]. Очевидно, что к такому коду вряд ли применимо требование последовательной и всеобъемлющей логичности. Именно этим, по-видимому, объясняется и отсутствие последовательности в классификациях синтаксических связей, и невозможность построить действительно закрытый список единиц определенного уровня там, где он, казалось бы, может и должен быть построен. Например, доказано, что фонологическая система любого естественного языка включает конечное множество фонем: язык так устроен, что это множество не может не быть конечным. Однако в реальности оказывается, что построить закрытый список невозможно, так как в любом языке обнаруживаются единицы, фонологический статус которых проблематичен (для русского языка примеры общеизвестны; но русский язык не исключение: аналогичным образом, скажем, немецкие фонетисты спорят о фонематическом статусе так называемого *Ich-laut* — глухого коррелята к [j], регулярно произносимого, в частности, в местоимении *ich*). Множество конечное, да *нечеткое*¹⁶...

¹⁶ *Нечетким множеством* (fuzzy set) называется «множество, элементы которого принадлежат ему в той или иной степени. Обычное множество, напротив, содержит все свои элементы полностью или не содержит ни одного» (http://glossary.basgroup.ru/n/fuzzy_set.htm). Теория нечетких множеств была предложена Лотфи Заде в 60-е гг. XX в. См. также: ru.wikipedia.org/wiki/Нечеткое_множество.

Представляется, что к языку применима не традиционная теория множеств (как это казалось и декларировалось в 60-е гг.), а теория именно нечетких множеств, допускающая неполную принадлежность некоторого элемента данного множества этому множеству, одновременную принадлежность некоторого элемента двум множествам и т. п. Однако это не отменяет необходимости отыскания *базовых* признаков, *конституирующих* данное множество, то есть присущих всем его элементам без исключения — ср. [Лосев 2004: 20–30].

Именно в этом смысле построение единой теории синтаксических связей представляется все-таки возможным — при том условии, что одно из средств связи, которое обычно, в силу очевидной данности, во внимание не принимается, подвергается существенному переосмыслению.

2. Если исходить из того, что синтаксическая связь (в отличие от отношения) есть нечто, обязательно имеющее то или иное проявление, выражение, то есть положить во главу угла формально-синтаксический критерий, — то в многообразии синтаксических построений и связей можно будет ясно видеть оппозицию, пронизывающую все это многообразие. Обозначим ее — в рабочем порядке — как оппозицию *к о н н е к с и и* и *и н н е к с и и*. Под первой подразумевается синтаксическая связь, основанная на юкстапозиции, простом соположении компонентов; связь, *не маркированная* какими-либо средствами сверх собственно соположения; под второй — связь, предполагающая элемент проникновения одного компонента в другой (в том числе их взаимного проникновения) или наличие отдельного показателя связи, то есть так или иначе *маркированная*.

В обоих случаях результатом коннексии или иннексии оказывается интеграция элементов, которым тем самым придается статус компонентов интегрированного целого; но принципиально различны сами пути.

К о н н е к с и я (< лат. *con* ‘с, со’ и *necto*, *nectum* ‘вязать, связывать’) — это в известном смысле механическое совмещение элементов: придание им статуса компонентов интегрированного целого никак не сказывается на их форме, структуре, семантике, а само интегрированное целое в структурном отношении представляет собой, грубо говоря, сумму компонентов, и если подвергнуть его «обратному» расчленению, то и получим исходные элементы, без какого бы то ни было остатка. Конструкции такого вида будем называть *к о н н е к т и в н ы м и*, или *к о н с и н т а к с и ч е с к и м и*, в противоположность конструкциям с иннексией — *и н н е к т и в н ы м*, или *и н с и н т а к с и ч е с к и м*. Примерами консинтаксических конструкций могут служить словосочетание с примыкающим приложением в им. п., конструкция

с прямой речью, бессоюзный однородный ряд, бессоюзные сложные предложения открытой структуры с отношениями «чистой» одновременности или последовательности (так называемые «явления текста», см. [Ильенко 2003]). Можно предположить, между прочим, что соображения именно такого рода (то есть сознание глубоких различий между конструкциями, которые названы здесь консинтаксическими и инсинтаксическими) побудили авторов «Русской грамматики» 1980 г. — в первую очередь, конечно, ее главного редактора Н. Ю. Шведову — вывести бессоюзные предложения из раздела «Сложное предложение» и дать им название «Бессоюзные сочетания предложений».

Если подойти к характеристике коннексии с иных позиций, то на первый план выйдет не механистичность, а *свобода* соединения компонентов. Коннективные конструкции опираются именно на принцип свободного соположения компонентов; при этом статус компонента и, соответственно, его завершенность определяется не его грамматической оформленностью, а смысловой достаточностью, хотя последняя иногда оценивается говорящим / пишущим довольно субъективно. Несколько огрубляя, можно сказать, что в коннективном синтаксисе статус компонента конструкции может примысливаться к любому элементу, если он, по мнению говорящего, выражает необходимый смысл. Принцип свободного соположения компонентов — ведущий принцип коннективного синтаксиса.

И н е к с и я (< лат. *in* 'в') — это такое соединение элементов конструкции, при котором в их форме, структуре, семантике происходят известные изменения с целью приспособить, «приладить» один элемент к другому, «состыковать» их, если прибегнуть к столярной метафоре, по принципу «паз + шип» или «паз + скрепа + паз». В иннективных конструкциях происходит (взаимное) проникновение одного элемента в другой (ср. взаимное воздействие подлежащего и сказуемого в прототипическом глагольном предложении) и / или возникает специализированное средство связи, самим фактом своего существования уже оказывающее воздействие на оба соединяемых компонента (ср. предложные и союзные конструкции). При попытке «обратного» расчленения иннективной конструкции неизбежен отрицательный эффект: возникает «остаток», или деформируются компоненты, или утрачивается некоторый элемент смысла. Примерами инсинтаксических конструкций могут служить словосочетания с управлением и согласованием, конструкции с причастными и деепричастными оборотами, союзные сложные предложения (в том числе и конструкция с косвенной речью).

Для языков флективного (синтетического) типа существенность оппозиции коннексии — иннексии несомненна; но она имеет место и в языках аналитического строя — во всяком случае, в тех из них, где имеются союзы, частицы и другие специализированные средства организации сложного предложения или диалогического единства. Можно даже предположить, основываясь на элементарных логических допущениях, что в глоттогенезе коннексия была первична и что, хотя довольно раннее развитие иннективных конструкций с нексусом местоименного подлежащего и глагольного сказуемого (*я иду — ты идешь*) несомненно, подлинное развитие иннективного синтаксиса и последующее становление оппозиции коннексии — иннексии было тесно связано с развитием письменности.

Оппозиция коннексии — иннексии хорошо прослеживается на материале конструкций, передающих чужую речь. Конструкция с прямой речью (КПР) по своей природе является консинтаксической (и это, кстати, один из случаев наиболее яркого проявления коннексии): вводящий компонент и чужая речь в КПР никак не пересекаются, они просто соплагаются — и только; синтаксическую связь между ними идентифицировать и охарактеризовать невозможно. Зато сохраняются неприкосновенными не только синтаксическая конструкция чужого высказывания и его базовый лексический состав, но также его субъектно-объектная перспектива и все модусные средства, ср.:

Тогда новый знакомый спросил меня: «И в каком же году, интересно, вы окончили университет?»

В конструкции же с косвенной речью (ККР) — инсинтаксической — происходит проникновение одного элемента в другой: это заключается не только в использовании специализированного подчинительного средства связи, но и в подчинении субъектно-объектной перспективы и модусной рамки (если она есть) чужого высказывания соответствующей перспективе и рамке «основного» высказывания; сохраняется лишь тип синтаксической конструкции чужого высказывания и его базовый лексический состав:

Тогда новый знакомый спросил меня (поинтересовался), в каком (же) году я окончил университет.

Наконец, в так называемой конструкции с тематической речью (КТР) иннексия достигает максимального проявления: чужая речь как таковая в КТР не передается, выражается только ее смысл — как правило, (предложно-)падежной конструкцией, которая полностью лишена автономности (ср. прямую и косвенную речь) и включена в структуру «основного» высказывания на правах присловного распространителя:

Тогда новый знакомый спросил меня о времени окончания мною университета.

Любопытно отметить, что не только единая синтаксическая конструкция, но и диалог могут строиться по разным принципам (что — правда, в другой связи — было отмечено еще С. О. Карцевским): известно, что степень синтаксической связанности контактных реплик диалога может быть весьма различной — от фактической парцелляции до полного отсутствия синтаксической связи. То есть и здесь мы можем наблюдать как коннексию, так и иннексию, и, кстати, речевые манеры разных говорящих могут различаться по признаку склонности либо к первой, либо ко второй.

Коннексия и иннексия соседствуют и переплетаются друг с другом в организации простого предложения. Не подлежит сомнению иннективный характер связи между подлежащим и сказуемым, главными членами и непримыкающими присловными распространителями; но вот последние, а в еще большей степени — детерминанты, в особенности те из них, которые реализуют семантические элементы, не представленные ни на уровне пропозиционального отношения, ни, соответственно, в семантической структуре предложения, — вводятся в предложение посредством связей коннективного типа. (Не случайно, кстати, ни к чему не привели в свое время попытки интерпретировать грамматическую связь между детерминантом и предикативным центром в терминах подчинения, о чем уже было сказано.)

Однако на более высоких уровнях синтаксической организации (осложненное предложение, сложное предложение, конструкции с чужой речью, сложное синтаксическое целое) коннексия и иннексия не столько соседствуют, сколько конкурируют. Именно эта конкуренция, вызываемая постоянной необходимостью выбора между союзными и бессоюзными построениями, паратаксом и гипотаксом, грамматической полнотой и эллипсисом и т. п., ведет к упомянутой дифференциации речевых манер говорящих. Более того, разные соотношения консинтаксических и инсинтаксических построений ярко характеризуют разговорную и книжно-письменную речь. (Под разговорной здесь подразумевается не просто устная речь, а речь неподготовленная и не ориентированная на нормы кодифицированной письменной речи, то есть именно разговорная. Собственно устность / письменность формы речи является признаком вторичным: существуют как устная речь, явно следующая книжно-письменной норме, так и письменная — по форме — речь, являющаяся по всем признакам разговорной.)

В разговорной речи явно доминирует коннективный синтаксис, для книжно-письменной речи характерен, наоборот, синтаксис иннективный. О. А. Лаптева, вслед за В. Барнетом, говорит о действии в разговорном синтаксисе «принципа превалирования семантического плана высказывания над формальным» [1976: 120]; Е. А. Земская еще в 1968 г. подчеркнула «особую роль в РР (разговорной речи. — М. Д.) связи свободного соединения», которая «используется как для соединения отдельных словоформ... так и для объединения более крупных синтаксических “блоков”», причем способы этой связи характеризуются «отсутствием формального выражения синтаксической зависимости, а также отсутствием ее спецификации» — и более того: роль интонации и порядка слов в РР настолько велика, что «в ряде случаев только они являются синтаксическими средствами связи, так как иные средства связи отсутствуют»; там же отмечена и «повышенная роль паратаксиста» в РР [Земская 1968: 93]. Вообще, все дифференциальные (в сравнении с общелитературной нормой) характеристики разговорного синтаксиса как в указанных, так и во многих других работах по РР очень хорошо согласуются с излагаемым здесь представлением о коннективном синтаксисе. Но важно помнить, что именно дифференциальные.

Широкое использование образованными людьми инсинтаксических построений в устной беседе всегда воспринималось как признак книжности речи (вспомним испуганную реплику Фамусова: «*Что говорит! И говорит, как пишет!*»). С другой стороны, неосознанная опора на принципы преимущественно-коннективного синтаксиса, характерная для разговорной речи, часто ведет к ошибкам при использовании конструкций, принадлежащих книжно-письменному языку.

Однако отсюда не следует, что коннексия есть исключительная принадлежность разговорной речи, а иннексия — книжно-письменной. В этом случае все сказанное означало бы простое удвоение терминологии. Оппозиция коннективного vs. иннективного синтаксиса имеет не стилистический и не стратификационный, а фундаментальный характер, поскольку она сама является следствием фундаментального противоречия между линейной природой речи и нелинейной природой содержания. Вряд ли есть необходимость пояснять, что именно в линейной природе речи коренится коннективное начало синтаксиса. Связь же между нелинейной природой содержания и иннективным началом заключается в том, что именно иннексия позволяет в линейной цепочке передать те многообразные и «много-

этажные» нелинейные отношения, которые столь выразительно отображаются хорошо известными схемами генеративной грамматики.

Оппозиция коннективного vs. иннективного начал пронизывает весь синтаксис, все слои (подязыки, территориальные и социальные диалекты) национального языка. Весь синтаксический строй языка может быть интерпретирован как результат конкурирующего взаимодействия коннективного и иннективного начал в глоттогенезе, причем ясно, что результаты этого взаимодействия варьируют как от одного национального языка к другому, так и от одного подязыка к другому в рамках некоторого данного национального языка.

Если теперь вернуться к таблице 1 и поставить в соответствие каждой конструкции один из двух предлагаемых формально-грамматических типов связи, то проблема квалификации связей между компонентами конструкций окажется решенной.

Таблица 2

**Соотношение типов
синтаксических конструкций и связей в них**

Конструкция	Логико-грамматический тип связи	Логический тип связи	Формально-грамматический тип связи
с/с с управлением	Подчинение	Гипотаксис	Иннексия
с/с с согласованием	Подчинение	Гипотаксис	Иннексия
с/с с примыканием	(Подчинение)	Гипотаксис	Коннексия
бессоюзный однородный ряд	—	Паратаксис	Коннексия
союзный однородный ряд	Сочинение	Паратаксис	Иннексия
многочленное сказуемое	—	—	Коннексия
координированная предикативная группа	Нексус	—	Иннексия
некоординированная предикативная группа	—	—	Коннексия
детерминант плюс предикативная группа	—	—	Коннексия
БСП — аналог СПП	—	Паратаксис	Иннексия
БСП — аналог ССП	—	Паратаксис	Коннексия
собственно БСП	—	Паратаксис	Коннексия
ССП	Сочинение	Паратаксис	Иннексия
СПП	Подчинение	Гипотаксис	Иннексия

Таблица 2 показывает, что ни одна из трех оппозиций, выявляемых на логическом, логико-грамматическом и формально-грамматическом уровнях, не дублирует какую бы то ни было другую. Вместе с тем только введение третьей оппозиции позволяет получить удовлетворительную интерпретацию всех существующих синтаксических связей. Это означает целесообразность данного шага — как бы при этом ни именовались члены пары, обозначенные нами как коннекция и иннекция (можно было бы говорить, например, и о паре *к о н н к а т е н а ц и я — и н к а т е н а ц и я*).

3. Два базовых типа синтаксической связи образуют параллель к двум базовым тенденциям грамматического строения слова — агглютинации и фузии, — во всяком случае, если трактовать их так, как это делает Э. Сепир, которому лингвистика и обязана введением термина «фузия», и вслед за ним А. А. Реформатский. Вот как последний излагает рассуждения Э. Сепира: «Сравнивая такие английские слова, как, с одной стороны, *farmer* ‘земледелец’, *goodness* ‘добродетель’ и, с другой — *height* ‘высота’, *depth* ‘глубина’, Сепир отмечает, что “нельзя не поразиться значительной разнице в аффиксирующей технике этих двух рядов. Аффиксы *-er* и *-ness* приставляются чисто механически к корневым элементам, являющимся одновременно и самостоятельными словами <...>. Их употребление просто и регулярно, и мы не встречаем никаких затруднений в присоединении их к любому глаголу или к любому прилагательному, хотя бы даже и только что появившемуся в языке... Иначе обстоит с *height* ‘высота’, *depth* ‘глубина’. В функциональном отношении они совершенно так же связаны с *high* ‘высокий’ и *deep* ‘глубокий’, как *goodness* ‘добродетель’ с *good* ‘добрый’, но степень спаянности между корневыми элементами и аффиксом у них большая. Их корневой элемент и аффикс хотя структурно и выделяются, не могут быть столь же просто оторваны друг от друга, как могут быть оторваны *good -ness* в слове *goodness*. Конечное *-t* в слове *height* не есть типичная форма аффикса (ср.: *strength* ‘сила’, *length* ‘длина’, *filth* ‘грязнота’, *breadth* ‘ширина’, *youth* ‘юность’), а *dep-* не тождественно слову *deep* ‘глубокий’. Эти два типа аффиксации можно обозначить как «сплавливающий» (фузионный) и «сополагающий». Если угодно, технику сопологания мы можем назвать «агглютинативной»» (с. 101–102¹⁷)» [Реформатский 1965/1987: 56–57]. А. А. Реформатский отдельно подчеркивает тот факт, что Э. Сепир «находит возможность говорить о проявлении этих

¹⁷ А. А. Реформатский цитирует издание: Сепир Э. Язык. М.; Л., 1934.

двух тенденций в одном языке, который в целом принадлежит к одному какому-то типу (например, английский)» [там же: 57]. Далее ученый показывает, что и в русском языке можно наблюдать проявление обеих тенденций [там же: 58–61 и др.].

Безусловно, параллель между двумя базовыми формальными типами синтаксической связи и двумя базовыми «тенденциями грамматического строения слова» не является абсолютно прямой — хотя бы по той причине, что во втором случае речь идет о способах соединения *всегда* неравноправных и *всегда* разнофункциональных элементов (корневых и аффиксальных морфов), в то время как о коннексии и иннексии этого сказать нельзя. Однако самый факт существования столь сходных типов связывания элементов друг с другом на разных уровнях языковой структуры представляется показательным и указывающим на фундаментальный характер этих типов.

4. Два базовых типа синтаксической связи вполне соответствуют и двум типам фонологических конструкций, послуживших в глубокой древности первым шагом к созданию многоуровнево организованных семиотических систем, какими являются современные естественные языки: первым типом является привычная нам последовательность фонем в составе слога (ср. коннективный принцип образования синтаксических соединений), второй, менее очевидный для носителей, скажем, русского языка, но существующий тем не менее и в нем, — одновременное произнесение, то есть наложение, двух звуков, соответствующих разным фонемам и воспринимаемых как говорящим, так и слушающим как последовательность, с сопутствующим неизбежным «проникновением» одной фонемы в другую и наложением реально артикулируемых признаков друг на друга (ср. иннективный принцип). Существование и функционирование второго принципа экспериментально доказано по отношению не только к «экзотическим», но и к русскому языку: см. [Иванов 2004: 18]. О реальности и живом характере второго из названных принципов в современных языках могут свидетельствовать как случаи сложного восприятия незнакомой фонемы с последующей передачей ее сочетанием двух звуков, соответствующих двум различаемым в данном языке фонемам, так и случаи замены двухфонемного сочетания одной фонемой, передаваемой, соответственно, одним звуком (ср. рус. диал. [хв] вместо [ф] и обратный процесс: [хв]/илосо[хв]/ия, [ф]атит вм. *хватит*; ср. также актуальное для совр. разг. немецкого [niks] вместо стандартного *nichts* [nixts]). Восприятие слога как единой структуры, пришедшее, согласно современным историческим представлениям,

на смену пошаговому, пофонемному восприятию и произнесению слога (?) и слова (такое восприятие и произнесение относят к эпохе не позднее периода распада праиндоевропейского языкового единства; см. об этом, в частности: [Ремнева 2005]), привело к возможности «связывания» звуков (ср. иннективный принцип) и их взаимного влияния и даже проникновения, результатом чего и явились, как известно, многочисленные процессы упрощения групп согласных, палатализаций, перестановки плавных, аблаута и др., — процессы, которые, в конечном счете, определили облик современных индоевропейских языков.

Заметим, что сама идея параллели между фонетическими и синтаксическими процессами отнюдь не беспрецедентна. Известны, в частности, работы по структуре слога, в которых последняя рассматривается как аналог синтаксических фразовых структур ([Levin 1985]; см. об этом также [Féry 2000: 20–25]).

Некоторые современные фонетические теории не содержат положений о фонетико-синтаксических параллелях, но прямо подводят к подобным размышлениям. В последние два десятилетия прошлого века, например, много внимания уделялось так называемой «теории полуслога» [Fujimura 1978, 1979, 2000], согласно которой каждый слог имеет либо одно-, либо двухкомпонентную структуру: ядро (обязательно включающее гласный) и «аффикс», граница между которыми отчетливо видна на спектрограммах / сонаграммах. Количество полуслогов (естественных единиц, составляющих реальный фонетический инвентарь языка) в каждом языке конечно: утверждается, например, что в английском языке меньше 1000 таких единиц; эти единицы могут относительно свободно сочетаться друг с другом, что иллюстрируется экспериментом со словами *red* и *kent*: определив в обоих случаях границы полуслогов спектрографически, экспериментатор разделяет по этим границам фрагменты спектрограмм и составляет из этих фрагментов новую спектрограмму, воспроизведение которой любой носитель английского языка опознает как слово *rent*. С другой стороны, теория полуслога формулирует определенные качественные ограничения на сочетаемость подобных единиц, связанные с их фонемным составом (по сути дела, в этом случае имеет место реинтерпретация известных ограничений, сформулированных в рамках морфонологии). Не требуется особой силы воображения, чтобы провести параллель между относительно свободным соположением полуслогов и консинтаксическим принципом. Кроме того, здесь буквально напрашивается параллель с понятием синтаксемы

(Г. А. Золотова): синтаксема — это и есть, в сущности, «синтаксический полуслог», реально функционирующая единица вспомогательного уровня, еще не синтаксическая единица, но ее готовый компонент.

Возможно еще одно предположение, опирающееся как на приведенные экспериментально доказанные факты, так и на гипотезы об исходном характере коннективного принципа синтаксической связи и о первоначальном пофонемном восприятии и произнесении слова. Если эти гипотезы верны, то допустима следующая параллель. На фонетическом уровне пофонемное восприятие и произнесение слова (то есть восприятие звуковой цепочки как последовательности отдельных соположенных сущностей) сменилось когда-то ощущением слога как единой структуры, что повлекло за собой его целостное восприятие и произнесение — и неизбежные взаимовлияния, в том числе и слияния, соседствующих звуков, с известными последствиями. В качестве одного из этих последствий можно интерпретировать фактическое формирование нового инвентаря фонетических единиц — полуслогов, количество которых на порядок выше количества фонем. Будучи продуктами тесного внутреннего (иннективного) межфонемного взаимодействия, полуслоги относительно свободно вступают в коннективные связи, формируя слоги. Аналогичным образом современные синтаксические структуры часто представляют собой результаты консинтаксического соположения фрагментов, имеющих инсинтаксическое прошлое (ср. хотя бы соположение детерминантов, сохраняющих внешние следы участия в иннективном построении, с предикативными группами; ср. также факты генезиса сочинительных и подчинительных союзов в немецком, русском, английском и др. языках). Детерминантные группы, детерминантные придаточные, фактически независимые вводно-обстоятельственные группы (*иначе говоря, с моей точки зрения, согласно статье закона и т. п.*) — все это единицы сравнительно нового инвентаря синтаксических фрагментов, которые, имея инсинтаксическое прошлое, в сегодняшнем реальном высказывании функционируют как целостные блоки, свободно совмещаясь — на основе консинтаксического принципа — с любой моделью предложения и занимая по отношению к ней любое место. Для того чтобы оценить, скажем, «немецкость» того или иного слова, недостаточно знать фонологический строй немецкого языка: надо быть знакомым и с его слоговым строем, или, по Фуджимуре, владеть инвентарем немецких полуслогов. Для того чтобы овладеть синтаксисом некоторого языка, недостаточно изучить несколько базовых моделей: требуется владение инвентарем единиц

вспомогательных уровней (синтаксем, осложнителей, типичных придаточных), количество которых на порядок превышает количество базовых моделей. Как инвентарь полуслогов, так и инвентарь синтаксических единиц вспомогательных уровней — продукты сравнительно позднего развития, продукты распада (завершенного или длящегося) иннективных связей.

5. Развитие языковых структур, исходя из сделанных предположений, предстает как результат постоянного взаимодействия двух базовых структурных принципов: коннективного и иннективного. Это не означает, однако, возможности точного предсказания путей развития того или иного конкретного языка. Предположить, какая именно из иннективных связей подвергнется распаду и даст консинтаксическое построение и наоборот, возможно далеко не всегда, а если и возможно, то такое предположение не имеет универсальной силы и не может быть распространено на все языки. Взаимодействие коннективного и иннективного структурных принципов нельзя уподобить действию универсальных физических законов: оно носит, скорее, характер игры, дающей в условиях разных языков различные результаты.

К ТИПОЛОГИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

0. Введение. Вопрос о типологии синтаксических связей является для теории грамматики традиционным. Однако в русистике единая типология синтаксических связей отсутствует. Разработаны отдельные ее фрагменты, причем с разной мерой глубины: наиболее детально исследованы подчинительные связи на уровне словосочетания, но значительно менее последовательно описаны связи внутри предикативного ядра двусоставного предложения, между предикативным ядром и неприсловными распространителями, связи в бессоюзных рядах однородных членов и в бессоюзных сложных предложениях и др.

Одна из причин такого положения дел заключается, по-видимому, в том, что изучение синтаксических связей невозможно без изучения единиц, которые этими связями формируются, с одной стороны, и вне которых эти связи не проявляются — с другой. Изучение же синтаксических единиц представляет собой самостоятельную сложную и многоаспектную задачу (вытекающую из общей задачи описания синтаксического строя языка). При обращении к синтаксическим единицам фокус исследовательского внимания естественным образом смещается на их природу, семантику, характер соотношения их компонентов, соотнесенность с другими единицами и т. д. В результате задача систематизации связей оказывается отодвинутой на второй план.

Именно так произошло, во всяком случае, в русистике во второй половине XX в.: основные усилия были направлены на исследование различных типов сложного предложения (разработка так называемой структурно-семантической классификации), сложного синтаксического целого, на построение типологии простого предложения (с опорой на понятие структурной схемы), на изучение разнообразных специфических конструкций — обособленных, присоединительных, пояснительных, парцелированных и др. Что же касается видов синтаксической связи и их типологии, то русистика в основном продолжает опираться на представления, сформированные к середине XX в.

Сведения о синтаксических связях излагаются обычно разрозненно: в разделах, посвященных словосочетанию, рассматриваются виды подчинительной связи (согласование, управление, примыкание);

в разделах, посвященных осложненному и сложному предложению, характеризуется оппозиция сочинения и подчинения; в параграфах, рассматривающих главные члены двусоставного предложения, дается характеристика особой связи между подлежащим и сказуемым. При этом вне рассмотрения остаются связи между компонентами составного и сложного сказуемого, между детерминантом и предикативной группой; как правило, не получают внятной характеристики связи внутри бессоюзного или смешанного однородного ряда, между некоординированными главными членами двусоставных предложений (*Яблоки — хорошо*). Ни в академических грамматиках, ни в университетских учебниках читатель не найдет отдельных глав или параграфов, в которых была бы изложена общая типология синтаксических связей в русском языке; исключение составляет лишь работа [Белашапкина 1977].

Из этого факта следует, что сформировавшаяся в русистике традиция синтаксического описания не предполагает общего обзора синтаксических связей, которым открывалось бы рассмотрение синтаксического строя языка. Между тем научное описание последнего должно опираться на единую типологию связей: ведь именно единая система связей, лежащая в основе разнообразных синтаксических конструкций, возможных в данном языке, делает его синтаксический строй *строим*, а не набором конструкций.

Если же общее представление о синтаксической связи и о ее типах все-таки артикулируется, то высказанный выше тезис о сохранении опоры на представления полувековой давности лишь получает подтверждение. Например, Ю. А. Левицкий, перечислив (с опорой на работу [Долинина 1977]) самые общие, широкие типологии связей, выдвинутые грамматикой непосредственно составляющих, грамматикой зависимостей, Л. Теньером, Л. Ельмслевом, — пишет далее: «В традиционной грамматике выделяются также три вида связи — сочинительная, подчинительная и предикативная» [Левицкий 2002: 21]¹⁸; судя по тому, что далее автор ни о каких других типах связи не говорит и опирается именно на эту триаду, она и является той типологией, которая представляется ему удовлетворительной, в том числе применительно к русскому и английскому языкам. В. А. Белашапкина, внесшая значительный вклад в разработку характеристик сочинительной и подчинительной связей (понятия открытости / за-

¹⁸ Подчеркнем, что эта работа не является учебником по синтаксису русского языка.

крытости сочинительной связи, предсказующего / непредсказующего и обязательного / необязательного характера подчинительной связи и др.), в типологическом плане занимает аналогичную позицию: в ее концепции классификация связей представлена той же триадой — с тем лишь отличием от традиционной, что вместо термина *предикативная связь* она использует термин *взаимозависимость*, указывая на то, что взаимно-направленная связь имеет место и в непредикативных количественно-именных словосочетаниях [Современный русский язык 1989: 561].

0.1. Задача, которая ставится в настоящем разделе, — выявить принципы, которые могут быть положены в основу единой типологии синтаксических связей (в русском языке), и попытаться построить искомую типологию.

1. Из литературы вопроса. В теории языкознания известны опыты построения как общей, так и частных типологий синтаксических связей. Однако и в таких типологиях, как правило, проявляется названная выше закономерность: они занимают служебное положение по отношению к таксономии конструкций как представителей фундаментальных классов — синтаксических единиц. Помимо упомянутой Ю. А. Левицким традиционной (прежде всего для русистики и для русскоязычных грамматик некоторых других языков) триады, здесь следует назвать концепции О. Есперсена, Л. Теньера, А. И. Смирницкого, А. М. Мухина, В. Г. Гака.

1.1. В центре синтаксической системы **О. Есперсена** — две категории: **юнкция** и **нексус**. Первой в целом соответствует понятие подчинительного словосочетания; под второй же О. Есперсен подразумевает структуры, явным или скрытым (свернутым) образом отражающие акт предикации: к их числу относятся не только предложения, но и конструкции с так называемым «сложным дополнением» (complex object, ср. его пример: *I heard her sing*¹⁹), вторичной предикацией (*He painted the door red*²⁰), разнообразные инфинитивные конструкции. Термины *юнкция* и *нексус* используются О. Есперсеном настолько универсально, что можно утверждать, что они обозначают и два типа синтаксических единиц, и два типа синтаксических отношений, и два типа связи. Трактовка нексуса как, в частности, типа синтаксической связи очевидна, например, в следующем высказывании автора: «“Новое” не всегда содержится в сказуемом;

¹⁹ ‘Я слышал, как / что она пела’, букв. «Я слышал ее петь».

²⁰ ‘Он выкрасил дверь в красный цвет’, букв. «Он выкрасил дверь красная».

однако оно всегда заключается в связи подлежащего и сказуемого, т. е. в самом факте соединения этих двух компонентов, или, иначе, в “нексусе”» [Есперсен 2006: 164; разрядка автора].

Разработка же понятий юнкции и нексуса (в особенности последнего) в «Философии грамматики» сводится к подробному изучению конструкций, представляющих два выделенных типа.

1.2. Л. Теньер, назвавший I часть своего обширного труда «Синтаксическая связь», в определении связи весьма лаконичен: «Собственно говоря, то, что мы называем связью, и выражает само слово “синтаксис”, означающее по-гречески ‘расположение’, ‘установление порядка’. Кроме того, этому понятию, отражающему внутреннюю природу предложения, соответствует *innere Sprachform* ‘внутренняя форма языка’ В. Гумбольдта» [Теньер 1988: 23]. Другими словами, Л. Теньер отказывается здесь от попытки определить синтаксическую связь онтологически²¹. Далее, однако, он более конкретен: «Синтаксические связи устанавливают между словами отношения зависимости. Каждая связь объединяет некоторый вышестоящий элемент с нижестоящим» [там же: 24].

Таким образом, если рассматривать систему Л. Теньера в терминах традиционной классификации связей, синтаксическая связь для него есть всегда связь **подчинительная**, в том числе и связь подлежащего и сказуемого, поскольку он исповедовал вербоцентрическую концепцию предложения²². Что же касается сочинения, то такого понятия Л. Теньер не использует (а потому и оппозиция сочинения — подчинения в основаниях его системы отсутствует). Однако он вводит понятие **юнкции**, имеющей принципиально иную природу, нежели синтаксическая связь (в его трактовке)²³: она является результатом «раздвоения» — или, шире, «умножения» — одного из «узлов» синтаксической структуры, — умножения, не затрагивающего «структурный порядок», а значит — и семантическую структуру предложения [там же: 30, 337]. Иными словами, юнкция у Теньера — это именно то, что чаще именуется сочинительной связью. При желании в следующей формулировке Л. Теньера можно усмотреть противоречие исходным положениям: «При удвоении два члена, вы-

²¹ Подобные попытки вообще крайне редки.

²² О следствиях «крайнего» вербоцентризма Л. Теньера см., в частности: [Гак 1988: 12–13].

²³ Необходимо подчеркнуть, что термин *юнкция* имеет у Теньера и совершенно иное значение, нежели у Есперсена.

полняя одну и ту же структурную функцию, уподобляются друг другу, и идентичность функции приводит к возникновению *связи* между ними. Эта *связь* и составляет сущность юнкции» [там же: 337; курсив мой. — М. Д.]. В самом деле: либо здесь говорится не о синтаксической связи (но тогда возникает вопрос: о какой же, если речь идет именно о синтаксисе?); либо — если имеется в виду связь, соответствующая исходному определению, — между двумя «юнктированными узлами» устанавливается подчинение (но это противоречит тезису об их равнофункциональности и лишает смысла введение понятия юнкции); либо синтаксические связи все-таки не всегда «устанавливают между словами отношения зависимости», и исходное определение охватывает не все синтаксические связи, а только их часть. Однако для нас важно не это; важно то, что, в конечном счете, в системе Л. Теньера представлены два вида синтаксической связи (соотносительные с понятиями сочинения и подчинения), причем подчинительная связь охватывает и то, что в других системах именуется предикативной связью. Принципиальное же решение Л. Теньера вывести явление, обычно именуемое сочинением, за пределы понятия синтаксической связи, представляется не столь уж беспрецедентным, если вспомнить утверждение А. М. Пешковского о том, что «сочинение внутри предложения — лишь эпизод на фоне подчинения» [Пешковский 1956: 60], и не столь радикальным, как трактовка сочинения в терминах зависимостей (см. ниже п. 1.8).

Следует, однако, отметить, что, кроме понятий (собственно) синтаксической связи и юнкции, Л. Теньер эпизодически использует и оппозицию паратаксиса и гипотаксиса, хотя место этой оппозиции в его системе не определено. В одном случае он устанавливает тождество между парами понятий «паратаксис — гипотаксис» и «сочинительная структура — подчинительная структура», причем здесь же использует термины «сочинительная связь» и «подчинительная связь»:

«1. Последний из рассматриваемых здесь типов метатаксиса²⁴ заключается в том, что сочинительной структуре в одном языке соответствует подчинительная структура в другом.

2. Сочинительная структура представляет собой два означаемых, расположенных на одном и том же структурном уровне. Такое

²⁴ Метатаксисом Л. Теньер называет специфические явления, возникающие при переводе синтаксической конструкции с одного языка на другой, чему посвящена особая глава «Основ структурного синтаксиса».

расположение означаемых называется **паратаксистом**; греч. *para* означает здесь, что два узла помещены рядом друг с другом. Термин греческого происхождения “паратаксист” равнозначен термину латинского происхождения франц. *coordination* ‘**сочинение**’. На стемме *сочинительная связь* изображается с помощью одной горизонтальной линии.

3. Напротив, подчинительная структура — это помещение одного означаемого ниже другого. Такое расположение означаемых называется **гипотаксистом**; греч. *hupo* означает здесь, что один узел расположен ниже другого. Термин греческого происхождения “гипотаксист” равнозначен термину латинского происхождения франц. *subordination* ‘**подчинение**’. На стемме *подчинительная связь* изображается с помощью одной вертикальной линии» [там же: 328; полужирный шрифт автора, курсив мой. — М. Д.].

В другом же случае Л. Теньер характеризует паратаксист как «наиболее простой способ соединения синтаксической связью одного глагольного узла с другим», как «настоящую семантическую связь, не имеющую маркера» [там же: 538]. Эта характеристика дается связи в конструкциях с прямой речью. Ясно, что здесь приравнять паратаксист к сочинению невозможно; более того, паратаксист здесь заключается только в соположении компонентов, ибо и равноправие компонентов конструкции с прямой речью (смысловое ли, грамматическое ли) констатировать невозможно; не случайна довольно широко распространенная трактовка отношений между этими компонентами как объектных, то есть как разновидности подчинительных отношений.

Таким образом, хотя оппозиция паратаксиста — гипотаксиста в работе Л. Теньера используется, ее содержание и место в системе синтаксических представлений автора определены недостаточно ясно.

1.3. Л. Ельмслев сводил все возможные синтаксические связи к трем типам: **интердепенденции** («взаимные зависимости, при которых один член предполагает существование другого и наоборот»), **детерминации** («односторонние зависимости, при которых один член предполагает существование другого, но не наоборот») и **констелляции** («более свободные зависимости, в которых оба члена являются совместимыми, но ни один не предполагает существование другого») [Ельмслев 1960: 284].

1.4. А. И. Смирницкий в книге «Синтаксис английского языка» выделяет следующие 4 типа синтаксической связи:

а) **предикативная** — связь между главными членами предложения: «связь сказуемого с подлежащим в составе предложения имеет особый характер. Она неразрывно соединена с выражением предикации. Эта связь наиболее характерна для подавляющего большинства предложений; она создает предложение как таковое, организует предложение как внутренне законченную единицу <...>. Она является наиболее живой и свободной связью между словами в предложении, и поэтому она не объединяет слова в одно целое. Связь эта настолько свободна, что дальнейшее ее ослабление невозможно; следующая ступень — это уже отсутствие всякой связи между словами»;

б) **атрибутивная** — связь между определением и определяемым — «наименее живая, но наиболее прочная связь между словами в предложении. Это связь как бы заранее данная, готовая. Для нее характерно то, что она образует такие сочетания, которые в предложении выступают как цельные единицы, как цельные комплексы, включаемые в предложение в собранном, готовом виде»;

в) **комплетивная** (или дополнительная) — «наиболее характерна для дополнения и обстоятельства <...> главным и наиболее характерным для нее, в отличие от атрибутивной связи, всегда остается то, что слова вводятся в предложение посредством этой связи дополнительно, по мере развития предложения, как самостоятельные единицы, а не как члены определенных синтаксических групп»;

г) **копулятивная** — связь между однородными членами предложения. «Характерным для нее является параллельное включение в предложение двух, трех и более слов, стоящих в равных отношениях к остальной части предложения» [Смирницкий 1957: 173–184].

А. И. Смирницкий поставил в центр своей синтаксической системы предложение как грамматическое единство, а в качестве центральной категории предложения он рассматривает предикативность. Поэтому и основанием для классификации связей он избирает роль, которую играет та или иная связь в конституировании предложения. Выстраивается иерархия: предикативная связь (важнейшая) — комплетивная (вторая по важности, так как она вводит в предложение «слова... как самостоятельные единицы») — атрибутивная — копулятивная.

Принципиальный характер в системе А. И. Смирницкого, с нашей точки зрения, имеют два положения: 1) не только выделение предикативной связи как особого типа, но и признание за ней ведущей роли в организации предложения; 2) разграничение атрибутивной и комплетивной связей. Однако второе положение представляется уязвимым.

Атрибут далеко не всегда так тесно связан с определяемым, связь между ними далеко не всегда «заранее данная, готовая», как пишет автор. До тех пор, пока речь идет о примерах вроде *the little boy* ‘маленький мальчик’, *my brother* ‘мой брат’, *his life* ‘его жизнь’ и т. п. (примеры А. И. Смирницкого), тезис автора кажется убедительным. Но ведь та же связь имеет место и в таких сочетаниях, где соотносённость определения с определяемым неожиданна, в сочетаниях, которые никак не могут быть признаны «заранее данными, готовыми», ср. хотя бы *envious moon, dear perfection, stony limits*²⁵ (W. Shakespeare. *Romeo and Juliet*, Act II, Scene II): без этого была бы невозможна не только поэзия, но и вообще образность, остроумие и т. п., свойственные хорошей речи в любой ее разновидности²⁶.

Аналогичным образом, связь, которую А. И. Смирницкий называет комплетивной, отнюдь не всегда вводит в предложение слова «как самостоятельные единицы»: как хорошо известно, многие глаголы, а кроме них — существительные, прилагательные, наречия, — принципиально не реализуют своего лексического значения без обязательного комплемента — который, однако, остается при этом присловным распространителем, то есть не образует с распространяемым словом единого компонента предложения (*Утро в этом доме всегда начиналось ссорами и криком; Зрители уходят, не дождавшись окончания спектакля; Спектакль закончился раньше обычного*).

Если же отказаться от различия атрибутивной и комплетивной связей, то придется объединить их — и в таком случае мы окажемся перед традиционной триадой: предикативная, подчинительная (= атрибутивная + комплетивная) и сочинительная (= копулятивная) связи. Однако стоит подчеркнуть, что А. И. Смирницкий был одним из тех ученых, чьими усилиями эта триада — включающая предикативную связь! — и утвердилась в отечественной синтаксической традиции.

1.5. А. М. Мухин, изучая структуру простого предложения (на материале английского языка), различает 1) **ядерную предикативную связь**; 2) **неядерную предикативную связь**; 3) субordi-

²⁵ Букв. завистливая луна, драгоценное / милое совершенство, каменные пределы.

²⁶ Ср.: *Мой отец был абсолютный, чистокровный, круглосуточный русский* (В. В. Горностаева, выступление в передаче «Линия жизни» // Телеканал «Культура», 9.04.10).

нативную связь; 4) аппозитивную связь; 5) координативную связь; 6) интродуктивную связь [Мухин 2004].

Первые два типа включают то, что у О. Есперсена охватывается понятием нексуса (хотя они не исчерпывают содержания этого понятия): это (1) двунаправленная связь между подлежащим и сказуемым и (2) двунаправленная связь между зависимым от сказуемого компонентом (например, дополнением) и вторичным предикатом к нему (ср. приведенные выше примеры О. Есперсена и приводимые А. М. Мухиным примеры из С. Моэма: *They had heard no one walk along the verandah*; *I did not believe him capable of love*; *I found him talking to a workman*²⁷).

Субординативной А. М. Мухин называет подчинительную связь (в соответствии с англоязычной традицией: *subordination*); однако в его трактовке субординативная связь не просто однонаправленная (что было бы очевидно) — она направлена от подчиняемого компонента к подчиняющему: если некоторые словоформы в некотором предложении «трактуются как зависимые компоненты... по отношению к сказуемому», то «последнее... никак не квалифицируется по отношению к ним. Это значит, что синтаксическая связь направлена не от сказуемого к указанным элементам, а наоборот» [Мухин 2004: 33]. Возможные возражения (при управлении, например, именно от подчиняющего элемента исходит требование определенной формы подчиняемого) автор отводит тем, что управление, с его точки зрения, вообще не является видом синтаксической связи: в его концепции это связь лексическая.

Координативная связь (ср. англ. *coordination*) — то же, что сочинение. Ее важнейший отличительный признак, по А. М. Мухину, заключается в ненаправленности: в отличие от всех других типов связи, «координативная связь вообще не служит основанием для противопоставления одного из связываемых ею компонентов другому» [там же: 92].

Вводя понятие **интродуктивной** связи, А. М. Мухин сближает свою позицию с точкой зрения тех синтаксистов, которые в свое время предприняли немало усилий, стремясь доказать включенность вводного компонента в грамматическую структуру предложения. В трактовке автора это однонаправленная связь, сходная с субординативной,

²⁷ ‘Они не слышали, чтобы кто-нибудь ходил по веранде’, букв. ‘Они слышали никого ходить по веранде’; ‘Я не верил, что он способен любить’, букв. ‘Я не верил его способный на любовь’; ‘Я нашел его говорящий с рабочим’.

но отличающаяся от нее направленностью от зависимого компонента (в данном случае вводного) не к одному господствующему слову, а ко всему предложению в целом.

Введение понятия интродуктивной связи обусловлено, по-видимому, стремлением к полноте охвата наблюдаемых явлений: все, что наличествует в речевой цепочке, идентифицируемой в качестве предложения, должно быть учтено в создаваемой модели. Такое стремление заслуживает поддержки; однако не вызывает согласия презумпция, которой это стремление сопровождается, а именно — не высказываемое и не обсуждаемое автором, но ясно прочитываемое в его тексте убеждение, будто все компоненты, вычленяемые в речевой цепочке — предложении, безусловно являются компонентами одной структуры, одного уровня организации²⁸. Это убеждение вытекает из факта линейности речи; но ведь не все, что мы вынуждены выстраивать в одну линию (ибо — в случае речи — альтернативы нет), автоматически оказывается компонентами единой структуры. Исключительный подход к предложению-высказыванию как к структуре, без учета его коммуникативной организации, ведет к его плоскостному видению, к игнорированию сложных взаимодействий между его семантико-грамматической и коммуникативной структурами, в конечном счете — к искажению существующих в нем соотношений. Намного более убедительной представляется, в частности, интерпретация статуса вводных компонентов как элементов коммуникативной адаптации высказывания и потому в грамматическую структуру предложения не входящих, предложенная С. Г. Ильенко в ряде работ 1990-х гг. и реализованная в учебнике [Ильенко 2009].

Кроме того, вводя понятие интродуктивной связи, А. М. Мухин побуждает читателя к дальнейшим вопросам: не следует ли, в таком случае, ввести также понятия **вокативной* связи (между обращением и «остальным» предложением), **партикулятивной* связи (между модальной частицей и «остальным» предложением, или сказуемым, или тем компонентом, проклитикой или энклитикой при котором данная частица является), **интеръекционной* связи (междометие — «остальное» предложение)?

Первый вопрос автор решает путем расширения понятия вокативного предложения. В отличие от А. А. Шахматова, предложившего это понятие, А. М. Мухин считает вокативным предложением

²⁸ Это убеждение наглядно отражено и в разработанных автором моделях предложения — «юнкционных» и «компонентных» (см.).

любое обращение²⁹, вне зависимости от того, употреблено оно в качестве самостоятельного высказывания с особой интонацией упрёка, восхищения (собственно, эта интонация, по мысли А. А. Шахматова, и делает изолированное обращение отдельной коммуникативной единицей) — или нет. Такое решение, спорность которого автор никак не комментирует, снимает вопрос о связи между обращением и «остальным» предложением. Однако два других вопроса сохраняют актуальность.

Наконец, **аппозитивная** связь — это связь между приложением и определяемым существительным. Обычно в этом случае констатируют либо разновидность подчинительной связи (неполное согласование или так называемое номинативное примыкание), либо сочинительную связь. Оба решения уязвимы, так как 1) вектор подчинения в аппозитивных сочетаниях трудноопределим или вообще неопределим, а возможность перестановки приложения и антецедента, существующая почти всегда, отменяет предположение о подчинении; 2) сочинительные отношения всегда могут быть актуализированы сочинительной связью, то есть введением сочинительного союза; аппозитивные сочетания такой операции не допускают. Поэтому заслуживает поддержки позиция А. М. Мухина³⁰, констатирующего в данном случае особый вид связи и подчеркивающего ее существенный отличительный признак: приложение связано не только с антецедентом, но и — опосредованно, через него — с тем компонентом предложения, с которым связан антецедент, что становится очевидным при метатезе приложения и антецедента [Мухин 2004: 78]. Другое дело — вопросы, как эту связь именовать и как определить ее место в системе синтаксических связей.

Концепция А. М. Мухина в определенном смысле противостоит названным выше концепциям О. Есперсена, Л. Ельмлева, Л. Теньера, даже А. И. Смирницкого. Если последние могут быть названы «минималистскими», стремящимися обнаружить в предложении наиболее фундаментальные типы синтаксической связи, отвлекаясь от деталей, то первая, наоборот, стремится учесть все. Однако система синтаксических связей, выстраиваемая А. М. Мухиным, по сути,

²⁹ В русистике отчасти сходную позицию занимает В. П. Проницев, интерпретировавший обращение как особый тип именного односоставного предложения. Однако понимаемые таким образом обращения в его концепции не смешиваются с вокативными предложениями в понимании А. А. Шахматова [Проницев 1971].

³⁰ Сходного взгляда на эту проблему придерживаются и некоторые другие синтаксисты, в частности В. Г. Гак (см. ниже), Г. Г. Сёмкина [Сёмкина 2008, 2009].

повторяет структуру предложения — разумеется, такую, какой видит ее автор. Исследователь не считает необходимым различать между собой компоненты, которые традиционная грамматика именует второстепенными членами предложения: «все те элементы, которые именуются определениями, дополнениями, обстоятельствами, представляют собой в сущности один и тот же компонент предложения, а именно зависимый, который может быть выражен различными частями речи» [Мухин 2004: 4]. Именно это обстоятельство позволило автору выделить один тип связи — субординативный; в противном же случае система насчитывала бы, вероятно, не 6, а 8 типов связи, и вместо субординативной связи в ней фигурировали бы определительная (или атрибутивная), дополнительная (или объектная) и обстоятельственная³¹.

Необходимо еще отметить, что основанием для всех умозаключений А. М. Мухину служат эксперименты, которые заключаются в опущении того или иного компонента предложения, в перестановке компонентов или в замене компонента синонимичным. Формальные признаки постулируемых связей автор не рассматривает. Между тем ясно, что, опустив какой-то компонент предложения и убедившись в том, что без него предложение становится неполным, недееспособным и т. п., мы получаем сведение о том, что этот компонент требуется структурой предложения, входит в нее как ее неотъемлемая часть, — то есть получаем сведение о синтаксическом отношении, в которое этот компонент включен: ведь структура и есть совокупность компонентов и отношений между ними. Но при этом мы не получаем никакой информации о той связи, с помощью которой данное отношение воплощается в словесной ткани предложения. Выстроенная А. М. Мухиным система синтаксических связей есть на самом деле система синтаксических отношений: именно по этой причине она фактически повторяет структуру предложения в понимании автора.

³¹ Нечто подобное находим в учебнике [Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981]. Не проводя различия между связями и отношениями, авторы в разделе 2.1.3, посвященном синтаксическим связям, выделяют два ряда отношений: статусные и комбинаторные. Отношения в первом ряду, включающем сочинение, подчинение, взаимозависимость и аккумулятивную связь, определяются взаимным статусом компонентов. Комбинаторные же отношения, определяемые «комбинаторикой определенных классов слов», более конкретны и включают 5 типов: «предикативные — объектные — обстоятельственные — атрибутивные — экзистенциальные» (последние устанавливаются между компонентами составного сказуемого).

1.6. В. Г. Гак в своей «Теоретической грамматике французского языка» посвящает синтаксическим связям отдельную главу. Прежде всего он, хоть и в неявной форме, дает достаточно ясное определение синтаксической связи: «Основные единицы синтаксиса — словосочетание и предложение (обычно) состоят из двух или более компонентов, которые находятся в определенных структурно-семантических отношениях, выражаемых синтаксической связью» [Гак 2000: 501], — откуда следует, что синтаксическая связь понимается как способ / средство выражения структурно-семантических отношений между компонентами словосочетания или предложения. Это понимание далее углубляется: «Синтаксическая связь — двуплановая сущность, характеризующаяся определенной формой и определенным обобщенным значением», причем под формой связи подразумевается собственно средство выражения, а под содержанием — «отношения, которые могут устанавливаться в объективном мире между предметами и событиями» [там же: 502]. «Трем основным семантическим типам отношений: равноправия, зависимости и недифференцированности — соответствуют в плане выражения три основных типа связи: **сочинение, подчинение и соположение** (связь, не выраженная особыми морфологическими или синтаксическими средствами, но только интонацией)» (там же; полужирный шрифт мой. — М. Д.). Сочинение и соположение автор объединяет в более общем понятии *паратаксиса*, так как, по его мнению, оба этих вида связи оформляют «отношения синтаксически равноправных элементов», в то время как подчинение, выражающее зависимость, можно обозначать термином *гипотаксис* [там же: 503].

Далее В. Г. Гак посвящает особый раздел «Средствам выражения синтаксических отношений», к которым относит согласование, управление, лексические средства (предлоги, союзы, артикли), десемантизированные слова, порядок слов, интонацию. Вероятно, было бы точнее именовать компоненты этого ряда средствами выражения синтаксических связей, поскольку, как уже указано, из формулировки автора на с. 501 следует, что средствами выражения синтаксических отношений являются синтаксические связи.

Особо отметим, что, поскольку в системе связей, выстраиваемой автором, не оказывается места для взаимно-направленной связи — предикативной, — В. Г. Гак, сделав соответствующую оговорку (со ссылкой на Ф. де Соссюра, указывавшего на имеющую место в этом случае взаимозависимость), избирает решение рассматривать эту связь как согласование «в широком смысле» [там же: 510].

1.7. Итоги обзора. Обобщим приведенные сведения. Для того чтобы продемонстрировать разнообразие представлений о системе синтаксических связей и объеме постулируемых типов связи в рассмотренных концепциях, ограничимся рядом наиболее общих конструкций словосочетания и простого предложения, не затрагивая сложного предложения. Дело в том, что в теории сложного предложения классификация типов связи значительно менее затруднительна: поле для дискуссий сохраняется лишь применительно к связям в бессоюзных сложных конструкциях, в сфере же союзных конструкций ясно просматривается оппозиция сочинения и подчинения, причем сочинение здесь — столь же равноправный вид связи, как и подчинение, то есть отнюдь не «эпизод на фоне подчинения». Между тем в теории простого предложения проблематичны трактовки связей между подлежащим и сказуемым (шире — между сказуемым и носителем предикативного признака³²), между компонентами составного сказуемого, между носителем предикативного признака и вторичным предикатом, между первичным и вторичным предикатами, между аппозицией (приложением) и «определяемым существительным», между детерминантом и предикативной группой и др. Хотя существующие типологии учитывают не все из названных связей, различие между типологиями связей в простом и в сложном предложениях в плане меры дискуссионности настолько существенно, что вполне правомерным представляется даже вопрос, возможна ли в принципе единая типология синтаксических связей (ниже мы вернемся к этому вопросу).

Из таблицы 1 хорошо видно, что в теории синтаксиса нет ни единства по поводу сущности синтаксической связи, ни единого подхода к идентификации типов связи и их классификации. Главное же, что становится очевидным из нашего обзора, — фактическое совпадение понятий синтаксической связи и синтаксического отношения.

Понятие типа связи может совпадать с понятием типа синтаксической единицы, но единица в этом случае определяется на основании выявляемых в ней отношений между компонентами (юнкция и нексус у О. Есперсена). Такая классификация неинформативна, поскольку в слишком широких категориях нексуса и юнкции объединяются существенно различные типы синтаксических конструкций с различными видами связи между компонентами.

³² Последний термин используем вслед за А. В. Бондарко.

**Интерпретация связей в базовых конструкциях
некоторыми синтаксическими концепциями XX в.**

	предикативная группа	констр. с вторичным предикатом	объектное с/с	обстоятельственное с/с	атрибутивное с/с	с/с с приложением	бессюжный однородный ряд	сюжный однородный ряд	вводный компонент
«традиционная»	предикативная	подчинение					сочинение		—
О. Есперсен	нексус		юнкция						—
Л. Теньер	подчинение						юнкция		—
Л. Ельмслев	интердепенденция	детерминация				конstellация			—
А. И. Смирницкий	предикативная	комплетивная			атрибутивная		копулятивная		—
А. М. Мухин	ядерная предик.	неядерная предик.	субординативная		аппозиц.		координативная		интродуктивная
В. Г. Гак	гипотаксис					паратаксис			—
	подчинение					соположение		сочинение	

Классификация типов связи может фактически повторять классификацию членов (и даже не только членов) предложения: таковы типологии А. И. Смирницкого и А. М. Мухина. Члены же предложения, как очевидно, выделяются на основании устанавливаемых синтаксических отношений.

На синтаксических отношениях базируются и типологии Л. Ельмслева, Л. Теньера и «традиционная». Классификация В. Г. Гака совмещает понятия, выявляемые на основании отношений (сочинение и подчинение), и понятие, выявляемое на основании формального проявления (соположение).

Трактовки собственно понятия связи в названных концепциях также различны. Чаще всего синтаксическая связь эксплицитно не определяется. В других случаях понятие синтаксической связи прямо приравнивается к понятию синтаксического отношения; кроме того, эти понятия дифференцируются, но при этом специальное внимание уделяется средствам выражения связей: в итоге термины

связь и отношение все-таки употребляются синонимично, а вместо понятия связи возникает дополнительное понятие средства ее (или отношения?) выражения.

1.8. Типология отношений в модели «Смысл ⇔ Текст». Сходная картина наблюдается и в теории «Смысл ⇔ Текст», разрабатываемой И. А. Мельчуком и рядом его единомышленников и последователей. Об этой модели следует сказать особо, поскольку в ней предложена беспрецедентно развернутая типология синтаксических отношений (во всяком случае, применительно к русскому языку): в последней версии этой типологии насчитывается **65 синтаксических отношений** [Апресян и др. 2010: 23³³], объединенных в 4 группы: **актантные, атрибутивные, сочинительные и служебные**. При этом, однако, абсолютно все отношения рассматриваются как разновидности отношений зависимости, которая в данной теории строго трактуется только как зависимость одного слова от другого: «Каждое слово предложения, кроме одного (называемого вершиной предложения), зависит от какого-то другого слова по одному из синтаксических отношений. Отношения связывают только отдельные слова, а не словосочетания» [там же]. Такое понимание опирается на интерпретацию структуры предложения как дерева зависимостей, которую авторы считают одним из «двух основных типов представления синтаксической структуры предложения» «в современной лингвистике, в первую очередь ориентированной на формальное описание языка»³⁴, — наряду с «так называемыми системами непосредственно составляющих» [там же: 21]³⁵.

Таким образом, и отношение между подлежащим и сказуемым, и сочинительные отношения — как и все другие — интерпретируются в данной модели как случаи односторонней синтаксической

³³ Автор раздела «1.2. Синтаксические отношения» Л. Л. Иомдин.

³⁴ Возникающую в цитированном фрагменте двусмысленность контекст не разрешает: так и остается неясным, считают ли авторы всю современную лингвистику «в первую очередь ориентированной на формальное описание языка» — или подразумевают только ту часть современной лингвистики, которой названная ориентация свойственна. Заметим, что явная ориентация на формальное описание языка была свойственна, например, и американскому дескриптивизму, не чужды формализма были и некоторые русские лингвисты (хотя бы А. М. Пешковский), поэтому неявное подчеркивание нетрадиционности этой ориентации (акцент на атрибуте *современная*) выглядит несколько надуманным.

³⁵ Менее развернутая и менее радикальная версия этой концепции представлена также в работе [Тестелец 2001].

зависимости (двусторонних в этой модели не существует). Как легко видеть, применительно к сочинению авторы идут дальше Л. Теньера, исходный тезис которого (цитированный выше) — «Синтаксические связи устанавливают между словами отношения зависимости» — они сделали исходным и в своей системе. Л. Теньер, вопреки своему тезису, все-таки признает существование сочинения как связи (отношения), исключающей зависимость одного компонента от другого; авторы обсуждаемой работы такого исключения не делают³⁶.

Что же касается типологии связей, подразумеваемой данной моделью, то она, собственно, и есть типология отношений: «Основанием для различения синтаксических отношений являются различия в синтаксических средствах, скоррелированные с различиями в значениях» [Апресян и др. 2010: 24]. Таким образом, есть основания полагать, что в модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» (в ее нынешнем виде) предусматривается 65 видов синтаксических отношений, которые являются разновидностями отношения зависимости «слуги» от «хозяина», и, соответственно, 65 видов синтаксической связи, которые следует трактовать как разновидности подчинительной связи.

По всей видимости, модель русского синтаксиса (а именно так называется цитированная глава указ. соч.), создаваемая для целей машинного перевода, хорошо отвечает специфическим задачам, которые ставит эта цель перед формальным описанием языка. Однако было бы серьезным заблуждением считать, будто все результаты (тем более — все постулаты), получаемые (выдвигаемые) на этом пути, заслуживают безусловного кооптирования в фонд идей, определяющих теоретическое видение синтаксического строя (русского) языка. Эти постулаты и результаты требуют критического осмысления.

Для примера рассмотрим одно примечание к пункту «1.2.1.4. Квазиагентивное СинтО³⁷ (квазиагент)». Здесь описывается отношение между «предикатным существительным» и «словом, реализующим первую синтаксическую валентность этого предиката, т. е. указывающим на его субъект»: *приход друга, его приход*³⁸, за-

³⁶ Следует отметить, однако, что в разделе «2.7. Сочинительные союзы и синтаксические конфликты» сочинение отнюдь не рассматривается как разновидность отношений зависимости, оппозиция сочинения — подчинения трактуется как базовая [Апресян и др. 2010: 226–237] (автор раздела И. М. Богуславский).

³⁷ Принятое в данной раб. сокращение: *СинтО* = синтаксическое отношение.

³⁸ Понятие притяжательного местоимения 3 л. в указ. раб. отсутствует; соответствующие формы рассматриваются исключительно как формы косвенного падежа личных местоимений.

явления от граждан, возражение со стороны администрации. Примечание 1 гласит: «Обратим внимание, что связь между отглагольным существительным и словом, заполняющим его первую валентность, оформляется разными СинтО в зависимости от того, в какой форме стоит зависимое слово: для творительного падежа используется агентивное СинтО, для родительного — квазиагентивное, ср. *приглашение президентом посла — приглашение президента, направленное послу*» [Апресян и др. 2010: 26]. Если учесть, что падежная форма зависимого существительного и есть, собственно, средство, манифестирующее данную связь и оформляющее данное отношение, то логика этого примечания может показаться довольно причудливой: связь → оформляется разными отношениями (!) → в зависимости от средства манифестации связи (!!).

Очевидно, что представление о *связях*, которые *оформляются отношениями*, диаметрально противоположно не только традиционному, но и просто интуитивно намного более адекватному представлению об *отношениях*, которые оформляются *разными типами связи* (ср. подчинительные отношения, например имплицативные, которые могут оформляться связями а) согласования, б) управления, в) союзной подчинительной, г) относительной подчинительной, д) союзной сочинительной, а также — в традиционных терминах — е) бессоюзной связью:

- а) *покаянное письмо*;
- б) *письмо покаяния*;
- в) *Я написал письмо, чтобы покаяться в своих грехах*;
- г) *Я написал письмо, в котором каюсь в своих грехах*;
- д) *Совесть меня замучила, и я написал покаянное письмо*;
- е) *Совесть меня замучила — я написал покаянное письмо*).

Однако достаточно принять во внимание тот факт, что речь идет, собственно, о том, как следует разметить текст, чтобы добиться его недвусмысленной интерпретации компьютером (!) для целей машинного перевода, — как причудливость этой логики исчезает. При подобной разметке текста приходится отталкиваться от его поверхностной структуры (ведь другого пути нет), и поэтому соотношение обсуждаемых понятий «переворачивается»; в итоге и возникает ситуация, когда «связь оформляется отношениями», то есть когда некоторый вид синтаксической связи описывается (*оформляется*) как реализация некоторого синтаксического отношения. Ясно, что в этом случае речь идет не о «теоретических проблемах русского синтаксиса» в прямом — так сказать, абсолютном — смысле, но о теорети-

ческих проблемах русского синтаксиса применительно к задачам машинного перевода.

Если же вернуться от примера, демонстрирующего глубину различий между теоретическими подходами, к тому, что в обсуждаемой концепции вызывает первоочередные сомнения (с позиций общетеоретического, а не прикладного осмысления синтаксического строя), то необходимо подчеркнуть следующее.

1.8.1. Прежде всего, представляется неприемлемой уже упомянутая интерпретация отношений и связей между подлежащим и сказуемым, между сочиненными компонентами, между предлогом и именем, между компонентами составного сказуемого и др. как отношений / связей односторонней зависимости, при которой одному компоненту безоговорочно отводится роль «хозяина», второму — «слуги». Кратко остановимся лишь на первом пункте этого — неполного — перечня.

Вербоцентрическая концепция предложения известна давно и имеет многочисленных авторитетных сторонников (в частности, выше уже упоминался Л. Теньер). Наиболее распространенные, сбалансированные конструкции ($N_1 V_f$, $N_1 \text{ Cop } N_{1/5}$, $N_1 \text{ Cop Adj}_{1/5/\text{кр.}}$) действительно допускают интерпретацию, согласно которой форма именительного падежа подлежащего есть управляемая форма, то есть требование им. п. исходит из спрягаемой формы глагола, в том числе из глагола-связки: ее валентность на первый актант (преддицируемый компонент, носитель предикативного признака) реализуется именно этой формой. Пусть так; но как быть, в таком случае, с предложениями вида *Хлеба было мало*? Согласно концепции, представленной в [Апресян и др. 2010], в таких предложениях выделяется подлежащее в род. п.³⁹, то есть оказывается, что связка *было* может управлять не только именительным, но еще и родительным падежом первого актанта. Если бы речь шла не о том же самом глаголе, что и в предложениях вида *Хлеб был очень вкусный*, различия можно было бы объяснить другим семантическим типом предиката⁴⁰. Но ведь глагол-то — один тот же...

³⁹ «1.2.2.4.3. Количественно-копредикативное СинтО (колич-копред). X (“хозяин”. — М. Д.) — глагол, Y (“слуга”. — М. Д.) — группа числительного или именная группа с количественным значением. При таком глаголе (каком? Остается неясным. — М. Д.) обязано стоять существительное в родительном падеже, выступающее при нем в качестве подлежащего (*Детей пришло [X] пять [Y]*) или дополнения (*Книг привезли [X] целый ящик <двадцать> [Y]*)» [Апресян и др. 2010: 35].

⁴⁰ Семантические типы предикатов здесь действительно различны; однако в данной «модели русского синтаксиса» об этом ничего не говорится (во всяком

А раз один и тот же глагол в одних случаях «управляет» именительным, а в других случаях — родительным падежом первого актанта (даже «подлежащего!»), то возникает затруднительное положение: неясно, почему этот глагол в разных случаях управляет разными падежами первого актанта. Выйти из затруднения можно одним из двух способов.

Первый: в одном из этих случаев «первый актант» — мнимый, на самом деле это компонент, зависящий от слова с количественным значением (а не от глагола). В цитированной формулировке пункта 1.2.2.4.3 этот момент прояснен не до конца: указано, что зависимым компонентом является «группа числительного или именная группа с количественным значением», но не указано, из этой ли группы перенесено в позицию «подлежащего» существительное в родительном падеже, или зависимое существительное этой группы опущено (допустим: *Детей пришло пять человек, Хлеба было всего пять буханок*). Вероятнее, разумеется, первое, поскольку *человек* и *буханок* в последнем случае — плеонастическое восполнение «опустевшей» приквантитативной позиции счетным существительным, характерное для разговорной и деловой речи. Но если верно именно первое, то получается, что «подлежащее» «управляется» даже не сказуемым, а количественным словом, которое играет при сказуемом роль — какую? видимо, дополнения? причем это «дополнение», в отличие от «подлежащего», имеет форму именительного падежа (!).

Попытка разорвать количественно-именное словосочетание, придав каждому из его компонентов различные функции в предложении, приводит, таким образом, к результатам, настолько далеко отстоящим от л ю б ы х представлений о подлежащем, дополнении и проч., что для вербализации этих представлений было бы целесообразнее использовать какую-то иную терминологию. Использование же традиционных терминов и отсутствие соответствующих пояснений в подобной ситуации вряд ли может быть признано удачным решением.

Если же признать, что в подобных случаях (*Детей пришло пять, Хлеба было мало*) количественно-именное словосочетание не разрушается и его зависимый компонент не становится подлежащим, то прежде всего отпадает предположение о том, будто глагол, в особенности связка БЫТЬ_г, управляет то именительным, то родительным падежом подлежащего. В целом же предложение предстает как ва-

случае, применительно к данным типам предложений); в обоих случаях «подлежащим», согласно этой модели, «управляет» глагол БЫТЬ_г.

риация на тему базовой структуры (*В доме / У нас*) было мало хлеба, суть вариации заключается в тематизации субстантивного компонента, и как раз последнее рождает иллюзию его подлежащего статуса⁴¹. Если последовательно идти у подобных иллюзий на поводу, они могут завести очень далеко не только от приемлемой модели синтаксиса, но и от синтаксиса вообще. Единственное надежное средство от таких иллюзий — достаточно полная и последовательная номенклатура базовых моделей предложения, их структурно-семантических модификаций и расширенных реализаций с соответствующими коммуникативными парадигмами, а также номенклатура опирающихся на базовые модели речевых синтаксических моделей⁴².

Примечание. Стоит подчеркнуть, что идея низвести подлежащее на один уровень с дополнением и другими распространителями глагола-сказуемого высказывалась задолго до Л. Теньера: как известно, А. А. Дмитриевский выражал именно такую точку зрения еще в конце 70-х гг. XIX в. [Дмитриевский 1877; 1878; 1880]. Попытки существенно расширить понятие подлежащего также предпринимались очень давно. А. А. Потебня, подчеркивая, что так смотрел на подлежащее и Я. Grimm, писал по этому поводу: «Следующее рассуждение довольно характеристично для направления, и ныне имеющего многих последователей <...>. На вопрос: “Есть ли именительный падеж единственная форма логико-грамматического подлежащего?” отвечают: “В предложениях *Паллада любит Улисса, Я не сплю по ночам, У меня есть книги* именительные падежи говорят о том же лице или предмете, о котором творительный в *Палладою* любим *Улисс*, дательный в *Мне не спится по ночам*, родительный в *У меня нет книг*. Именительные в первых трех предложениях суть подлежащие. Им приписываются те же сказуемые, что и так называемым косвенным падежам в трех остальных. Следовательно, эти косвенные падежи *Палладою, мне, книг* суть тоже подлежащие, ибо две величины, порознь равные третьей, равны между собою”. Это все равно, как если бы сказать: “вот палец счетом один, а вот свечка тоже одна”, следовательно, что палец, что свечка — всё едино. Как здесь мы узнаём не то, что такое палец и что свечка, а то, что разные вещи можно считать за единицу, которая всегда равна себе, так и там в лучшем случае

⁴¹ Тематизированному зависимому субстантиву здесь придается статус не подлежащего, а носителя предикативного признака, чем и объясняется возникновение иллюзии. Отношение между темой и ремой в общем случае не дублируется отношением внутри предикативной пары, но в любом случае оно отражает логический акт предикации; последний же, как известно, отнюдь не обязательно изосемично отображается предикативной структурой.

⁴² О последнем понятии см.: [Дымарский 2007].

мы узнаём только то, что для логики словесное выражение примеров ее построений безразлично» [Потебня 1958: 67].

Второй: если связка БЫТЬ_г в одних случаях «управляет» именительным падежом носителя предикативного признака, в других — родительным, в-третьих — дательным (*Маше было плохо*), в-четвертых — творительным с предлогом (*С совестью у Никифорова всегда было плохо*) (в концепции дерева зависимостей — предлогом *С*, который, в свою очередь, управляет творительным падежом имени), — то все это означает, что в реальности БЫТЬ_г ничем слева от себя не управляет, и никакой односторонней зависимости словоформы, выражающей носителя предикативного признака, от глагола-связки не существует. Значительно логичнее согласиться с тем, что 1) в русском языке существуют, как назвала бы их Г. А. Золотова, свободные синтаксемы дательного падежа субъекта — носителя инволютивного предикативного признака (неконтролируемого состояния), творительного падежа объекта — носителя оценочного предикативного признака и т. п., которые способны функционировать только с предикатами определенных семантических классов; 2) предикативное отношение создается в таких случаях встречно-направленным взаимодействием предиката и соответствующей синтаксемы при участии связки.

Но если согласиться с последним, то ничто не мешает признать такое же встречно-направленное взаимодействие и во всех типах предложений, где отдельными словоформами выражены носитель предикативного признака и сам этот признак, — то есть полностью отказаться от идеи управляемого именительного падежа, а следовательно, и от вербоцентрической концепции предложения, сводящей его структуру к односторонней, плоскостной картине тотального господства глагола. Ведь в пользу независимости именительного падежа как прототипического маркера носителя предикативного признака (а значит, и в пользу бицентрической концепции предложения) говорит, в конце концов, и тот факт, что при пассивной диатезе языка номинативного строя маркируют второй актант именно номинативом — а ведь что, казалось бы, мешало бы использовать (а еще лучше — создать) для этой цели какой-либо иной (лучше всего — особый) падеж?

Глубоко и точно пишет об инвариантном значении и функциях именительного падежа М. А. Шелякин: «инвариантный грамматический (синтаксический) признак именительного падежа можно отразить в следующем определении: именительный падеж имен существи-

тельных обозначает предмет / класс предметов, исходно задаваемый говорящим при моделировании данной ситуации для установления его предикативных признаков и связей с другими предметами, т. е. как исходно-центральный (фокусированно-ситуативный) по отношению к приписываемым ему признакам или связям с другими предметами. Формально это выражается в независимости его формы от других слов в предложении. <...> им. падеж является синтаксически исходной точкой отсчета, узлом связей и отношений при моделировании выражаемой ситуации и представляет собой актант, логически предшествующий в формуле актантных отношений *xRu*» [Шелякин 1998: 106].

Вербоцентрическая концепция предложения (во всяком случае — в обсуждаемой ее версии) резко противоречит одному из фундаментальных положений общей лингвистики, согласно которому морфологические системы многих языков (к числу которых, несомненно, относится и русский) строятся вокруг двух центров — глагола и имени. Вяч. Вс. Иванов, оперируя данными языков североамериканских индейцев, юкагирского и др., подвергает сомнению абсолютную универсальность такого строения грамматических систем и подчеркивает, что и те языки, где эта оппозиция развита, могут существенно различаться семантическим и функциональным соотношением глаголов и имен. Тем не менее в конечном счете и он склоняется к тому, что общий, универсальный вектор развития грамматических систем любых языков — движение от моноцентричности к бицентричности⁴³. Обращение к вербоцентрической концепции предложения на первых этапах создания систем машинного перевода, позволявшее существенно упростить самый сложный комплекс задач, было не только понятно, но и целесообразно. Однако дальнейший отказ от этой концепции, упрощенно сводящей предложение к системе с одним входом, представляется и необходимым, и неизбежным.

⁴³ «Типологическое сравнение с языками типа американских индейских заставляет предположить, что к раннему общечеловеческому <...> способу языкового описания и понимания внешнего мира были приспособлены языковые средства, по преимуществу связанные с (конкретными) глаголами, обозначающими действия, состояния и наличие определенных признаков. Вычленение особых способов обозначения предметов могло осуществляться путем образования отглагольных имен, т. е. номинализации. Четкое грамматическое противопоставление глаголов и имен, независимых морфологически (деривационно) от последних, могло быть одним из существенных когнитивных отличий части языков Старого Света, в которых формируются зачатки будущих специальных языков науки» [Иванов 2004: 92].

1.8.2. Важность исчерпывающей номенклатуры синтаксических отношений, устанавливаемых во всех возможных двухкомпонентных конструкциях, в обоснованиях не нуждается. Эта номенклатура важна не только в прикладном (машинный перевод, обучение русскому как иностранному и др.), но и в общетеоретическом плане. Тем не менее такая номенклатура не может восприниматься одновременно и как общая типология синтаксических связей. Ясно, что, например, в сочетаниях *рубить топором* и *восхищаться спектаклем* устанавливаются разные синтаксические отношения, но связь в них одна и та же. В то же время в предложениях *Петя читает*, *Заявка изучается*, *Москва — столица России*, *Петя какой-то странный*, *Вы очень добры*, *Я должен уходить*, *Письмо доставлено*, *Иван все еще там*, *Хлеба не оказалось*, *Сахару хватит на всех*, *Пришло до десяти человек*, *Нам досталось по груше*, *В углу стояло много стульев*, *Дозвониться до него стало проблемой*, *Тебя невозможно узнать* (все примеры этой серии из [Апресян и др. 2010: 25]) между подчеркнутыми⁴⁴ словоформами устанавливается, согласно указанной работе, одно и то же синтаксическое отношение — предикативное (там же), но признать тождество связей между ними невозможно.

Таким образом, даже исчерпывающее исчисление синтаксических отношений отнюдь не равносильно исчерпывающему исчислению синтаксических связей. Подразумеваемый (насколько можно понять) Л. Л. Иомдиным — и разделяемый многими другими синтаксистами — тезис о тождестве этих исчислений не подтверждается.

2. Синтаксические связи vs. отношения. Традиция неразличения связей и отношений в синтаксисе, их отождествления в одном понятии имеет давнюю историю. Специальное внимание синтаксическим связям / отношениям стало уделяться в первой половине XIX в., когда успехи сравнительно-исторического языкознания начали побуждать языковедов к пересмотру старых представлений о грамматическом строе живых языков, к обновлению и расширению их синхронного описания, — другими словами, тогда, когда синтаксис начал постепенно выделяться как отдел грамматики со своим собственным понятийным аппаратом. В первой трети XIX в. Фридрих Тирш (Friedrich Wilhelm Thiersch, 1784–1860) вводит понятия *пара-*

⁴⁴ Для облегчения восприятия оригинальная разметка (при которой «хозяин» и «слуга» маркируются, соответственно, знаками [X] и [Y]) здесь заменена традиционным подчеркиванием; соотношения оригинала сохранены.

таксиса и *гипотаксиса*⁴⁵, которые первоначально осмысляются как способы организации сложного предложения (и / или текста), но затем получают и более широкое толкование (некоторые толкования, как отмечал Э. Моррис, вступают в противоречие друг с другом, в чем мы убедимся ниже). Приблизительно к середине XIX в. эта пара понятий приобретает определенную известность; в середине же XIX в. и в русистике оформляется — и закрепляется прежде всего в трудах Ф. И. Буслаева⁴⁶ — параллельная (но не тождественная) пара понятий — *сочинение* vs. *подчинение*. Рассмотрим эти оппозиции подробнее.

2.1. Оппозиция паратаксиса — гипотаксиса.

2.1.1. Изначально, судя по всему, под **паратаксисом** подразумевался способ простого соположения предложений, без участия специализированных выразителей связи (греч. *παράταξις* — «выстраивание рядом»). Отношения между паратактически связанными предложениями могут быть различными и, соответственно, в целях анализа могут вскрываться как сочинительными союзами, так и средствами подчинения — союзами и относительными местоимениями.

Именно в отсутствии средств выражения синтаксических отношений видит суть паратаксиса К. Бюлер, когда он в качестве примера древнего паратаксиса приводит опубликованный в диссертации В. Димке (Вена, 1934) фрагмент древнеегипетского текста из «Истории Синухета». Выпишем этот фрагмент:

«Я совершил хождение на юг | я не намеревался идти в резиденцию | я полагал: возникнут битвы | я не верил: я буду жить после них | я перешел воды Маати недалеко от Сикоморы | я пришел на остров Снефру | я пробыл там на поле | я отправился рано | начинался день | я встретил человека — стоящим поблизости | он приветствовал меня почтительно | он боялся | подходило время ужина | я приближался к “городу быков” | я переправился туда на корабле — не было на нем руля — в веянии западного ветра | я проследовал мимо... | я направил свои стопы на север...» [Бюлер 1993: 364].

Некоторые пары предложений этого фрагмента допускают осмысление только в терминах подчинения:

⁴⁵ Во всяком случае, Ф. Тирша считает автором этих понятий Эдвард Моррис [Morris 1901; см., в частности, Chapter VI: Parataxis. P. 113–149].

⁴⁶ Комментарий см.: [Виноградов 1978: 79–81].

а) я не намеревался идти в резиденцию, **так как** я полагал, **что** возникнут битвы;

б) я не верил, **что** я буду жить после них;

в) он приветствовал меня почтительно, **так как** он боялся.

Однако осмысление других пар (и более сложных объединений) может быть амбивалентным, а в некоторых случаях (*е, ж*) допустимо осмысление только в терминах сочинения (если, конечно, не заменять личные местоимения относительными):

г) **Когда** я совершил хождение на юг, я не намеревался идти в резиденцию;

г') Я совершил хождение на юг, **но** я не намеревался идти в резиденцию;

д) **после того как** я перешел воды Маати недалеко от Сикоморы, я пришел на остров Снефру;

д') я перешел воды Маати недалеко от Сикоморы, **и** я пришел на остров Снефру;

е) я полагал, что возникнут битвы, **и** (*а*) я не верил, что я буду жить после них;

ж) я встретил человека — стоящим поблизости, **и** он приветствовал меня почтительно.

Таким образом, паратаксис в данном понимании — то же, что асиндетон⁴⁷, бессоюзие.

Однако это понимание отнюдь не является единственным, общепринятым или доминирующим. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить одноименные статьи Википедии на русском, английском, немецком и французском языках:

1) рус.: Парата́ксис (от греч. *παράταξις* *parátaxis* — «выстраивание рядом») — способ построения сложного предложения. При паратаксисе отсутствуют формальные средства связи (союзы, относительные местоимения и др.), позволяющие установить логическое соотношение простых предложений в составе сложного.

В отечественной лингвистике паратаксис зачастую рассматривается как синоним термина «сочинение» (классификация по формальному

⁴⁷ Различие в том, что асиндетон всегда осмыслялся как стилистическая фигура, понятие же паратаксиса вводилось как грамматическое. Любопытно, что в англоязычной версии соответствующей статьи Википедии присутствует отсылка к понятию паратаксиса, в то время как в русско- и немецкоязычной — нет [<http://en.wikipedia.org/wiki/Asyndeton>, <http://ru.wikipedia.org/wiki/Бессоюзие>, <http://de.wikipedia.org/wiki/Asyndeton>].

признаку). В зарубежной лингвистике паратакис, наряду с гипотаксисом, является одним из видов организации сложного предложения, как сложносочиненного, так и сложноподчиненного (классификация по логике содержания)⁴⁸;

2) англ.: Parataxis (from Greek for ‘act of placing side by side’; fr. *para*, beside + *tassein*, to arrange; contrasted to *syntaxis*) is a literary technique, in writing or speaking, that favors short, simple sentences, without the use of coordinating or subordinating conjunctions. It can be contrasted with *hypotaxis*⁴⁹;

[**Паратакис** (от греч. ‘действие расположения рядом друг с другом’; фр. *para*, рядом + *tassein*, располагать; противопоставляется синтаксису⁵⁰) — литературная техника, как в устной, так и в письменной речи, предпочитающая краткие, простые предложения без использования сочинительных или подчинительных союзов. Может быть противопоставлена гипотаксису];

3) нем.: Eine Parataxe (griech. *παράταξις* *parátaxis* „Beiordnung, Koordination“) ist eine Aneinanderreihung von selbstständigen Sätzen (Hauptsätzen). Nach Flämig können nicht nur Sätze, sondern auch Wortgruppen oder Wörter parataktisch konstruiert sein (Walter Flämig: Grammatik des Deutschen. Einführung in Struktur- und Wirkungszusammenhänge. Akademie Verlag, Berlin 1991, S. 251). Das Gegenteil der Parataxe ist die Hypotaxe. <...> In der Parataxe werden Sätze durch koordinierende Konjunktionen wie und, oder (Polysyndeton) oder durch Satzzeichen wie Komma (Asyndeton), Punkt oder Strichpunkt voneinander getrennt⁵¹;

[**Паратакис** (греч. <...> «соположение, координация»⁵²) — это расположение в ряд [нанизывание] самостоятельных предложений (главных). По Флемигу, паратактическая организация может быть свойственна не только предложениям, но и словосочетаниям или словам <...>. Противоположностью паратакиса является гипотаксис. <...> При паратакисе предложения отделяются друг от друга сочинительными союзами — такими, как *и*, *или* (полисиндетон), — или

⁴⁸ [http://ru.wikipedia.org/wiki/Паратакис].

⁴⁹ [http://en.wikipedia.org/wiki/Parataxis].

⁵⁰ Неясно. Возможно, описка (вместо *hypotaxis*), хотя в этом случае неясно значение следующей фразы.

⁵¹ [http://de.wikipedia.org/wiki/Parataxe].

⁵² Здесь дан буквальный перевод; в немецкоязычной грамматической традиции оба термина используются в значении ‘сочинение’.

знаками конца предложения — такими, как запятая (асиндетон), точка или точка с запятой]⁵³;

4) франц.: La parataxe (du grec parátaxis: coordination), est un mode de construction par juxtaposition des phrases. Aucun mot de liaison n'explícite les rapports syntaxiques de subordination ou de coordination qu'elles entretiennent. La parataxe est l'opposé de l'hypotaxe où des prépositions et des conjonctions assurent l'enchaînement logique des phrases <...>⁵⁴;

[Паратаксис (греч. <...> координация) — способ организации путем юкстапозиции (соположения) фраз. Ни одно из слов конструкции не выражает синтаксических отношений подчинения или сочинения, которые она поддерживает. Паратаксис противопоставлен гипотаксису, при котором предлоги и союзы подтверждают логическое соединение фраз]⁵⁵.

Как видно из приведенных фрагментов, русскоязычная, англоязычная и франкоязычная версии статьи совпадают в трактовке паратаксиса как бессоюзного способа организации сложного предложения (или текста), однако различаются тем, что в первой и (как будто) в четвертой версиях заглавное понятие имеет явно грамматический характер, во второй же ему придан характер стилистический. Третья версия, немецкоязычная, совпадает с первой и четвертой в подаче заглавного понятия как грамматического, но резко отличается от трех других отождествлением паратаксиса с сочинением. Точнее говоря, *отождествление* с сочинением имеет место при толковании греческого слова, далее же сочинение (союзное!) *включается* в паратаксис, который, таким образом, становится еще более широкой категорией. Наконец, из четвертой версии нельзя понять, как трактуется гипотаксис: подчеркнут свойственный ему выраженный характер отношений, но неясно, какие отношения имеются в виду — любые или только подчинительные. (Из франкоязычной статьи о гипотаксисе выясняется, что оба понятия все-таки имеют преимущественно стилистическую трактовку; термин *гипотаксис* толкуется через *subordination*, т. е. подчинение, но при этом о средствах выражения гипотаксиса говорится: «L'hypotaxe permet d'expliciter l'ordonnance

⁵³ Перевод в обоих случаях мой. — М. Д.

⁵⁴ [<http://fr.wikipedia.org/wiki/Parataxe>].

⁵⁵ Перевод Т. В. Исаенко, которую, пользуясь случаем, искренне благодарю.

logique des idées dans la phrase par un mot de liaison (conjonction ou pronom relatif)»⁵⁶, т. е. специализация союза — сочинительный или подчинительный — не оговорена.)

2.1.2. Трактовка понятия **гипотаксиса** менее проблематична. Под гипотаксисом и понимался, и понимается в основном такой способ соединения предложений, когда зависимость одного от другого выражена специальным средством — подчинительным союзом или относительным местоимением (союзная подчинительная связь). В то же время и здесь возможны колебания. Поскольку противоположный член оппозиции характеризуется полным отсутствием показателей отношений, понятие гипотаксиса приобретает способность утрачивать признак субординативности и превращаться в более общее понятие обязательного присутствия показателя (любых!) отношений. Именно эту тенденцию обнаруживает только что приведенная формулировка из франкоязычной статьи Википедии.

2.1.3. Оппозиция паратаксиса — гипотаксиса, если она действительно была задумана как противопоставление двух способов соединения предложений, из которых первый исключает использование союзных средств, а второй заключается в выражении союзными средствами зависимости одного предложения от другого, была изначально противоречива. Противоречивость связана с ее двойственностью:

1) первый член оппозиции (паратаксис), если он осмысливается как **б е с с о ю з н ы й** способ соединения предложений, в качестве противоположного может иметь только **с о ю з н ы й** способ соединения предложений; но последнее понятие существенно шире понятия гипотаксиса;

2) второй член оппозиции, поскольку он осмысливается как выражение союзными средствами **з а в и с и м о с т и** одного предложения от другого, в качестве противоположного может иметь только выражение союзными средствами **н е з а в и с и м о с т и** одного предложения от другого (их равноправия), другими словами — то, что обычно обозначается термином *сочинение*.

Неудивительно, что оппозиция паратаксиса — гипотаксиса оказалась неустойчива: ее первый член, как менее однозначный и допускающий различные толкования, был обречен на закрепление обоих возможных толкований. С одной стороны, паратаксис трактуется как бессоюзие, шире — вообще как отсутствие проявленности синтаксического отношения; с другой стороны — как сочинение,

⁵⁶ [<http://fr.wikipedia.org/wiki/Hypotaxe>].

которое в этом случае чаще всего осмысливается в терминах смыслового и / или грамматического равноправия компонентов при необязательности (но допустимости) союза.

Наиболее широко распространенным оказалось отождествление паратаксиса с сочинением. «Паратаксис — то же, что сочинение»: эта формулировка с незначительными вариациями абсолютно преобладает во всех справочных изданиях (в том числе и лингвистических, см. [Русский язык 1979; ЛЭС 1990]).

Здесь необходимо также уточнить, что наиболее распространенная трактовка рассматриваемой оппозиции связывает ее со сложным предложением (и, шире, — как мы видели и в популярных статьях о паратаксисе, и у К. Бюлера — текстом).

Что же касается расширенного понимания паратаксиса как непроявленности синтаксического отношения, а гипотаксиса как выраженного подчинения, то оно, прежде всего, распространяет оппозицию на синтаксический строй в целом и поэтому более всего — на строй простого предложения. Такое понимание исповедовал, в частности, А. А. Потебня, писавший по поводу конструкции с двойным творительным в «Ригведе»: «*Раздавлены ногами слонами* не бессмысленно: действительно *слонами* (то есть их) *ногами*. Только здесь отношение между двумя вещами никак не выражено, и они изображены, так сказать, на одной плоскости, без перспективы. И насколько отсутствие перспективы в живописи древнее ее присутствия, настолько эти паратактические обороты по типу древнее таких, тоже восходящих в глубокую древность, но более согласных с нашей привычкой к объединению мыслей, как *ногами слонов*. Здесь на первом месте — вещь непосредственно действующая, относительный субъект *ноги*, на втором — вещь, коей принадлежит первая, *слонов*. Удаление этой последней субстанции на задний план может привести к ее устранению посредством замены прилагательным» [Потебня 1968: 206]. Этому пониманию следует и А. А. Холодович: ср. употребляемые им характерные выражения «первобытный паратаксис целого и части <...> “тожество”, рядоположенность целого и части» [Холодович 1958: 47].

Расширенное, но особое понимание паратаксиса обнаруживает, как отмечалось выше, и Л. Теньер, когда он, вопреки данному в другом месте собственному толкованию этого понятия, трактует как паратаксис конструкцию с прямой речью.

Широкое понимание паратаксиса (с соответствующей трактовкой всей оппозиции) закрепилось в историческом синтаксисе. (Собствен-

но, оппозиция и вводилась применительно к истории языка: Ф. Тирш был филологом-классиком, специалистом по древнегреческому языку.) Главный вектор развития синтаксических систем индоевропейских языков, намеченный А. А. Потебней, предстает в этих терминах как движение от господства более древнего паратаксиса — к господству гипотаксиса. Из современных историков русского синтаксиса следует выделить З. К. Тарланова, последовательно развивающего и углубляющего концепцию А. А. Потебни [Тарланов 1999].

Существенны еще два момента. Во-первых, расширенная трактовка паратаксиса чаще применяется к простому предложению. Во-вторых, и в тех случаях, когда она применяется к сложному предложению, она обычно не сопровождается расширенной трактовкой гипотаксиса, которая, как было показано, возможна.

Показательно в этом смысле, что, когда К. Бюлер демонстрирует различие между паратаксисом и гипотаксисом на примере отрывка из древнеегипетской «Истории Синухета», оказывается, что все отношения между предложениями этого фрагмента он склонен оформлять средствами подчинительной связи, хотя, как было показано выше, в ряде случаев смысловые отношения между предложениями либо допускают, либо даже требуют использования сочинительного союза. К. Бюлер эти возможности не оговаривает и для перифразы использует лишь часть приведенного фрагмента, весьма естественно принимающую средства только подчинительной связи:

начинался день | я встретил человека — стоящим поблизости | он приветствовал меня почтительно | он боялся

Когда настал день, я встретил человека, *который* с почтением приветствовал меня, *поскольку* он боялся

[Бюлер 1993: 365]

Из этого можно было бы вывести, что в сфере сложного предложения (текста) действовала та же тенденция, что и обрисованная А. А. Потебней в сфере простого предложения. Но такой вывод был бы неверен. Тенденция, насколько можно судить, заключалась в постепенном формировании самой категории сложного союзного предложения, которое шло сразу несколькими путями из разных источников-субстратов: из диалога (по гипотезе С. О. Карцевского), из простого осложненного предложения и из текста (Н. С. Поспелов)⁵⁷.

⁵⁷ Диалог и текст, широко использующие средства, квалифицируемые сегодня как сочинительные союзы, служат источником сложносочиненного предложения;

Нет никаких оснований полагать, будто кристаллизация средств подчинения играла в этом процессе ведущую роль. Развитие системы сочинительных союзов не отставало от развития системы подчинительных союзов — как не отстаёт и сейчас: достаточно вспомнить о сравнительно молодой, но весьма представительной и активной группе градационных сочинительных союзов (*не только... но и...* и др.).

Итак, оппозиция паратаксиса — гипотаксиса, завоевавшая относительно прочное положение в диахронической лингвистике, закрепить за собой подобное положение в синхронном синтаксическом описании не смогла — в силу своей изначальной противоречивости. Эта противоречивость заключается в том, что одно из формирующих оппозицию понятий (гипотаксис) недифференцированно обозначает как синтаксические отношения, так и связи, в то время как другое (паратаксис) в изначальной трактовке обозначает лишь отсутствие материально выраженных показателей связи, но никак не характеризует отношения. Такое положение дел не могло не привести к развитию в понятии паратаксиса «недостающего» компонента содержания: этим термином стали обозначать отношения равноправия, противопоставленные отношениям зависимости. Структура оппозиции «выровнялась», но при этом она стала обозначением скорее умозрительного положения дел, а не того, что демонстрирует языковой материал, — ибо отсутствие материально выраженного показателя связи отнюдь не обязательно означает равноправные отношения компонентов конструкции. Поэтому в синхронной лингвистике паратаксис начали осмысливать как синоним сочинения. Так была подготовлена почва для вытеснения оппозиции паратаксиса — гипотаксиса из понятийного аппарата синхронного синтаксического описания.

2.2. Оппозиция сочинения — подчинения. Место пары *паратаксис — гипотаксис* в синхронном описании заняла другая пара понятий — *сочинение vs. подчинение*.

2.2.1. Термин *сочинение* приобрёл свое современное значение лишь в середине XIX в. вместе с формированием понятийной оппозиции *сочинение vs. подчинение*.

В предшествующий период термин *сочинение* использовали в ином значении. В «Грамматике» Мелетия Смотрицкого (1619)

простое осложненное предложение — сложноподчиненных предложений нерасчлененной структуры (по Н. С. Поспелову, одночленных), текст — сложноподчиненных предложений расчлененной структуры (двучленных).

читаем: «Синтаксис есть третья часть грамматики Славенски Сочинение нарицаемая: яже речения ко осми слова частем возносима известным неким чином учит сочиняти и тем сокровен их разум открыватьи»⁵⁸ [Смотрицкий 2000: 390], — то есть термин *сочинение* употребляется в значении ‘синтаксис’, как синоним заимствованного греческого термина. Такое употребление у М. Смотрицкого вполне регулярно: главы, посвященные синтаксису частей речи, последовательно называются «О сочинении местоимения», «О сочинении глагола» и т. д. Соответственно, среди союзов никакого разделения на сочинительные и подчинительные нет, понятие сочинительного союза отсутствует, хотя *подчинительный* союз — есть. М. Смотрицкий выделяет 9 групп союзов по значению: «Знаменования Союза суть девять, Сопрягательное: Разделительное: Противительное: Сослагательное: Виновное: Подчинительное: Наносительное: Исполнительное: Недоуметельное» [там же: 387]. «Подчинительными» — по значению (!), — как видно из примеров, М. Смотрицкий называет целевые союзы: *да, дабы, небы*.

Точно так же употребляет термин *сочинение* и М. В. Ломоносов в своей «Российской грамматике». Правда, он выделяет меньше, чем М. Смотрицкий, семантических групп союзов, и «подчинительные» (как, впрочем, и целевые) союзы у него отсутствуют (§ 464).

2.2.2. Можно полагать, что формирование терминологической пары *сочинение* vs. *подчинение* в отечественной лингвистике произошло не без влияния введенной Ф. Тиршем оппозиции: ведь по внутренней форме эти термины вполне могут восприниматься как кальки с греч. *паратаксис* vs. *гипотаксис*; труды Ф. Тирша в России были известны, он был избран иностранным членом Российской академии наук⁵⁹. Однако о совпадении этих оппозиций говорить ни в коем случае не приходится: если можно говорить о близости понятий подчинения и гипотаксиса⁶⁰, то сочинение и паратаксис (в исходной трактовке последнего) ни в каком смысле не синонимичны. Если мы понимаем паратаксис как отсутствие материально выраженного средства связи, то за ним могут стоять как равноправные отношения, так и отношения господствующего и зависимого компонента; сочинение же —

⁵⁸ Текст цитируется в упрощенной графике и орфографии.

⁵⁹ [http://www.ras.ru/win/db/show_per.asp?P=id-52355.ln-ru].

⁶⁰ Близость — а не тождество — прежде всего в силу того, что стилистический аспект понятия гипотаксиса, наличие которого (иногда преобладающее) показано выше при анализе его современных толкований, был свойствен всей паре *паратаксис* — *гипотаксис* изначально.

как отношение — предполагает только равноправие компонентов, а как связь — требует наличия сочинительного союза.

2.2.3. Оппозиция сочинения — подчинения оказалась более сбалансированной, так как оба ее члена в равной мере соединяют представления как о синтаксических отношениях, так и о синтаксических связях. Этим, а также ее собственно грамматическим характером (в отличие от предыдущей оппозиции, имеющей традицию стилистической трактовки) можно объяснить тот факт, что она превратилась в центр системы синтаксических связей при синхронном описании синтаксического строя. Аналогичная картина имеет место и в других частных лингвистиках, где оппозиция паратаксиса — гипотаксиса также оказалась вытесненной из синхронного описания (паре *сочинение* — *подчинение* соответствуют, например, нем. *Beiordnung* — *Unterordnung*, англ. *coordination* — *subordination*. См. также, например, [Аракин 1981, Багаев 1965]).

2.2.4. С другой стороны, утверждение этой оппозиции, по-видимому, способствовало укреплению мнения, согласно которому каждому типу, виду или разновидности синтаксических отношений соответствует определенный тип, вид или разновидность синтаксической связи.

Предпосылки для возникновения такого мнения существуют объективно и были замечены давно: они заключаются в семантической специализации союзов. Семантическая классификация союзов у М. Смотрицкого, восходящая, несомненно, к еще более ранним (неславянским) источникам, подразумевает не что иное, как строгую соотнесенность типа отношения со средством связи. До утверждения оппозиции сочинения — подчинения эта классификация в работах разных ученых имела весьма вариативный характер (ср. различия у М. Смотрицкого и у М. В. Ломоносова). К концу XIX в. вариативность классификации союзов была минимизирована, и в значительной мере это было связано с тем, что в ее основу было положено противопоставление сочинительных союзов подчинительным. В результате одна группа синтаксических отношений стала осмысляться в качестве разновидностей сочинения (семантика одновременности, следования во времени, противопоставления, сопоставления, дизъюнкции, пояснения, градации), другая группа — в качестве разновидностей подчинения (прежде всего имплицативная семантика: следственная, причинная, целевая, условная, уступительная, — а также семантика сравнения, временной соотнесенности в нескольких разновидностях, изъяснительная, атрибутивная).

Примечание. Любопытно, что распределение союзов по двум классам было осуществлено Ф. И. Буслаевым задолго до известной дискуссии о сочинении и подчинении, которая была инициирована М. Н. Петерсоном [Петерсон 1923] и в ходе которой А. М. Пешковский сумел обнаружить собственно грамматический смысл этой оппозиции [Пешковский 1926], позже существенно уточненный Е. Н. Ширяевым [Ширяев 1986: 14–22]⁶¹. В основу указанного распределения Ф. И. Буслаев положил способность / неспособность тех или иных союзов оформлять сложноподчиненное предложение. К подчинительным были отнесены, соответственно, те союзы, которые этой способностью наделены, к сочинительным — остальные. В свою очередь, критерием для разграничения сложноподчиненных и сложносочиненных предложений в логико-грамматической классификации служила функциональная тождественность одной из (предикативных) частей члену другой части — главному или второстепенному, характерная только для сложноподчиненных предложений. Такая изофункциональность выявляется возможностью поставить к части, идентифицируемой в качестве придаточной, такой же смысловой вопрос, какой может ставиться к члену простого предложения.

Однако еще любопытнее то, что А. М. Пешковский в целом подтверждает намеченный Ф. И. Буслаевым состав сочинительных и подчинительных союзов, хотя опирается, казалось бы, на существенно иные принципы. Точно так же подтверждается в «Русском синтаксисе в научном освещении» и общее представление о сложноподчиненном и сложносочиненном предложении: А. М. Пешковский уточняет положения Ф. И. Буслаева, но не опровергает их.

Можно было бы предположить, что оба ученых опирались на некое интуитивное представление о природе сочинения и подчинения, плохо поддающееся вербализации, и неосознанно стремились получить результаты, отвечающие этому представлению; но в таком случае следовало бы также предполагать, что интуитивные представления обоих ученых совпадали. Учитывая глубокие различия в грамматических взглядах Ф. И. Буслаева и А. М. Пешковского, такое предположение следует отнести как безосновательное.

В таком случае объяснить принципиальное совпадение результатов можно тем, что концепции Ф. И. Буслаева и А. М. Пешковского не исключают, а взаимно дополняют друг друга. Они освещают один и тот же объект с разных сторон, в разных аспектах, но каждая по-своему верно.

⁶¹ Е. Н. Ширяев как будто бы не уточняет, а предлагает собственную интерпретацию грамматического смысла противопоставления подчинения сочинению, предварительно указав — и справедливо — на некоторые слабости концепции, выдвинутой А. М. Пешковским. Но по сути его концепция именно продолжает и уточняет начатое А. М. Пешковским.

В литературе по сложному предложению логико-грамматическую концепцию Ф. И. Буслаева обычно критикуют, и во многом справедливо, следуя традиции, заложенной еще на рубеже XIX–XX вв. представителями психологического направления (В. А. Богородицкий, Д. Н. Овсяннико-Куликовский). Некоторое высокомерие по отношению к этой концепции и к ее создателю проявляется даже в том, что если рядом с именем, скажем, А. А. Шахматова принято упоминать его академическое звание, то рядом с именем Ф. И. Буслаева — нет, хотя он был действительным членом той же самой Академии (с 1860 г.). Между тем представляется совершенно очевидным, что, при всех недостатках его логико-грамматической концепции, именно она положила начало научному освещению если не всего русского синтаксиса, то, во всяком случае, синтаксиса сложного предложения, и лежащая в ее основе идея изоморфизма сложного предложения и простого распространенного предложения без труда прослеживается в последующих концепциях, в том числе и в концепции Н. С. Поспелова, послужившей фундаментом структурно-семантической классификации сложноподчиненного предложения. Ф. И. Буслаеву же, как ясно из предшествующего, мы обязаны и утверждением оппозиции сочинения — подчинения.

Повторим, объективные основания для формирования убеждения в строгом соответствии типов средств связи типам отношений существуют. Например, отношения дизъюнкции в русском языке могут быть выражены только сочинительным разделительным союзом; то же касается латыни (*aut, vel, ve, sive*), немецкого (*oder; entweder... oder*), английского (*or; either... or*), французского (*ou*), шведского (*eller, antingen... eller, vare sig... eller, evad... eller*)⁶², китайского (或者 *huòzhě*, 还是 *háishi*)⁶³, таитянского (*e aore, aore ra*)⁶⁴ и мн. др. языков. Аналогичные утверждения, хотя и с разной мерой достоверности, могут касаться и некоторых других типов отношений, в частности противопоставления, градации. Безусловно, факты подобного рода могут подтолкнуть к гипотезе об универсальном и закономерном характере таких соотношений.

2.3. Асимметричность связей и отношений. Между тем более пристальное знакомство с фактами русского и других языков заставляет усомниться в очевидности и непреложности соотношений, кажушихся законами.

⁶² Источник: [<http://svspsb.net/bok/2-9-b.htm>].

⁶³ Источник: [http://www.studychinese.ru/viewpage.php?page_id=178].

⁶⁴ [Аракин 1981: <http://www.lingvotech.com/arakin-81>].

В русском языке большинство отношений между компонентами синтаксической конструкции может выражаться не одним, а несколькими средствами. Отношения одновременности могут выражаться как сложносочиненным предложением (ССП) с союзом *и*, так и сложноподчиненным (СПП) с союзами *когда*, *пока*, *в то время как* и др., а кроме этого — бессоюзным предложением (БСП):

2.3.а) *И скучно, и грустно, и некому руку подать* (М. Ю. Лермонтов);

2.3.б) *Пока не требует поэта / К священной жертве Аполлон, / В заботах суетного света / Он малодушно погружен* (А. С. Пушкин);

2.3.в) *Коля пел, Борис молчал, Николай ногой качал* (С. Михалков).

Отношения следования во времени также могут выражаться всеми тремя типами конструкций сложного предложения:

2.3.г) *Дверь захлопнулась, и машина умчалась, обдав бензиновой гарью* (Дм. Ермаков);

2.3.д) *Как только твой покорный / Я встречу взор, / У ног твоих раскину я узорный / Живой ковер* (А. А. Фет);

2.3.е) *Сыр выпал — с ним была плутовка такова* (И. А. Крылов).

Условные отношения передаются не только СПП с условными союзами, но и БСП (далее примеры в силу очевидности утверждаемого опускаем). Уступительные — как СПП, так и ССП с противительными союзами. Следственные — также всеми тремя типами конструкций сложного предложения. Этот перечень может быть продолжен.

Важно и следующее обстоятельство. Ряд широко употребительных союзов, называемых синтаксическими (или асемантическими), обслуживает столь широкий спектр отношений, что ни о какой строгой соотнесенности их с тем или иным видом отношений говорить не приходится (союзы *что*, *как*, *и*).

Существенно, кроме того, что и среди так называемых семантических союзов (то есть однозначно указывающих на характер выражаемых отношений) есть ряд таких, которые способны использоваться в других значениях: временной союз *когда* может использоваться в условных СПП (*Когда светлейший Волк позволит, осмелюсь я донести...* (И. А. Крылов)); условный союз *если... то* может оформлять предложения со значением соответствия / сопоставления (*Если в древнерусском языке к началу исторического периода насчитывалось 10 гласных фонем, то в современном русском их насчитывается 6 или даже 5*).

Перечисленные факты общеизвестны.

Данные истории русского языка и современных диалектов указывают на то, что грань между сочинительным и подчинительным характером союза отнюдь не является изначально непреодолимой. Б. В. Лавров отмечал, что в древнерусском языке такие союзы, как *буде, если*, выражающие условные отношения, иногда выполняли в предложении роль разделительных, а союзы *аще, или* могли оформлять оба вида предложений [Лавров 1941: 65, 45, 75]. Е. Р. Кульпина показывает, что «в современных севернорусских говорах, в отличие от литературного языка, бытуют полифункциональные диалектные союзы, которые могут выражать и разделительные, и условные отношения между синтаксическими единицами» [Кульпина 2003]. Например, «в подпорожских говорах функционирует разделительный союз *буде... буде* ‘или... или’: *А я не знаю, буде сказала Нюрка, буде не сказала, что ушѣдцы на двор-то больницу топить*», — который в то же время (без редупликации) функционирует как условный: *Я сейчас пойду, если наживу лодку, то поедem, а буде не дадут, так дома сидеть будем* (там же). «Условный союз *кай* ‘если’ бытует в чагодощенских говорах Вологодской области: *Кай будет сухо, так автобус будѣт идти*; там же встречается одиночный разделительный союз *кай* ‘или’: *У лежанки стою, кай у кровати*» [там же].

В немецком языке к сочинительным относят не только соединительные, противительные, разделительные, градационные, пояснительные, но также (некоторые) причинные (*denn, nämlich, um, dass, weil*), уступительные (*wenn auch, obwohl*) и сравнительные (*als, ob, wie*) союзы. При этом союзы *als, weil, ob, wie* в других значениях рассматриваются как подчинительные⁶⁵. Даже если учесть, что немецкие грамматисты могут исходить из существенно иных критериев разграничения сочинительных и подчинительных конструкций (хотя ядро представлений о сочинении и подчинении остается общим), этот факт остается весьма показательным.

В древнегреческом языке союз *ἔτι* является разделительным (ему соответствует рус. *или*), однако, употребляясь при компаративе, он становится сравнительным, и в этом случае ему соответствует уже рус. *чем* [Соболевский 1948: 239].

В (мертвых) древних языках фиксируется либо минимальное количество союзов, либо их отсутствие. Например, в староэламском языке (середина III — конец II тыс. до н. э.), как указывает И. М. Дьяконов, «сочинение большей частью бессоюзное» (то есть имеет

⁶⁵ Источник: [[http://de.wikipedia.org/wiki/Konjunktion_\(Wortart\)](http://de.wikipedia.org/wiki/Konjunktion_(Wortart))].

место паратаксис, союзы отсутствуют), «в средне- и новоэламском обычны союзы *a-ak, kutta* и многие другие» (конец II тыс. до н. э. — середина VII в. до н. э., конец VII в. до н. э. — начало н. э.) [Дьяконов 1979: 47].

Приведенные факты говорят о том, что строгое взаимно-однозначное соответствие некоторого средства связи и некоторого отношения является не закономерностью, а, скорее, случайностью на фоне значительно более сложных, размытых соотношений между первыми и вторыми. Некоторые мыслители XVIII–XIX вв. полагали, что бедность системы союзов, обнаруживаемая в наиболее древних из известных языков, или даже почти полное их отсутствие, как в староэламском, свидетельствует о такой же бедности (или почти полном отсутствии?) системы смысловых отношений между компонентами синтаксической конструкции. Эта мысль высказывалась и в XX в. Такой взгляд представляется мне сильным упрощением, слишком прямолинейной трактовкой бесспорного тезиса о тесной взаимосвязи языка и мышления.

Отсутствие средства связи, маркирующего определенное отношение, вовсе не означает отсутствия самого отношения: чтобы в этом убедиться, достаточно проанализировать несколько бессоюзных предложений. Целесообразно обратить внимание и на речевую практику людей, овладевших родным языком лишь на уровне, достаточном для обыденного и несложного профессионального общения. Специализированные средства связи (производные предлоги, семантические союзы) в их речи крайне редки, но это ни в коем случае не означает, что в выстраиваемых ими синтаксических конструкциях соответствующие отношения не подразумеваются. Не умея выразить отношение точно, специализированным средством, такие носители языка широко используют частицы и интонацию, строят конструкции, семантику которых можно сравнить не с четким рисунком, а с расплывшимся на влажной бумаге пятном из капель разных красок. Недаром хрестоматийный пример БСП с такой диффузной семантикой:

Чин следовал ему; он службу вдруг оставил —
взят из реплики Скалозуба, чьи затруднения в построении связного изложения А. С. Грибоедов изображает мастерски:

За третье августа; засели мы в траншею:

Ему дан с бантом, мне на шею.

2.4. Выводы. Рассмотрев две оппозиции, составляющие ядро большинства известных типологий синтаксических связей / отношений, приходим к следующим суждениям.

2.4.1. Содержание оппозиций паратаксиса — гипотаксиса и сочинения — подчинения с неизбежностью влечет смешение понятий синтаксической связи и синтаксического отношения.

2.4.2. Отождествление понятий синтаксической связи и синтаксического отношения неправомерно, на что указывают общеизвестные факты русского языка, факты других современных языков и факты истории разных языков.

2.4.3. При построении типологии синтаксических связей целесообразно отказаться от презумпции жесткой соотнесенности связей и отношений. Взаимно-однозначное соответствие является лишь частным случаем значительно более сложных, размытых соотношений между ними.

3. Определение синтаксической связи — трудная задача. Можно согласиться с А. А. Холодовичем, писавшим: «Понятие непосредственной связи бесспорно отражает одно из объективных свойств языка. Однако я не знаю вербального (осуществляемого с помощью других слов) определения этого понятия и не уверен, что такое определение вообще возможно» [Холодович 1979: 245]. Тем не менее очертить границы смысла, вкладываемого в данном случае в это понятие, необходимо.

3.1. Прежде всего, **речь идет не о связи вообще, а только о синтаксической связи.**

3.2. Мы исходим из различения связей и отношений: в терминах диалектики явления и сущности связь есть *явление* — внешнее, формальное, — отношение же составляет *сущность*.

Поясним аналогией. Можно признаться в любви, произнеся известные слова, глядя в глаза любимому человеку. Можно сделать то же, но по телефону. Можно — письмом. Можно так, как это делали Кити и Левин, чертя на заиндевевшем стекле первые буквы слов. Сущность одна — пути проявления (реализации) разные, объединяемые только их языковой формой. И наоборот: ежедневно в мире происходят миллиарды телефонных разговоров. Вид связи один, а отношения бесконечно многообразные.

Сходным образом обстоит дело и в самом языке: см. выше группы примеров (2.3.а–в) и (2.3.г–е), демонстрирующие реализацию одного и того же отношения разными видами связи. Вот примеры реализации разных отношений одним и тем же видом связи — призыванием:

3.2.а) *яйцо вкрутую* (атрибутивные отношения);

3.2.б) *танцевал вприсядку* (обстоятельственные отношения);

3.2.в) *танец вприсядку* (атрибутивно-обстоятельственные отношения);

3.2.г) *приказал выдвигаться* (изъяснительно-объектные отношения);

3.2.д) *приказ выдвигаться* (атрибутивно-изъяснительные отношения).

Подобные серии примеров нетрудно привести для любого другого вида синтаксической связи.

3.3. Из (3.2) видно, что установление отношений между компонентами конструкции никогда не находится в полной зависимости от типа и средства связи; сама по себе **связь не устанавливает отношения, а лишь проявляет их** — с той или иной степенью четкости. В (3.2.д), например, атрибутивно-изъяснительные отношения между *приказ* и *выдвигаться* устанавливаются не потому, что использовано примыкание, а потому, что *приказ* — девербатив со значением, входящим в известную группу лексем речи, мысли, чувства, волеизъявления⁶⁶, требующих изъяснения, а *выдвигаться* — глагол, обозначающий такое действие живого существа, к которому его можно побудить (ср. странность или невозможность словосочетаний **приказ сломаться*, **приказ вкрутую*, **яйцо выдвигаться*). Именно благодаря тому, что эти слова семантически предрасположены к вступлению в указанные отношения, мы воспринимаем их сочетание как реализацию этого отношения, а при анализе констатируем наличие между ними данной разновидности подчинительной связи, в то время как в **яйцо выдвигаться* мы не обнаруживаем ни атрибутивно-изъяснительного отношения, ни связи примыкания⁶⁷.

Еще один пример. В сложноподчиненных предложениях с общим значением обусловленности используются разнообразные союзы,

⁶⁶ К которой С. Г. Ильенко добавляет лексемы не-речи, не-восприятия и бытия [Ильенко 2009: 288–289].

⁶⁷ В учебнике [Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981] для обозначения связи (?) между словоформами, случайно оказавшимися в контактной позиции, но не вступающими в непосредственные смысловые отношения друг с другом, вводится отдельное понятие — «аккумулятивная связь» (например, в высказывании: *Приказ вкрутую сваренные яйца не охлаждать повар получил слишком поздно* — имеется несколько таких пар: *приказ вкрутую, охлаждать повар, получил слишком*). Оснований для этого, на мой взгляд, недостаточно. Отношение может быть практически никак не проявлено связью (об этом см. ниже), но связь, не реализующая никакого отношения, — нонсенс; представление о возможности существования таких “пустых” связей противоречит самой сущности синтаксиса.

в отдельных случаях влекущие и некоторые структурные особенности всей конструкции (например, следственный союз *так что* требует постпозиции придаточного). Серии примеров, построенные на объединении разными союзами практически одних и тех же предикативных частей СПП (частотный методический прием), как будто демонстрируют тот факт, что союз именно устанавливает отношение, что противоречит нашему тезису:

3.3.а) *Я надену перчатки, чтобы не оставлять отпечатков;*

3.3.б) *Так как я надену перчатки, я не оставлю отпечатков;*

3.3.в) *Если я надену перчатки, я не оставлю отпечатков;*

3.3.г) *Я надену перчатки, так что я не оставлю отпечатков;*

3.3.д) *Я надену перчатки, хотя я [и так] не оставлю отпечатков.*

Однако достаточно построить из тех же предикативных частей бессоюзную конструкцию — и мы убедимся в том, что союз сам по себе не устанавливает отношений, поскольку последние и без него читаются вполне отчетливо:

3.3.е) *Я надену перчатки — я не оставлю отпечатков* (возможен и вариант с запятой).

Отношения импликации устанавливаются не благодаря союзу, а благодаря прежде всего смысловой соотнесенности предикативных частей, которая, в свою очередь, опирается на закрепленную в опыте языкового сообщества связь между стремлением не оставить отпечатков и намерением надеть перчатки⁶⁸. Союз же обеспечивает только актуализацию и конкретизацию этих отношений. Семантическая специализация одних союзов на фоне полной выхолощенности семантики у других, переходы союзов в диахронии из одних разрядов в другие (см. примеры выше, п. 2.3) — это лишнее доказательство отсутствия онтологической обусловленности между союзом и отношением. Дополнительный пример — образование парных / повторяющихся отрицательно-соединительных союзов в таких генетически родственных языках, как русский и английский: рус. *ни... ни* образован присоединением отрицательного форманта *н-* к соединительному союзу *и... и*, в то время как англ. *neither... nor* образован присоединением того же форманта к разделительному союзу *either... or*. Если бы между союзами и выражаемыми (?) ими отношениями существовала жесткая соот-

⁶⁸ Эта связь закреплена в том числе и в прецедентных текстах — например, в известной песенке В. Высоцкого («Вечно в кожаных перчатках, чтоб не делать отпечатков...»).

несенность, образование соединительного союза от разделительного было бы невозможно.

3.4. Таким образом, **синтаксическая связь — это способ актуализации синтаксических отношений между компонентами конструкции**, устанавливаемых волей говорящего, но только при том условии, что сочетаемые компоненты вообще способны вступать в какие-либо отношения.

4. Основания типологизации синтаксических связей. Из данного определения ясны те признаки, которые теоретически могут быть положены в основание классификации синтаксических связей: это 1) характер связываемых компонентов (или тип конструкции, что практически то же); 2) отношения между компонентами; 3) характер способа актуализации отношений.

4.1. Если в качестве классификационного основания мы избираем **характер связываемых компонентов**, то получаем **типологию I**, в которой различаются:

- а) связь между главными членами простого предложения;
- б) связь между главным членом и его присловным распространителем (распространителем 1-й степени);
- в) связь между присловным распространителем 1-й степени и его присловным распространителем (2-й степени; этот ряд может быть продолжен);
- г) связь между предикативным центром предложения и присхемным распространителем — детерминантом;
- д) связь между равноправными одноименными компонентами конструкции (то есть связь внутри однородного ряда);
- е) связь между предикативными частями сложного предложения.

Типология I может быть уточнена и детализирована, однако в этом нет смысла.

Во-первых, во всех ее пунктах представлены слишком разнородные явления: хорошо известно, что могут быть весьма различными и связи внутри предикативного ядра простого предложения, и связи между компонентами словосочетания, и связи между частями сложного предложения и т. д.

Во-вторых, в такой типологии не получают отражения явные (и тоже хорошо известные) черты изоморфизма связей в конструкциях разных уровней: например, связи внутри однородного ряда во многом изоморфны связям между частями сложносочиненных и бессоюзных сложных предложений; связь между предикативным центром и детерминантом имеет много общего со связью между детерминантным

придаточным и главной частью СПП расчлененной структуры; связи внутри подчинительного словосочетания подобны связям в СПП нерасчлененной структуры. Отсюда следует, что в типологии I проводится неоправданное различие между связями в конструкциях разных уровней, и в то же время не дифференцируются существенно различные связи внутри конструкций одного и того же уровня.

Таким образом, типология I не может быть признана удовлетворительной.

4.1.1. В качестве варианта типологии I может быть интерпретирована рассмотренная выше типология синтаксических отношений, представленная в [Апресян и др. 2010]. Такое утверждение может показаться неожиданным: ведь и сами авторы называют эту типологию типологией *отношений*. Однако совершенно очевидно, что в основу ее положены типы конструкций, извлекаемые из текстов: авторы отталкиваются от языкового материала, от буквы текста, и лишь следующим исследовательским действием — после выделения конструкции — становится анализ отношений между ее компонентами.

О достоинствах и спорных моментах этой типологии выше говорилось; добавим, что она не может рассматриваться в качестве типологии синтаксических связей, поскольку собственно связи (в оговоренном выше понимании) в ней неоднократно дублируются — при разных типах конструкций и отношений.

4.2. Если мы избираем в качестве классификационного основания **отношения между** связываемыми **компонентами**, то получаем несколько вариантов **типологии II**, которые уже анализировались выше.

4.2.1. Один из наиболее отвлеченных вариантов типологии II предложен **Л. Ельмслевом**. В основу его варианта изначально положен лишь один признак, представляющий собой абстракцию весьма высокого уровня: наличие / отсутствие зависимости между связываемыми компонентами. На основании этого признака выделены два типа связи (или отношений, поскольку автор первые и вторые не дифференцирует): детерминация и констелляция. Однако, поскольку при выделении лишь этих двух типов в одном разряде (детерминация) оказались бы как связи между главными членами предложения, так и связи низшего уровня, Л. Ельмслев вводит второй классификационный признак: направленность связи. По этому признаку различаются однонаправленные и двунаправленные связи. В итоге получается трехчленная типология:

1) интерденденция (И) — двунаправленная связь, оформляющая взаимную зависимость компонентов;

2) детерминация (Д) — однонаправленная связь, оформляющая зависимость одного компонента от другого;

3) конstellляция (К) — ненаправленная связь между компонентами, которые не зависят друг от друга.

Последовательностью этот вариант типологии II не отличается. Он опирается на два основания, не охватывающие типологию в целом: первое основание (наличие / отсутствие зависимости) отличает И и Д от К, но не отличает И и Д друг от друга; второе же основание отличает И от Д, но никак не квалифицирует К. Можно попытаться выстроить более последовательную систему и представить типологию Л. Ельмслева как результат объединения двух оппозиций, каждая из которых имеет двухуровневую структуру:

Таблица 2

**Типология Л. Ельмслева как объединение
двух двухуровневых оппозиций**

		направленность		ненаправленность
		односторонняя	двусторонняя	
зависимость	простая	детерминация		
	взаимная		интердепенденция	
независимость				конstellляция

Однако и при таком представлении логичность этой системы лишь кажущаяся. Что скрывается за пустыми клетками в таблице 2? Означают ли эти клетки некие возможности, которые предусмотрены языковой системой, но по неким причинам не используются? Представить себе направленную независимость или ненаправленную зависимость невозможно. Это означает, что оппозиции, объединенные в таблице, не образуют пересечения; их объединение — исследовательский шаг, не вскрывающий закономерности языковой системы, а придающий вид закона тому, что никакому строгому закону не подчиняется. Из таблицы 2 видно, что в системе Л. Ельмслева преобладают неоппозитивные различия. Д и И противопоставлены и друг другу, и К нестрогой: строгая противопоставленность имела бы место между Д и простой двусторонней зависимостью (?), между И и взаимной односторонней зависимостью (?), между К и направленной независимостью (?), между Д и И, с одной стороны, и ненаправленной зависимостью (?).

Тем не менее отсутствие строгой последовательности в рассматриваемой типологии имеет смысл рассматривать скорее как достоинство, нежели как недостаток: Л. Ельмслев жертвует после-

довательностью в пользу репрезентативности и адекватности. Использование неоппозитивных различий — принцип естественной классификации, позволяющей наиболее адекватно отразить то, что реально существует в языке (см. [Бондарко 2013]).

В то же время типология Л. Ельмслева не может служить классификацией синтаксических связей, поскольку в ней представлены как отношения, регулярно оформляемые определенным типом связи (И), так и отношения, оформляемые разными видами связи, что в самой типологии никак не отражено.

4.2.2. Вариантом типологии II, еще более компактным, чем у Л. Ельмслева, является система **Л. Теньера**. Она в еще меньшей мере может рассматриваться как типология связей, поскольку не содержит никаких указаний на способы актуализации двух отношений — подчинения и юнкции.

4.2.3. Еще один вариант типологии II, также более компактный, чем у Л. Ельмслева, и в то же время более близкий к языковой (а не логической) семантике, — это система **О. Есперсена**. Но и этот вариант не типологизирует способы актуализации отношений юнкции и нексуса, а потому не может рассматриваться как удовлетворительная типология синтаксических связей.

4.2.4. Вариантами типологии II являются и рассмотренные выше традиционная классификация (очень близкая к системе Л. Ельмслева) и версии А. И. Смирницкого, А. М. Мухина и В. Г. Гака. Последняя, однако, явно отличается от всех других тем, что в ней, наряду с отношениями, представлен один бесспорный способ актуализации отношений, сам по себе отношением не являющийся и по имени ни с каким отношением не совпадающий, — соположение. Если учесть, что терминами *сочинение* и *подчинение* обозначают как отношения, так и типы синтаксических связей, то версия В. Г. Гака может быть признана типологией связей как способов актуализации синтаксических отношений — однако недостаточно полной.

4.2.5. В целом же из нашего анализа следует, что выбор отношений между связываемыми компонентами в качестве классификационного основания есть интерпретация внешнего признака явления в качестве признака сущностного. Актуализируемые отношения, как было показано в п. 3, не предопределяют характер или тип связи, не соотнесены с какими-то строго определенными типами связи, следовательно, являются именно внешним признаком синтаксических связей. Ясно, что типологизация по внешнему признаку лишь случайно может дать хотя бы частично удовлетворительный результат.

5. Предлагаемая типология. Адекватной, таким образом, может стать только **типология III**, в основу которой должен быть положен характер способа актуализации синтаксических отношений.

5.1. Степень актуализации отношения. Прежде всего, там, где возникает понятие актуализации, возникает и сопутствующее понятие — меры, или степени, актуализации. Могут различаться, в общем случае, три степени актуализации одного и того же отношения: минимальная, средняя и максимальная. Эти три степени с очевидностью представлены в трех типах сложных предложений:

- а) *Чин следовал ему; он службу вдруг оставил* (БСП);
- б) *Чин следовал ему, а он службу вдруг оставил* (ССП);
- в) *Хотя чин следовал ему, он службу вдруг оставил* (СПП).

В БСП (а) отношения между компонентами представлены с минимальной степенью актуализации и конкретизации, предельно диффузно; в этих отношениях могут угадываться одновременно и противопоставление, и следование (во времени), и уступка, и неожиданность следования второй ситуации после первой (последнее получает во второй части лексическое выражение — *вдруг*). Но «отношения могут угадываться» не значит «отношения выражены». Минимальная степень актуализации отношений — это, в сущности, нулевая степень: способ актуализации — то есть собственно связь — заключается в простом соположении компонентов (юктапозиции), которое является лишь сигналом возможного наличия отношений, но никак эти отношения не вскрывает.

В ССП (б) степень актуализации и конкретизации выше: уступительная семантика здесь исключена, отношения представлены как противопоставление (точнее, сопоставление несопоставимых, с точки зрения говорящего, фактов) следующих друг за другом ситуаций, лексическое выражение неожиданности (*вдруг*) выглядит факультативным, поскольку значение несоответствия уже выражено союзом.

В СПП (в) степень актуализации и конкретизации наибольшая: отношения представлены только как уступительные, семантика противопоставления и следования во времени приглушена, лексическое выражение неожиданности выглядит излишним.

Три степени актуализации отношения могут наблюдаться и в пределах простого предложения. Например, внутри так называемых некоординированных предикативных групп наличие предикативного отношения сопровождается нулевой степенью актуализации (*Яблоки — хорошо*). Среднюю степень актуализации можно видеть

в предикативных группах с составными именными сказуемыми, где элементы координации (взаимно-направленной связи, нексуса) наблюдаются прежде всего между подлежащим и связкой (нередко нулевой), но могут отсутствовать в именном компоненте сказуемого, несущем главную смысловую нагрузку (*Эта ткань — самого высокого качества*). Максимальная степень актуализации наблюдается в простых предложениях, наиболее близких к прототипу (*Рассказчик умолк; Вас вызывает директор*).

5.2. Первый и второй базовые типы синтаксической связи (коннексия и иннексия). Таким образом, изучение существующих связей прежде всего приводит к постулированию **соположения** как широко распространенного типа синтаксической связи — в чем мы отчасти следуем за В. Г. Гаком.

Необходимо подчеркнуть, что соположение — не просто широко распространенный, но наиболее фундаментальный тип синтаксической связи. Другие типы связи не противопоставляются соположению, а включают его⁶⁹. Следовательно, соположение не образует с другими типами связи оппозицию; различия и в данном случае носят неоппозитивный характер.

В целях терминологической последовательности различие между соположением и другими типами связи можно обозначить как различие **коннексии** и **иннексии**.

Коннексия (< лат. *con* ‘с, со’ + *necto, nexum* ‘вязать, связывать’) — это в известном смысле механическое совмещение элементов: придание им статуса компонентов интегрированного целого не сказывается на их форме, структуре, семантике, а само интегрированное целое в структурном отношении представляет собой, грубо говоря, сумму компонентов, и если подвергнуть его «обратному» расчленению, то и получим исходные элементы, без какого бы то ни было остатка. Конструкции такого вида будем называть **коннективными**, или **консинтаксическими**, в противоположность конструкциям с иннексией — **иннективными**, или **инсинтаксическими**. Примерами консинтаксических конструкций могут служить словосочетание с приложением в им. п. (*гостиница «Москва»*), словосочетание с примыкающим зависимым компонентом (*вбежал*

⁶⁹ Поскольку существуют разновидности связи, не требующие обязательно контактного расположения компонентов, термин *соположение* представляется более предпочтительным, нежели *юкстапозиция*, в значение которого обычно включают сему контактного расположения.

запыхавшись, быстро вбежал, цвет маренго), некоординированная предикативная группа, конструкция с прямой речью, бессоюзный однородный ряд, бессоюзные сложные предложения открытой структуры и др.

Иннексия (< лат. *in* 'в') — это такое соединение элементов конструкции, при котором в их форме, структуре, семантике происходят известные изменения с целью приспособить, «приладить» один элемент к другому, «состыковать» их, если прибегнуть к столярной метафоре, по принципу «паз + шип» или «паз + скрепа + паз». В иннективных конструкциях происходит (взаимное) проникновение одного элемента в другой (ср. взаимное воздействие подлежащего и сказуемого в прототипическом глагольном предложении) и / или возникает специализированное средство связи, самим фактом своего существования уже оказывающее воздействие на оба соединяемых компонента (предложные и союзные конструкции). При попытке «обратного» расчленения иннективной конструкции неизбежен отрицательный эффект: возникает «остаток», деформируются компоненты, утрачивается некоторый элемент смысла или вообще смысл. Примерами инсинтаксических конструкций могут служить, кроме названных, словосочетания с управлением и согласованием (*выменял у приятеля марку на книгу; редкая марка; город Москва*), конструкции с причастными и деепричастными оборотами, союзные сложные предложения (в том числе и конструкция с косвенной речью) и др.

5.3. Две разновидности второго типа синтаксической связи. Внутри иннективных связей целесообразно различать связи **без лексикализованного коннектора** — и **с наличием** его. Смысл этого различия заключается в том, что лексикализованный коннектор обычно обеспечивает более высокую степень актуализации отношения: не случайно сам коннектор нередко воспринимается как имя отношения (ср. встречающиеся в лингвистических работах номинации *и-функция*, *или-отношение*). В итоге, если отвлечься от различия в статусе коннекции и иннексии как двух фундаментальных типов связи, с одной стороны, и двух разновидностей иннексии — с другой, имеем **три типа связи**, в наиболее общем виде охватывающих совокупность синтаксических конструкций, возможных в русском языке.

Три выделенных типа связи представляют собой естественные классы, охватывающие все без исключения известные типы синтаксических конструкций. Это обстоятельство позволяет считать предлагаемую типологию удовлетворительной.

5.4. Таким образом, получаем следующую **общую типологию синтаксических связей** как способов актуализации синтаксических отношений:

Таблица 3

Общая типология синтаксических связей как способов актуализации синтаксических отношений

степень актуализации отношений	манифестация связи		
	только соположение	соположение + специализированное средство	
0	коннексия		
1		иннексия без лексикализованного коннектора	
2			иннексия с лексикализованным коннектором

Оговорим, что указания на степень актуализации отношений в левом столбце таблицы 3 условны, они призваны лишь служить ориентиром, но не претендуют на статус правила. Как было показано в п. 5.1, иннективная связь с лексикализованным коннектором может обеспечивать разную степень актуализации отношений (в зависимости от типа союза); аналогичное верно и для второго типа иннексии.

5.5. Заключительные замечания. Конечная цель данного исследования — построение такой типологии синтаксических связей, которая 1) имела бы большую, по сравнению с существующими, объяснительную силу, 2) не являлась бы результатом неразличения связей и отношений и 3) не оставляла бы без ответа вопросы о связях в целом ряде синтаксических конструкций (см. п. 0).

Представленная общая типология допускает дальнейшую конкретизацию. Например, внутри иннексии без лексикализованного коннектора имеет смысл различать однонаправленные и взаимно-направленные связи: первые имеют место, например, в словосочетаниях с подчинительными отношениями, вторые — внутри координированной предикативной группы (представляется удобным обозначать эту связь термином *нексус*). Внутри однонаправленных иннективных связей без лексикализованного коннектора могут быть выделены хорошо известные согласование, управление и примыкание. Все знание о видах связей между компонентами синтаксических конструкций может быть включено в предложенную общую типологию. Ключевой вопрос, однако, в том, что типология должна охватывать не только все известные виды связей, но и все суще-

ствующие типы синтаксических конструкций — и при этом не навязывать языковому материалу решений, в основу которых положены внешние, не самые существенные признаки. Другими словами, типология должна строиться на принципах естественной классификации.

В заключение приведем таблицу, демонстрирующую возможности интерпретации связей в различных синтаксических конструкциях с опорой на предложенную типологию. Задача дать исчерпывающий перечень конструкций здесь не ставилась; однако мы стремились по возможности полно охватить конструкции, связи в которых в существующих грамматиках либо характеризуются противоречиво, либо не характеризуются совсем. В таблице 4 иннексия без лексикализованного коннектора обозначена как «иннексия (–ЛК)», иннексия с лексикализованным коннектором — как «иннексия (+ЛК)».

Таблица 4

Типы связи в важнейших синтаксических конструкциях

Типы конструкций	Типы связи		
	коннексия	иннексия (–ЛК)	иннексия (+ЛК)
некоординированная предикативная группа <i>Яблоки — хорошо</i>	+		
детерминант + предикативная группа <i>В небе тает след от самолета</i>	+		
составное сказуемое <i>задумал погулять</i>	+		
словосочетание с неизменяемым зависимым компонентом, в т. ч. с номинативным приложением <i>быстро вбежал; отель «Рим»</i>	+		
бессоюзный однородный ряд <i>пеналы, книги, тетради, журналы</i>	+		
БСП нетипизированной структуры <i>День близился к вечеру; начинало смеркаться.</i>	+		
координированная предикативная группа <i>Ты не любишь яблоки?</i>		+	
словосочетание с зависимым компонентом адъективного типа склонения <i>зеленое яблоко; твоя улыбка; четвертый позвонок</i>		+	

Типы конструкций	Типы связи		
	коннексия	иннексия (-ЛК)	иннексия (+ЛК)
словосочетание с зависимой падежной формой имени <i>подарил невесте кольцо</i>		+	
словосочетание с зависимой предложно-падежной формой имени <i>променял на книги; выехали из города</i>			+
БСП типизированной структуры <i>Приди ты минутой позже — никого бы не застал.</i>		+	
БСП с ана- / катафорическим элементом <i>Вот что я вам скажу: все это надо переделать.</i>			+
союзный однородный ряд <i>и жизнь, и слезы, и любовь</i>			+
сложносочиненное предложение <i>Сумерки сгустились, и в комнате стало мрачно.</i>			+
сложноподчиненное предложение <i>Когда стемнело, зажглись фонари.</i>			+

ГЛАВА 12

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И СВЯЗЕЙ: ПАРАТАКСИС И ГИПОТАКСИС

1. Изучение истории формирования оппозиций сочинения / подчинения и паратаксиса / гипотаксиса имеет смысл по нескольким причинам. Во-первых, это позволяет обнаружить корни традиции неразличения связей и отношений в синтаксисе, — к сожалению, не преодоленной до сих пор. Во-вторых, только таким путем можно разобраться в запутанных отношениях между этими оппозициями. В-третьих, история этих оппозиций содержит сюжет, который может рассматриваться как весьма поучительный урок для современной лингвистики.

Специальное внимание синтаксическим связям / отношениям стало уделяться в первой половине XIX в., когда успехи сравнительно-исторического языкознания начали побуждать языковедов к пересмотру старых представлений о грамматическом строе живых языков, к обновлению и расширению их синхронного описания, — другими словами, тогда, когда синтаксис начал постепенно выделяться как отдел грамматики со своим собственным понятийным аппаратом. В 1826 г. Ф. В. Тирш (Friedrich Wilhelm Thiersch, 1784–1860) вводит понятия *паратаксиса* и *гипотаксиса*⁷⁰, которые первоначально осмысляются как способы организации сложного предложения (и / или текста), но затем получают и более широкое толкование. Приблизительно к середине XIX в. эта пара понятий приобретает определенную известность. В 1827 г. Н. И. Греч впервые в русской грамматической традиции использует понятия сочинения и подчинения в современном смысле [Греч 1827: 358–367]. К середине XIX в. эта оппозиция закрепляется в русистике — не в последнюю очередь благодаря трудам Ф. И. Буслаева⁷¹.

В данной статье остановимся на первой из этих оппозиций — более спорной и менее известной.

⁷⁰ Во всяком случае, Ф. Тирша считает автором этих понятий Эдвард Моррис [Morris 1901; см., в частности, Chapter VI: Parataxis. P. 113–149].

⁷¹ Комментарий см.: [Виноградов 1978: 79–81].

2. Понятие паратаксиса впервые появляется в 3-м издании «Греческой грамматики...» Ф. В. Тирша (1-е вышло в Лейпциге в 1812 г., 2-е в 1818 г.). Ниже приведен фрагмент из этого издания, текст которого совпадает с текстом 2-го издания, за исключением подчеркнутой фразы:

«Тот, чье самосознание и мышление еще не образовано, едва ли обращает внимание на то, чтобы выразить внутреннюю взаимосвязь своих мыслей: одна мысль оказывается следующей за другой, как звук за звуком, и все они выстраиваются друг за другом в ряд при помощи простейших союзов — *und (и), aber (но)* и под., *ετ, ιακ', εμν', εδ'* и др. Заканчивается одна — начинается другая, не касаясь первой и не предполагая ее. Мы будем называть это простым следованием друг за другом, паратаксисом. Таким простым следованием изъясняется ребенок — так же, как и человек в первобытном состоянии; сходным образом — тот, кто недалеко от него ушел, житель Востока, а часто также эпический поэт»⁷².

Этот фрагмент очевидным образом свидетельствует о том, что, готовя к печати 3-е издание своего труда, Ф. В. Тирш вводит особый термин для понятия, которое уже было сформировано ранее. Второй член оппозиции Ф. В. Тирш первоначально именовал не гипотаксисом, а «собственно синтаксисом» (данный абзац также отличается от соответствующего параграфа 2-го издания, ср. [Thiersch 1818: 481–482 (§ 315.5)]):

«Когда же человеческий дух начинает, разделяя и упорядочивая, проникать в ткань и структуру речи, он скоро замечает, что сопологаемые и следующие друг за другом предложения так же, как и понятия, находятся в различных отношениях и связях между собой: одно возникает, потому что или если ему предшествовало другое — предполагающее,

⁷² Оригинальный текст: «Derjenige, dessen Besinnung über sich selbst und sein Denken noch nicht ausgebildet ist, achtet und bezeichnet es kaum, daß seine Gedanken in einem innern Zusammenhange stehen: ein Gedanke scheint dem andern zu folgen, wie ein Ton dem andern, und alle werden durch die einfachsten Bindewörter der Sprachen, durch *und, aber und dergl., durch ετ, ιακ', εμν', εδ'* u.a. in einer Reihe nach einander gestellt. Ist der eine abgelaufen, dann beginnt der andere, ohne ihn zu berühren oder vorauszusetzen. Wir werden dieses die Nacheinanderstellung, *παράταξις*, nennen. In diesem Nacheinander redet das Kind, so wie der Mensch im Naturstande; ähnlich ihm derjenige, welcher ihm nahe steht, der Orientale und oft auch der epische Dichter» [Thiersch 1826: 592]. Перевод с нем. здесь и ниже мой. — М. Д.

дополняющее, обуславливающее его, связанное с ним, так что второе не может быть ни помыслено, ни понято без первого. Такой способ объединения будет рассматриваться как собственно синтаксис, соединение в узком смысле, которое, в противоположность паратаксису, требует мысленного соединения связанных предложений»⁷³.

Таким образом, изначально понятие **паратаксиса** включало 3 существенных признака: это 1) древнейший, примитивный способ связи, который состоит в 2) простом соположении предложений, исключающем отношения логической обусловленности между ними (греч. *παράταξις* — «выстраивание рядом») и 3) допускающем использование лишь простейших (и древнейших) союзов, подобных русским *и* и *но*.

«**Собственно синтаксис**»⁷⁴, в противоположность паратаксису, понимался как 1) более поздний и более совершенный способ связи, 2) предполагающий отношения обусловленности между предложениями и вытекающую из этого их «соединенность», 3) выражаемую специальными средствами (союзами, местоимениями, частицами и др.). Термин *гипотаксис*, заменивший «собственно синтаксис» Ф. В. Тирша, впервые появляется, насколько можно судить по доступным источникам, в работе Р. Кюнера (Raphael Kühner, 1802–1878) [Kühner 1835: 415]. Была ли эта терминологическая замена предложена самим Тиршем в какой-либо работе, опубликованной между 1826 и 1835 гг., возникла ли она в личной беседе или переписке двух ученых, следует ли приписать авторство термина только Р. Кюнеру — неясно. В доступных списках трудов Ф. В. Тирша искомой работы не обнаруживается; контакты Ф. В. Тирша и Р. Кюнера вполне

⁷³ «So wie aber der menschliche Geist in das Gewebe und Gefüge der Rede scheidend und ordnend einzubringen anfängt, bemerkt er bald, daß die Sätze, welche neben- und nacheinander hervortreten, eben so, wie die Begriffe auf mehr als Eine Art in Verhältniß und Beziehung stehn, so das der Eine eintritt, weil oder wenn der andere vorausging, diesen voraussetzt, ergänzte, bedingt, sich auf ihn bezieht und deshalb ohne denselben weder gedacht noch verstanden werden kann. Die dem gemäß eingerichtete Fügung wird die eigentliche *Syntaxis*, die Fügung im engerm Sinne, seyn, welche, im Gegensatz der *Parataxis* ein *Zusammendenken* der verbundenen Sätze nöthig macht» [там же; разрядка автора].

⁷⁴ Средства русского языка не позволяют выразить специфическую терминологичность этого словосочетания. В оригинале оно выглядит как *die eigentliche Syntaxis*, то есть имеет грецизированную форму, в то время как термин со значением 'синтаксис' и у Тирша, и у его предшественников, и в современных немецких грамматиках имеет латинизированную форму: *die Syntax*.

вероятны, хотя прямого подтверждения в существующих биографиях не получают (первый жил и работал в Мюнхене, второй — в Ганновере). Так или иначе, эта замена завершила формирование оппозиции *паратаксис* vs. *гипотаксис*. Если учесть, что в рассуждениях Ф. В. Тирша, особенно в прямом переносе связей между мыслями на связи между предложениями, явственно ощущается влияние А. Ф. Бернгарди (это одна из центральных идей его обширного труда [Bernhardi 1801–1803]), то можно сказать, что формирование этой оппозиции заняло всю первую треть XIX в.

Выстроенная Ф. В. Тиршем оппозиция, на первый взгляд, вполне симметрична: два понятия противопоставлены друг другу по трем признакам. Тем не менее в ней было заложено основание для ее дальнейших переосмыслений. Дело в том, что по первому признаку противопоставление носило диахронический характер, а по двум другим синхронный — в том смысле, что отсутствие / наличие отношений обусловленности и соответствующих средств связи может равно наблюдаться как в диахронии, так и на синхронном срезе. Кроме того, в высшей степени характерно закрепление отношений обусловленности только за определенными средствами связи (в чем Ф. В. Тирш прямо следует за А. Ф. Бернгарди): здесь как раз и коренится традиция отождествления связей и отношений в синтаксисе.

3. Диахронический аспект противопоставления паратаксиса и гипотаксиса послужил основанием для первого варианта переосмысления оппозиции, который заключается в том, что из понятия паратаксиса незаметно исчезла возможность его оформления союзами типа *и* или *но*. Идея простого, «чистого» соположения предложений как наиболее древнего способа построения текста, без какого бы то ни было специального обозначения связей, возобладала. Именно такое понимание паратаксиса исповедовал А. А. Потебня, распространявший эту оппозицию на синтаксический строй в целом, в том числе на строй простого предложения. Вспомним, что он писал по поводу конструкции с двойным творительным в «Ригведе»:

«Раздавлены ногами слонами не бессмысленно: действительно слонами (то есть их) ногами. Только здесь отношение между двумя вещами никак не выражено, и они изображены, так сказать, на одной плоскости, без перспективы. И насколько отсутствие перспективы в живописи древнее ее присутствия, настолько эти паратактические обороты по типу древнее таких, тоже восходящих в глубокую древность, но более согласных

с нашей привычкой к объединению мыслей, как ногами слонов. Здесь на первом месте — вещь непосредственно действующая, относительный субъект ноги, на втором — вещь, коей принадлежит первая, слонов. Удаление этой последней субстанции на задний план может привести к ее устранению посредством замены прилагательным» [Потебня 1968: 206].

Этому пониманию следует и А. А. Холодович: ср. употребляемые им характерные выражения «первобытный паратаксис целого и части <...> “тожество”, рядоположенность целого и части» [Холодович 1958: 47].

Именно в отсутствии средств выражения синтаксических отношений видит суть паратаксиса и К. Бюлер, когда он в качестве примера древнего паратаксиса приводит опубликованный в диссертации В. Димке (Вена, 1934) фрагмент древнеегипетского текста из «Истории Синухета». Вот этот фрагмент:

«Я совершил хождение на юг | я не намеревался идти в резиденцию | я полагал: возникнут битвы | я не верил: я буду жить после них | я перешел воды Маати недалеко от Сикоморы | я пришел на остров Снефру | я пробыл там на поле | я отправился рано | начинался день | я встретил человека — стоящим поблизости | он приветствовал меня почтительно | он боялся | подходило время ужина | я приближался к “городу быков” | я переправился туда на корабле — не было на нем руля — в веянии западного ветра | я проследовал мимо... | я направил свои стопы на север...» [Бюлер 1993: 364].

Некоторые пары предложений этого фрагмента допускают осмысление только в терминах подчинения:

а) *я не намеревался идти в резиденцию, так как я полагал, что возникнут битвы;*

б) *я не верил, что я буду жить после них;*

в) *он приветствовал меня почтительно, так как он боялся.*

Однако осмысление других пар (и более сложных объединений) может быть амбивалентным, а в некоторых случаях (е, ж) допустимо осмысление только в терминах сочинения (если, конечно, не заменять личные местоимения относительными):

г) *Когда я совершил хождение на юг, я не намеревался идти в резиденцию;*

г') *Я совершил хождение на юг, но я не намеревался идти в резиденцию;*

д) *после того как я перешел воды Маати недалеко от Сикоморы, я пришел на остров Снефру;*

д') *я перешел воды Маати... и я пришел на остров Снефру;*

е) *я полагал, что возникнут битвы, и (а) я не верил, что я буду жить после них;*

ж) *я встретил человека... и он приветствовал меня почтительно.*

Таким образом, при первом варианте переосмысления исходной оппозиции паратаксис превращается в своеобразный исходный ноль синтаксической техники: только соположение (словоформ, предложений) — и больше никаких средств материального воплощения синтаксических отношений. Тот факт, что допускаемая этим пониманием возможность реконструкции подчинительных отношений (обусловленности) прямо противоречит исходной трактовке Ф. В. Тирша, во внимание не принимается. Применительно к сложному предложению трактуемое таким образом понятие паратаксиса оказывается тем же, что асиндетон⁷⁵, бессоюзие.

4. Второй вариант переосмысления исходной оппозиции состоит в ее отождествлении с оппозицией сочинения и подчинения. Это было сделано уже Р. Кюннером: он употребляет обе пары терминов как синонимичные [Kühner 1835: 415]. Формулировка: «Паратаксис — то же, что сочинение» — с незначительными вариациями абсолютно преобладает во всех справочных изданиях (в том числе и лингвистических, см. [Русский язык 1979; ЛЭС 1990]). В этом случае исключается первое, принципиальное для Ф. В. Тирша, противопоставление паратаксиса гипотаксису — по хронологическому признаку. Показательно, что Тирш, который мог бы воспользоваться готовой парой понятий и терминов, детально разработанной А. Ф. Бернгарди, а именно понятиями *Coordination* vs. *Subordination* (сочинение vs. подчинение), предпочел создать иную понятийную пару: можно полагать, что ему было важно подчеркнуть именно хронологическую противопоставленность паратаксиса гипотаксису, отсутствующую в оппозиции А. Ф. Бернгарди.

5. Чтобы убедиться в сосуществовании в ментальном пространстве современной лингвистики разных вариантов переосмысления

⁷⁵ Различие в том, что асиндетон всегда осмыслялся как стилистическая фигура, понятие же паратаксиса вводилось как стилистико-грамматическое. Любопытно, что в англоязычной версии статьи Википедии присутствует отсылка к понятию паратаксиса, в то время как в русско- и немецкоязычной — нет [<http://en.wikipedia.org/wiki/Asyndeton>, <http://ru.wikipedia.org/wiki/Бессоюзие>, <http://de.wikipedia.org/wiki/Asyndeton>].

оппозиции паратаксиса и гипотаксиса, достаточно сравнить одноименные статьи Википедии на русском, английском, немецком и французском языках (учитывая общедоступность этих ресурсов, в целях экономии места отсылаем читателя к ним, подчеркнув лишь, что речь идет не о разноязычных версиях одной и той же статьи, но о разных статьях, посвященных одному понятию: [<http://ru.wikipedia.org/wiki/Паратаксис>], [<http://en.wikipedia.org/wiki/Parataxis>], [<http://de.wikipedia.org/wiki/Parataxe>], [<http://fr.wikipedia.org/wiki/Parataxe>].

Русско-, англо- и франкоязычные статьи совпадают в трактовке паратаксиса как бессоюзного способа организации сложного предложения (или текста), однако различаются тем, что в русской и во французской заглавное понятие имеет явно грамматический характер, в английской же ему придан характер стилистический. Немецкоязычная статья совпадает с русской и французской в подаче заглавного понятия как грамматического, но резко отличается от трех других отождествлением паратаксиса с сочинением. Из франкоязычной статьи нельзя понять, как трактуется гипотаксис: подчеркнут свойственный ему выраженный характер отношений, но неясно, какие отношения имеются в виду — любые или только подчинительные.

Расширенное понимание паратаксиса как непроявленности синтаксического отношения, а гипотаксиса как выраженного подчинения распространяет оппозицию на синтаксический строй в целом и поэтому прежде всего — на строй простого предложения. Это понимание (с соответствующей трактовкой всей оппозиции) закрепилось в исследованиях по историческому синтаксису. (Повторим, что фактически оппозиция и вводилась применительно к истории языка. Существенно обратить внимание на вторую часть названия труда Ф. В. Тирша: «Греческая грамматика, преимущественно Гомеровского диалекта».) Главный вектор развития синтаксических систем индоевропейских языков, намеченный А. А. Потебней, предстает в этих терминах как движение от господства более древнего паратаксиса — к господству гипотаксиса. Из современных историков русского синтаксиса следует назвать З. К. Тарланова, последовательно развивающего и углубляющего концепцию А. А. Потебни [Тарланов 1999].

Существенны еще два момента. Во-первых, расширенная трактовка паратаксиса чаще применяется к простому предложению. Во-вторых, и в тех случаях, когда она применяется к сложному предложению, она обычно не сопровождается расширенной трактовкой гипотаксиса, которая возможна.

Показательно в этом смысле, что, когда К. Бюлер демонстрирует различие между паратаксисом и гипотаксисом на примере отрывка из древнеегипетской «Истории Синухета», оказывается, что все отношения между предложениями этого фрагмента он склонен оформлять средствами подчинительной связи, хотя, как было показано выше, в ряде случаев смысловые отношения между предложениями либо допускают, либо даже требуют использования сочинительного союза. К. Бюлер эти возможности не оговаривает и для перифразы использует лишь часть приведенного фрагмента, весьма естественно принимающую средства только подчинительной связи:

начинался день | я встретил человека — стоящим поблизости | он приветствовал меня почтительно | он боялся

Когда настал день, я встретил человека, *который* с почтением приветствовал меня, *поскольку* он боялся

[Бюлер 1993: 365]

Из этого можно было бы вывести, что в сфере сложного предложения (текста) действовала та же тенденция, что и обрисованная А. А. Потебней в сфере простого предложения. Но такой вывод был бы неверен. Тенденция, насколько можно судить, заключалась в постепенном формировании самой категории сложного союзного предложения, которое шло сразу несколькими путями из разных источников-субстратов: из диалога (по гипотезе С. О. Карцевского), из простого осложненного предложения и из текста (Н. С. Поспелов)⁷⁶. Нет никаких оснований полагать, будто кристаллизация средств подчинения играла в этом процессе ведущую роль. Развитие системы сочинительных союзов не отставало от развития системы подчинительных союзов — как не отстает и сейчас: достаточно вспомнить о сравнительно молодой, но весьма представительной и активной группе градационных сочинительных союзов (*не только... но и...* и др.).

6. Итак, оппозиция паратаксиса — гипотаксиса, завоевавшая относительно прочное положение в диахронической лингвистике, закрепить за собой подобное положение в синхронном синтаксическом

⁷⁶ Диалог и текст, широко использующие средства, квалифицируемые сегодня как сочинительные союзы, служат источником сложносочиненного предложения; простое осложненное предложение — сложноподчиненных предложений нерасчлененной структуры (по Н. С. Поспелову, одночленных), текст — сложноподчиненных предложений расчлененной структуры (двучленных).

описании не смогла — прежде всего в силу того, что она и не была предназначена для синхронного описания. Кроме того, формирующие оппозицию понятия недифференцированно обозначают как синтаксические отношения, так и связи. Такое положение дел не могло не привести к развитию в понятии паратаксиса «недостающего» компонента содержания: этим термином стали обозначать отношения равноправия (о которых Ф. В. Тирш говорить избегал), противопоставленные отношениям зависимости. Структура оппозиции «выровнялась», но при этом она стала дублировать другую оппозицию, детально обоснованную А. Ф. Бернгарди и введенную в русскую грамматическую традицию Н. И. Гречем (который предпослал своей «Пространной русской грамматике» [1827/1830] эпиграф из сочинения Бернгарди). Поэтому в синхронной лингвистике паратаксис начали осмыслять как синоним сочинения. Так была подготовлена почва для вытеснения оппозиции паратаксиса — гипотаксиса из понятийного аппарата синхронного синтаксического описания.

И последнее. Ф. В. Тирш, как и его последователи, был склонен представлять систему синтаксических связей как моноцентрическую: древнее господство паратаксиса со временем сменяется господством гипотаксиса. Однако синхронное описание склоняется к бицентрическому представлению системы синтаксических связей, к сложной диалектике взаимодействия в ней двух (по меньшей мере) начал. Такой подход оправдывается более чем двухвековым опытом осмысления синтаксических явлений, отдельные эпизоды которого мы попытались восстановить.

ГЛАВА 13

КАК-КОНСТРУКЦИЯ В ФОКУСЕ КОНКУРЕНЦИИ ДВУХ БАЗОВЫХ НАЧАЛ СИНТАКСИСА

1. В синтаксических построениях обнаруживаются два ряда явлений, которые в известном смысле могут быть противопоставлены друг другу: это явления синтаксической **организации** и синтаксической **композиции**.

Синтаксическая организация заключается в установлении связей, манифестирующих определенные смысловые отношения. Как связи, так и отношения при этом чаще всего поддаются более или менее удовлетворительной квалификации: может быть выявлен грамматический характер первых и логико-смысловая специализация вторых. Примером может служить, допустим, глагольно-именное словосочетание типа *добираться трамваем*, где выражение связи грамматическим средством очевидно — так же, как и обстоятельственно-объектное логико-смысловое отношение *медиатива* 2 (по [Золотова 1988]), на которое указывает эта связь во взаимодействии с лексическими значениями компонентов.

Синтаксическая композиция заключается в определенном (допускающем вариативность) расположении компонентов на синтагматической оси — при проблематичности констатации собственно грамматического характера связи и затрудненной квалификации выражаемых при этом смысловых отношений. Простейший случай синтаксической композиции в этом понимании — соположение компонентов, например, в перечислительном ряду, выбор способа их объединения (с союзами или без них, попарно или нет и под.). Еще более актуально понятие синтаксической композиции применительно к русскому порядку слов, в котором — если говорить о сильно распространенном и осложненном предложении — далеко не все объясняется потребностями актуального членения, стилистическими соображениями, коммуникативной стратегией говорящего (Т. Е. Янко), когнитивной моделью дискурса (О. Йокояма). Необходимо подчеркнуть, что речь идет о синтаксической композиции внутри предложения, а не за его пределами.

Мысль о целесообразности различения двух этих понятий не нова: С. Г. Ильенко высказывала ее (в частности, в лекциях для слушателей ФПК) довольно давно. Ниже будем исходить из иной

пары понятий, восходящей тем не менее к указанной мысли о разграничении синтаксической организации и синтаксической композиции.

Словосочетание «синтаксическая композиция» употребляется — чаще всего применительно к текстам художественных произведений — в ином значении: так, например, В. М. Жирмунский, говоря о синтаксической композиции стихотворений А. Ахматовой, имеет в виду стилистические функции синтаксических конструкций. Он подчеркивает: «для стилистики существенно не столько перечисление языковых категорий, сколько выяснение их художественной функции в определенной системе стиливого единства»; в центре его внимания — противопоставление «“логического синтаксиса” Ахматовой... “эмоциональному”, “романтическому” синтаксису символистов» [Жирмунский 1928/2001: 716–717]. Употребление данного сочетания в этом значении давно стало традиционным, ср. хотя бы [Гаспаров, Поливанов 2005: 83–84]. В качестве отличительного признака «зауми» рассматривал синтаксическую, фонетическую и другие композиции Б. Арватов — в контексте противопоставления «коммуникативного речетворчества» «композиционному речетворчеству» [Арватов 1923].

Применительно к тексту же, но уже в ином значении, этот терминоид употребляется школой Г. А. Золотовой (см. раздел «О композиции текста» в [Золотова и др. 1998: 440–469]); М. Ю. Сидорова рассматривает синтаксическую композицию как взаимодействие регистровой композиции с синтаксическими конструкциями и — шире — как «взаимообусловленную организацию системы событий и системы сознаний» [Сидорова 2000: 367]; это же понятие используется в [Онипенко 2005, Сидорова 2005], ср. формулировку: «Монтаж коммуникативных регистров и понятие синтаксической композиции». Один из удачных вариантов конкретизации этого понятия содержится в [Чжан Юйпин 2008: 13]; ср. также [Качесова 1998].

Таким образом, термин «занят». Несколько лет назад мною была предложена терминологическая пара *иннексия* / *коннексия* (см. гл. 9–10 наст. изд.). Однако задача этой пары, вопреки первоначальному замыслу, оказалась шире терминологического разведения несовпадающих понятий: есть основания думать, что коннексия и иннексия могут интерпретироваться как два базовых принципа не только синтаксических построений, но организации языковых структур вообще.

2. Задача этой работы — проследить взаимодействие коннективного и иннективного начал на материале конструкций с союзом *как* вне сравнительного значения⁷⁷, например:

(1) *Я отвечал с негодованием, что я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачеву вступать и никаких поручений от него принять не мог* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

2.1. Такие конструкции, с позиций очерченного выше подхода, должны квалифицироваться как иннективные: кроме союза *как*, являющегося средством иннективного синтаксиса по определению, они характеризуются согласованием с формой субъекта (ср.: (1а) *Я отвечал, что мне, как преподавателю и вообще мужчине, неудобно обращаться к студентке с подобной просьбой*). Тем не менее в некоторых случаях они демонстрируют отчетливую тенденцию к превращению в явления коннективного синтаксиса. К факторам, которые вообще делают возможным проявление этой тенденции, можно отнести следующие признаки рассматриваемой конструкции:

- а) неизосемичность — в том смысле, что ни для одного из значений, кроме сравнительного, *как*-конструкция не является прототипическим средством выражения;
- б) интонационную обособленность;
- в) пропозициональный характер содержания, то есть свернутую (потенциальную) предикативность;
- г) наличие союза *как*.

Третий из этих признаков, тесно связанный со вторым, означает способность *как*-конструкции функционировать на правах вторичного предиката. Под вторичным предикатом в данном случае понимается компонент предложения, отвечающий следующим требованиям:

1) отнесенность к семантическому субъекту (в этом случае из рассмотрения исключаются конструкции типа *Я знал его как талантливого музыканта*, где *как*-конструкция соотносена с объектом; другими словами, вторичная предикативность и полупредикативность не рассматриваются как тождественные понятия);

2) возможность перифразы, выводящей вторичный предикат на уровень первичного (*Как зрелый музыкант, он уже не нуждался*

⁷⁷ Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить коллег, которые привлекли мое внимание к этим конструкциям: Оксану Брандес, которая в 2005–2007 гг. работала над магистерской диссертацией о русских *как*-конструкциях в роли вторичного предиката (диссертация была успешно защищена в Ольденбургском университете им. Карла фон Оссиецки), и ее научного руководителя проф. Г. Хентшеля (Prof. Dr. Gerd Hentschel).

ни в чем руководстве → Он был уже зрелый музыкант и [поэтому] не нуждался ни в чем руководстве);

3) отсутствие признаков, характерных для первичного предиката (например, формы творительного предикативного); по этому признаку различаются составное именное сказуемое с так называемой знаменательной связкой (*Лектор выходит из аудитории вполне удовлетворенным*) и конструкция с вторичным предикатом (*Лектор выходит из аудитории вполне удовлетворенный*)⁷⁸;

4) возможность свободного перемещения по предложению, в том числе способность занимать инициальную позицию при сохранении порядком слов качества нейтральности (*Лектор, вполне удовлетворенный, выходит из аудитории / вполне удовлетворенный, лектор выходит из аудитории* — при явной экспрессивности варианта *Вполне удовлетворенным лектор выходит из аудитории*: в последнем варианте, в отличие от двух первых, очевидна разговорно-экспрессивная инверсия темы и ремы).

Не в каждом случае *как*-конструкция приобретает признаки вторичного предиката (условия рассмотрим ниже); однако если это происходит, то тем самым возникает сильный фактор подавления иннективного начала, лежащего в основе конструкции.

Последний из названных признаков, способствующих превращению *как*-конструкции в явление коннективного синтаксиса, также требует комментария. Дело в том, что союз *как* чаще всего употребляется с формой именительного падежа, ср. результаты, выданные поисковой системой Google и Национальным корпусом русского языка:

Преобладание формы именительного падежа над формами косвенных падежей в сочетании с союзом *как* очевидно: количество контекстов с формой им. п., выданных Google, больше суммарного количества контекстов с формами всех косвенных падежей. Это ведет

⁷⁸ «Основное направление в развитии именного сказуемого в древнерусском языке заключалось в том, что падежная форма имени в этом сказуемом изменялась: в истории русского языка шло движение от именительного предикативного к творительному предикативному. Прежде всего такое изменение возникало тогда, когда именная часть сказуемого была выражена существительным» (Иванов 1990: 375). Отсюда следует, что в паре *И. предикативный* vs. *Т. предикативный* маркированным является второй член. Использование формы им. п. в этом случае следует истолковывать не как синтаксический архаизм, а как высвобождение предикативного имени из-под диктата «знаменательной связки» — как если бы пару лошадей, запряженных цугом, перепрягли, поставив не друг за другом, а рядом.

к осознанию употребления *как* с им. п. как наиболее типичного — если не как прототипического⁷⁹. Отсюда, в свою очередь, вытекает потенция утраты согласования с субъектной словоформой и приобретения консинтаксического признака взамен инсинтаксического.

запрос	количество контекстов		запрос	количество контекстов	
	Google	НКРЯ		Google	НКРЯ
«как от человека»	3 490	—	«как человека»	349 000	8 466
«как человеку»	148 000	1 073	«как с человеком»	33 000	424
«как к человеку»	55 600	—	«как о человеке»	135 000	347
«как человек»	1 520 000	8 825			

2.2. Рассмотрим дополнительные факторы, влияющие на поведение *как*-конструкции в предложении.

По результатам выборки (141 пример), полученной при помощи электронной библиотеки «Русская литература от Нестора до Маяковского» (М.: Directmedia Publishing, 2003), можно судить о 5 значениях несравнительной конструкции с союзом *как*⁸⁰:

А) причина, основание поступка, положения дел — ср. (1); количество примеров в выборке — 75;

Б) причина, основание речевого действия:

(2) *Я как врач могу засвидетельствовать то, что ваше предсказание вполне подтвердилось* (Л. Н. Толстой. Плоды просвещения); количество примеров в выборке — 17;

В) «образ», «способ» действия (чаще с рематическим акцентом на обороте с союзом *как*):

⁷⁹ Контексты, выданные поисковыми системами в ответ на запросы, в некоторых случаях представляли собой случайные совпадения с рассматриваемой конструкцией (напр.: *Две стороны человеческого отношения к миру К. Маркс видит, далее, в том, что любое отношение человека — как к человеку, так и к природе — должно быть выражением воле (Äusserung) тоже двояко...* // http://www.wtschaelike.ru/?page_id=53). Однако нас интересует здесь частотность употребления падежных форм с союзом *как* именно во всех случаях, не зависимо от типа конструкции.

⁸⁰ Рубрикация значений и распределение материала по рубрикам до известной степени условны: значения часто переплетаются. Однако тот факт, что в связи с различными значениями обнаруживаются различные тенденции поведения *как*-конструкции, оправдывает и попытку разграничения значений. Пунктуационное оформление *как*-конструкции во внимание не принимается, так как ни о какой пунктуационной норме, которая была бы единой для авторов XIX–XX вв. и их редакторов разных эпох, говорить не приходится.

(3) *Нет, князь, не поймет! Аглая Ивановна любила как женщина, как человек, а не как... отвлеченный дух* (Ф. М. Достоевский. Идиот); количество примеров в выборке — 11;

Г) «образ», «способ» речевого действия (тоже чаще с рематическим акцентом на обороте с союзом *как*):

(4) *Ну, Байгузин, я же тебя как человек прошу. Ну, просто, как человек, а не как начальник* (А. И. Куприн. Дознание); количество примеров в выборке — 11;

Д) аспект личности (как правило, в оценке другого лица):

(5) *Берендя тоже с жаром и страстностью набросился на чтение и постепенно приобрел некоторое уважение в кружке как человек начитанный, с громадной памятью, как ходячая энциклопедия всевозможных знаний* (Н. Г. Гарин-Михайловский. Гимназисты); количество примеров в выборке — 27.

Эти значения небезразличны к синтаксическим функциям *как*-конструкции и, соответственно, к ее позиции в высказывании.

Конструкции групп А и Б, имеющие причинное значение, как правило, находятся в препозиции к составу сказуемого: в первой группе в 65 случаях из 75 (86,6%), во второй — в 13 из 17 (76,4%). Причина / основание предшествует следствию / выводу, что и отражается — как видим, довольно регулярно — порядком следования компонентов. При этом препозиция к сказуемому иногда оказывается и препозицией к предикативной группе в целом — соответственно, в 24% и в 17,6% случаев. Доминирующим в этих группах оказывается тип расположения компонентов, отраженный в примерах (1) и (2); см. дополнительные примеры: (6) *И Биркопф, как человек сметливый, тотчас воспользовался исключительностью своего положения: пил мертвую и спал с утра до вечера* (И. С. Тургенев. Записки охотника); (7) *Заметив это, Коньков, как человек воспитанный, встал и представился* (Тэффи. Страшный ужас).

Конструкции групп В и Г, напротив, тяготеют к постпозиции по отношению к составу сказуемого: в обеих группах по 9 случаев из 11 (81,8%). Дополнительные примеры: (8) *В черном изыщном сюртуке, он (доктор. — М. Д.) походил на лектора и двигался как человек, вполне владеющий своей аудиторией* (Н. С. Гумилев. Тень от пальмы); (9) *Я говорю с вами как отец и как человек* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы).

Наконец, конструкции группы Д в 19 случаях из 27 (70,3%) находятся в препозиции к сказуемому, причем в 14 случаях (51,8%) — в препозиции ко всей предикативной группе. Доминирующим в этой

группе, следовательно, оказывается тип: (10) *Как человек, он* (Иудушка. — М. Д.) *скорбел; как христианин — роптать не осмеливался* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Стоит обратить внимание и на содержание *как*-конструкции в связи с типами предикатов. В группах А и Б имеем чаще всего глагольные предикаты, семантика которых разнообразна (акциональные, статальные, редко — характеризующие): указанием на причину может сопровождаться сообщение о любом действии или состоянии. Семантика предикатов в этой группе включает оценочный компонент только в случае редкого характеризующего значения. Что же касается состава *как*-конструкции, то, хотя частотны нераспространенные реализации (*как офицер, как дворянин*), она допускает и сильное распространение: *как человек тонкий и действующий наверняка* (Н. В. Гоголь. Мертвые души), *как человек не слишком образованный и уже вовсе не «субтильный»* (И. С. Тургенев. Записки охотника), *как человек, недавно сюда приехавший, как родственник* (И. С. Тургенев. Дворянское гнездо), *как человек, проводивший в боях целые годы* (В. Я. Брюсов. Огненный ангел).

В группе В предикаты также глагольные и имеют либо акциональную, либо статальную семантику, в группе Г — семантику речевого действия; оценочный компонент в обоих случаях отсутствует. *Как*-конструкция чаще распространена, иногда довольно сильно: *не как негодующий юноша, а как человек, обдумавший, что делает, сколько теряет* (А. И. Герцен. С того берега), *не как ветреный и пустой мальчишка, а как человек, глубоко сознающий всю черноту своего поступка, который омывал его кровавыми слезами, но поступить иначе не мог* (А. Ф. Писемский. Тысяча душ), *как иерей и как человек с незлобивой душой* (Л. Н. Андреев. Жизнь Василия Фивейского).

В группе Д в половине случаев предикаты адъективные и субстантивные; глагольные предикаты чаще имеют семантику, связанную с описанием человеческих взаимоотношений (*приобрел уважение, поселился в ее памяти, боялся уронить достоинство, горжусь* и т. п.). В подавляющем большинстве случаев предикаты содержат оценочный компонент (*интересный, был серьезнее, враг, друг, развалина, недогадало, обижен*). *Как*-конструкция чаще всего не распространена или распространена минимально (*как человек, как орудие, как художник, как автор, как человек небогатый*).

Таким образом, значение, в котором используется *как*-конструкция, тесно связано с характером высказывания и действительно оказывает влияние на ее положение и функции в предложении.

2.2.1. Значение образа / способа действия в наибольшей степени способствует сохранению иннективных свойств *как*-конструкции: оно придает ей характер обстоятельственного приглагольного распространителя — связь с подлежащим-субъектом при этом никак не актуализирована, приглушена — и мотивирует ее постпозицию по отношению к сказуемому, причем наиболее характерна в этих случаях контактная постпозиция, исключающая отрыв от глагольного слова. Существенно также, что союзный оборот в данном значении, как правило, рематически подчеркнут (см. примеры выше). Еще один выразительный пример:

(11) *Я правил дуэли не знаю, черт их побери совсем, и знать не желаю и рассуждаю не как секундант и всякая штука, а как человек и все* (А. П. Чехов. Дуэль).

Предшествование *как*-конструкции в данном значении предикативной группе в целом встретилось в данной выборке всего 1 раз (из 22 случаев):

(12) *Он (незнакомец. — М. Д.) вышел и, возвратясь, принес все, о чем говорил, из санок. Как человек привычный к этому делу, он подсел в кружок и совершенно сельским наречием, с разными прибаутками, потчевал пряничными петушками, раздаривал самым пригоженьким ленты, пуговицы на сарафаны, сережки со стеклами и тому подобные безделки, наливал парням водку и даже уговорил некоторых молодую прихлебнуть сладкой наливки* (А. Бестужев. Страшное гаданье)⁸¹.

В значении образа действия *как*-конструкция (далее — «K_{обр}») чаще всего не отличается интонационной обособленностью или обособлена минимально. Кроме того, при возможности образования соответствующего наречия она допускает вполне адекватную перифразу — однако не вскрывающую пропозициональное содержание, а, наоборот, сводящую его до уровня сирконстанта:

(3') *Нет, князь, не поймет! Аглая Ивановна любила как женица-на, как человек, а не как... отвлеченный дух* → (3'') *Нет, князь, не поймет! Аглая Ивановна любила по-женски, по-человечески...*;

⁸¹ В примере значение *как*-конструкции может быть истолковано исключительно как образ / способ действия; значения причины, мотивировки, аспекта личности в данном случае исключены, поскольку речь идет о *незнакомце* (впоследствии оказавшемся дьяволом), поведение которого описывается отнюдь не всеведущим повествователем, а, наоборот, участником событий, который позже, по своему неведению, и окажется жертвой дьявольского умысла.

(4') Ну, Байгузин, я же тебя как человек прошу. Ну, просто, как человек, а не как начальник → (4'') Ну, Байгузин, я же тебя по-человечески прошу. Ну, просто, по-человечески, а не...

В связи с этим можно полагать, что выбор в таких случаях $\kappa K_{\text{обр}}$ обусловлен, помимо смысловых оттенков, различающих соответствующие имена и наречия, как раз невозможностью образования отыменных наречий от таких существительных, как *дух*, *начальник* и т. д.

Впрочем, нужно оговорить, что речь идет не о закономерностях, а о тенденциях. Описанное положение дел является наиболее распространенным, но отнюдь не единственно возможным. Исключительно иннективный характер может носить *как-конструкция* и в ином — аспектном — значении, если ее функция сведена, например, до уровня присловного распространителя с выраженным атрибутивным значением:

(13) *Губернатор был в странном положении — сказать даме о такой вещи, которая, по его понятию, должна была убить ее; он решился лучше успокоить ее:*

— *Сказать вам этого я не могу, тем более что все это, может быть, пустяки, которые пустяками и кончатся, а между тем нам всем очень дорого ваше спокойствие; мы вполне симпатизируем вашему положению как женщины и как прелестнейшей дамы* (А. Ф. Писемский. Русские лгуны).

Любопытно отметить, что в (13) генитивная форма *как-конструкции* не может рассматриваться как результат согласования, в отличие от (1а). Можно было бы попытаться интерпретировать ее как след отброшенного варианта **положению вас как женщины*, — если бы не его неприемлемость, ведущая к регулярной замене атрибутивно-посессивного генитива на соответствующее притяжательное местоимение (то есть никакого отброшенного варианта и не было). Форма *как-конструкции* должна рассматриваться здесь, по-видимому, в качестве союзно-генитивной синтаксемы статусно-атрибутивного значения с функцией присловного распространителя. Однако последнее требует уточнения: данная синтаксема способна служить распространителем только при атрибутивно-субъектных словосочетаниях типа *мое состояние*, *состояние Иванова*. В отсутствие указания на субъект состояния данная синтаксема не функционирует.

Напротив, при известных условиях *как-конструкция* со значением образа / способа (речевого) действия может быть вырвана из приглагольной позиции и лишена рематической ударности:

(14) *Так она (Валентина. — М. Д.) решила... и вдруг, не как человек, а как женщина, вместо резких и гордых слов, произнесла слегка дрожащим голосом, отвечая на его полупризнание:*

— *Вы именно сегодня хотите сходства настроений. Отчего?*
(З. Н. Гиппиус. Златоцвет).

Ясно, что условия, повлекшие за собой в (14) изменение позиции и функции, суть: а) приобретение *как*-конструкцией явного причинного оттенка; б) наличие в предложении других обстоятельств образа / способа действия. Однако и в этой позиции $\kappa K_{\text{обр}}$ вполне допускает наречную перифразу.

2.2.2. Причинное значение, формируя типичный дуплексив, ставит *как*-конструкцию в положение, наиболее близкое к вторичным предикатам. В отсутствие дополнительных факторов, влияющих на словопорядок (например, рематический акцент на причине и / или совмещение причинного значения с аспектным⁸²), расположение конструкции с причинным значением, как уже было отмечено, носит иконический характер: причина предшествует следствию. Иконичность словопорядка в этом случае должна, в принципе, допускать равную вероятность двух вариантов:

- (а) $S - \kappa K_{\text{прич}} - P$ и
(б) $\kappa K_{\text{прич}} - S - P$ ⁸³.

Статистикой это предположение не подтверждается. При равновероятности (а) и (б) из 86,6% и 76,4% случаев препозиции $\kappa K_{\text{прич}}$ к P (в группах А и Б соответственно) мы имели бы половинное распределение этих величин между вариантами. На деле же вместо половинного распределения имеем:

группа А (всего 86,6%)		группа Б (всего 76,4%)	
(а)	(б)	(а)	(б)
62,6%	24%	58,8%	17,6%

Этот факт следует истолковывать, по-видимому, в том смысле, что $\kappa K_{\text{прич}}$, выполняя функцию вторичного предиката, сохраняет связь с субъектом-подлежащим — достаточно прочную для того, чтобы в большинстве случаев иконичного словорасположения конструкция

⁸² Ср.: (15) — *Товарищ, будьте добры, дайте мне ключи от аптеки. Я говорю вам, как врач* (М. А. Булгаков. Записки юного врача).

⁸³ S — подлежащее-субъект, $\kappa K_{\text{прич}}$ — *как*-конструкция с причинным значением, P — сказуемое.

не была вытеснена в детерминантную позицию, а оставалась в контактной постпозиции при подлежащем. Эта позиция (между компонентами предикативного центра), в свою очередь, весьма выразительно фиксирует двойную подчиненность вторичного предиката и является наиболее сбалансированной, равновесной — ср. дополнительный пример:

(16) *Вы, как человек тонких эмоций, как Божьей милостью поэт, меня поймете!* (А. Аверченко. Шутка мецената).

Не случайным кажется в связи с этим тот факт, что суммарное количество примеров групп А и Б составляет большую часть всей выборки (92 из 141), то есть в данной разновидности несравнительная как-конструкция наиболее продуктивна.

Интонационная обособленность $\kappa K_{\text{прич}}$ существенно выше, нежели $\kappa K_{\text{обр}}$. Возможность перифразы, сводящей $\kappa K_{\text{прич}}$ до уровня сирконстанта, даже при существовании соответствующего наречия — исключена:

(1') *Я отвечал с негодованием, что я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачеву вступать и никаких поручений от него принять не мог* → (1'') **Я отвечал с негодованием, что я по-офицерски и по-дворянски ни в какую службу к Пугачеву вступать и никаких поручений от него принять не мог;*

(17) *Теперь в земских учреждениях я, как дворянин, не вижу ничего, что бы содействовало моему благосостоянию* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина) → (17') **Теперь в земских учреждениях я по-дворянски не вижу ничего, что бы содействовало моему благосостоянию.*

Между тем возможность предикативной перифразы здесь настолько очевидна, что в иллюстрациях не нуждается.

2.2.3. Аспектное значение влечет статистически наиболее частотное расположение как-конструкции ($\kappa K_{\text{асп}}$) в детерминантной позиции: более чем в половине случаев. Предикативная перифраза $\kappa K_{\text{асп}}$ сомнительна, поскольку бессмысленна, ср.:

(18) *Вронский крепко пожал протянутую руку Сергея Ивановича. — Да, как орудие, я могу годиться на что-нибудь. Но, как человек, я — развалина, — с расстановкой проговорил он* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина);

(19) *Толстой из этой мглы поднял голову: «К идеалу!»*
Как писатель, он (Лев Толстой. — М. Д.) *ниже Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Но как человек и благородный человек, он выше их всех...* (В. В. Розанов. Опавшие листья)

Но столь же сомнительна и наречная перифраза κΚ_{асп}.

Можно полагать, следовательно, что, в отличие от *как*-конструкции в причинном значении, κΚ_{асп} лишена вторичной предикативности. Ее назначение состоит не в том, чтобы дополнительно предикативовать субъект путем указания на причину его поступка, состояния, мнения, а в том, чтобы очертить семантические границы сферы, в которой действительна (истинна) первичная предикация: такая семантическая функция типична как раз для детерминанта.

Интонационная обособленность κΚ_{асп} ощутима не меньше, чем в случае κΚ_{прич}. В соединении с детерминантной позицией она создает максимальную степень синтаксической независимости *как*-конструкции: ее связи с предикативным центром не уничтожены, но существенно ослаблены; ее позиция по отношению к предикативному центру не поддерживает представление об этих связях, а наоборот. Создаются, таким образом, условия для перевеса коннективного начала: ситуация, в сущности, парадоксальная, если помнить о том, что κΚ изначально имеет иннективную природу.

В разговорном синтаксисе коннективное начало очень часто и перевешивает. То же, однако, можно иногда наблюдать и в совершенно иной сфере, нежели разговорная речь:

(20) *Штабс-капитан Краут был белокурый красивый бойкий офицер с большими рыжими усами и бакенбардами; он говорил по-русски отлично, но слишком правильно и красиво для русского. В службе и в жизни он был так же, как в языке: он служил прекрасно, был отличный товарищ, самый верный человек по денежным отношениям; но просто как человек, именно оттого, что все это было слишком хорошо, — чего-то в нем не доставало* (Л. Н. Толстой. Севастополь в августе 1855 года).

Названные выше тенденции приводят в (20) к утрате *как*-конструкцией формы косвенного падежа, по сути — к утрате изменяемости, то есть свойства, в решающей мере определяющего ее изначально иннективный характер. В этом случае можно говорить о практически полной победе коннективного начала над иннективным: ведь и союз *как*, употребление которого в несравнительной функции при осложнении простого предложения неразрывно связано с принципиальной изменяемостью вводимой им словоформы (он служит посредником между *с о г л а с у е м ы м и* формами), — здесь отчасти утрачивает роль союза, превращаясь в десемантизированный коннектор, в роли которого может выступать и частица. Результат всех этих процессов приближается к типичным разговорным

конструкциям с дифференцированными топи́ком и подлежащим-те́мой: *Воробьи / они ведь никуда не улета́ют* (пример из [Ахутина 1989/2008: 49]). Впрочем, разговорная конструкция с «вторым прономинальным подлежащим» получила настолько широкое распространение, что едва ли не утрачивает разговорную окрашенность — во всяком случае, свободно используется в художественной речи: *Брат Касым / он всего лишь богат* (В. Смехов); *Ну вот твой начальник, «новый русский» — он чем занимается?* (Т. Осипцова); *А Кушнер — он невыездной!* (А. Басков); в публицистике: *Бригадир — он за все в ответе и за ребят своих должен стоять горой* (Смена, 16.07.1982); *А Пушкин, он без швов, не сшит, но соткан — начнешь перекраивать, только испортишь* (В. Непомнящий // Культура СИ, 6.06.2008).

3. Трехуровневая модель синтаксиса, предложенная Т. В. Ахутиной в указанной работе (смысловый синтаксис — семантический синтаксис — формально-грамматический синтаксис, причем при порождении высказывания процессы на всех трех уровнях идут одновременно, но с некоторым отставанием второго от первого, а третьего от второго), не только хорошо согласуется с изложенными представлениями о конкуренции в «поверхностном» синтаксисе двух противоположных начал: она, кроме того, объясняет, почему коннективный синтаксис, который, исходя из общеизвестных элементарных допущений, следует считать наиболее древним, первоначальным, не смог быть вытеснен иннективным. Чем менее подготовленный характер имеет речь, тем более существенную роль приобретает «раздельность механизмов смыслового упорядочивания и поверхностного синтаксирования» [Ахутина 1989/2008]; чем более отстает последнее, тем вероятнее действие коннективного начала в финальном оформлении высказывания.

3.1. Результаты конкуренции иннективного и коннективного начал можно наблюдать и на материале других конструкций. Кратко покажем это на примере конструкции сложноподчиненного предложения (СПП) вмещающего и изъяснительного типов.

Любое СПП, особенно нерасчлененной структуры, уже в силу наличия специализированного средства связи и глубокого взаимопроникновения частей, есть явление иннективного синтаксиса. Однако и внутри инсинтаксической конструкции возможно действие консинтаксического начала — если иметь в виду не модель СПП как единицу описания грамматического строя, а живую конструкцию, возникающую в речи. Ведь порождение высказывания происходит

вовсе не под безраздельным диктатом системной модели; на него влияет целый ряд других факторов. Одним из них и оказывается коннективный принцип, заключающийся не только в свободе соположения, но и в свободе совмещения компонентов.

В русском языке, согласно «Синтаксическому словарю» Г. А. Золотовой, 13 синтаксем, имеющих делиберативное значение в качестве основной или дополнительной семемы. Ряд их широко используется в моделях изъяснительных и вмещающих предложений (*верить* [в то], *что...*; *доказать* [то], *что...*; *додуматься* [до того], *что...*; *возмутиться* [тем], *что...*; *каяться* [в том], *что...*; *добиться* [того], *чтобы...*; *призывать* [к тому], *чтобы...*). Однако из 13 синтаксем лишь две свободных (*про* + **В. п.** и *о(б)* + **П. п.**), причем вторая имеет более высокий коэффициент — 7 (количество позиций, в которых она может выступать) [Золотова 1988: 374–375; 384–429]. Неудивительно, что синтаксема *о(б)* + **П. п.** осознается говорящими по-русски как **прототип** синтаксического компонента с делиберативной семантикой. Отсюда — многочисленные отклонения от системных моделей, распространенные в современном узусе. Заменяя разные (предложно-) падежные формы местоимения одной «универсальной», говорящий свободно совмещает синтаксему *о(б)* + **П. п.** с глаголами — фактически так, как если бы это была неизменяемая, окаменевшая форма. Срастание этой формы с союзом, подкрепляемое высокой степенью употребительности этой комбинации, превращает последнюю в скрепу, которая осознается как модуль с функцией организации изъяснительно-вмещающего СПП, свободно совмещаемый с любым глаголом (или девербативом). Очевидно, что говорящий при этом значительно облегчает свою задачу: вместо того, чтобы выбирать единственно возможную из ряда делиберативных синтаксем, опираясь на валентность контактного слова, он независимо от валентности использует один и тот же местоименно-союзный модуль **О ТОМ, ЧТО**. Это и означает, что внутри иннективной по природе конструкции действует консинтаксический принцип свободного совмещения компонентов. Разрушение или, как минимум, перерождение самой конструкции при этом неизбежно:

(21) *Могу заверить неплательщиков о том, что курортного жителя неплательщикам не будет* (ТВ);

(22) *Василий Емельянович ... доказывал о том, что при царе русский народ жил свободнее и лучше, чем при советской власти* (Интернет-ресурс);

(23) *Мой замкомвзвода в училище очень логично доказывал о том, что плохо пришитая пуговица на гимнастерке влечет за собой подрыв боевой готовности Вооруженных Сил СССР* (Интернет-ресурс)⁸⁴.

3.2. В связи со сказанным здесь — еще одно замечание. В XX в. основным вектором развития синтаксических представлений оказалось движение в сторону жесткого детерминизма. Сама по себе детерминистская направленность естественна: было бы странно, если бы, стремясь объяснить свой объект, наука... отказывалась от объяснения. Но существенна в данном случае убежденность — безотчетная или осознанная — в том, что каждая найденная закономерность есть победа над (мнимой) случайностью, в том, что случайности в синтаксисе (а может быть, и вообще в языке) быть не может. Не просто детерминизм, а *жесткий* детерминизм. Может быть, именно поэтому в работах по генеративному, позиционному, структурному, семантическому (!), транслокационному⁸⁵ (и др.) синтаксису столь редки обращения к теории речевой деятельности, к психо- и нейролингвистическим исследованиям, даже прямо связанным с синтаксисом: материал спонтанной речи, которым оперируют эти отрасли науки (а другим и не могут), плохо укладывается в жесткие построения. Может быть, по той же причине работы по синтаксису русской разговорной речи (Е. А. Земской, О. А. Лаптевой, О. Б. Сиротининой и др.) остаются как бы в стороне от синтаксического «мэйнстрима», а в некоторых учебниках по синтаксису даже не упоминаются.

Между тем более адекватной объекту представляется установка, безусловно сохраняющая детерминистскую ориентацию, однако допускающая в живых синтаксических построениях элемент случайности, означающий полную свободу выбора для говорящего, — «мягкий» детерминизм. Причем «полная свобода выбора» — это, в сущности, выражение эвфемистическое, поскольку применимо оно лишь в том случае, когда говорящий является носителем элитарного (по О. Б. Сиротининой) типа речевой культуры — не ниже. В большинстве же случаев в реальном речепорождении, в том числе и в синтаксировании, наличие выбора говорящим не очень-то и осознается, зато на финальное оформление конструкции оказывают существенное влияние действительно случайные факторы — например, естественный прайминг, описанный в [Русакова 2009].

⁸⁴ Подробнее о функционировании соотносительных местоимений в изъяснительных СПП см.: [Дымарский 2008б].

⁸⁵ О транслокационном синтаксисе см.: [Кузнецов 2003].

Одним из вариантов подхода с позиций «мягкого» детерминизма может быть представление о **модульном принципе** организации синтаксических построений, в особенности неэлементарных (сильно распространенное и осложненное простое предложение, разветвленное сложное предложение). Как было показано в 3.1, в речевой практике роль модуля, оказывающегося реальным компонентом порождаемого высказывания, может приписываться не только речевым реализациям единиц синтаксической системы языка, но и сращениям типа *о том, что*, не являющимся такими реализациями. Смысл примера (20), под этим углом зрения, — в том, что и *как-конструкция* (и без того имеющая четкие границы и ярко маркированная союзом, то есть изначально обладающая свойствами синтаксического модуля), утрачивая признаки синтаксической зависимости и перемещаясь в детерминантную позицию, может превращаться в универсальный модуль, безразличный к структуре предложения, непроницаемый для нее, а потому свободный в сочетаемости и удобный в употреблении, — то есть превращаться в типичное средство коннективного синтаксиса.

Описание структуры высказывания с опорой на идею модульного принципа обещает быть более адекватным.

Среди синтаксических достижений XX в., прямо подводящих к идее модульного принципа, следует назвать прежде всего концепцию синтаксемы Г. А. Золотовой⁸⁶. Способность одной и той же синтаксемы функционировать в разных позициях, прекрасно показанная в «Синтаксическом словаре», подталкивает к мысли, что тот же принцип — использование одного и того же средства в разных функциях и позициях — не только может, но даже должен проявляться на разных уровнях синтаксической организации. Возможность учета модульного принципа, в частности, при уточнении классификации сложноподчиненных предложений была показана в [Дымарский 2001].

Г. А. Золотова, однако, развивая свое учение о синтаксеме, о модульном принципе организации синтаксических построений, во всяком случае, прямо — ничего не говорит. Способность теоретической концепции служить генератором новых идей, поворачиваться гранями, даже не предусмотренными ее создателем, — лучшее доказательство ее жизнеспособности, адекватности объекту, глубины.

⁸⁶ К этой идее близка и концепция «языкового существования» Б. М. Гаспарова — с центральным для нее понятием «коммуникативного фрагмента» [Гаспаров 1996]. Однако в данном случае в фокусе внимания — развитие собственно синтаксических представлений.

4. Возвращаясь к *как*-конструкциям, отметим, что в зависимости от значения они располагаются в разных точках воображаемой шкалы иннективности / коннективности. Крайние точки шкалы занимают, с одной стороны, абсолютно зависимые присловные распространители со значением образа / способа (речевого) действия, не наделенные качеством вторичной предикативности, с другой — абсолютно независимые распространители предложения в целом (детерминанты) с аспектным значением, вторичная предикативность которых или существенно ослаблена, или отсутствует. Конструкции с причинным значением обладают вторичной предикативностью и располагаются между этими крайними точками; в них наблюдается более или менее равновесное соотношение инсинтаксических и консинтаксических признаков. Утрата непосредственной смысловой соотнесенности с предикатом, наблюдаемая при постепенном продвижении от $\kappa K_{\text{обр}}$ к $\kappa K_{\text{прич}}$ и далее — к $\kappa K_{\text{асп}}$, сопровождается и выходом из состава сказуемого, происходящим уже на стадии перехода к причинным конструкциям. Это означает ослабление синтаксической связи со сказуемым и создает условие, достаточное для высвобождения композиционного — коннективного — начала.

В этой схеме все просто, потому что она, как и любая попытка обобщения, отвлекается от множества мелких деталей и потому достаточно умозрительна. В реальности точек на воображаемой шкале иннективности / коннективности значительно больше, а значение *как*-конструкции не всегда определяет ее место в высказывании в соответствии с намеченной схемой: приведенная выше статистика свидетельствует о лишь вероятностном характере выведенной закономерности (почему и адекватнее «мягкий» детерминизм). Однако общая картина представляется именно такой: синтаксическая структура порождаемого (неэлементарного) высказывания всегда оказывается своеобразной равнодействующей двух конкурирующих начал — иннективного и коннективного синтаксиса. Одним из факторов, которые влияют на расстановку сил, может оказаться семантика неизосемичного распространителя, подобного *как*-конструкции в несравнительном значении.

ГЛАВА 14

СОЮЗ *ТОГДА КАК* И КАТЕГОРИЯ ЛОГИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

Введение

Формирование в русском языке новых союзных средств связи, диахронические изменения в семантике и функционировании существующих союзов — сюжет увлекательный сам по себе, что видно хотя бы по количеству посвященных ему исследований (Иванова 1998; Инютина, Шильникова 2020; Колесов 2009: 409–413; Николаева 1997; Подтергер 2019; Преображенская 1991; Черкасова 1973 и др.). Еще большую значимость этот сюжет приобретает в сопряжении с проблемой соотношения сочинения и подчинения как двух базовых типов непредикативной синтаксической связи. Цель этой работы состоит в том, чтобы кратко проследить историю сравнительно молодого союза *тогда как* и выяснить, как менялось со временем его отношение к категориям сочинения и подчинения, объединяемым в рамках семантической категории логического порядка (о последней см. [Дымарский 2018]). Источником материала послужил Национальный корпус русского языка (НКРЯ, ruscorpora.ru).

1. К истории союза *тогда как*

Современный союз *тогда как* восходит к сочетанию указательного и относительного местоименных наречий, из которых второе приобрело функцию подчинительного союза с временным значением. Нужно иметь в виду, что для союза *как* темпоральное значение не является основным, хотя традиция временного употребления этого союза имеет протяженную историю. Ср. его функционирование в контексте сказки, целиком построенной на имитации народно-поэтической речи:

(1) *Как наешься ты своей полбы, Собери-ка с чертей оброк мне полный* (А. С. Пушкин. Сказка о попе и о работнике его Балде).

Исходным для союза *как* следует признать, видимо, широкое значение образа действия, унаследованное им от местоименного наречия *как*. Однако в чистом виде это исходное значение выступает только

в местоименном наречии (*Как аукнется, так и откликнется*); в союзе же на основе исходного развились значения сравнения, времени, степени, изъяснительно-обстоятельственные (с оттенками степени или образа действия: *Ты не понимаешь, как мне это интересно; Я не видел, как он выходил из дома*). Вторичность темпорального значения союза *как* и сохранение в нем, хотя бы в качестве фона, исходного качественного значения, вероятно, и послужили причиной развития сочетаний *тогда как* и *в то время как* в союзы с сопоставительным значением, чего не произошло с близкими сочетаниями *в то время*_с, *когда*; *тогда*_с, *когда*, где союз *когда* качественного значения не имеет.

Национальный корпус русского языка сочетаний *тогда*_с, *как* ранее 1698 г. не фиксирует; однако этот год не следует считать достоверной датой первой фиксации искомого сочетания, поскольку первые 6 вхождений обнаруживаются в документах, датированных 1698–1721 гг. [А. М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) — первые 5 вхождений] и 1700–1722 гг. [митрополит Стефан (Яворский). Проповеди], то есть речь должна идти о первой четверти XVIII в. Ряд первых употреблений, фиксируемых НКРЯ, приходится счесть «шумом», поскольку они представляют собой случайные совпадения, например:

(2) *Которой (король Швеции. — М. Д.) тогда, как имелася ведомость (сведение, известие. — М. Д.), охотно 6000 человек кавалерии к ним в маетности на помощь послал, на которых Огинской собрал себе 12 000 человек литвын* [А. М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721)].

Очевидно, что здесь *как имелася ведомость* — вводная конструкция.

В следующем примере наблюдаем еще одно совпадение — на этот раз возникающее в результате выстраивания в ряд *тогда* — в качестве коррелятивного элемента союза *буде... тогда* — и союза *как... так* и:

(3) *Буде же офицеры и салдаты без всякой притчины допустят комменданта прежде времени <...> тогда как офицерам, так и солдатам учинить против 117 артикула* [[Петр I]. Артикул воинский (1715)].

В представленных в НКРЯ документах первой четверти XVIII в. находим лишь один случай употребления сочетания *тогда как* в качестве контактной рамки сложноподчиненного предложения (СПП) с темпоральным значением:

(4) *И притом объявлено по указу его величества в народ: понеже троекратно седмилетнее время в той войне прошло, то надлежит*

и Господу Богу троекратное благодарение отдать везде, как в Санкт-Петербурхе, так и во всем Российском государстве. Которое назначено: 1) **тогда, как** скоро куда пойдет ведомость о том, то в тот час <...> [А. М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721)].

Правда, надо отметить, что в (4) перед нами еще не сформированная, а, скорее, формирующаяся контактная рамка, которая включает, во-первых, не союз *как*, а союз *как скоро*, во-вторых — коррелятивный элемент *то*, дублирующий *тогда*.

Таким образом, в первой четверти XVIII в. лишь формируются предпосылки для закрепления сочетания *тогда как* в качестве контактной рамки СПП с темпоральным значением.

Более близкое к контактной рамке употребление находим позднее:

(5) *Сылвинской (завод. — М. Д.), яко весьма для дела кровельных досок нуждной, велеть достроить по первому чертежу с 4-мя фабриками, и естли для оного крестьян и вольных работников не достает, то розсмотреть, не можно ль ис Кунгурского уезда есче дворов до 200 приписать <...>. Но вместо того, что на Сылве досчатые прибудут, **тогда как** на цейхгауз доски зделаются, здесь убавить, дабы, как возможно, здесь в лесах подспорить* [В. Н. Татищев. Наставление Татищева, оставленное им канцелярии главного правления казанских и сибирских заводов при отъезде в оренбургскую экспедицию (1737)].

Выражение *вместо того, что* здесь, видимо, следует читать в значении ‘в силу того, что’, а общий смысл можно передать так: поскольку на Сылве работников прибавится, постольку **тогда, когда** будут изготовлены доски для цейхгауза, здесь количество работников следует убавить, чтобы направить их на лесные работы.

Наконец, ближе к середине XVIII в. можно видеть несомненную контактную рамку:

(6) *Комета здесь в начале декабря и до 15 февр[аля] видима была <...> в начале же октября та ли, или другая от многих видима была, токмо я не видал, и сказали мне уже **тогда, как** я 2 дек[абря] сию увидел и Санчию писал* [В. Н. Татищев. Письмо И. Д. Шумахеру (1744)];

(7) *Новые пашни вздирать надлежит после ущерба, а старые **тогда, как** только подсохнет* [М. В. Ломоносов. Лифляндская экономя (перевод) (1747)].

На протяжении второй половины XVIII в. употребления типа (6–7) приобретают устойчивость, что позволяет говорить о сформир-

рованности контактной рамки местоименно-соотносительного СПП с отождествительно-темпоральным значением. Тогда же появляются и употребления, в которых сочетание *тогда как* уже больше похоже на союз с временным значением, нежели на контактную рамку, в отличие от (6–7), причем такие употребления можно считать контекстами, создающими предпосылки для формирования сопоставительного значения:

(8) *Хамелеон, который шел мимо свиньи тогда как валялася она в грязи по своему обыкновению, говорил ей <...>* [Д. И. Фонвизин. Свинья и хамелеон [перевод басни Л. Хольберга с немецкого] (1761–1765)].

Безусловно, в (8), как и в (6–7), две ситуации объединены темпоральным отношением одновременности, однако важна однотипность этих ситуаций. Обе пропозиции имеют одинаковую семантическую структуру, что создает почву для сопоставления: *хамелеон идет, а свинья валяется*. По-видимому, на этой основе приблизительно в последней четверти XVIII в. возникают уже собственно сопоставительные употребления, в которых темпоральное значение не прочитывается, а слияние компонентов *тогда* и *как* в один союз несомненно:

(9) *Приказных формулярных о том выправок я не рассудил за благо сам делать по причинам, что разыскано много; потратил бы на то времени, тогда как вы [имеете] несравненно более способов из Москвы или из Смоленска с означенных грамот доставить себе порядочные засвидетельствованные копии* [И. Ф. Богданович. Письма (1767–1800)];

(10) *<...> запрещено стало носить горностаевые мехи с хвостиками, которые одна она (Екатерина I. — М. Д.) носила, и сие не указом, не законом введенное обыкновение учинилось почти узаконение, присвояющее сие украшение единой императорской фамилии, тогда как в немецкой земле и мещанки его употребляют* [М. М. Щербатов. О повреждении нравов в России (1786–1787)].

Показательно, что если в (9) мы имеем отношение сопоставления, не осложненное дополнительными оттенками, то в (10) вполне отчетлив оттенок уступки (ср. *...хотя в немецкой земле...*). Это соответствует и современным квалификациям союза *тогда как*, который в одних источниках интерпретирован как подчинительный сопоставительный (Русская грамматика 1980: Т. 2, 609–610, 613), в других — как подчинительный уступительный (Апресян, Пекелис 2011; 2012а).

Вместе с тем ставшие типичными употребления контактной рамки *тогда как* с темпоральным значением ведут к ее грамматика-

лизации и превращению во временной союз, как в (8). В (11) предпозиция придаточной части подчеркивает именно темпоральное значение, фактически отменяя теоретически возможное сопоставительное чтение:

(11) *Но **тогда как** веселье так единодушно обнаруживалось с одного конца деревни до другого, в доме самой помещицы было что-то особенно спокойно и тихо* [Д. В. Григорович. Бобыль (1847)].

Регулярны подобные употребления, в частности, у Достоевского:

(12) *Когда же Семён Иванович, помещаясь на постель, ощущал собою золотку и упер ноги в свой заветный сундук, то вскрикнул благим матом, уселся почти на корячки и, весь дрожа и трепеща, загреб и заместил сколько мог руками и телом пространства на своей кровати, **тогда как**, трепещущим, но странно-решительным взором окидывая присутствующих, казалось, изъяснял, что скорее умрет, чем уступит кому-нибудь хоть сотую капельку из бедной своей благостыни...* [Ф. М. Достоевский. Господин Прохарчин (1846)].

Очевидно, что в случаях типа (12) темпоральное значение отягчено дополнительными оттенками образа действия и присоединения (ср. ...и при этом... казалось, изъяснял...). Позднее, в XX в., использование союза *тогда как* в темпоральном значении постепенно сходит на нет, в современной русской речи оно неактуально.

К началу XIX в. употребления типов (9–10) становятся вполне типичными; при этом сохраняются (по меньшей мере до середины XIX в.) и временные употребления (11–12)⁸⁷. Последнее верно и для контактной рамки СПП, ср.:

(13) *...ведь надобно ж, чтоб это случилось именно **тогда, как** я в отъезде* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)].

Таким образом, можно утверждать, что в течение XVIII в. произошло стремительное становление новой контактной рамки СПП с отождествительно-темпоральным значением, а ее грамматикализация привела к возникновению двух новых омонимичных союзов — с темпоральным и с сопоставительным значениями (второй с возможным оттенком уступки)⁸⁸. Учитывая, что письменные фиксации всегда запаздывают и что временной интервал между

⁸⁷ Показательно, что для В. В. Виноградова, черпавшего примеры прежде всего из русской классики, союз *тогда как* был именно временным. См. [Виноградов 1972: 563].

⁸⁸ Ср. сходную характеристику истории союза *так как* в [Виноградов 1972: 563].

первыми зафиксированными употреблениями контактной рамки СПП и новых союзов составляет всего одно-два десятилетия, — можно полагать, что в живой речи эти процессы протекали практически параллельно. В XIX в., по наблюдениям Н. С. Поспелова, временное значение у союза *тогда как* угасает: говоря о судьбе темпоральных конструкций с некоторыми союзными сочетаниями, автор замечает, что, «архаизируясь как временные, они на базе временных отношений развили отношения сопоставительные (у конструкций с *тогда как* и *между тем как*)» (Иванчикова, Поспелов 1964: 169–170).

2. Сопоставительный союз *тогда как* — сочинительный или подчинительный?

Утверждение о возникновении именно двух омонимичных союзов, а не о полисемии одного нового союза может показаться чрезмерно сильным. В самом деле, почему бы не видеть в различных употреблениях союза *тогда как* многозначность, а не омонимию? Дело в том, что в этих различных употреблениях союз демонстрирует разные грамматические свойства. Покажем это путем применения к этим употреблениям критериев разграничения сочинения и подчинения, опираясь на работу [Пекелис 2015], в которой эти критерии весьма удачно систематизированы.

2.1. Критерий проницаемости / непроницаемости структуры (А. М. Пешковский) (другие названия — «критерий гнездования», center embedding). Проницаемость структуры характерна для подчинения: придаточное может оказаться вложенным в главное. Сочинение этого не допускает.

Предложение с сопоставительным значением:

(14) *«Рецессивные» идеи нуждаются в четком формулировании и заботливом взращивании, **тогда как** «доминантные» растут сами, подобно сорной траве* [Михаил Арапов. Когда текст обретает смысл // Знание — сила. 2003].

Попытка поместить вторую часть в интерпозицию дает неприемлемый результат:

(14.1) **«Рецессивные» идеи, **тогда как** «доминантные» растут сами, подобно сорной траве, нуждаются в четком формулировании и заботливом взращивании.*

Ср. аналогичный эксперимент с примером (9), сокращенным и адаптированным:

(9.1) *...[я] потратил бы, **тогда как** вы [имеете] несравненно более способов из Москвы или из Смоленска <...> доставить себе порядочные засвидетельствованные копии, на изготовление копий слишком много времени.

Предложение же с темпоральным значением обнаруживает полную толерантность к интерпозиции части с союзом:

(11.1) *Но в доме самой помещицы, **тогда как** веселье так единодушно обнаруживалось с одного конца деревни до другого, было что-то особенно спокойно и тихо.*

Таким образом, по данному критерию сопоставительный *тогда как* ведет себя как сочинительный союз, темпоральный — как подчинительный.

2.2. Критерий позиции союза: сочинительный союз не может находиться в препозиции к первому конъюнкту, а для подчинительного союза препозиция, как правило, возможна.

Предложение с сопоставительным значением допускает препозицию части с союзом:

(14.2) ***Тогда как** «доминантные» идеи растут сами, подобно сорной траве, «рецессивные» нуждаются в четком формулировании и заботливом взращивании.*

То же касается предложений с темпоральным значением, ср. (11). Стоит, однако, подчеркнуть, что варианты типа (14.2), в отличие от (11), в НКРЯ практически не встречаются: узус не поддерживает препозицию клаузы с сопоставительным союзом. В то же время в немалом количестве встречаются примеры, в которых эта клауза парцеллирована, что сближает сопоставительный *тогда как* с сопоставительным *а*:

(15) *Но на самом деле, огромный сивуч, родственник тюленей, способен удерживать свой небольшой гарем всего около недели, да и то путем постоянных битв. **Тогда как** скромная летучая мышь копыенос опекает в гареме десятки самок в течение нескольких лет* [Кирилл Ефремов. Размышления у книжной полки: Бегство от одиночества // Знание — сила. 2003]

Тем не менее, учитывая приемлемость (14.2), признаем, что по критерию позиции не только темпоральный, но и сопоставительный союзы ведут себя как подчинительные.

2.3. Критерий Е. Н. Ширяева состоит в том, что сочинительный союз может связывать два однородных придаточных с подчинительными союзами (*Маша поняла, **что** сеанс окончен **и что** ждать больше не имеет смысла*) [Ширяев 1986: 18–20]. По этому

критерию сопоставительный *тогда как* тест на сочинительность не проходит⁸⁹:

(15.1) *Но на самом деле мы знаем, **что** огромный сивуч способен удержать свой небольшой гарем всего около недели, **тогда как что** скромная летучая мышь-копыенос опекает в гареме десятки самок в течение нескольких лет.

Следовательно, и в данном случае сопоставительный *тогда как* ведет себя как подчинительный союз; но следует иметь в виду, что критерий Е. Н. Ширяева очень строг, и по этому критерию не проходят тест на сочинительность и такие единицы, как, например, *однако*, хотя эта единица традиционно включается в круг противительных сочинительных союзов — и отнюдь не только в школьной грамматике, ср. [Петерсон 1952; Апресян, Пекелис 20126]⁹⁰.

2.4. Критерий морфосинтаксического локуса, предложенный А. А. Зализняком и Е. В. Падучевой: «Если сложноподчиненное предложение, состоящее из главного *Г* и придаточного *П*, входит целиком в качестве придаточного в более крупный комплекс *Г' (ГП)*, где *Г'* главное, и если при этом *Г'* требует от сказуемого подчиненного ему предложения некоторого автоматического изменения (например, постановки в определенном наклонении), то данное изменение происходит со сказуемым предложения *Г*, но не *П*. Например: *Он покупает книги (Г), которые ему приносят (П). Я хочу (Г'), чтобы он покупал книги, которые ему приносят.* В сложносочиненном предложении подобные эффекты распространяются на сказуемые обеих частей» ([Зализняк, Падучева 1975: 58], цит. по: [Пекелис 2015]).

Попытка подчинить (15) главной части *Я не верю, чтобы...*, требующей от сказуемого подчиненного компонента изменения формы наклонения, приводит к амбивалентному результату:

(15.2) *Я не верю, чтобы огромный сивуч был способен удержать свой небольшой гарем всего около недели, тогда как скромная летучая мышь-копыенос опекает / опекала бы в гареме десятки самок в течение нескольких лет.*

Различие допустимых вариантов в том, что при сохранении в последней клаузе исходной формы индикатива настоящего време-

⁸⁹ Здесь и далее, учитывая очевидный подчинительный характер временного *тогда как*, в целях экономии места его поведение с точки зрения приводимых критериев не рассматриваем.

⁹⁰ Более удачным представляется решение, принятое в «Русской грамматике», где *однако* квалифицируется как аналог союза [Русская грамматика 1980: Т. 1, 715; Т. 2, 616].

ни значение клаузы оказывается фактивным и сомнению не подвергается, то есть не входит в сферу действия оператора сомнения *не верю*. В этом случае не происходит и подчинения всей исходной конструкции этому оператору: мы имеем структуру

(15.3) {[Я не верю], (чтобы...)}, тогда как [...].

Сфера действия оператора сомнения распространяется на обе исходных клаузы только в варианте с изменением формы наклонения сказуемого в последней клаузе:

(15.4) {[Я не верю], (чтобы...), тогда как (...)}.

Однако то же может быть констатировано и для примера А. А. Зализняка и Е. В. Падучевой: если говорящий мыслит обе ситуации ‘ему приносят книги’ и ‘он покупает эти книги’ как гипотетические (желаемые), они должны равным образом подчиняться оператору оптативности, и говорящий должен будет сказать *Я хочу, чтобы он покупал книги, которые ему приносили бы* или *Я хочу, чтобы ему приносили книги, которые он покупал бы*. Следовательно, различие между сочинением и подчинением, с точки зрения этого критерия, состоит в том, что сочинение не допускает сохранения в одной из клауз исходной формы (невозможно *Петя спит, а Маша читает* → **Я не верю, чтобы Петя спал, а Маша читает*), а подчинение допускает обе возможности.

Таким образом, по критерию морфосинтаксического локуса сопоставительный *тогда как* ведет себя как подчинительный союз.

2.5. Критерий «ограничения на сочиненную структуру» (Coordinate Structure Constraint) [Ross 1967]. «При сочинении, — поясняет О. Е. Пекелис, — обычно невозможно применение таких операций к сочиненной группе, которые включают в сферу действия только один конъюнкт. В частности, невозможно задать вопрос к одному конъюнкту, оставив вне сферы действия вопроса другой. Ср.: **Кто и Маша пришли?* (вопрос к предложению *Петя и Маша пришли*), **Кто рыжий, а Вася блондин?* (вопрос к предложению *Петя рыжий, а Вася блондин*)» [Пекелис 2015]. Между тем при подчинении подобные операции не ограничены: *Петя пришел, когда Маша уже спала* → *Кто пришел, когда Маша уже спала?*; *Петя пришел, когда кто уже спал?*

По этому критерию предложения с сопоставительным *тогда как* должны быть признаны сложноподчиненными:

(15.5) **Кто** способен удержать свой небольшой гарем всего около недели, **тогда как** скромная летучая мышь копыенос опекает в гареме десятки самок в течение нескольких лет?

2.6. Эллипсис. «В сочинительных конструкциях, — пишет О. Е. Пекелис со ссылками на работы [Jackendoff 1972; van Oirsouw 1987; Lagerwerf 1998; Тестелец 2001], — достаточно свободно применяется так называемое сокращение с образованием “внутреннего пробела” (англ. *gapping*), в то время как в подчиненных клаузах это часто невозможно»; при сочинении возможно также «сокращение крайней правой составляющей в первом конъюнкте» [Пекелис 2015].

По этому критерию сопоставительный *тогда как* демонстрирует признаки сочинительного союза:

(15.6) *Огромный сивуч способен удержать свой небольшой гарем всего около недели, **тогда как** скромная летучая мышь-копыенос — в течение нескольких лет;*

(15.6') *Огромный сивуч всего около недели, **тогда как** скромная летучая мышь-копыенос в течение нескольких лет удерживает свой гарем.*

2.7. Поведение анафорических местоимений: «В сложноподчиненном предложении подлежащее главной клаузы, выраженное анафорическим местоимением, не может быть кореферентно никакому актанту, выраженному полной именной группой зависимой клаузы, если главная клауза предшествует зависимой; для сложносочиненного предложения такой запрет не действует» [Пекелис 2015]. Поскольку в приведенных выше примерах кандидатов на роль местоименного подлежащего первой клаузы, кореферентного какой-либо полной именной группе во второй клаузе, нет, используем сконструированный пример:

(16) *Петя считает себя всеобщим любимцем, **тогда как** на самом деле его тихо ненавидит весь класс →*

(16.1) *Он считает себя всеобщим любимцем, **тогда как** на самом деле Петю тихо ненавидит весь класс.*

Сопоставительный союз обнаруживает поведение сочинительного союза.

2.8. Способность к фокусированию (впервые отмечено в [Haspel-math 1995: 15]): «союз в подчинительных, но не сочинительных конструкциях может находиться в сфере действия **фокусных частиц** (англ. *focus particles*)» — таких, как рус. *только, именно, лишь* [Пекелис 2015]: *Я понял это **только когда** прочитал книгу в третий раз.*

Сопоставительный *тогда как* в сфере действия фокусных частиц оказаться не может. Следовательно, и здесь он демонстрирует признак сочинительного союза.

2.9. Обсуждение результатов. Мы рассмотрели поведение сопоставительного союза *тогда как* по 8 критериям, оставив в стороне еще 2 (способность к включению синтаксических конструкций, об-

ладающих признаком неподчинимости, и возможность замены главной клаузы при сентенциальном обстоятельстве на анафорическое *это* [Пекелис 2015]), которые в данном случае можно счесть нерелевантными. Оказалось, что по 4 критериям из 8 союз ведет себя как сочинительный, причем еще в одном случае, как показано в 2.2, признание поведения союза соответствующим стандарту подчинения довольно условно (см. табл. 1).

Перед нами один из типичных случаев, когда союз не может быть однозначно охарактеризован как сочинительный или подчинительный. О сопоставительном *тогда как* можно говорить как о преимущественно сочинительном союзе, несмотря на его «подчинительное» происхождение, в то время как темпоральный *тогда как* безоговорочно является подчинительным.

Таблица 1

**Результаты анализа поведения
сопоставительного союза *тогда как* в соответствии
с критериями разграничения сочинения и подчинения**

	Критерии							
	Проницаемость структуры	Позиция союза	Связывание однородных придаточных	Морфосинтаксический локус	Ограничение на сочинительную структуру	Эллипсис	Поведение анафорических местоимений	Способность к фокусированию
Поведение союза: сочинительное (С), подчинительное (П)	С	П	П	П	П	С	С	С

3. С точки зрения категории логического порядка

Ни история, ни противоречивая природа союза *тогда как* не являются чем-то исключительным. Сходные наблюдения и факты излагались неоднократно. Еще в середине XX в. В. В. Виноградов писал:

«...с морфологической точки зрения грань между сочинительными и подчинительными союзами очень скользка и неопределенна. Было бы осторожнее вместо с о ч и н е н и я и п о д ч и н е н и я предложений говорить (как это предлагал акад. А. А. Шахматов) о разных видах сцепления предложений и о разных степенях их зависимости, выражаемых союзами и другими грамматическими средствами» [Виноградов 1972: 554].

Именно подобные соображения легли в основу предложенного мною ранее понятия семантической **категории логического порядка** [Дымарский 2018]. В указанной работе она была охарактеризована как семантико-грамматическая категория, определяющая грамматический способ соединения элементов, не образующих предикативного центра предложения (в том числе составного сказуемого), в рамках некоторой синтаксической конструкции [Дымарский 2018: 26]. Предпринятое выше краткое рассмотрение истории сопоставительного союза *тогда как* и его природы заставляет взглянуть на эту категорию несколько иначе.

Категория логического порядка — это прежде всего **семантическая категория, объединяющая синтаксические значения (отношения), оттенки значений, многообразные контаминации значений и их оттенков**. Первичны именно эти семантические сущности: отношения одновременности, противопоставления, уступки, ограничения, сопоставления и т. д.; именно их говорящий стремится выразить, ища для этого подходящие средства. Средства же — прежде всего союзы — вторичны, изменчивы, подвижны; язык находится в бесконечном процессе совершенствования системы этих средств.

В каждом конкретном высказывании желание говорящего выразить отношение, которое на самом деле может быть сложной комбинацией отношений и их оттенков, влечет за собой выбор некоторого средства; этот выбор может быть удачным и неудачным, адекватным желаемому и не вполне адекватным, точным и неточным. Поэтому и создается такая ситуация, когда, с одной стороны, одно и то же синтаксическое отношение может быть актуализировано разными союзами, с другой стороны, один и тот же союз может привлекаться при выражении разных отношений. При этом нужно иметь в виду, что союз служит именем отношения и тем самым его выразителем в крайне немногочисленных случаях (таков, например, следственный союз *так что*), в большинстве же случаев союз **актуализирует** отношение и лишь в какой-то мере является его именем; собственно

отношение устанавливается не союзом, даже если он стопроцентно семантический, а говорящим, то есть всем составом связываемых компонентов. В противном случае предложения вида **Ивану вручили крупную денежную премию, так что теперь ему совсем не на что существовать* не воспринимались бы как аномальные.

Учитывая диффузный характер соотнесенности семантической категории логического порядка с системой союзов и союзных средств (аналогов союзов, функциональных эквивалентов союзов, союзных слов), можно попытаться объединить их в **семантико-грамматической** категории логического порядка, отличающейся от функционально-семантических категорий (в смысле А. В. Бондарко) нецентрированной структурой и нечеткостью связей «функция (значение) — форма». При этом понятия сочинения и подчинения следуют вывести за рамки данной категории, так как это, прежде всего, отнюдь не те значения (отношения), которые стремится выразить говорящий. Ему в конечном счете безразлично, сочинительная или подчинительная конструкция у него получится, важно лишь, чтобы были достаточно ясно выражены необходимые отношения. Сочинительный или подчинительный характер конструкции — результат действия целого ряда факторов, мало контролируемых или вовсе не контролируемых говорящим. Среди них следует назвать осмысление (в общем случае неосознанное) связываемых ситуаций как рядоположенных сущностей или как сущностей, из которых одна является компонентом другой; исторически объясняемую способность или неспособность союза слиться с вводимой им клаузой (на этом наблюдении А. М. Пешковского основаны три из перечисленных выше критериев — 2.1, 2.2, 2.8); явную predisposedность союза к функционированию сочинительного или подчинительного типа, определяемую, помимо происхождения и традиции, его семантическими сближениями с другими союзами, или отсутствие однозначной predisposedности.

Оппозиция сочинения — подчинения как бы надстраивается над семантико-грамматической категорией логического порядка. Образно говоря, эту категорию можно уподобить бассейну с двумя перемешивающимися слоями воды. Один слой — среда обитания значений, второй — средств их актуализации. Оба слоя подвижны, и вся жизнь бассейна состоит в соединениях и разъединениях значений в одном слое и поиске наиболее подходящих в каждом случае средств в другом слое; в видоизменениях и эволюции средств под действием меняющихся требований, исходящих из сопряженного слоя. Помимо

этого, в противоположных концах бассейна установлены магниты, к воздействию которых «обитатели» слоя средств небезразличны, хотя и в разной степени: это сочинение и подчинение как идеальные сущности. Поляризующее воздействие этих «магнитов» превращает одни средства в союзы, способные функционировать только в сочинительных конструкциях, другие — в столь же строго подчинительные союзы, третьи — в **квазисочинительные**, четвертые — в **квазиподчинительные** союзы, в разных конструкциях обнаруживающие различные свойства.

Исходя из этого представления и соглашаясь с тем, что союз *тогда как* в одних случаях обслуживает предложения с уступительной семантикой, в других — с темпоральной, в третьих — с сопоставительной, я не могу принять его безоговорочную характеристику как подчинительного или как сочинительного⁹¹. Это квазисочинительный союз, когда он связан с сопоставлением, и квазиподчинительный союз, когда он актуализирует уступку. По-видимому, вопреки сказанному выше, следует все-таки отказаться от утверждения об омонимии двух разных *тогда как*. Не о разных омонимичных союзах следует вести речь, а о разных семантических конфигурациях, привлекающих для своей актуализации этот союз, опираясь на его исходное темпоральное значение одновременности и на широкую качественную семантику элемента *как*, естественным образом порождающую в одних случаях основание для сопоставления, в других — для уступки, внутри которой, как известно, также кроется семантика противопоставления.

Категория логического порядка, понимаемая прежде всего как изменчивый, подвижный континуум синтаксических значений, может, таким образом, рассматриваться в качестве причины и стимула важных процессов, происходящих в системе средств синтаксической связи. Возникновение, развитие, закрепление нового союза, его последующие переосмысления, перепрофилирования (дрейф в сторону сочинительности) — все это процессы, которые происходят не случайно, а благодаря потребности в более точной, прямой актуализации сложных синтаксических отношений, которые изменчивы, прихотливы и в силу этого постоянно выдвигают новые требования.

⁹¹ Любопытно, что О. Е. Пекелис, в совместных с В. Ю. Апресян статьях 2011–2012 гг. писавшая о союзе *тогда как* как о **подчинительном** уступительном, в статье 2015 г. приходит к выводу, что традиционная квалификация его как подчинительного ошибочна и что «разумным представляется... квалифицировать их (так что, ибо, тогда как и нек. др. — М. Д.) как сочинительные» [Пекелис 2015].

...Размышляя о союзе *тогда как*, я не мог не вспомнить одну из самых замечательных (и самых длинных) фраз В. В. Набокова. Мне казалось, что в ней должен был быть употреблен именно этот союз, но это следовало проверить. К моему удовлетворению, выяснилось, что так и есть. Но важно другое: хотя *тогда как* отнюдь не единственный сопоставительный союз в русском языке, представить себе на его месте в этой фразе другой союз невозможно⁹². Наверное, не будет слишком сильным утверждением сказать, что не только требования семантики вызвали к жизни новый союз, но и союз постепенно сформировал тип контекста, в котором безраздельно господствует только он:

(17) ...это белое сияние ширилось, ширилось, все растворялось в нем, все исчезало, и я уже стоял на вокзале, в Милане, с газетой, из которой узнал, что желтый автомобиль, виденный мной под платанами, потерпел за Фиальтой крушение <...> причем Фердинанд и его приятель <...> отделались местным и временным повреждением чешуи, **тогда как** Нина, несмотря на свое давнее, преданное подражание им, оказалась все-таки смертной (В. Набоков. Весна в Фиальте).

⁹² Союз *в то время как* нарушил бы ритм фразы.

Г л а в а 15

СООТНОСИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА В ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

0. Экспансия конструкций типа «доказать о том, что...» достигла в узусе последних десятилетий таких масштабов, что сетования на ошибки этого рода превратились в общее место размышлений о современном состоянии речевой культуры. Между тем попытки объяснить это явление сводятся, по преимуществу, к указанию на неразличение «семантических паронимов» — если можно так назвать глаголы (и соответствующие девербативы) речи-мысли, чувства, восприятия, волеизъявления, — действительно близкие по значению, но не тождественные ни по этому признаку, ни по свойствам управления. Ср. диагноз, сформулированный Ю. Н. Карауловым: «ошибочное распространение конструкции “о том, что” с глаголов речи-мысли (*рассказал о том, что; рассуждали о том, что; думал о том, что*) на все глаголы передачи информации (*объяснили о том, что; увидели о том, что; убедились о том, что*)», вызванное, по мнению автора, действием закона аналогии [Караулов 2007]. Действие закона аналогии здесь очевидно. И все же возникают вопросы: только ли падением общего уровня речевой культуры объясняется распространение ошибочной аналогии? Существуют ли собственно языковые закономерности, предопределяющие именно подобное, а не какое-либо иное, развитие узуса? Задача этой работы заключается в поиске ответа на второй вопрос: ведь только знание глубинных причин явления может быть надежной опорой для практических рекомендаций, в том числе и лексикографического характера — если иметь в виду дальнейшую работу над Словарем лексико-синтаксических моделей изъяснительного сложноподчиненного предложения [Ильenko, Лёвина 2007] и основанными на нем изданиями прикладного характера.

1. В системе сложноподчиненного предложения (далее — СПП) рядом расположены модели *изъяснительного* типа и так называемые *вмещающие* местоименно-соотносительные. Различие между ними

заключается прежде всего в природе контактного слова: во-первых, оно принадлежит к довольно строго очерченной лексико-семантической группе глаголов (и девербативов) *dicendi, sentiendi, voluntativis, affectuum*, требующих изъяснения и потому регулярно распространяемых синтаксемами с делиберативным значением (по Г. А. Золотовой); во-вторых, контактное слово — информативно недостаточный глагол, принадлежащий к довольно аморфной группе, типовую семантику которой очертить трудно уже хотя бы в силу названной информативной недостаточности (*начать с того, что...; кончил тем, что...; состояло в том, что...* и под.).

Необходимо подчеркнуть, что «требовать изъяснения» и «быть информативно недостаточным» суть понятия нетождественные. Лексемы двух названных групп заметно различаются между собой не только семантически, но и характером как «левой» (субъектной), так и «правой» (объектной или похожей на нее) валентностей. Глаголы *dicendi, sentiendi, voluntativis, affectuum*, при всей их тесной связанности с субъектом, составляют вполне самостоятельный компонент синтаксической структуры предложения; поэтому их использование в акцентирующих субъект вопросах типа: «**Кто** сказал, что в аудитории слишком душно?» — вполне уместно и вполне допускает редуцированный ответ: «Петрова». Между тем глаголы типа *состоять (в...), заключаться (в...), начать (с...)* и др. связаны с подлежащим более тесно и образуют с ним неразрывный комплекс, — в силу чего аналогичные вопросы типа «**Что** состоит в том, чтобы уберечь детей от простуды?», равно как и ответы вроде «Наша задача» в условиях естественной (не метаязыковой) коммуникации выглядят по меньшей мере маловероятными.

Сходное можно сказать и о «правой» валентности, причем применительно ко второй группе характеризовать эту валентность как объектную невозможно. В самом деле, в сочетаниях типа *заклучается в поиске (чего-л.), состоит в движении (к...), начнем с определения (чего-л.)* ведущая смысловая роль принадлежит не глаголу, а предложно-падежной форме имени — не случайно интонационно выделяется именно она; глагол же играет при ней роль вспомогательную, интонационно незаметен, его управление формой имени носит реликтовый характер, и восстановить пространственную метафору, изначально мотивировавшую это управление, под силу далеко не каждому носителю языка. Этот случай или тождествен, или близок к тому, когда глагольная связка главенствует лишь в формально-структурном плане, семантически же доминирует «присвязочный

компонент» (о чем давно — и убедительно — писал применительно к составным сказуемым П. А. Лекант: см. [Лекант 1976: 21]), — ср. перифразы: *есть поиск* (чего-л.), *есть движение* (к...), *прежде всего определим* (что-л.). Очевидно, что говорить об объектном содержании «правой» валентности глагола в этом случае не приходится. В еще большей мере это относится к манифестациям лексико-синтаксических моделей СПП *закljučается в том, что / чтобы...*; *состоит в том, что / чтобы...*; *начнем с того, что...* Поскольку местоименная предложно-падежная форма в этом случае выполняет дополнительную катафорическую функцию (отсылка к содержанию придаточной части плюс прагматически мотивированный акцент на факте этой отсылки), интонационно она выделяется еще сильнее¹.

Что же касается глаголов (и девербативов) первой группы, то по отношению к ним делиберативная синтаксема занимает позицию объекта, интонационное акцентирование глагола в этом случае вполне возможно (а в лексико-семантических моделях СПП типа *сказать, что...* оно регулярно), квалификация связи как полноценного управления сомнения не вызывает.

Из названных фактов вытекает известное различие рассматриваемых моделей: если в изъяснительном СПП появление соотносительного указательного местоимения при контактном слове факультативно, то в моделях вмещающего типа не глагол, а именно такое местоимение является несущим элементом конструкции и элиминации не подлежит. Приведенные соображения вынуждают признать решение, предложенное «Русской грамматикой» в отношении рассматриваемых моделей, неприемлемым. Автор раздела «Сложноподчиненное предложение» И. Н. Кручинина интерпретирует местоименно-соотносительные СПП вмещающего типа как разновидность изъяснительных СПП — на основании сходства придаточных частей. Такой подход (учитывающий только характер придаточной части и средства связи) прямо противоречит принципам структурно-семантической классификации СПП, фактически декларируемым в начале соответствующего раздела [Русская грамматика 1980: 466].

¹ Показателен следующий факт. По моим наблюдениям, в речи носителей среднелитературного (см.: [Сиротинина 2001а, б]) типа речевой культуры распространено **финальное** интонационное оформление первой части таких конструкций: на местоименной предложно-падежной форме — характерное для конца фразы падение тона с последующей сверхдолгой паузой, маркирующей границы самостоятельных высказываний. Как нетрудно догадаться, союз, которым должно отрываться придаточное, в этом случае нередко «пропадает».

2. Все сказанное лишь придает еще большую остроту поставленному выше вопросу. Если различия между рассмотренными типами СПП столь существенны, то что позволяет носителям языка эти различия столь успешно игнорировать?

Думается, что этот процесс вызван одновременным действием нескольких факторов. Рассмотрим их поочередно.

2.1. Причины появления местоимения в главной части изъяснительной модели. Совершенно ясно, что одна из причин смешения моделей изъяснительного и вмещающего СПП заключается в возможности появления в первой из них соотносительного слова — указательного местоимения. Тот факт, что в этом случае оно факультативно и не является несущим элементом конструкции, обнаруживается лишь специальной аналитической процедурой — проверкой на возможность опустить местоимение. Несложность этой процедуры не отменяет той простой истины, что, для того чтобы к такой проверке обратиться, надо отдавать себе отчет в ее необходимости, то есть обладать либо специальными знаниями, либо незаурядной языковой интуицией. Внешне же, если не вдумываться, изъяснительное СПП с указательным местоименным словом в главной части практически неотличимо от местоименно-соотносительного СПП вмещающего типа².

Уместен вопрос: существуют ли какие-то закономерности, предопределяющие появление указательного местоимения в главной части изъяснительного СПП? Или, наоборот, это лишь дело случая?

2.1.1. Если исходить из примеров вида:

(1a) На педсовете директор говорил, что школа выдвинута на соискание премии;

(1б) На педсовете директор говорил о том, что школа выдвинута на соискание премии, —

то никаких существенных различий между (1a) и (1б) — таких, чтобы появление О ТОМ во втором случае было убедительно мотивировано, — заметить нельзя. Обычно, сравнивая примеры в подобных парах, обращают внимание на перенос акцента с контактного слова на соотносительное. Это верно, но лишь отчасти: происходит не перенос акцента, а возникновение нового. В (1a) акцентированных элементов нет, интонация нейтральна. В (1б) действительно возникает акцентное выделение делиберативной синтаксемы, из чего

² Неслучайно и студенты-филологи, осваивая курс синтаксиса, неизменно испытывают трудности при разграничении этих двух типов.

делается вывод, что такие конструкции подчеркивают содержание речи / мысли и т. д., а не факт речи / мысли и т. д. Смысл этого вывода неясен, потому что придаточное в любом случае содержит абсолютную рему высказывания, а в модели (1а) никакого подчеркивания факта речи / мысли и т. д. нет.

Более информативны примеры, в которых позиция делиберативной синтаксемы в главной части, в прототипе как бы незаполненная и замещаемая изъяснительным придаточным, замещена неопределенным, определительным или отрицательным местоимением:

(2а) На педсовете директор что-то говорил о том, что школа выдвинута на соискание премии; (ср. также: *кое-что*; *нечто*)

(3а) На педсовете директор ничего не говорил о том, что школа выдвинута на соискание премии / На педсовете директор все рассказал о том, как школу выдвинули на соискание премии.

В (2а) и (3а) изъятие соотносительного указательного местоимения приводит к отвергаемым нормой вариантам:

(2б) * На педсовете директор что-то говорил, что школа выдвинута на соискание премии;

(3б) * На педсовете директор ничего не говорил, что школа выдвинута на соискание премии.

Примечание. Конструкция, близкая к (2б), но не совпадающая с ней полностью, может возникнуть в особых синтаксических условиях — при инверсии главной и придаточной частей:

(2б') Ты говоришь, что у нас все скверно и что будет переворот; я этого не вижу; но ты говоришь, что присяга условное дело, и на это я тебе скажу: что ты лучший мой друг, ты это знаешь, но, составь вы тайное общество, начни вы противодействовать правительству, какое бы оно ни было, я знаю, что мой долг повиноваться ему. (Л. Толстой. Война и мир. Эпilog).

Указательное местоимение *это* в данном случае фактически совмещает функции, в случае (2а) распределенные между неопределенным и указательным местоимениями.

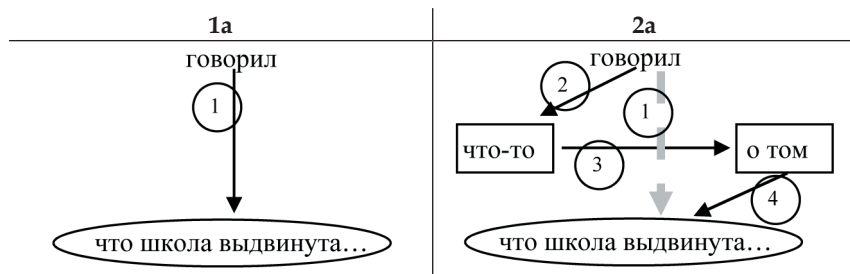
Таким образом, в случаях (2–3) соотносительное указательное местоимение становится обязательным элементом конструкции. Причина заключается в том, что простое дублирование компонента с делиберативным значением (*что-то* / *ничего* + придаточная часть) бессмысленно, так как ведет к смысловой ошибке: семантика неопределенности / отрицательности вступает в прямое противоречие с ясной конкретностью содержания придаточной части. О ТОМ

в (2а–3а) выполняет функцию логического медиатора, посредника, упорядочивающего отношения между семантикой местоимения и содержанием придаточного.

Схематически роль медиатора можно показать так:

Таблица 1

Схемы связей в конструкциях (1а) и (2а)

Если в модели (1а) между контактным словом и придаточным устанавливается прямая связь — как смысловая, так и грамматическая, — то в модели (2а) вместо одной связи — четыре (!). Прямая связь 1 между контактным глаголом и придаточным сохраняется, но она приглушена другой — более непосредственной и сильной 2: между глаголом и делиберативной синтаксемой³. Однако в смысловом отношении эта сильная связь оказывается почти пустой: неопределенное местоимение мало что сообщает о содержании речи и больше говорит о степени информированности или позиции говорящего. Оно требует конкретизации — и «получает» ее еще в одном местоимении — атрибутивно-объектном компоненте, семантика которого также может быть охарактеризована как делиберативная. Однако это снова лишь грамматическая семантика; смысл же этого компонента равен нулю, а функция заключается в конкретизации семантики неопределенного местоимения и отсылке к придаточной части. «Директор говори́л — что? — *что-то* — что именно, о чем? — *о том, что...*». Сходная ступенчатая логика и в построении (3а): «Директор не говори́л — чего? — *ничего* — вообще ничего не говорил? — [нет,

³ Положение, согласно которому связь между глаголом и присловным распространителем сильнее и непосредственнее связи между глаголом и придаточным, замещающим позицию присловного распространителя, — хотя бы в силу компактности первой, — считаем возможным принять без доказательств. Во всяком случае — если иметь в виду *восприятие* этой связи.

только] *о том, что...*». Весьма показательно это сращение указательного местоимения с союзом, фактически превратившееся в новую скрепу; но об этом ниже. Здесь же обратим внимание на самую главную метаморфозу, происходящую в модели (2а): хотя с придаточным как таковым не происходит никаких изменений, его смысловой объемом все же существенным образом изменяется.

2.1.2. Действительно, в модели (1а) делиберат (смысловое содержание речи / мысли / чувства...) Σ , который предполагается (антиципируется) контактным словом (*говорил*), совпадает с содержанием придаточной части S , причем и первое, и второе мыслятся как целостные факты, связанные прямой соотносительностью:

$$\Sigma = S \quad (i)$$

В модели же (2а) это не так. Здесь возможны разные соотношения: на педсовете директор говорил о выдвижении школы на соискание премии, а что именно — говорящий не знает / не помнит / не желает конкретизировать и т. п. Но в любом из этих случаев содержание придаточного S предстает, в отличие от Σ , как совокупность фактов. Например, рассказ о выдвижении школы на соискание премии мог в действительности состоять из информации как о самом факте выдвижения, так и о предпосылках его, различных сопутствующих обстоятельствах, а также о связанных с этим перспективах и задачах; *что-то* может подразумевать любой из этих смысловых компонентов, для которых придаточное становится уже не адекватной предикативной номинацией, а, в сущности, лишь ярлыком. Изменяется, следовательно, не только семантический объем придаточного, но и его смысловая функция в масштабах всего СПП.

Ни о каком совпадении Σ и S в этом случае говорить не приходится, антиципация содержания придаточной части оказывается весьма приблизительной, а главное — неединственной (см. схему выше). И контактное слово, и *что-то* (в формуле (ii) это, соответственно, *CW* — *contact word* — и *IP* — *indefinite pronoun*) отсылают к любому из возможно-подразумеваемых фактов, маркируемых (уже не обозначаемых, а лишь маркируемых) придаточной частью⁴. При этом делиберат, антиципируемый неопределенным местоимением, также превращается в множество возможных фактов, а содержание,

⁴ Ясно, что референция придаточного приобретает здесь весьма нечеткий, диффузный характер.

предполагаемое соотносительным словом (указательным местоимением, в формуле обозначено как *DP* — *demonstrative pronoun*), представляет собой конкретизацию предыдущего — но лишь в том смысле, что это может быть какой-либо один элемент множества, но неизвестно какой. Для обозначения этих отношений воспользуемся, за неимением лучшего, символом, лишь указывающим на наличие некоторой содержательной связи:

$$\begin{cases} S_{CW} \sim S \{s_1, s_2 \dots s_n\} \\ S_{IP} \{s_1, s_2 \dots s_n\} \sim S \{s_1, s_2 \dots s_n\} \\ S_{DP} \{s_i\} \sim S \{s_1, s_2 \dots s_n\} \end{cases} \quad (ii)$$

Какой именно из фактов, входящих в множество *S*, подразумевает говорящий, предложения типа (2а) не сообщают, или сообщают не всегда, или сообщают без должной меры точности. Семантическая экспликация конструкции (с учетом модусной рамки) может выглядеть так:

‘[Я сообщаю, что] **Х говорил**, [но что именно — мне в полном объеме неизвестно, я знаю лишь приблизительно, что он говорил] **что-то об Y**’. (iii)

Отмеченная особенность данной конструкции делает ее уместной и формально корректной в том числе и в тех ситуациях, когда говорящий явным образом интерпретирует содержание чужого высказывания. Например, если жена рассказывает мужу, как ездила против своего желания в местную командировку, и роняет при этом замечание о том, что приказание отправиться туда было сделано начальником «*как всегда, в категоричной форме*», то через некоторое время возможен вопрос мужа:

(2в) Ты, помнится, **что-то говорила о том**, что твой начальник с тобой всегда грубо разговаривает?

Описанное свойство конструкций этого типа особенно ярко демонстрирует пример (4), в котором роль неопределенного местоимения берет на себя относительное — с частицей *ни*, так как главная часть изъяснительной конструкции является, в свою очередь, придаточным обобщенной уступки. Это местоимение выполняет, помимо прочего, функцию обобщающего слова при ряде однородных делиберативных синтаксем; этот ряд (заметим — открытой структуры) сам по себе служит указанием на незавершенность перечня делибератов, то есть, пользуясь нашими обозначениями,

на тот факт, что S в данном случае есть потенциально бесконечное множество $\{s_1, s_2 \dots s_n\}$:

(4) Герман замечал, что⁵, о чем бы он ни думал: о том ли, что у дантиста, к которому он идет, седины и ухватки мастера и, вероятно, художественное отношение к тем трагическим развалинам, освещенным ярко-пурпурным куполом человеческого неба, к тем эмалевым эреkteонам и парфенонам, которые он видит там, где профан нащупает лишь дырявый зуб; или о том, что в угловой кондитерской с бисерной занавеской вместо двери пухлая, но легкая, как слоеное тесто, продавщица (живущая в кисейно-белом аду, истыканном черными трупиками мух), которая ему улыбнулась вчера, изошла бы, вероятно, сбитыми сливками, ежели ее сжать в объятьях; или о том, наконец, что в «Пьяном Корабле», строку из которого он вспомнил, увидев рекламу — слово «левиафан» на стене между мохнатыми стволами двух пальм, — все время слышится интонация парижского гавроша, — зубная боль неотлучно присутствует, являясь оболочкой всякой мысли, и что всякая мысль лежит в люльке боли, ползает с ней и живет в этой боли, с которой она столь же неразрывно срослась, как улитка со своей раковиной. (В. Набоков. Камера обскура [рукопись Зегелькранца])

В этом примере обращает на себя внимание еще и следующее обстоятельство: конструкция *думал... о том, что* аранжирована здесь так, что невозможна безоговорочная квалификация ее ни как изъяснительной (элемент *о том* не является факультативным), ни как вмещающей (прямая связь между *думал* и придаточными не утрачена). В плане семантики перед нами изъяснительная конструкция, но структурно она может быть охарактеризована как местоименно-соотносительная. Перед нами, таким образом, свидетельство возможности явлений, занимающих промежуточное положение между двумя названными типами, — и важен сам этот факт, сколь бы специфичны ни были условия его возникновения.

В случае (3а) содержание придаточной части аналогичным образом предстает как совокупность фактов: если об S , как следует из фразы, можно не сообщить *ничего*, то это значит, что S мыслится как непустое множество, включающее ряд фактов, и об этом S можно сообщить *что-то*, то есть назвать хотя бы одно s_n . Если бы S мыслилось как пустое множество, это практически означало бы, что S не

⁵ Во всех известных мне изданиях В. В. Набокова эта запятая отсутствует; однако пунктуационная норма требует ее безоговорочно.

существует (*ничего не сообщить о том, чего нет* — это занятие для специалистов особого рода, далеко отстоящее не только от Принципа Кооперации Грайса, но и от прототипа коммуникации) — и тогда конструкция (3а) была бы невозможна; вместо нее в таких случаях используется (1а):

Директор **не говорил, что** школа выдвинута на соискание премии.

Заметим, что (1а) актуализирует общефактическое значение не совершенного вида, в то время как в (3а) частновидовое значение тяготеет к конкретно-процессному. «Игра» на частновидовых значениях, не осознаваемая, но ощущаемая носителем языка, служит дополнительным фактором, обуславливающим употребление конструкций изъяснительного СПП с соотносительным словом в главной части.

Следует, кроме того, учесть, что появление отрицания в предложении — тем более в сложном предложении — открывает целый ряд дополнительных семантических возможностей. Однако это отдельная — и обширная — проблема, а потому рассмотрение этих возможностей оставим за рамками данной работы, оговорив лишь то, что во всех рассматриваемых здесь случаях с негацией сам факт того, *что S*, не подвергается ни отрицанию, ни утверждению.

2.1.3. Теперь еще одно наблюдение. Конструкции вида (2а–3а) содержат явные признаки **авторизации**, поскольку с очевидностью, в отличие от конструкции (1а), выявляют присутствие и позицию говорящего лица; ср. также приведенную выше семантическую экспликацию (iii). Рассмотрим это подробнее.

Делиберативный компонент типа *что-то* в главной части изъяснительного СПП дублирует придаточную часть, но, как уже показано, отнюдь не полностью: только в плане грамматического значения (делиберативного) — но не в смысловом отношении. Прагматико-смысловая функция у этого компонента совершенно иная: он сигнализирует о наличии **лакун** в знаниях говорящего о предмете речи и в этом плане подобен ядерному средству авторизации — вводно-модальным компонентам *конечно, кажется, вероятно* и т. п. Компонент *ничего* в той же позиции создает, напротив, впечатление **исчерпывающего** характера знаний говорящего о предмете речи (ср. также: *все рассказал о том...*). И то и другое выглядит неким отклонением от нейтрального положения дел, выражаемого конструкциями вида (1а). Такие отклонения от «нейтрали» неизменно привлекают внимание партнера по коммуникации, отмечаются им, а говорящим используются в тех же фактически целях, что и вводно-модальные компоненты.

2.1.4. Таким образом, модель изъяснительного СПП с дублирующим неопределенным (или иным) и указательным местоимением в главной части (2а–3а) обладает следующими особенностями в сравнении со стандартной моделью (1а):

1) более сложной логико-смысловой структурой (количество связей вчетверо больше);

2) существенно бóльшим семантическим объемом придаточного, причем оно утрачивает роль фразовой номинации, приобретая взамен роль фразового ярлыка с неопределенной, диффузной референцией к нечетко заданному множеству фактов;

3) измененным частновидовым значением контактного глагола;

4) отчетливыми признаками авторизации;

5) конкретизирующей функцией указательного местоимения по отношению к неопределенному;

6) способностью в особых синтаксических условиях сближаться с местоименно-соотносительным (вмещающим) типом СПП, образуя переходные явления, исключающие непротиворечивую интерпретацию.

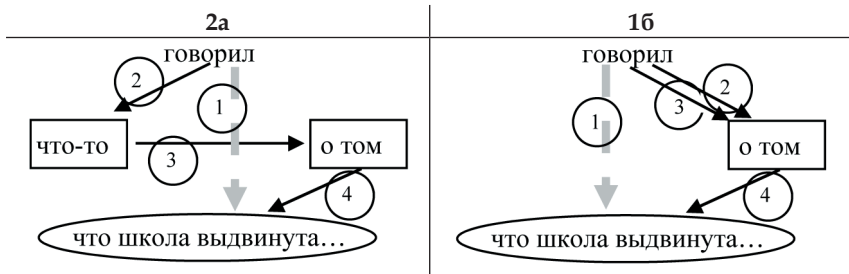
2.1.5. Теперь вернемся к исходной паре (1а–б). Предыдущее изложение подводит к мысли о том, что модель (1б) обладает теми же признаками, что и (2а–3а), отличаясь от последней лишь отсутствием делиберативного местоименного прямого дополнения, функции которого берет на себя косвенное О ТОМ — с тем же значением.

Это предположение подкрепляется отмеченной выше тесной связью между присутствием в главной части прямого дополнения типа *что-то* и соотносительного указательного местоимения: ср. (2б–3б). Коль скоро появление первого с необходимостью влечет появление второго, то можно полагать, что наличие второго имплицитует первое, то есть наличие в (1б) О ТОМ подразумевает и реализацию всех функций *что-то*.

Схема связей в конструкции видоизменяется следующим образом (табл. 2).

Как видно из таблицы, в конструкции (2а) непосредственная связь между контактным словом и соотносительным местоимением О ТОМ отсутствует, имеется лишь опосредованная связь через компонент *что-то*. Исключение последнего в (1б) приводит к тому, что эта опосредованная связь превращается в «сдвоенную» — и, можно полагать, более сильную. Однако исключение прямого делиберативного дополнения, выраженного неопределенным местоимением, приводит и к иному соотношению антиципации и содержания придаточной части, к перераспределению их семантических объемов.

Схемы связей в конструкциях (1б) и (2а)

Функция местоимения О ТОМ превращается из конкретизирующей (ведь конкретизировать нечего) в ограничительную. Но тем самым объем антиципации контактного слова расширяется: ведь если предполагаемое содержание речи / мысли... Σ_{CW} подвергается ограничению, то оно шире, чем содержание придаточного. Семантическая экспликация конструкции может в этом случае выглядеть так:

‘[Я сообщаю, что] **Х говорил**, [но из всего, о чем он говорил, я выделяю лишь то, что он говорил] **об Y**’. (iv)

Таким образом, антиципация контактного слова становится столь же широкой, как антиципация неопределенного местоимения в (ii), в то время как содержание придаточной части, благодаря ограничителю О ТОМ, не мыслится как потенциально бесконечное множество фактов, то есть придаточная часть здесь снова не ярлык, как в (2а–3а), а предикативная номинация:

$$\begin{cases} \Sigma_{CW} \{ \sigma_1, \sigma_2 \dots \sigma_n \} \sim S \{ s_i \} \\ \Sigma_{DP} \{ \sigma_i \} \sim S \{ s_i \} \end{cases} \quad (v)$$

Следовательно, высказанное выше предположение неверно: модели (2а–3а) и (1б) различаются не только наличием / отсутствием дублирующего неопределенного местоимения. И соотношение семантических объемов антиципации и содержания придаточной части, и семантическая экспликация, и функция указательного местоимения в (1б) также специфичны. Однако отчетливые признаки авторизации здесь, как и в (2а–3а), имеются: на это ясно указывает предпринятая выше семантическая экспликация. С прагматической точки зрения эта конструкция удобна говорящему для того, чтобы косвенно выразить следующие прагматические значения:

1) ‘я говорю не обо всем, что говорил Х’ (‘...что приходит в связи с этим в голову’; ‘...что сказано в этом письме’ — и т. п.);

2) ‘я не беру на себя ответственность / не желаю говорить обо всем этом в полном объеме’;

3) ‘причины, по которым я не беру на себя такую ответственность / не говорю об этом в полном объеме, в контексте данного разговора не имеют значения’.

Нет необходимости пояснять, насколько существенна иногда для говорящего возможность выразить эти значения. Минимизация личной ответственности за содержание собственного высказывания, дистанцирование от этого содержания — общая тенденция речевого поведения конца XX — начала XXI в. (и не только в России!); именно этой тенденции мы обязаны, в частности, ставшей притчею во языцех экспансией частицы *как бы*. Как и у любого массового явления, конкретные причины проявлений этой тенденции в разных случаях могут быть различны. В одних случаях говорящий, сознавая высокую степень личной ответственности за любое высказывание сентенциального типа (генеритивного регистра, по Г. А. Золотовой), намеренно сужает, конкретизирует предмет речи; в других случаях говорящий стремится вообще уйти от всякой ответственности за содержание своей речи. Поэтому и оценка поведения говорящего может варьировать в широких пределах: от сочувствия до категорического неприятия.

Важно подчеркнуть, что речь идет о возможности выразить названные прагматические значения без прямой их вербализации, но в то же время так, чтобы слушающий их не то чтобы «прочитал», но обязательно почувствовал. Носители русского языка, как и любого языка с развитой системой частиц, хорошо умеют чувствовать такие оттенки. Именно **намерение выразить эти значения**, по-видимому, и **играет решающую роль**, когда говорящий из вариантов конструкции (1) выбирает (1б).

2.1.6. Таким образом, можно полагать, что причина появления указательного местоимения в главной части изъяснительного СПП кроется в том, что, как показывает анализ, при этом происходит перераспределение семантических объемов антиципируемого и реального делиберата — ср. (i) и (v), — что позволяет говорящему выразить существенно важные прагматические значения. Здесь нужно заметить, что, при всем удобстве конструкций типа (1б) для известных ситуаций, их общая частотность в современной речи значительно ниже частотности конструкций типа (1а). Это хорошо видно из таблицы 3, в которой представлены количественные результаты выборки

из русскоязычного Интернета, осуществленной при помощи поисковой системы Google⁶.

Таблица 3

**Количество контекстов, найденных по запросам
поисковой системой Google (дата выборки — 28.04.2008)**

запрос (1а)	кол-во контекстов	запрос (1б)	кол-во контекстов
сказал, что	2 560 000	сказал о том, что	71 500
сказала, что	1 160 000	сказала о том, что	13 100
сказали, что	1 540 000	сказали о том, что	20 600
сказать, что	2 790 000	сказать о том, что	201 000
Итого:	8 050 000	Итого:	306 200
говорил, что	1 120 000	говорил о том, что	355 000
говорила, что	1 250 000	говорила о том, что	87 500
говорили, что	705 000	говорили о том, что	399 000
говорить, что	874 000	говорить о том, что	1 280 000
Итого:	3 780 000	Итого:	2 121 500
думал, что	1 320 000	думал о том, что	197 000
думала, что	696 000	думала о том, что	69 700
думали, что	572 000	думали о том, что	33 400
думать, что	814 000	думать о том, что	264 000
Итого:	3 402 000	Итого:	564 100
Итого для трех лексем без соотн. слова:	15 232 000	Итого для трех лексем с соотн. словом:	2 991 800

Из таблицы видно и то, что сравнительная частотность⁷ конструкций (1а/б) сильно колеблется в зависимости от того, какая именно

⁶ Данные, приведенные в таблице 3, должны рассматриваться как ориентировочные, поскольку поисковая система не разграничивает подлинные контактные рамки и результаты случайного совпадения (например: *Меня не интересует, что ты сказал, что ты вообще там бормочешь про себя; меня интересует только одно: где моя шуба?!*), хотя таких совпадений немного. С другой стороны, сплошная выборка из русскоязычного Интернета в нашем случае показательнее выборки из Национального корпуса русского языка, поскольку свидетельствует о реальной употребительности обеих конструкций носителями всех типов речевой культуры.

⁷ Термин *частотность* употребляем в данном случае в расширительном значении.

лексема используется в качестве контактного слова: если для конструкций с глаголом *сказать* частотность (1а) более чем на порядок выше частотности (1б), то среди конструкций с *говорить* соотношение существенно иное (хотя, казалось бы, всего лишь другой вид!). Можно полагать, что продолжение выборки даст еще более любопытные результаты, но общее соотношение, видимо, не изменится: конструкции (1а) в узусе явно преобладают — и, следовательно, мнение об экспансии конструкций (1б) следует признать несколько преувеличенным. Это, однако, не относится к конструкциям типа *доказать о том, что*, разговор о которых впереди.

2.2. Соотносительное слово и специфицирующее знание. Еще один штрих к названным в 2.1 причинам добавляет взгляд на конструкцию (1б) с позиций, предложенных в когнитивной модели дискурса (Йокояма 2005). О. Йокояма различает семь видов знания, передаваемого в процессе «когнитивной трансакции» (в качестве материала для пояснений в скобках используем наш пример):

1) знание кода (например, знание лексического значения слова *директор*);

2) референциальное (осведомленность о том, какой именно человек обозначен в данном случае словом *директор*);

3) пропозициональное (знание о том, что ситуация, о которой идет речь, задается предикатом *говорил*, плюс владение типовым набором актантов и сирконстантов этого предиката, но без знания о конкретном заполнении этих позиций в данном случае: если говорящий обладает только пропозициональным знанием, он способен лишь сообщить, что *Кто-то где-то что-то говорил*);

4) специфицирующее (знание того, чем заполняются актантные и сирконстантные позиции в данном случае — например, *директор, на подсвете*);

5) экзистенциальное (знание о существовании в данной ситуации того, что обозначается актантами и сирконстантами, но без специфицирующего знания о них: существует тот, кто говорил; существует место, где это происходило);

6) предикационное (знание о том, что вообще нечто произошло, — но без пропозиционального, специфицирующего и экзистенциального);

7) знание дискурсивной ситуации: «знание содержания и состояния когнитивного множества, а также множества активизированных знаний адресата в их соотношении с множеством знаний и множеством активизированных знаний говорящего» (Йокояма 2005: 30–40).

Виды (2)–(6) О. Йокояма объединяет в понятии *информационное знание*, (1) и (7) — в понятии *метаинформационное знание*.

Опираясь на эту в высшей степени полезную классификацию, выстроим шкалу информированности говорящего, которая в то же время окажется и шкалой информативности его высказывания. Метаинформационное знание оставим за пределами этой шкалы, поскольку без него и собственно говорящего не будет. Виды знания для удобства обозначим сокращениями: РЕФ (референциальное); ПРОП (пропозициональное); СПЕЦ (специфицирующее); ЭКЗ (экзистенциальное); ПРЕДИК (предикационное). На первой ступени расположим минимальное знание, необходимое для того, чтобы говорящий вообще мог сделать некоторую ситуацию предметом своего высказывания; на следующих ступенях будем постепенно добавлять другие виды знания. ПРОП и ЭКЗ прибавляем одновременно, так как второе автоматически имплицитруется первым (О. Йокояма подробно рассматривает имплицативные отношения между разными видами знания на с. 43–53 указ. соч.). Тогда получим:

I	ПРЕДИК	Говорящий осведомлен лишь о том, что <i>нечто произошло</i> . Его информированность и информативность его высказывания отличны от нуля, но минимальны.
II	ПРЕДИК + ПРОП + ЭКЗ	Говорящему известен главный признак ситуации — организующий ее <i>процесс</i> , который он в состоянии обозначить <i>конкретным предикатом</i> , но он ничего не может сказать об ее участниках и обстоятельствах.
III	ПРЕДИК + ПРОП + ЭКЗ + СПЕЦ	Говорящий может <i>назвать участников ситуации и обстоятельства</i> ее протекания (но может быть незнаком с ними лично).
IV	ПРЕДИК + ПРОП + ЭКЗ + СПЕЦ + РЕФ	Говорящий <i>знаком со всеми участниками и обстоятельствами ситуации</i> .

Если теперь, исходя из этой шкалы, оценить меру информативности главной части изъяснительного СПП в модели (1a) (без соотносительного слова), то окажется, что содержание главной части безусловно включает только предикационное, пропозициональное и экзистенциальное знание, а специфицирующее и референциальное — лишь отчасти, то есть находится между второй и третьей ступенями — при возможных четырех (!). В самом деле: если при слове *dicendi, sentiendi, voluntativis, affectuum* не назван делиберат, являющийся в этом случае обязательным актантом, то условие ступени III

не соблюдено, соответствующее специфицирующее знание отсутствует — во всяком случае, не проявлено и не передано адресату. Отсюда ясно, насколько остро ощущается — пусть относительная, если учитывать наличие придаточного, — неполнота главной части: это не просто синтаксическая, и даже не просто семантическая неполнота; это семантическая неполнота той степени, которая ставит высказывание на грань осмысленности и бессмысленности.

Вводя в главную часть делиберативный компонент — пусть лишь формальный, — говорящий сглаживает эту острую неполноту: в синтаксическом плане она вообще исчезает, а в семантическом плане местоименный компонент подчеркивает, что говорящий *р а с п о л а г а е т* не только экзистенциальным, но и специфицирующим знанием делиберата, — ведь местоимение и указывает именно на *н а л и ч и е с п е ц и ф и ц и р у ю щ е г о з н а н и я*.

2.3. Отыскав, таким образом, причины появления указательного местоимения в главной части изъяснительного СПП, мы можем задать следующим вопросом: **почему для замещения этой позиции избирается именно О ТОМ**, а не какая-либо другая словоформа местоимения ТО?

Ответ на этот вопрос дает «Синтаксический словарь» Г. А. Золотовой. Анализ представленной в нем системы именных синтаксем показывает, что среди 13 делиберативных синтаксем русского языка⁸ есть лишь две свободных и при этом не имеющих семантических ограничений (то есть два собственно делибератива): *про* + **В. п.** и *о (об)* + **П. п.** Вторая, однако, имеет более высокий коэффициент — 7 (количество позиций, в которых она может выступать), так как она может обозначать делиберат не только при глаголах речемыслительной деятельности, но также при глаголах «горестного чувства» (*жалеть о прошедшем*) и «заботы» (*хлопотать об удобствах*) (Золотова 1988: 374–375; 384–429; примеры оттуда же). Можно полагать, что универсальность этой синтаксемы заставляет носителей русского языка воспринимать ее как **прототип** синтаксического компонента с делиберативной семантикой. Если это так — неудивительно, что на роль местоименной словоформы, имеющей делиберативное значение и указывающей на наличие специфицирующего знания, избирается именно О ТОМ — регулярная реализация

⁸ Учтены все синтаксемы, имеющие делиберативное значение в качестве основной или дополнительной семемы (то есть, напр., и объектно-делиберативные синтаксемы).

прототипического делибератива. Было бы удивительно, если бы избиралась другая синтаксема.

2.4. Предпочтительность соотносительного слова в модификациях базовой конструкции. Появление в изъяснительной конструкции факультативного соотносительного слова, чему, как теперь ясно, есть свои причины, подкрепляется многочисленными речевыми ситуациями, когда факультативность местоимения оборачивается его предпочтительностью или даже обязательностью. К числу таких ситуаций относятся случаи, когда в предложение вводится ограничение и / или отрицание. Например, в модели *доказать, что...* введение ограничения или отрицания превращает местоименный компонент в предпочтительный, ср. возможный диалог:

— Мы доказали, что данный треугольник — равносторонний.

— Простите, вы доказали только [то], что углы при его основании равны. Но вы не доказали [того], что третий угол равен двум другим или что все стороны треугольника равны.

Аналогичным образом ведут себя модели *продемонстрировать, что...*, *показать, что...*, *увидеть, что...* и мн. под.

Такое поведение служит дополнительным прецедентом, закрепляющим в языковом сознании представление о совместном (чтобы не сказать *нераздельном*) функционировании контактной рамки с указательным местоимением, — представление, исподволь трансформирующееся в представление о нормативности присутствия указательного местоимения в контактной рамке.

А когда такое представление оказывается помноженным на слабое владение нормой — рождаются монстры типа **доказать о том, что...*

Частичная проверка⁹ встречаемости ненормативных конструкций с универсализированным соотносительным словом О ТОМ при помощи поисковой системы Google показала: с частотностью, позволяющей говорить о довольно широком распространении (результаты поиска колебались от нескольких десятков до нескольких тысяч контекстов), встречаются конструкции, находящиеся на грани или за гранью нормы, с более чем 100 контактными словами. В их числе: *браниться, внушать, внушение, возразить, вразумить, встретить,*

⁹ За основу была взята часть словника Словаря [Ильенко, Лёвина 2007]: буквы А–Д плюс несколько других распространенных контактных слов.

вывеска, выговорить / выговаривать, выразить / выражать, выяснить, гарантировать, гарантия, давать руку на отсечение, декларировать, излагать; вера, верить, вериться, вероятность, видеть, возможность, вымысел, демонстрировать, дилемма, додуматься, доказательство, доказать / доказывать, дополнить, допустить, понять, признать, решить, согласиться, увидеть; боязнь, возмутиться / возмущаться, восхищаться, гордиться, досадовать, каяться, почувствовать; грозить, добиться, призывать и др.

Совершенно очевидно, что перед нами действие закона экономии. Принцип экономии речевых усилий порождает стремление к унификации средств оформления изъяснительной конструкции: ведь проще, не различая «тонкостей» управления, свойственных разным контактными словам (*верить* [в то], *что...*; *доказать* [то], *что...*; *додуматься* [до того], *что...*; *возмутиться* [тем], *что...*; *каяться* [в том], *что...*; *добиться* [того], *чтобы...*; *призывать* [к тому], *чтобы...*), во всех случаях использовать одну и ту же синтаксему О ТОМ.

Все названные выше факторы имеют различную природу. Прототипичность О ТОМ как делибератива — факт как грамматической системы, так и языкового сознания. Функция сглаживания синтаксической и семантической неполноты главной части СПП, приобретаемая указательным местоимением как соотносительным словом, сигнализирующим, помимо прочего, о наличии специфицирующего знания, — факт функционирования словоформы в определенной семантико-синтаксической конфигурации. Перераспределение семантических объемов антиципируемого делиберата и содержания придаточной части, позволяющее внести в семантику высказывания существенные прагматические значения, — факт функционирования синтаксической семантики на уровне прагматики высказывания. Будучи, однако, собраны воедино в коротеньком местоименном слове с предлогом, эти факторы образуют мощный «кулак». И разрушительное действие этого «кулака» подкрепляется еще одним фактором.

2.5. Речь идет о консинтаксическом принципе организации высказывания. Любое СПП, особенно нерасчлененной структуры, уже в силу наличия специализированного средства связи и глубокого взаимопроникновения частей, есть явление иннективного синтаксиса. Однако и внутри инсинтаксической конструкции возможно действие консинтаксического начала — если иметь в виду не модель СПП как единицу описания грамматического строя, а живую конструкцию, возникающую в речи. Ведь порождение высказывания происходит вовсе не под безраздельным диктатом системной модели;

на него влияют и другие факторы. Одним из них и оказывается коннективный принцип, заключающийся не только в свободе соположения, но и в свободе совмещения компонентов. Заменяя разные (предложно-) падежные формы местоимения одной «универсальной», говорящий свободно совмещает синтаксему *о (об)* + *Пр. п.* с глаголами — фактически так, как если бы это была неизменяемая, окаменевшая форма. Срастание этой формы с союзом, подкрепляемое высокой степенью употребительности этой комбинации, превращает последнюю в скрепу, которая осознается как модуль с функцией организации изъяснительно-вмещающего СПП, свободно совмещаемый с любым глаголом (или девербативом). Очевидно, что говорящий при этом значительно облегчает свою задачу: вместо того, чтобы выбирать единственно возможную из ряда делиберативных синтаксем, опираясь на валентность контактного слова, он независимо от валентности использует один и тот же местоименно-союзный модуль *О ТОМ, ЧТО*. Это и означает, что внутри иннективной по природе конструкции действует консинтаксический принцип свободного совмещения компонентов. Разрушение или, как минимум, перерождение самой конструкции при этом неизбежно.

Оппозиция коннексии — иннексии пронизывает все слои языка; в разных сферах эти начала соотносятся по-разному. Консинтаксическое начало, в частности, обладает безусловным приоритетом в разговорной речи. Известно, например, что в этой сфере союзные конструкции употребляются значительно реже бессоюзных, причем образование последних часто происходит, так сказать, явочным порядком: союз (или союзное слово) попросту опускается, что в кодифицированной литературной речи считается недопустимым (*Загляни там в магазин к стати я говорила*). В этом смысле в высшей степени показательно, что ненормативные конструкции типа:

Могу **заверить** неплательщиков о том, что курортного житья неплательщикам не будет (ТВ), —
встречаются, как правило, либо в неподготовленной устной публичной речи, либо в письменной речи людей, недостаточно владеющих литературной нормой. Если речевой стандарт, детерминирующий облик данной языковой личности, определяется преимущественно нормами разговорной речи (а не, скажем, преимущественно или на паритетных началах — книжно-письменной речи), то и доминирующий принцип синтаксического конструирования высказывания в речи такого человека — консинтаксический. Пока ситуация не требует от него выхода за пределы привычной системы разговорной речи,

он и чувствует себя комфортнее, и ошибок объективно делает меньше. Как только он оказывается вынужден переключиться на кодифицированный литературный язык, он начинает бояться сделать ошибку: например, перепутать, в какой форме должно быть, и должно ли быть вообще, местоимение ТОТ при глаголе — например, *доказать*...

Результат уже описан.

3. Все сказанное служит основанием для рекомендации практического характера. В «Лексико-синтаксическом словаре» информация о нормативном использовании соотносительного местоимения в главной части изъяснительного СПП должна даваться в обязательном порядке. В нынешней редакции Словаря принцип: «указывается на возможность употребления соотносительных слов только по отношению к тем контактным словам, которые могут употребляться и без их участия» (с. 14) — проведен непоследовательно, ср.: «Справочная информация данного типа представлена в Словаре в очевидных случаях» (с. 49). «Информация данного типа» не просто справочная, а нормативная, и это предмет острейшей необходимости. И более всего она необходима как раз не в очевидных случаях. Понятно, что последовательное проведение этого принципа приведет к существенному расширению объема Словаря, и тем не менее шаг этот представляется совершенно необходимым.

В высшей степени полезны были бы учебные словари и пособия, которые можно подготовить на основе названного Словаря. Такие пособия должны быть нацелены на предупреждение распространенных ошибок типа **доказать о том...*, и поэтому обязательные сведения о способности модели принять соотносительное слово и его форме должны занимать в них еще более существенное место.

4. Поляризация микросистемы транскомуникативных конструкций как путь к ее стихийной оптимизации. Изложенные наблюдения и соображения позволяют взглянуть на обсуждаемое явление еще шире. Перед нами, по сути дела, один из актуальных процессов, определяющих движение синтаксической системы языка. В чем смысл этого процесса? Это может проясниться, если сравнить, как он выглядит с позиций традиционной грамматики и «грамматики говорящего». Оговорим предварительно, что все конструкции моносубъектной речи¹⁰ (здесь имеются в виду конструкции неэлементарные, то есть

¹⁰ Другими словами, конструкция с прямой речью — прототипическое, но не моносубъектное средство передачи содержания чужой речи, мысли, волеизъявления и т. д. — здесь не рассматривается.

не рассматриваются простые предложения с делиберативным дополнением), позволяющие говорящему передать содержание своих или чужих мыслей, речей, речевых поступков, чувств, описать их и т. д., можно объединить в микросистему **транскоммуникативных конструкций**; так мы и будем именовать их далее.

С позиций традиционной грамматики, в синтаксической системе имеются следующие 4 неэлементарные транскоммуникативные конструкции:

- 1) СПП с изъяснительным придаточным;
- 2) местоименно-соотносительное СПП вмещающего типа;
- 3) бессоюзное сложное предложение;
- 4) предложение с вводным компонентом.

С позиций «грамматики говорящего», в распоряжении говорящего (пишущего) имеются 5 типов транскоммуникативных конструкций:

- 1) изъяснительное СПП без соотносительного слова в главной части;
- 2) изъяснительное СПП с соотносительным словом в главной части;
- 3) местоименно-соотносительное СПП вмещающего типа;
- 4) бессоюзное сложное предложение;
- 5) предложение с вводным компонентом.

Подчеркнем: разные перечни — это не полемическая уловка. Для говорящего (1) и (2) в последнем перечне — это действительно разные типы конструкций. Первые нейтральны и даже в какой-то мере близки к бессоюзным: ведь они, как и бессоюзные, лишены слова, указывающего на наличие специфицирующего знания, не выражают удобных прагматических значений; наличие же союза само по себе — факт, с позиций говорящего, вторичный и не столь существенный. Это конструкции, которые осознаются как нейтральные (собственно, они и есть нейтральные) или даже близкие к разговорным. Бессоюзные же конструкции (На педсовете директор говорил — школу выдвигают на соискание премии) сближаются с предложениями, в которых транскоммуникативная функция реализуется при участии вводного или вставного компонента, разграничить которые в устной неподготовленной речи не всегда возможно (Школу, директор на педсовете говорил, выдвигают на премию).

Напротив, изъяснительные СПП с соотносительным словом, с позиций грамматики говорящего, ближе к вмещающим, и, кроме того, что в них есть слово, указывающее на наличие специфицирующего знания и снимающее синтаксическую неполноту, что они выражают

удобные прагматические значения, — они осознаются как преимущественно книжные, точно так же, как и предложения вмещающего типа.

Чем шире выбор — тем труднее говорящему сделать его. Неудивительно, что система, предоставляющая говорящему (слишком) широкий выбор, подвергается оптимизации, смысл которой заключается в ее упрощении. (Исторические примеры таких процессов общеизвестны.) Тот факт, что в узусе употребление изъяснительных СПП с соотносительным словом подвергается унификации, сближающей их с вмещающими предложениями, а бессюзные конструкции, в свою очередь, сближаются с осложненными вводными / вставными компонентами, — может быть интерпретирован как поляризация микросистемы неэлементарных конструкций, выполняющих транскоммunikативную функцию (трансляция своих / чужих мыслей, речевых поступков и т. д.). На одном полюсе оказываются конструкции явно книжные, на противоположном — окрашенные разговорностью (бессюзные и с вводным / вставным компонентом). Центральное положение занимает нейтральная (все же нейтральная), по отношению к оппозиции книжности — разговорности, конструкция изъяснительного СПП без соотносительного слова. Внутрисистемная цель этого процесса, повторим, — оптимизация микросистемы, упрощение ее использования говорящим.

ГЛАВА 16

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КРУГА ПРЕДЛОЖЕНИЙ ВМЕЩАЮЩЕГО ТИПА, ПОДЛЕЖАЩИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМУ ОПИСАНИЮ¹¹

В двух сравнительно недавних работах Т. В. Шмелева, анализируя вмещающие конструкции сложноподчиненного предложения (ВмК СПП), приводит, помимо прочего, следующие данные: по ее подсчетам, количество знаменательных лексем, способных служить опорными словами вмещающих конструкций, в современном русском языке около 200¹². Как известно, в списке опорных лексем, составленном Д. А. Сабромене, насчитывается 1394 глагола и 308 прилагательных¹³. В реальности подобных лексем еще больше, поскольку Д. А. Сабромене не принимала во внимание существительные, которые также могут служить опорными словами вмещающих конструкций (*Уговорились поехать за брусом вместе — с тем условием, что Вакуров раздобудет машину*). Как же оценить круг таких лексем? Чьи подсчеты ближе к реальности: Т. В. Шмелевой или Д. А. Сабромене?

Вряд ли есть необходимость пояснять, что этот вопрос только кажется второстепенным. Любому, кто пытался не просто осмыслить природу предложений вмещающего типа, но четко определить круг таких конструкций, знакомо ощущение некоторой растерянности: чем дальше, тем шире оказывается этот круг. В еще большей мере это относится к попытке лексикографического описания лексико-синтаксических моделей ВмК СПП.

Для того же, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо принципиально решить, что именно мы понимаем под вмещающей конструкцией сложноподчиненного предложения.

Эта конструкция, честь открытия которой принадлежит В. А. Белошапковой, в исходной трактовке обладает следующими признаками:

¹¹ Вопрос о лексикографическом описании предложений вмещающего типа обсуждался в связи с проектом соответствующего словаря. После этой статьи работа над словарем была, к сожалению, остановлена.

¹² «Сейчас можно сказать, что объем этого лексикона — около 200 единиц: почти 70 глаголов и идиом типа *речь идет*, более 100 субстантивов и около 30 адъективов» ([Шмелева 2008а]; ср. также [Шмелева 2008б]).

¹³ [Сабромене 1981]; [Сабромене 2008].

1) структурно обязательным элементом конструкции является указательное местоимение *то*₂ в главной части (подробнее см. с. 328);

2) структурно обязательным элементом конструкции является асемантический (не изъяснительный) подчинительный союз *что*, или союз *чтобы*, или относительное местоимение (союзное слово) в придаточной части (см.: [Грамматика... 1970: § 1537–1540]).

Эта характеристика считается классической; не случайно, например, Т. А. Колосова в статье для учителей воспроизводит именно ее [Колосова 2000].

В. А. Белошапкова не включает в эту характеристику прямых указаний на обязательное наличие в главной части слова, требующего в силу своей семантики и валентностных свойств распространителя, функция которого и возлагается на указательное местоимение. Лишь намек на это обстоятельство (или догадку о нем?) можно усмотреть в упоминании о том, что местоимение *то* в главной части может быть в любом падеже «в зависимости от управляющей словоформы» [Грамматика... 1970: 691]. (Строго говоря, уточнение «в зависимости от управляющей словоформы» противоречит указанию на «любой» падеж: если *то* является управляемой словоформой, то им. падеж для нее должен быть исключен. Некоторые примеры В. А. Белошапковой, однако, как раз содержат *то* в роли подлежащего главной части, ср.: *То, что он с 16 лет работал, помогло узнать жизнь и людей*. Это означает, что наличие словоформы, управляющей местоимением *то*, не рассматривалось автором в качестве обязательного признака ВмК СПП.) В. А. Белошапковой было, по-видимому, важнее очертить общие контуры типологии местоименно-соотносительных СПП, поэтому в фокусе ее внимания находились комплексы «местоимение + скрепа», общее устройство которых в трех базовых типах местоименно-соотносительных предложений — при существенных различиях в деталях — оказывается удобным основанием для их систематизации.

Идея опорного слова как определяющего компонента вмещающей конструкции принадлежит С. Г. Ильенко; эта идея стала центральной в диссертации ее ученицы [Сабромене 1981]. Если до работы Д. А. Сабромене считалось, что ключевую роль в структуре вмещающих предложений играют местоимения в соотносении с союзом (...*тем*, *что*...; ...*с того, что*... и т. п.), то теперь выяснилось, что эта структура в значительной мере определяется словом, которое управляет местоимением: *обязан тем, что*...; *удивлял тем, что*...; *симпатичен тем, что*...; *начали с того, что*... Именно эти единицы были названы в диссертации **опорными**.

Сама идея опорного слова представляла собой новый шаг в осмыслении лексико-грамматической природы сложноподчиненного предложения. Ранее С. Г. Ильенко было введено понятие **контактного** слова: это слова, которые подчиняют придаточную часть в предложениях нерасчлененной структуры и вступают в непосредственный контакт со средством связи — союзом или союзным словом, — образуя контактную рамку СПП: *заявление, с которым...; объявили, будто...; веселее, чем...* ([Ильенко 1964]). **Опорное** слово, в отличие от контактного, «характеризуется опосредованной связью с союзом...», так как между опорным словом и средством связи появляется облигаторное соотносительное слово: *привлекал **тем**, что; приятен **тем**, что*» ([Сабромене 1981: 5]). На этом теоретическом фоне выявление **относительно замкнутого круга слов**, способных выполнять функцию опорного компонента вмещающей конструкции, было принципиально новым шагом и оценивалось как существенный вклад в теорию СПП, а кроме того — служило новым убедительным подтверждением оправданности пристального внимания к явлению, которое в работах С. Г. Ильенко получило название **лексико-синтаксической координации**. В этом и заключался глубинный смысл приложения к диссертации — казалось бы, всего лишь «невинного» списка из менее чем двух тысяч слов.

Вместе с тем утверждение представления об обязательном наличии в главной части опорного слова сужает круг конструкций, которые безоговорочно подводятся под понятие ВмК СПП. В диссертации Д. А. Сабромене в центре внимания, действительно, были предложения типа *Морю он был обязан **тем**, что стал писателем* (К. Паустовский; это не просто пример из указ. дис., а один из тех «образцовых», наиболее репрезентативных примеров, которые предъявляются читателю в начале работы в качестве своеобразного эталона конструкций, о которых пойдет речь). В главной части таких предложений указательное местоимение занимает позицию обязательного присловного распространителя — именно этим и объясняется ключевая роль опорного слова, которому этот обязательный распространитель прямо подчинен. Другие же ВмК СПП, в которых контактное местоимение *то* оказывается в иной позиции / функции внутри главной части (ср., в частности, уже приведенный пример В. А. Белашапковой или такие примеры: *Не **то** беда, Авдей Флюгарин, **Что** родом ты не русский барин...* [А. С. Пушкин]; *Абсурд **в том**, что израильтяне пользуются меньшей свободой совести и вероисповедания, чем, например, евреи в России* [А. Бовин];

Завораживает и порой ужасает **то, что** мир может быть столь разным для столь разных людей [Газ.]; [Смерть] Завораживает в **том** смысле, **что** вызывает привыкание, тем более что можно долго числиться в списке условно живущих, успешно и без особого труда подражая живым [А. Секацкий]), оказываются при этом в неопределенном положении: неясно, причислять ли их к той же классификационной рубрике, выводить ли за ее пределы... В первом случае, далее, неясно, как быть с важным признаком наличия / отсутствия опорного слова; во втором случае неясно, какое же место в классификации следует отвести этим конструкциям, полностью отвечающим базовому определению ВмК СПП, но лишенным опорного слова в главной части.

Между тем сюжет с опорными словами не столь очевиден, как мы привыкли думать. Действительно, в предложениях типа *Морю он был обязан тем...* имеет место лексико-синтаксическая координация: именно лексическое значение опорного слова, определяя его валентностные свойства, требует распространителя в определенной форме, то есть предопределяет реализацию конкретной синтаксической связи. Однако этот факт лексико-синтаксической координации не более специфичен, чем совершенно аналогичные факты на уровне словосочетания, где наблюдается действие тех же механизмов: *Морю он был обязан тем...* в этом смысле ничем не отличается от *Своей судьбой он был обязан морю*. Сама по себе связь между *обязан* и формой тв. п. еще не влечет организации сложного предложения, не «намекает» ни на какой подчинительный союз, не имплицитует его и т. п. Следовательно, «опосредованная связь с союзом», которой, по словам Д. А. Сабромене, характеризуется опорное слово, в реальности не существует, ибо, если бы она существовала, было бы невозможно объяснить регулярное функционирование конструкций типа *Своей судьбой он был обязан морю*, в которых союза — как очевидно — нет, не предполагается и даже в скрытом виде не ощущается.

Вмещающее же СПП **начинается**, как известно, **с того**, что в некоторую синтаксическую позицию главной части (в примере из К. Паустовского и в текущей фразе — в позицию обязательного присловного распространителя, но это отнюдь не единственная возможность) помещается семантически пустое слово — указательное местоимение: тогда-то появление придаточной части становится облигаторным, а ее тип — очерченным с некоторой мерой строгости. В частности, эта придаточная часть не может вводиться так называемыми «семантическими» подчинительными союзами (*потому что, так как, если,*

хотя и т. п.). Но это может быть не только придаточное с асемантическим союзом *что*, но и, например, придаточное, открываемое относительным местоимением: *Морю он был обязан тем, чем занимался всю жизнь*; *Морю он был обязан тем, что стало его профессией*; *Морю он был обязан тем, о чем он потом всю жизнь сожалел*. Иначе говоря, появление указательного местоимения в позиции присловного распространителя предсказывает факт появления придаточного и определенным образом ограничивает его тип, но не предсказывает, какой именно конкретный вид местоименно-соотносительной конструкции будет сформирован — отождествительный или вмещающий.

И все же, хотя предвосхищаемая придаточная часть не поддается характеристике желательной внятности, вполне может сложиться впечатление, будто между опорным словом и союзом возникает некоторая связь. В самом деле, возможно ли **обязан тем, чтобы...?* **обязан тем, потому что...?* **обязан тем, хотя...?* Невозможно. Значит, все-таки существует опосредованная связь между опорным словом и союзом?

Нет. Не существует. Избирательность по отношению к скрепе проявляет не опорное слово, а контактное местоимение. Чтобы понять, так это или не так, нужно внимательнее приглядеться к тому, как «работает» это местоимение во вмещающих конструкциях.

Рассмотрим пример:

(а) *Сестра была удивлена не тем, что́ ты сказал, а тем, что ты вообще что-то сказал.*

Главная часть здесь содержит два указательных местоимения. Оба — в функции обязательного присловного распространителя при сказуемом. Первое из них — *то₁* — имеет референцию к делиберату глагола речи, находящемуся в придаточной части; делиберат обозначен относительным местоимением; поэтому внутри комплекса *то, что́* устанавливается референциальное тождество. Перед нами местоименно-соотносительная конструкция отождествительного типа. Она аналогична конструкциям: *Кто ищет, тот всегда найдет*; *Кто беден, тот тебе не пара*; *Я думаю о тех, кого уже здесь нет*. Местоимение *то₁* является не единственным, а одним из целого ряда возможных в таких конструкциях контактных слов — Т-местоимений (они общеизвестны: *тот, такой, столько, там, туда, тогда* и т. д.).

Отождествительные конструкции легко поддаются перифразе: *Важно не сказанное тобой*; *Ищущий всегда найдет*; *Бедный тебе не пара*; *Я думаю об ушедших*. Какова природа компонентов, которые мы получили в результате перифразы? Это не просто

субстантивированные признаковые слова. В результате перифразы мы получили имена **лиц (субстанций)**, в основу номинаций которых положен признак, приписанный им посредством предикативной связи в исходных придаточных частях. Спрашивается: для чего языку (или, что то же: человеку) неэкономная конструкция *Кто беден, тот тебе не пара*, если можно сказать лаконичнее? Ведь в других случаях мы прекрасно обходимся лаконичной моделью (*Сытый голодного не разумеет*).

По-видимому, причина широчайшей распространенности «неэкономных» конструкций не одна. Отождествительная конструкция нужна прежде всего для того, чтобы разделить признак и его носителя, усилив тем самым акцент на каждом из них. Далее, «неэкономная» конструкция воспринимается как менее обобщенное суждение: употребляя местоимения *тот* и — в особенности — *кто*, говорящий неизбежно актуализирует в активной зоне сознания представление о единичном лице, поскольку базовая функция местоимения *кто*, закрепленная в его согласовательных свойствах, — указание именно на единичное лицо (ср. частотные затруднения говорящих и пишущих с выбором формы числа сказуемого в тех случаях, когда *кто* соотносится с формой мн. ч. *те*). Компенсировать снижение уровня генерализации можно путем замены указательного местоимения определительным (*Всякий, кто беден, тебе не пара*). Но для нас важнее первое, то есть акцентирование носителя признака, усиливаемое его удвоенным упоминанием (*то, что́; тот, кто* и т. п.) с тождественной, но «пустой» референцией, — ибо содержательно наполняет эту референцию только признак, приписываемый референту в предикате придаточной части.

Можно сказать шире: из самой природы и функциональной предназначенности конструкций отождествительного типа с неизбежностью вытекает тот факт, что контактное местоимение в них имеет **референцию к одному из компонентов семантической структуры придаточной части** — семантическому субъекту, предикату, объекту-делиберату, объекту-инструменту и т. п., а следовательно — и к **одному** из компонентов ее синтаксической структуры. Этот компонент как раз и зафиксирован в придаточной части в виде относительного местоимения.

Теперь вернемся к примеру (а) и рассмотрим второе из указательных местоимений в главной части. В этом случае перед нами *то*₂, которое часто называют семантически опустошенным (эта характеристика повторена, например, в [Ильенко 2011: 178]). Чем объясня-

ется такая парадоксальная, в сущности, характеристика? Единственное объяснение, которое можно предположить, — в резко отличающем $то_2$ от $то_1$ отсутствии референции к определенному компоненту семантической структуры придаточной части. В последней и слово-то, которое фиксировало бы соответствующий компонент, отсутствует.

И тем не менее $то_2$ нисколько не «пустее», чем $то_1$, скорее наоборот! В отличие от $то_1$, оно имеет референцию ко всей пропозиции придаточной части, ко всему ее содержанию в целом — со всеми смысловыми и любыми другими акцентами, которые могут в этом содержании присутствовать (это, в сущности, общее место: на этот факт, но в несколько иной терминологии, с самого начала указывала В. А. Белошапкова). Поэтому, если мы попытаемся подвергнуть перифразе конструкцию *Сестра удивлена тем, что ты вообще что-то сказал*, мы получим нечто вроде *Сестра удивлена фактом *сказания тобой хоть чего-то*. Другими словами, перифразируя вмещающую конструкцию, мы получаем в качестве эквивалента придаточного не имя лица, не имя предметной или понятийной субстанции, а **пропозициональное имя**. Это дополнительное доказательство того (в общем-то, очевидного) факта, что $то_2$ во вмещающих конструкциях имеет **референцию ко всей пропозиции придаточной части в целом**.

Именно по этой причине репертуар контактных местоимений во ВмК СПП исчерпывается одним Т-местоимением высшей ступени абстракции: это субстантивированное указательное местоимение *тот* в форме среднего рода ед. числа — в полном соответствии с регулярным способом образования имен понятий путем субстантивации прилагательных (ср. *великое, вечное* и т. п.). Пропозициональный характер референции Т-местоимения во ВмК СПП выразительно подчеркивается широко распространенным использованием в этой же позиции сочетаний типа *тот факт, то условие, то основание, тот аргумент* и т. п. Существительные в этих сочетаниях также являются именами пропозиций, так как стандартный способ представления и выражения (формулирования) фактов, условий, оснований, аргументов опирается на предикатно-актантные отношения и, соответственно, на ту или иную модель либо полной, либо свернутой предикативной структуры. Ясно, что катафорическую функцию (роль «провокатора» придаточной части) в таких случаях берет на себя сочетание в целом, а внутри него собственно референцией к пропозиции характеризуется существительное, местоимение же — как легко видеть, уже другое — «понижается в ранге» до определения, усиливающего катафоричность своей таинственной «семантической пустотой».

По этой же причине (пропозициональный характер референции $то_2$) во ВмК СПП, в отличие от разнообразия средств связи в отождествительных конструкциях, абсолютно доминирует один союз — десемантизированный (не изъяснительный) $что_2$, очень точно охарактеризованный в [Ильенко 2011: 182].

Теперь зададимся вопросом: имеются ли в форме местоимения $то_2$ какие-либо признаки, позволяющие при его появлении в тексте немедленно (до восприятия придаточной части) определить, что это именно $то_2$, а не $то_1$, и, соответственно, предсказать характер его референции? Очевидно, что нет. Как же в таком случае мы угадываем характер референции и вообще различаем смысл высказываний, почему не смешиваем друг с другом фразы типа *Я был поражен тем, что́ ты вчера говорила о поездке* (= Меня поразило содержание твоих слов о поездке) и *Я был поражен тем, что ты вчера говорила о поездке* (= Меня поразил факт твоего *говорения о поездке)?

Единственное средство для этой дифференциации — интонационное акцентирование союзного слова в первом случае (кстати, в полном соответствии с избирательно-акцентирующей природой отождествительных конструкций) при невозможности акцентирования союза — во втором. Интонационный акцент в отождествительной конструкции может быть подкреплён акцентирующей постпозитивной частицей, причем сам интонационный акцент при этом перемещается с местоимения на частицу, первое превращается в проклитику (!) ко второй (*что́ именно ты говорила*). Акцентирующая частица может быть расположена и дистантно; в этом случае ударение на союзном слове сохраняется, но сохраняется и самостоятельное словесное ударение на частице (!): *Я был поражен тем, что́ ты́ именно вчера говорила о поездке*.

Акцентирующая частица может появиться и во ВмК СПП, причем при любом компоненте придаточной части (кроме союза, разумеется), но здесь она ведет себя иначе. Здесь она выступает только в качестве проклитики, то есть никогда не «перетягивает» на себя самостоятельное словесное ударение и образует с акцентируемым компонентом одно фонетическое слово — иначе говоря, ведет себя так, как и положено частице.

Дифференциация при помощи интонации и / или частиц, таким образом, позволяет адресату речи идентифицировать средство связи либо как союз, либо как союзное слово.

И только в том случае, когда средство связи опознается как союз, исключается вероятность референциального тождества двух место-

имений (контактного указательного в главной части и относительного — в придаточной), тем самым исключается референция контактного местоимения к одному из компонентов семантической структуры придаточной части, и остается единственно возможной пропозициональная референция контактного слова. Иными словами, только после этого ВмК СПП сформирована. Вряд ли есть необходимость добавлять, что только после этого и сам союз может быть осознан (идеальным носителем языка) как десемантизированный *что*₂.

Вывод: избирательность по отношению к средству связи проявляется прежде всего контактное местоимение; определенного союза требует именно оно, а не «опорное слово». **ВмК СПП формируется комплексом *то*₂ + *что*₂, который является необходимым и достаточным средством для этой цели.**

Таким образом, в том, что В. А. Белошапкина ничего не говорит о словах, которые позже были названы опорными, и об их роли в организации вмещающих конструкций, есть ясная логика: ее видение ВмК СПП совпадает с только что сформулированным. В соответствии со своим взглядом на важнейшие стороны организации синтаксических единств, она приводит в Грамматике-70 три типа вмещающих конструкций:

- (1) *То, что он с 16 лет работал, помогло узнать жизнь и людей;*
- (2) *Обязанность его заключалась в том, чтобы выдавать инвентарь;*
- (3) *Никто не мог войти в дом без того, чтобы не стукнуться о порог.*

В первом случае местоимение *то* занимает в главной части позицию первого компонента структурной схемы (в традиционной типологии — подлежащего), во втором — третьего компонента структурной схемы (именной части сказуемого), в третьем — факультативного при словного распространителя.

Характерно, что ни в одном из этих примеров опорных слов фактически нет. Невозможно считать опорным словом — разумеется, в очерченном Д. А. Сабромене понимании — глагол *помочь*, так как его способность соединяться в одной из спрягаемых форм с подлежащим в им. п. предопределена не его лексическим значением, а его морфологической природой. Невозможно считать опорным словом и глагол *заклучаться*, поскольку его лексическое значение здесь также ни при чем: чтобы убедиться в этом, достаточно заменить эту полузнаменательную связку формальной (*Обязанность его была в том, чтобы выдавать инвентарь*). Форма *в* + II. п. предопределена

не лексическим значением и валентностью глагола, а функцией связочного компонента составного именного сказуемого (ср. регулярные реализации этой модели, представляющей собой вариацию на тему стандартных предложений тождества: *Весь смысл нашей жизни — в стремлении к лучшему; Назначение этой детали состоит в удержании кронштейна в горизонтальном положении независимо от действия внешних сил*).

Невозможно, наконец, считать опорным словом и глагол *войти* — хотя бы потому, что он не требует обязательного распространения.

Приведенные примеры (1–3) не содержат опорных слов отнюдь не случайно. Из обширного материала, которым В. А. Белашапкина иллюстрирует положения указанных параграфов «Грамматики–70», они отобраны Т. В. Шмелевой для работы, в которой автор, в частности, показывает возможность иной систематизации функций местоимения в главной части — с позиций семантического синтаксиса: «с опорой на представления о предикатно-актантной структуре предложения можно сделать вывод о том, что механизм вмещающей связи может “сработать” на основе любой позиции в структуре простого предложения. При этом t-местоимения распределяются по позициям следующим образом:

предикатная — *таков, такой*;

актантная — *то, того, в том, о том...*;

атрибутивная — *такой*;

квалификативная — *так*.

Существо этого механизма состоит в фиксации места в структуре простого предложения для пропозитивной номинации и открытии связи для ее включения, преобразующего его в полипредикативную структуру» [Шмелева 2008б]¹⁴. Примеры, приводимые автором для названных позиций:

*Захлеб от восторга **таков**, что фильму уже приписали Гран-при* (Изв. [газета «Известия»]; предикатная позиция);

*Бывает **и так**, что детям приходится расплачиваться за грехи отцов или становиться удобной мишенью для сведения счетов между политическими врагами* (Изв.; предикатная позиция);

*Жизнь **так** устроена, что вина перед умершими, независимо от того, жили мы рядом или в разлуке с ними, — преследует каждого из нас* (А. Кушнер; квалификативная позиция).

¹⁴ Работы [Шмелева 2008а; 2008б] цитируются по электронным копиям, любезно предоставленным автором.

Пример для атрибутивной позиции, однако, в указ. раб. отсутствует, если не считать таковым следующий случай, где *такой* вряд ли можно рассматривать в качестве отдельного распространителя: *...вы будете неосознанно менять тактику **таким образом**, что это позволит вам осуществить задуманное* (Изв.).

В итоге Т. В. Шмелева приходит к выводу: «Вера Арсеньевна открыла не просто особый тип сложного предложения, а местоименно-союзный механизм, особую конструкцию, на основе которой строятся сложные предложения широкого смыслового диапазона. При этом оказывается, что вмещающие предложения — только один из случаев действия этого механизма» [там же].

Ниже в указ. раб. Т. В. Шмелева обращает особое внимание на тот факт, что вмещающий механизм свободно функционирует не только в сфере присловных и предикативных связей, но также на уровне детерминантов, приводя, в частности, такие примеры:

При виде того, как большинство и меньшинство в продуктивной дискуссии приходят к взвешенным решениям, граждане поймут, что плебисцит им без надобности (Изв.);

Январь оказался теплее нормы на 7,3 градуса, но с учетом того, что в феврале в Россию наконец-то пришли морозы, в итоге зима окажется теплее нормы примерно на 5,5 градусов (Изв.) [там же].

Совершенно очевидно, что при таком подходе круг рассматриваемых конструкций становится необозримым. К вмещающей конструкции вполне применима широко известная характеристика абсолютной неизбирательности, которую Ф. Г. Раневская в свое время дала понятию таланта. Именно с этим фактом мы и столкнулись, приступив к работе над словарем лексико-синтаксических моделей СПП вмещающего типа.

Необозримость, неопределимость круга вмещающих конструкций видна уже из того факта, что контактное Т-местоимение может занимать в главной части позиции главных членов (примеры для обоих случаев приведены выше). Возможность замены обычной номинации на предикативную (*этот поцелуй* → *то, что она меня поцеловала*) не ограничена и лексико-грамматически не мотивирована ничем, кроме того, что подобной замене может подвергнуться имя только пропозициональной семантики. Если последнее считать одним из отличительных признаков ВмК СПП, то нам придется включить в словарь все подобные имена.

Но в таком случае станет не вполне ясно, словарь чего должен в итоге получиться.

Итак, выявляются три концепции предложений вмещающего типа:

1) «узкая» (С. Г. Ильенко — Д. А. Сабромене), предполагающая обязательное наличие опорного слова, предопределяющего своей семантикой и валентностными свойствами появление придаточного и форму контактного местоимения;

2) «широкая» (В. А. Белошапкова), не предполагающая наличия опорного слова, но ограничивающая круг ВмК СПП только предложениями с местоимением *то*₂ в качестве контактного слова;

3) «безграничная» (Т. В. Шмелева), не предполагающая наличия опорного слова и включающая в круг ВмК СПП предложения с местоимениями *то*₂, *так*, *таков*, *такой*.

В теоретическом плане позиция Т. В. Шмелевой представляется заслуживающей пристального внимания. Любопытно, что из ее концепции как будто должно вытекать полное отрицание существования опорных слов; однако Татьяна Викторовна как раз не отрицает их существования — и, более того, делает весьма симптоматичную оговорку: «оказывается, что вмещающие предложения — только один из случаев действия этого механизма». Получается, что далеко не все реальные высказывания, в которых мы можем констатировать действие «местоименно-союзного механизма», следует относить к СПП именно вмещающего типа. Возникает неизбежный вопрос, как же квалифицировать «остаток» и какое место в классификации ему отвести.

В «остатке» оказываются следующие разновидности местоименно-союзной конструкции:

1) высказывания, в которых контактное местоимение *то*₂ в главной части выполняет иную синтаксическую функцию (не обязательного присловного распространителя):

а) подлежащего (*Важнее всего **то**, что ты вообще что-то сказал*);

б) сказуемого (*Самое главное достижение нашего коллектива — **то**, что мы сумели его сохранить*); к этой же группе, разумеется, относятся и случаи представления именного компонента сказуемого косвенным падежом с предлогом (*Задача состоит **в том**, чтобы наладить безотказную работу конвейера*);

в) детерминанта (*При виде **того**, что староста с активистами собрались в кучку в углу рекреации, двоечники насторожились*);

2) высказывания, в которых контактным словом является местоимение *то*₂, а средством связи служит не союз *что*₂, а союзное слово (*Больше всего мама возмущена не тем, что ты кого-то без спросу привел в дом, а тем, **кого** ты привел*);

3) высказывания с другими контактными местоимениями: *так*, *таков* (примеры Т. В. Шмелевой см. выше).

Для первой группы представляется неоспоримой их характеристика как вмещающих конструкций. Изменение синтаксической функции контактного местоимения внутри главной части ничего не меняет ни в его референции, ни в характере его соотнесенности с союзом, ни в качестве самого союза. Эти конструкции полностью отвечают исходному определению вмещающих конструкций, предложенному В. А. Белошапковой. Единственное, но важное отличие конструкций этой группы от вмещающих в «узком» смысле заключается в отсутствии лексико-синтаксической координации между словом-партнером и контактным местоимением: форма последнего в этих конструкциях никак не связана с лексическим значением слова-партнера (опорным словом его назвать уже никак невозможно), существует лишь ограничение на категориальное значение слова-партнера. Выше уже говорилось об эквивалентности комплекса «местоимение *то*₂ + придаточное с союзом *что*₂» абстрактным существительным: очевидно, что второй главный член в таких случаях не может быть выражен глаголом предметного действия, состояния предмета или лица в прямом лексическом значении (рубить, рулить, лежать, рвать и т. п.), конкретным или вещественным существительным в прямом значении (стол, грузовик, масло) и т. д. Однако это ограничения, касающиеся целых лексико-грамматических разрядов слов; подобные ограничения описываются не в словарях, а в грамматиках.

Таким образом, конструкции первой группы являются, безусловно, вмещающими. Если воспользоваться методикой полевого структурирования, то их отношение к вмещающим конструкциям в «узкой» трактовке можно интерпретировать как отношение околядерной зоны к ядру. ВмК СПП в «узком» смысле можно поместить в ядро поля вмещающих конструкций на том основании, что в них наблюдается наивысшая плотность синтаксической связанности конструкции, а ведь чем выше эта плотность, тем конструкция монолитнее.

Вторая группа представляет собой более сложный объект. Во-первых, ясно, что она может включать все четыре разновидности ВмК СПП по функции контактного слова в главной части:

- 2а) *Сестру возмутило то, **кого** ты привел;*
- 2б) *Вопрос заключается в том, **кого** послать в Новосибирск;*
- 2в) *От того, **кого, когда и в каком качестве** мы пошлем в Новосибирск, не зависит, по большому счету, ничего;*
- 2г) *Сестра возмущена тем, **кого** ты посмел привести в дом.*

Следовательно, эта группа образует множество конструкций, параллельное множеству ВмК СПП с союзом *что*₂, — и множество,

возможно, более широкое, поскольку по богатству средств связи оно далеко превосходит союзные ВмК СПП.

Во-вторых, эти конструкции нельзя приравнять к союзным ВмК СПП, так как характер референциальных соотношений здесь несколько иной. С одной стороны, при помощи союзного слова, которое обязательно акцентируется, в придаточной части выделяется определенный компонент пропозиции. При появлении акцентирующей частицы она обнаруживает такое же поведение, как в предложениях отождествительного типа: она «перетягивает» на себя логическое ударение с союзного слова, независимо от того, в контактной или дистантной позиции по отношению к последнему она находится:

2а') *Сестру возмутило то, **кого** именно ты привел / Сестру возмутило то, **кого** ты именно привел.*

Эта особенность сближает данные конструкции с предложениями отождествительного типа.

С другой стороны, однако, контактное местоимение в таких высказываниях сохраняет референцию к пропозиции придаточной части в целом и не превращается в *то*₁. Сужение референции до акцентированного в придаточной части компонента в (2а), например, приведет и к замене местоимения, и к изменению формы сказуемого: *Сестру возмутил **тот**, **кого** ты привел*. В этом случае получаем стандартную отождествительную конструкцию; но этот пример служит наглядным подтверждением положения о сохранении контактным местоимением в конструкциях вида (2а–г) референции к пропозиции придаточной части в целом.

Конструкции второй группы целесообразно отграничить от конструкций первой группы терминологически. Называть их вмещающе-отождествительными, думается, все-таки не стоит, поскольку тождество референции внутри местоименно-союзного комплекса здесь отсутствует. Можно избрать для них наименование **вмещающе-выделительных**: в нем соединяются указания как на вмещающий характер контактного местоимения (то есть на его референцию к пропозиции придаточной части), так и на выделенность, акцентированность одного из компонентов этой пропозиции в самой придаточной части.

Третья группа представляет собой еще более трудный для квалификации объект. Прежде всего потому, что она еще совершенно не изучена.

Первичные же соображения сводятся к следующему. Конструкции с местоименным прилагательным *таков*, судя по примерам, приводимым Т. В. Шмелевой, правильнее квалифицировать как предложения фразеологизированного типа. Если это действительно

так (для серьезных выводов требуется намного более широкий материал), то пока эти конструкции можно вывести из рассмотрения.

Что же касается высказываний с местоименным наречием *так*, то они представляют собой неоднородную группу. В одних случаях *так* факультативно, а конструкция является изъяснительной:

Бывает [и так], что детям приходится расплачиваться за грехи отцов или становится удобной мишенью для сведения счетов между политическими врагами.

В других случаях конструкция совмещает признаки вмещающей и фразеологизированной:

Жизнь так устроена, что вина перед умершими, независимо от того, жили мы рядом или в разлуке с ними, — преследует каждого из нас.

С одной стороны, по внешним признакам это высказывание почти неотлично от местоименно-соотносительных СПП фразеологизированного типа; с другой стороны, в главной части не только отсутствует, но и вряд ли может быть восстановлено подразумеваемое слово с семантикой, предполагающей градацию интенсивности; поэтому в *так* отсутствует семантика степени, составляющая обязательный признак фразеологизированных местоименно-соотносительных конструкций. Зато прочитывается семантика образа действия (ср.: *Жизнь устроена таким образом...*), а референция местоименного слова охватывает всю пропозицию придаточной части. По-видимому, подобным конструкциям стоит отвести особое классификационное место рядом с вмещающими конструкциями, но не внутри них. Основанием для такого решения служит тот факт, что в этом случае смысловая соотнесенность главной и придаточной частей поддается вполне определенной квалификации, в то время как во ВмК СПП смысловая соотнесенность определенной семантизации не поддается. Следовательно, налицо как явный элемент конструктивной близости сопоставляемых конструкций, так и очевидное различие в семантической характеристике. Дополнительным основанием для предлагаемого решения служит то обстоятельство, что предложения, реализующие семантику образа действия, вообще плохо представлены в наиболее распространенных версиях структурно-семантической классификации СПП.

Сделанные выводы можно представить графически. Введем обозначения:

Собств ВмК — союзные вмещающие конструкции;

Собств ВмК Коорд (СВмК) — союзные вмещающие конструкции с лексико-синтаксической координацией формы контактного местоимения, выполняющего в главной части функцию обязательного присловного распространителя;

Собств ВмК Некоорд (СВмН) — союзные вмещающие конструкции без лексико-синтаксической координации формы контактного местоимения, являющегося в главной части главным членом / детерминантом;

Выдел ВмК Коорд (ВВмК) — выделительно-вмещающие конструкции с лексико-синтаксической координацией формы контактного местоимения, выполняющего в главной части функцию обязательного присловного распространителя;

Выдел ВмК Некоорд (ВВмН) — выделительно-вмещающие конструкции без лексико-синтаксической координации формы контактного местоимения, являющегося в главной части главным членом / детерминантом;

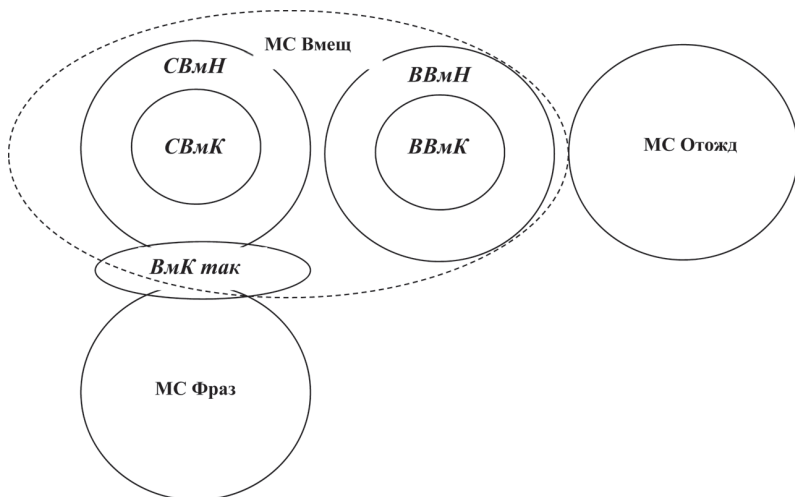
ВмК так — конструкции, занимающие промежуточное положение между Собств ВмК Коорд и местоименно-соотносительными предложениями фразеологизированного типа, с указательным местоименным наречием *так* в роли контактного слова;

МС Отожд — местоименно-соотносительные СПП отождествительного типа;

МС Фраз — местоименно-соотносительные СПП фразеологизированного типа;

МС Вмещ — местоименно-соотносительные СПП вмещающего типа.

Используя эти сокращения и выведенные выше соотношения, получаем следующую схему:

Теперь можно сформулировать приемлемое, на мой взгляд, решение — ведь изначальный вопрос заключался в том, как очертить круг ВмК СПП, поддающихся и подлежащих лексикографированию.

Обоснованное выше отрицание существования опорных слов ВмК СПП в том смысле, в каком они трактовались в работе [Сабромене 1981], не отменяет того факта, что в узусе существует значительное количество устойчивых комплексов *глагол / прилагательное* + *то₂* + *что₂*. Хотя в реальности ВмК СПП формируется более узкими комплексами, без участия глагола или прилагательного, устойчивость и широкое функционирование указанных «широких» комплексов могут служить достаточным основанием для их описания в словарной форме. Они могут интерпретироваться как регулярные **узуальные** модели сложноподчиненных высказываний, реализующих местоименно-союзный механизм организации и принадлежащих сфере речевой синтаксической системности.

Отрицание связи опорного слова с союзом не означает и отрицания самого термина «опорное слово». Регулярность образования высказываний по указанным узуальным моделям является достаточным основанием для сохранения этого термина, хотя содержание обозначаемого им понятия изменяется.

Наиболее же существенный, в том числе и в практическом отношении, вывод заключается в следующем: **описанию лексикографического типа подлежат** только и исключительно **ВмК СПП в «узкой» трактовке**, то есть такие, в которых **контактное местоимение занимает позицию обязательного присловного распространителя**. Именно обязательного и только присловного, поскольку лишь в этом случае можно говорить о наличии регулярной, зафиксированной в системе языка синтаксической связи, опирающейся на лексическое значение и реализующей валентность опорного слова, — связи, с опорой на которую образованы узуальные лексико-синтаксические модели ВмК СПП.

Все же остальные разновидности ВмК СПП должны описываться в грамматике.

- Arbib 2005 — Arbib, Michael A. From Monkey-like Action Recognition to Human Language: An Evolutionary Framework for Neurolinguistics // Behavioral and Brain Sciences. Vol. 28. № 2. 2005. P. 105–124.
- Arbib, Rizzolatti 1998 — Arbib, Michael A., Rizzolatti, Giacomo. Language within our Grasp // Trends in Neurosciences. Vol. 28. № 5. 1998. P. 188–194.
- Bárnětova et al. 1979 —árnětova, V., Beličova-Kržižkova, H. (ред.), Leška, O. (ред.), Skořmalová, Z., Stráková, V. Русская грамматика. Т. 2 (отв. ред. тома H. Beličova-Kržižkova). Praha, 1979.
- Bernhardi 1801–1803 — Bernhardi, August Ferdinand. Sprachlehre. Berlin: bei Heinrich Frölich, 1801–1803.
- Bråten 1991 — Bråten, Stein. Born with the Other in Mind: On Child Development and Cognitive Science Implications. Unpublished working monograph, Dept. of Sociology, University of Oslo, November 1991. Available at: <http://www.stein-braten.com/p00011.htm>.
- Daneš 1964 — Daneš, F. A Three-Level Approach to Syntax // Travaux linguistiques de Prague. L'école de Prague d'aujourd'hui. 1. Prague, 1964.
- Féry 2000 — Féry, Caroline. Phonologie des Deutschen: Eine optimalitätstheoretische Einführung. Kapitel 7. Potsdam, 2000.
- Fillmore 1988 — Fillmore, C. J. The mechanisms of construction grammar // Proceedings of the Berkeley Linguistic Society. 1988. Vol. 14. P. 35–55.
- Fujimura 1979 — Fujimura, O. An analysis of English syllables as cores and affixes // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. 1979. Band 32. P. 471–476.
- Fujimura 2000 — Fujimura, O. The C/D Model and Prosodic Control of Articulatory Behavior // Phonetica. Vol. 57. 2000. P. 128–138.
- Fujimura, Lovins 1978 — Fujimura, O., and Lovins, J. Syllables as Concatenative Phonetic Units // Syllables and Segments / A. Bell and J. B. Hooper, eds. Amsterdam: North Holland, 1978. P. 107–120.
- Goldberg 1995 — Goldberg, A. E. Constructions. A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago, IL/London: University of Chicago Press, 1995.
- Haspelmath 1995 — Haspelmath, M. The converb as a cross-linguistically valid category // Haspelmath M., König E. (eds.) Converbs in Cross-linguistic Perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. 1–55.
- Hogrebe 2010 — Hogrebe, Wolfram. Protodeixis. Was zeigt sich zuerst? // Boehm, G., Spies, C., Egenhofer, S. (Hg.): Zeigen. Die Rhetorik des Sichtbaren. München: Fink, 2010. S. 375–386.

- Israeli 2016 — Israeli, A. Dative-infinitive constructions with the particle ЖЕ in Russian: taxonomy and semantics // *Slavic and East European Journal*. Vol. 60. № 2. 2016. P. 307–336.
- Jackendoff 1972 — Jackendoff, R. S. Gapping and related rules. *Linguistic Inquiry*, 1972. 2, 21–35.
- Kay, Fillmore 1999 — Kay, P., Fillmore, C. J. Grammatical Constructions and linguistic generalizations: The *What's X doing Y?* construction // *Language*. 1999. Vol. 75. P. 1–33.
- Kiklewicz, Korytkowska 2010 — Kiklewicz, A. K., Korytkowska, M. (ред.). Podstawowe struktury zdaniowe współczesnych języków słowiańskich: białoruski, bułgarski, polski. Olsztyn, 2010.
- Kühner 1835 — Kühner, Raphael. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. Band 2. Hannover: Hahnschen Hofbuchhandlung, 1835.
- Lagerwerf 1998 — Lagerwerf, L. *Causal Connectives Have Presuppositions. Effects on Coherence and Discourse Structure*. The Hague: Holland Academic Graphics, 1998.
- Levin 1985 — Levin, Juliette. A metrical theory of syllabicity. Doctoral dissertation. MIT, 1985.
- Mel'čuk 1988 — Mel'čuk, I. A. Dependency Syntax: Theory and Practice. Albany, N.Y., 1988.
- Mel'čuk, Pertsov 1987 — Mel'čuk, I. A., Pertsov, N. V. Surface Syntax of English. A Formal Model within the Meaning-Text Framework. Amsterdam, 1987.
- Mluvnice češtiny 1987 — Mluvnice češtiny, D. (T.) 3. Skladba (Syntax). Praha, 1987.
- Morris 1901 — Morris, Edward Parmelee. On Principles and Methods in Latin Syntax. London: C. Scribner's Sons, 1901.
- Ross 1967 — Ross, J. R. *Constraints on variables in syntax: Ph. D. Thesis*. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 1967.
- Skalička 1948 — Skalička, V. The need for a linguistics of 'la parole' // *Receuil linguistique de Bratislava*. 1948. 1. P. 21–38.
- Tapken 2007 — Tapken, Andreas. Relationship — Intersubjectivity — Otherness. A change of paradigm in recent psychoanalysis and its impact on Christian anthropology // A. Manenti, S. Guarinelli, and H. Zollner (eds.). *Formation and the Person: Essays in Theory and Practice*. Leuven; Paris; Dudley, MA: Peeters, 2007. P. 67–86.
- Thiersch 1826 — Thiersch, Friedrich Wilhelm. Griechische Grammatik vorzüglich des Homerischen Dialektes. Leipzig, 1812 (Erste Aufl.) / 1818 (Zweite Aufl.) / 1826 (Dritte, vermehrte und verbesserte Aufl.) / 1856 (Vierte Aufl.).
- Trevarthen 1998 — Trevarthen, Colwyn. The Concept and Foundation of Infant Intersubjectivity // S. Bråten (ed.). *Intersubjective Communication and Emotion in Early Ontogeny*. Cambridge: Cambridge UP, 1998. P. 15–46.
- van Oirsouw 1987 — van Oirsouw, R. *The syntax of coordination*. London: Croom Helm, 1987.

Wegener 1885 — Wegener, Ph. Untersuchungen ueber die Grundfragen des Sprachlebens. Halle, 1885. [Доступно в «Открытой библиотеке»: http://openlibrary.org/authors/OL882959A/Philipp_Wegener]

Адамец 1966 — Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Praha, 1966.

Адмони 1960 — Адмони В. Г. Двучленные фразы в трактовке Л. В. Щербы и проблема предикативности // НДВШ. Филологические науки. 1960. № 1. С. 36–42.

Адмони 1956 — Адмони В. Г. О модальности предложения // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. XXI. Вып. 1. 1956. С. 66–72.

Адмони 1957 — Адмони В. Г. О предикативности // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. XXVIII. Вып. 2. 1957. С. 142–157.

Адмони 1968 — Адмони В. Г. Типология предложения // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968. С. 232–291.

Адмони 1994 — Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. СПб., 1994.

Аксенов 2006 — Аксенов Г. П. В. И. Вернадский о природе времени и пространства: Историко-научное исследование. М., 2006. [Электронный ресурс: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/aksyonov_o_vernadskom/aksyonov_o_vernadskom.htm]

Александров 1975 — Александров Н. М. О предикативном отношении // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975. С. 133–139.

Андреева 2005 — Андреева С. В. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи. Саратов, 2005.

Андреева 2003 — Андреева С. В. Принципы классификации конструктивно-синтаксических единиц устной речи // Межвуз. сб. науч. тр., посв. 80-летию О. Б. Сиротининой. Саратов, 2003. С. 235–244.

Анохин 1966 — Анохин П. К. Кибернетика и интегративная деятельность мозга // XVIII Междунар. психологический конгресс. Симпозиум 2. Кибернетические аспекты интегральной деятельности мозга. М., 1966. С. 3–20.

Апресян и др. 2010 — Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2010.

Апресян, Пекелис 2011 — Апресян В. Ю. & Пекелис О. Е. Союз // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.

Апресян, Пекелис 2012a — Апресян, В. Ю. & Пекелис, О. Е. Подчинительные союзы // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2012.

- Апресян, Пекелис 2012b — Апресян, В. Ю. & Пекелис, О. Е. Сочинительные союзы // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2012.
- Аракин 1981 — Аракин В. Д. Таитянский язык. М., 1981.
- Арватов 1923 — Арватов Б. Речетворчество (По поводу «заумной» поэзии) // Леф. 1923. № 2. С. 79–91.
- Арутюнова 1976а — Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
- Арутюнова 1988 — Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений (оценка, событие, факт). М.: Наука, 1988.
- Арутюнова 1976б — Арутюнова Н. Д. Бытийные предложения в русском языке // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 6. С. 229–236.
- Арутюнова 1999 — Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Аспекты 1996 — Аспекты речевой конфликтологии: сб. ст. / Под ред. проф. С. Г. Ильенко. СПб., 1996.
- Ахманова 1969 — Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
- Ахутина 1989/2008 — Ахутина (Рябова) Т. В. Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса. М., 1989. 3-е изд.: М., 2008.
- Багаев 1965 — Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Часть I. Фонетика и морфология. Орджоникидзе, 1965.
- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Беличова-Кржижкова 1979 — Беличова-Кржижкова Е. (отв. ред.). Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. Прага, 1979.
- Белошапкива 1977 — Белошапкива В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
- Белошапкива 1989 — Белошапкива В. А. Синтаксис // Современный русский язык: учеб. для филол. спец. ун-тов. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1989.
- Белошапкива, Шмелева 1995 — Белошапкива В. А., Шмелева Т. В. В. Виноградов и современный синтаксис // Междунар. юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова: тезисы докладов. М., 1995. С. 147–148.
- Бергельсон, Кибрик 1981 — Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е. Прагматический «принцип Приоритета» и его отражение в грамматике языка // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 40. 1981. № 4. С. 343–355.
- Болдырев 2003 — Болдырев Н. Н. Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность. СПб., 2003. С. 54–74.
- Бондарко 1975 — Бондарко А. В. Об актуализационных признаках предложения // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975. С. 139–147.

- Бондарко 1992 — Бондарко А. В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб., 1992.
- Бондарко 1996 — Бондарко А. В. Бытийность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 52–53.
- Бондарко 2003 — Бондарко А. В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность. СПб., 2003. С. 5–36.
- Борисова 2001 — Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург, 2001.
- Бочаров 1987 — Бочаров С. Г. Роман Л. Толстого «Война и мир». М., 1987.
- Бюлер 1993 — Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993.
- Валгина 1973 — Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М., 1973.
- Ванников 1979 — Ванников Ю. В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М., 1979.
- Вахтель, Голицына 2001 — Вахтель Н. М., Голицына Т. Н. Предложение, высказывание, речевой акт // Традиционное и новое в русской грамматике: сб. ст. памяти Веры Арсеньевны Белошапковой. М., 2001. С. 42–44.
- Виноградов 1954 — Виноградов В. В. Введение // Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Ч. 1. М., 1954. С. 5–111.
- Виноградов 1978 — Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса // Виноградов В. В. История русских лингвистических учений / Сост. Ю. А. Бельчиков. М., 1978.
- Виноградов 1939 — Виноградов В. В. О языке Толстого // Лит. наследство. М., 1939. Т. 35–36.
- Виноградов 1972 — Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972.
- Воейкова 1996 — Воейкова М. Д. Бытийные ситуации // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 53–80.
- Волохина, Попова, 1999 — Волохина Г. А., Попова З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 1999.
- Всеволодова 2000 — Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
- Всеволодова 2004 — Всеволодова М. В. Межнациональный проект «Модели славянских простых предложений с учетом их типовых значений и речевых реализаций». Задачи и перспективы // VI Международный симпозиум. Про-

- екты по сопоставительному изучению русского и других языков. Тезисы (Белград, 1–4 июня 2004 г.). Белград, 2004.
- Выготский 1934 — Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1934.
- Гаврилова 1979 — Гаврилова Г. Ф. Усложненное сложное предложение в русском языке. Ростов, 1979. С. 199–216.
- Гаврилова, Кожина 2002 — Гаврилова Г. Ф., Кожина Е. К. Коммуникативы в системе синтаксиса: коммуникативы и предложения // Актуальные проблемы методики преподавания русского языка как иностранного. Ростов н / Д, 2002.
- Гак 2000 — Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. 3-е изд. М., 2000.
- Гак 1987 — Гак В. Г. О логическом исчислении семантических типов пропозициональных глаголов // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. М.: Наука, 1987. С. 38–70.
- Гак 1973 — Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики 1972. М., 1973.
- Гак 1988 — Гак В. Г. Л. Теньер и его структурный синтаксис // Теньер Л. Основы структурного синтаксиса: Пер. с франц. / Вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. М., 1988. С. 5–21.
- Гальперин 1957 — Гальперин П. Я. К вопросу о внутренней речи // Доклады АПН СССР. 1957. № 4. С. 55–60.
- Гаспаров, Поливанов 2005 — Гаспаров М. Л., Поливанов К. М. «Близнец в тучах» Бориса Пастернака: Опыт комментария. М.: РГГУ, 2005 (Чтения по истории культуры. Вып. 47).
- Горелов 2003 — Горелов И. Н. Избранные труды по психолингвистике. М., 2003.
- Грамматика 1954 — Грамматика русского языка. Т. 2. Ч. 1. Синтаксис. М., 1954.
- Грамматика 1970 — Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1970. 767 с.
- Грамматика... 1952–1954 — Грамматика русского языка: в 2 т. / Академия наук СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1952–1954.
- Греч 1827 — Греч Н. И. Практическая русская грамматика. СПб.: В типографии Имп. Воспитательного дома, 1827.
- Греч 1827 — Греч Н. И. Пространная русская грамматика, изданная Николаем Гречем. Т. 1. СПб.: В типографии издателя, 1827. 2-е изд.: Там же, 1830.
- Данилова 2010 — Данилова Е. А. Характеристика высказываний с семантикой антицели в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2010.
- Дементьев 2000 — Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000.
- Денисова 2013 — Денисова Е. П. Значение и смысл предикативного отношения (на материале русского, английского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2013.

- Дмитревский 1880 — Дмитревский А. А. Опыт учебника русского синтаксиса для младшего возраста // Филологические записки. Воронеж, 1880. № 1. С. I–III, 1–26; № 2. С. 27–62.
- Дмитревский 1877 — Дмитревский А. А. Практические заметки по русскому синтаксису // Филологические записки. Воронеж, 1877. № 3–4; 1878. № 1, 2, 4.
- Долинина 1977 — Долинина И. Б. Системный анализ предложения. М., 1977.
- Дробышевский 2013а — Дробышевский С. В. Австралопитеки ранние // <http://antropogenez.ru/zveno-single/55/> [Последнее обновление страницы 08.02.2013а. Дата обращения 02.03.2013].
- Дробышевский 2013б — Дробышевский С. В. Архантропы (*Homo erectus*) // <http://antropogenez.ru/zveno-single/60/> [Последнее обновление страницы 08.02.2013б. Дата обращения 02.03.2013].
- Дробышевский 2013в — Дробышевский С. В. Особенности эволюции архантропов // <http://antropogenez.ru/zveno-single/62/> [Последнее обновление страницы 08.02.2013в. Дата обращения 02.03.2013].
- Дымарский 2007 — Дымарский М. Я. *Это / N_i V_j*: К понятию речевой синтаксической модели // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина. М., 2007. С. 159–171.
- Дымарский 2013а — Дымарский М. Я. От моделей предложения — к моделированию высказывания // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2013. С. 308–330.
- Дымарский 2013б — Дымарский М. Я. К типологии синтаксических связей (на материале русского языка) // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации / Отв. ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. Институт лингвистических исследований РАН. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 57–91.
- Дымарский 2016 — Дымарский М. Я. Прагматика синтаксической производности: игра «своего» и «чужого» в случае *Я не безумец лезть под пули* // Acta Slavica Estonica VIII. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII. *Свое — чужое* в языке и речи / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2016. С. 64–77.
- Дымарский 2017 — Дымарский М. Я. Когда черемуха цвела? (К постулату о базовом порядке слов в русском языке) // Культура русской речи (Гротовские чтения): V Международная научная конференция. М., 2017. С. 32.
- Дымарский 2005 — Дымарский М. Я. Высказывание и коммуникативность // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры: Коллект. моногр. / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 2005. С. 292–332.
- Дымарский 2011 — Дымарский М. Я. Как-конструкция в фокусе конкуренции иннективного и коннективного синтаксиса // Вопросы русского языкознания: сб. Вып. XIV. Грамматика и текст (К юбилею Г. А. Золотовой). М., 2011. С. 202–222.

- Дымарский 2014 — Дымарский М. Я. Понятие вокативного предложения в концепции А. А. Шахматова и в современных синтаксических теориях // М-лы междунар. науч. конф., посв. 150-летию со дня рожд. акад. А. А. Шахматова / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева; Ин-т лингв. исследований РАН. СПб., 2014. С. 117–118.
- Дымарский 2004 — Дымарский М. Я. Принцип толерантности и некоторые виды коммуникативных неудач // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург, 2004. С. 74–84.
- Дымарский 2013 — Дымарский М. Я. Протодейксис как опора коммуникативности // Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С. Г. Ильенко): М-лы Всерос. науч. конф. (СПб., 13–15 ноября 2013 г.). СПб., 2013. С. 177–183.
- Дымарский 2015 — Дымарский М. Я. Способы воплощения предикативного отношения // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XI. Ч. 1. Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики / Ред. М. Д. Воейкова, Е. Г. Сосновцева. СПб.: Наука, 2015. С. 41–61.
- Дымарский 2007 — Дымарский М. Я. *Это / N_i V_j*: К понятию речевой синтаксической модели // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина. М., 2007. С. 159–171.
- Дымарский 2001б — Дымарский М. Я. Бикоммуникативность, метакоммуникативность, транскоммунитивность в структуре высказывания // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения: М-лы междунар. науч.-метод. конф. (СПб., 26–28.02.2001). СПб., 2001б. С. 25–33.
- Дымарский 2008а — Дымарский М. Я. Коннексия и иннексия: базовые принципы организации языковых структур? // Типология языка и теория грамматики: Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. 27–30.11.2007. СПб.: Нестор-История, 2008а. С. 70–72.
- Дымарский 2007 — Дымарский М. Я. Коннективный vs. иннективный синтаксис (Из наблюдений над языком романа Л. Н. Толстого «Война и мир») // Жизнь языка: Памяти Михаила Викторовича Панова. М.: Языки славянских культур; Знак, 2007. С. 207–223.
- Дымарский 2001 — Дымарский М. Я. Понятие предикативной синтаксемы и проблема классификации сложноподчиненных предложений // Проблемы интерпретационной лингвистики: Автор — текст — адресат: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: НГПУ, 2001.
- Дымарский 2001а — Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). М., 2001а.
- Дымарский 2006 — Дымарский М. Я. Речевая культура и речевая манера (к проблеме оценки нормативности речевой практики) // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2006. С. 173–186.

- Дымарский 2005б — Дымарский М. Я. Трехуровневая система синтаксических моделей и проблема порождения высказывания // Функционально-лингвистические исследования 2005: сб. ст. в честь проф. А. В. Бондарко. СПб., 2005б. С. 13–25.
- Дымарский 2008б — Дымарский М. Я. Функционирование соотносительных слов в изъяснительных конструкциях // Сложноподчиненное предложение в лексикографическом аспекте: коллект. моногр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008б. С. 84–117.
- Дымарский 2018 — Дымарский М. Я. Категория логического порядка в текстах двух российских конституций. Статья 1. Союз и // Университетский научный журнал / Humanities & Science University Journal. Филологические и исторические науки, археология и искусствоведение. 2018. 43. С. 22–40.
- Дьяконов 1979 — Дьяконов И. М. Эламский язык // Языки Азии и Африки. Т. III. М., 1979. С. 37–49.
- Ельмслев 1960 — Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
- Еремина 1983 — Еремина Л. И. Рождение образа: О языке художественной прозы Льва Толстого. М., 1983.
- Есперсен 2006 — Есперсен О. Философия грамматики. Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. Б. А. Ильиша. 3-е изд., стер. М., 2006.
- Есперсен 1958 — Есперсен О. Философия грамматики. Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. Б. А. Ильиша. М., 1958.
- Жинкин 1964 — Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26–38.
- Жирмунский 1928/ 2001 — Жирмунский В. М. К вопросу о синтаксисе А. Ахматовой // Анна Ахматова: Pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001. С. 716–719. [Впервые: Жирмунский В. М. Вопросы теории литературы. Статьи 1916–1926. Л.: Academia, 1928. С. 332–336.]
- Зализняк 2008 — Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянской культуры, 2008.
- Зализняк, Падучева 1975 — Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. 1975. 6. С. 51–101.
- Звегинцев 1976 — Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.
- Земская 1968 — Земская Е. А. Русская разговорная речь: Проспект. М., 1968.
- Земская 2004 — Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Золотова 1982 — Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
- Золотова 1975 — Золотова Г. А. К понятию предикативности // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975. С. 147–154.

- Золотова 2005 — Золотова Г. А. О традициях и тенденциях в современной грамматической науке // Вопросы русского языкознания. Вып. XII. Традиции и тенденции в современной грамматической науке (по материалам I Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность»): сб. науч. ст. / Под общ. ред. Г. А. Золотовой. М., 2005. С. 7–12.
- Золотова 1988 — Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988.
- Золотова 2003 — Золотова Г. А. Текст как главный объект лингвистики и обучения языку // Русское слово в мировой культуре: М-лы X Конгресса МАПРЯЛ. Пленарные заседания: сб. докл.: в 2 т. Т. I. СПб., 2003. С. 101–109.
- Золотова и др. 1998 — Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Филологический факультет МГУ, 1998.
- Иванов 1990 — Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1990.
- Иванов 2004 — Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М., 2004.
- Иванова и др. 1981 — Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981.
- Иванова 1998 — Иванова А. И. Сложные синтаксические конструкции с КОТОРЫЙ в современном русском языке (исторический аспект) // Известия Алтайского государственного университета. 1998. 3. С. 102–116.
- Иванчикова, Поспелов 1964 — Иванчикова Е. А., Поспелов Н. С. Изменения в строе сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX в. (коллективная монография в составе изд.: В. В. Виноградов, Н. Ю. Шведова (отв. ред.). Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века). М.: Наука, 1964.
- Ильенко 1962/2003 — Ильенко С. Г. К вопросу о сложноподчиненном предложении с придаточным цели в современном русском языке // Ильенко С. Г. Русистика: Избранные труды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. С. 293–303. [Впервые опубликовано в 1962 г.]
- Ильенко 1989/2003 — Ильенко С. Г. Синтаксические единицы в тексте: Лекции // Ильенко С. Г. Русистика: Избранные труды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. С. 389–460. [Впервые опубликовано в качестве пособия к спецкурсу для слушателей ФПК в 1989 г.]
- Ильенко 2016 — Современный русский язык. Синтаксис: учебник и практикум для академического бакалавриата / Под общ. ред. С. Г. Ильенко; отв. ред. М. Я. Дымарский. М.: Юрайт, 2016. 391 с.
- Ильенко 1975 — Ильенко С. Г. Персонализация как важнейшая сторона категории предикативности // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975. С. 154–159.

- Ильенко 1964 — Ильенко С. Г. Проблемы теории сложноподчиненного предложения в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1964.
- Ильенко 2003 — Ильенко С. Г. Русистика: Избр. труды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003.
- Ильенко 1984 — Ильенко С. Г. Синтаксическая концепция «Русской грамматики» и место в ней сложного предложения // Сложное предложение в системе других синтаксических категорий: Межвуз. сб. науч. тр. Л., 1984. С. 4–16.
- Ильенко 2011 — Ильенко С. Г. Синтаксическая структура вмещающих предложений и проблемы их лексикографии // Слово. Словарь. Словесность: Языковая личность ученика и учителя. Актуальные проблемы межличностной коммуникации: М-лы Всерос. науч. конф. СПб.: САГА, 2011. С. 178–188.
- Ильенко 1989 — Ильенко С. Г. Синтаксические единицы в тексте. Л., 1989.
- Ильенко 1979 — Ильенко С. Г. Сочинение // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 322–323.
- Ильенко, Лёвина 2007 — Ильенко С. Г., Лёвина И. Н. Лексико-синтаксический словарь русского языка: Модели сложноподчиненного предложения. СПб., 2007.
- Инютина, Шильникова 2020 — Инютина Л. А., Шильникова Т. С. Об изменении синтаксической системы сложных предложений в русском языке XVII века (на материале сибирских челобитных грамот) // Научный диалог. 2020. 1 (8). С. 97–107.
- Ицкович 1982 — Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы. М., 1982. С. 130.
- Йокояма 2005 — Йокояма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М., 2005.
- Казаковская 2008 — Казаковская В. В. От протодиалога к диалогу: коммуникативная компетенция ребенка раннего возраста // Речь ребенка: проблемы и решения / Отв. ред. Т. Н. Ушакова. М., 2008. С. 168–198.
- Караулов 2007 — Караулов Ю. Н. Культура речи и языковая критика // [Электронный ресурс]. URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/kultura/28_609.
- Кацнельсон 1988 — Кацнельсон С. Д. Заметки о падежной теории Ч. Филлмора // Вопросы языкознания. 1988. № 1. С. 110–117.
- Кацнельсон 1984 — Кацнельсон С. Д. Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 3–12.
- Качесова 1998 — Качесова И. Ю. Синтаксическая композиция текстов рассказов и киносценариев В. М. Шукшина: трансформационный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998.
- Киселев 1990 — Киселев С. А. Коммуникативная значимость синтаксических моделей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1990.
- Климов 1990 — Климов Г. А. Активный строй // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 22.
- Климов 1972 — Климов Г. А. К характеристике языков активного строя // Вопросы языкознания. 1972. № 4. С. 3–13.

- Ковтунова 1976 — Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976. 239 с.
- Кодухов 1975 — Кодухов В. И. О двух основных аспектах предложения // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975. С. 33–40.
- Козинцев 2004 — Козинцев А. Г. Происхождение языка: новые факты и теории // Теоретические проблемы языкознания: сб. ст. к 140-летию кафедры общего языкознания СПбГУ. СПб., 2004. С. 35–50.
- Колесов 2009 — Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; М.: Академия, 2009.
- Колосова 2000 — Колосова Т. А. Принципы классификации сложноподчиненных предложений и их отражение в учебной литературе // Сложное предложение: М-лы науч. конф. М.: Изд. «Русский учебный центр», 2000 (Электронный ресурс. URL: <http://rus.1september.ru/articlef.php?ID=200203008>).
- Коляденко 1972 — Коляденко Г. С. Детерминирующие предложно-падежные формы с обстоятельственным значением в структуре двусоставного глагольного предложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.
- Конева 1996 — Конева В. П. Системно-функциональный анализ элементарных высказываний в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1996.
- Конева 1978 — Конева В. П. Функционирование структурной схемы простого предложения в ее минимальной реализации в различных синтаксических условиях: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978.
- Копотев 2008 — Копотев М. Принципы синтаксической идиоматизации. Хельсинки, 2008.
- Краткая... 1989 — Краткая русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М.: Русский язык, 1989. 639 с.
- Кручинина 1990а — Кручинина И. Н. Бессоюзие // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990а. С. 74.
- Кручинина 1990б — Кручинина И. Н. Сочинение // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990б. С. 484.
- Крылова-Самойленко 1965 — Крылова-Самойленко О. А. О предикативности // НДВШ. Филологические науки. 1965. № 1. С. 135–139.
- Кузнецов 1984 — Кузнецов С. Н. Теоретическая грамматика датского языка. Синтаксис. М., 1984.
- Кузнецов 2003 — Кузнецов С. Н. Теоретическая грамматика датского языка: Синтаксис. 2-е изд. М.: УРСС, 2003.
- Кульпина 2003 — Кульпина Е. Р. Полифункциональные союзы в русских говорах Карелии // Локальные традиции в народной культуре русского Севера: М-лы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения 2003». Петрозаводск, 2003 (http://kizhi.karelia.ru/specialist/pub/library/rjabinin2003/03_08.htm).
- Культура... 2001 — Культура русской речи: учебник для вузов / Под ред. Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева. М., 2001.

- Лавров 1941 — Лавров Б. В. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.; Л., 1941.
- Лаптева 1976 — Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976.
- Левицкий 2002 — Левицкий Ю. А. Основы теории синтаксиса: учеб. пос. по спецкурсу. 2-е изд., стер. М., 2002.
- Лекант 1995 — Лекант П. А. Связка в грамматической системе русского языка // Междунар. юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова: Тезисы докладов. М., 1995. С. 165–166.
- Лекант 1976 — Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М., 1976.
- Леонтьев 1969/ 2003 — Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. 2-е изд. М., 2003 [1-е изд.: М., 1969].
- Ли 1982 — Ли Ч. Н., Томпсон С. А. Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982. С. 193–235.
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
- Ломоносов 1755 — Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб.: Императорская Академия наук, 1755. 213 с.
- Ломоносов 1952 — Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. VII. М., 1952 (<http://www.ruthenia.ru/apr/textes/lomonos/lomon01/428-592.htm>).
- Ломтев 1961 — Ломтев Т. П. О совещании по теории синтаксиса // Вестник МГУ. Сер. VII. Филология и журналистика. 1961. № 5. С. 61–71.
- Ломтев 1972 — Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
- Лосев 2004 — Лосев А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. 2-е изд. М., 2004.
- Лотман 1992 — Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992.
- Лурия 1979 — Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979.
- Лютикова, Ибатуллина 2016 — Лютикова Е. А., Ибатуллина Д. Р. Теория падежа в свете фактов падежного варьирования // Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов / Отв. ред. А. В. Циммерлинг, Е. А. Лютикова. М., 2016. С. 371–393.
- Малашенко 1972 — Малашенко В. П. Свободное присоединение предложно-падежных форм имени существительного: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д, 1972.
- Матвеева 2003 — Матвеева Т. В. Учебный словарь: Русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003.
- Меликян 2002 — Меликян В. Ю. Актуальные вопросы синтаксиса русского языка: Теория нечленимого предложения. Ростов н/Д, 2002.
- Меликян 1999 — Меликян В. Ю. Проблема статуса и функционирования коммуникем: язык и речь. Ростов н/Д, 1999.

- Мельчук 1995 — Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст». М.: Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 1995.
- Мельчук 2012 — Мельчук И. А. Язык: от смысла к тексту. М.: Языки славянских культур, 2012. 176 с.
- Мустайоки 2006 — Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006.
- Мухин 1968 — Мухин А. М. Структура предложений и их модели. Л., 1968.
- Мухин 2004 — Мухин А. М. Эксперимент и моделирование в лингвистике: Структурный синтаксис предложения. СПб., 2004.
- Николаева 1997 — Николаева Т. М. Сочинительные союзы А, НО, И: история, сходства и различия. В Николаева, Т. М. (отв. ред.) // Славянские сочинительные союзы. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 3–24.
- Новожинова 1983 — Новожинова З. Л. Структурно-семантические типы глагольных предложений в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1983.
- Норман 2013 — Норман Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. М.: Флинта; Наука, 2013. 254 с.
- Норман 1975 — Норман Б. Ю. Выбор синтаксической схемы в процессе порождения текста // Материалы семинара по теоретическим проблемам синтаксиса. Пермь, 1975.
- Норман 1994 — Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994.
- Норман 2012 — Норман Б. Ю. О двучленных конструкциях типа *Взрослым о детях, С песней в дорогу, Привет родителям* // От значения к форме, от формы к значению: сб. статей к 80-летию чл.-корр. РАН А. В. Бондарко. М., 2012. С. 432–444.
- Норман 1988 — Норман Б. Ю. Универсальное и специфическое в синтаксических моделях славянских языков (X Международный съезд славистов. Доклады). Минск, 1988.
- Общее языкознание 1972 — Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
- Онипенко 2013 — Онипенко Н. К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации / Отв. ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. СПб., 2013. С. 92–121.
- Онипенко 2005 — Онипенко Н. К. Календарно-тематический план курса «Грамматика и текст» // [Интернет-ресурс:] www.philol.msu.ru/~sidorova/files/gramm_text.doc (2005).
- Падучева 2015 — Падучева Е. В. Коммуникативная структура предложения // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). М., 2015.
- Падучева 2016 — Падучева Е. В. Коммуникативная структура и линейно-акцентные преобразования предложения (на материале русского языка) //

- Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов / Отв. ред. А. В. Циммерлинг, Е. А. Лютикова. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. С. 25–75.
- Падучева 2008 — Падучева Е. В. Режим интерпретации как контекст, снимающий многозначность // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.). Вып. 7 (14). М., 2008. С. 412–418.
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.
- Пауль 1960 — Пауль Г. Принципы истории языка / Пер. с нем. под ред. А. А. Холодовича. М., 1960.
- Пекелис 2015 — Пекелис О. Е. Сочинение и подчинение // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2015.
- Петерсон 1923 — Петерсон М. Н. Очерк синтаксиса русского языка. М.; Пг., 1923.
- Петерсон 1952 — Петерсон М. Н. Союзы в русском языке // Русский язык в школе. 1952. 5. С. 28–34.
- Пешковский 1956 — Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956. С. 481–482.
- Пешковский 1926 — Пешковский А. М. Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений? // Родной язык в школе. 1926. № 11–12.
- Пиотровская 1994 — Пиотровская Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков). СПб., 1994.
- Пирс 1983 — Пирс Ч. С. Из работы «Элементы логики. *Grammatica speculativa*» / Пер. с англ. Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева // Семиотика / Под ред. Ю. С. Степанова. М., 1983. С. 151–210.
- Питерс 1999 — Питерс Т. Аутизм: от теоретического понимания к педагогическому воздействию. СПб., 1999.
- Платонова 1984 — Платонова М. О. О синтаксисе Л. Н. Толстого как явлении стиля // Вестн. Ленингр. ун-та. 1984. Сер. 8. Вып. 2.
- Подтергера 2019 — Подтергера И. А. Относительные предложения в русско-церковнославянском переводе «латинских» книг Геннадиевской библии (на примере 1-й книги Паралипоменон) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. Вып. 22. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (27–29 мая 2019 г.). М., 2019. С. 578–616.
- Попова 1996 — Попова З. Д. Структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
- Потебня 1958 — Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958.

- Потебня 1968 — Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. III. М., 1968.
- Преображенская 1991 — Преображенская М. Н. Служебные средства в истории синтаксического строя русского языка XI–XVII вв. (Сложноподчиненное предложение). М.: Изд-во Института русского языка РАН, 1991.
- Проблемы 1985 — Проблемы лексико-синтаксической координации: Межвуз сб. науч. тр. / Отв. ред. С. Г. Ильенко. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985.
- Проект... — Проект корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>).
- Проничев 1971 — Проничев В. П. Синтаксис обращения. Л., 1971.
- Проничев 1989 — Проничев В. П. Типы и модели именных односоставных предложений в современном русском языке. Л., 1989.
- Пчелинцева 2016 — Пчелинцева Е. Э. От глагола к имени: аспектуальность в русских, украинских и польских именах действия. СПб.: Наука, 2016.
- Райхель 1975 — Райхель Г. М. Предикативность и предложение // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975. С. 160–162.
- Распопов 1958 — Распопов И. П. К вопросу о предикативности // Вопросы языкознания. 1958. № 5. С. 70–77.
- Распопов 1961 — Распопов И. П. Проблема предикативности в лингвистической литературе // Уч. зап. Башкирского гос. ун-та. Вып. 8. Сер. филол. наук. № 2 (6). Материалы и наблюдения по русскому языку. Уфа, 1961. С. 3–28.
- Распопов 1970 — Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970.
- Ремнева 2005 — Ремнева М. Л. Старославянский язык. М., 2005.
- Реформатский 1965/1987 — Реформатский А. А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. М., 1987. С. 52–76 (оригинальная публикация — 1965).
- Риццолатти, Синигалья 2012 — Риццолатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания / Пер. с англ. М., 2012.
- Рождественский 2000 — Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию. М., 2000.
- Русакова 2009 — Русакова М. В. Речевая реализация грамматических элементов русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009.
- Русакова 2009 — Русакова М. В. Речевая реализация грамматических элементов русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009.
- Русская грамматика 1980 — Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Синтаксис / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
- Русская грамматика 1979 — Русская грамматика. Т. II. Praha, 1979.
- Русские глагольные... 2002 — Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2002.
- Русский язык 1979 — Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.

- Рябова 1967 — Рябова Т. В. Механизм порождения речи по данным афазии // Вопросы порождения речи и обучения языку. М., 1967. С. 76–94.
- Сабромене 1981 — Сабромене Д. А. Сложноподчиненное предложение со значением вмещения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.
- Сабромене 2008 — Сабромене Д. А. Список глаголов — опорных слов местоименно-соотносительных предложений вмещающего типа // Сложноподчиненное предложение в лексикографическом аспекте: Коллект. моногр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008.
- Сёмкина 2009 — Сёмкина Г. Г. К вопросу об аппозитивной синтаксической связи // Лингвистическое наследие Шарля Балли в XXI веке: М-лы междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2009. С. 94–97.
- Сёмкина 2008 — Сёмкина Г. Г. О различии аппозитивной и подчинительной синтаксических связей // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: М-лы междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2008.
- Сидорова 2005 — Сидорова М. Ю. Вопросы к спецкурсу «Грамматика и текст» // [Интернет-ресурс:] www.philol.msu.ru/~sidorova/files/grammar-terms.doc (2005).
- Сидорова 2000 — Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. М., 2000.
- Сиротинина 1999 — Сиротинина О. Б. Место предложения в синтаксисе разговорной речи // Предложение и слово. Саратов, 1999.
- Сиротинина 2001a — Сиротинина О. Б. Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь / Под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Саратов, 2001a // www.gramota.ru.
- Сиротинина 2001б — Сиротинина О. Б. Элитарная речевая культура и хорошая речь // Хорошая речь / Под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Саратов, 2001б // www.gramota.ru.
- Скребнев 1975 — Скребнев Ю. М. Несколько замечаний по поводу проблемы универсальной единицы синтаксиса // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975. С. 114–121.
- Смирницкий 1957 — Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957.
- Смотрицкий 2000 — Смотрицкий М. Грамматики Славенския правильное Синтагма // Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, науч. коммент. и указатели Е. А. Кузьминовой. М., 2000. С. 129–470.
- Соболевский 1948 — Соболевский С. И. Древнегреческий язык. М., 1948.
- Современный... 1989 — Современный русский язык. 2-е изд. / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1989.
- Солнцев 1990 — Солнцев В. М. Вариантность // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 80–81.

- Стародумова 2005 — Стародумова Е. А. Синтаксис современного русского языка: учебное пособие // [Электронный ресурс. URL:] <http://window.edu.ru/library/pdf2txt/025/41025/18330/page6>. 2005.
- Стеблин-Каменский 1971 — Стеблин-Каменский М. И. Предикативность? // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков: Тезисы докл. Л., 1971.
- Стеблин-Каменский 1956 — Стеблин-Каменский М. И. О предикативности // Вестник ЛГУ. 1956. № 20. Вып. 4.
- Степанов 1998 — Степанов А. В. Язык Льва Толстого // Рус. яз. в shk. 1998. № 4. С. 58–65.
- Степанов 1990 — Степанов Ю. С. Предикация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 393–394.
- Стяжкин, Субботин 1967 — Стяжкин Н. И., Субботин А. Л. Предикабилии // Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 4. М., 1967. С. 351.
- Сусов 1975 — Сусов И. П. Формальные и семантические аспекты предложения // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975. С. 61–68.
- Тарланов 2000 — Тарланов З. К. Модели русского предложения в аспекте контрастивной синтаксической типологии // V Международный симпозиум: Состояние и перспективы сопоставительных исследований русского и других языков. Доклады (Белград — Ниш, 30 мая — 1 июня 2000 г.). Белград, 2000.
- Тарланов 1999 — Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск, 1999.
- Теньер 1988 — Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. Пер. с франц. / Вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. М., 1988.
- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- ТФГ 1987 — Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987.
- ТФГ 1990 — Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990.
- ТФГ 1991 — Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1991.
- ТФГ 1992 — Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1992.
- ТФГ 1996а — Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996.
- ТФГ 1996б — Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996.
- Филлмор 1981 — Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М., 1981. С. 400–416.

- Формановская 2003 — Формановская Н. И. Ритуалы вежливости и толерантность // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллект. моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. Екатеринбург, 2003. С. 345–362.
- Холодович 1958 — Холодович А. А. Партитивный атрибут в японском языке // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. VII. Вып. 1. М., 1958. С. 45–57.
- Холодович 1979 — Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Цейтлин 2000 — Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000.
- Циммерлинг 2012 — Циммерлинг А. В. Неканонические подлежащие в русском языке // От значения к форме, от формы к значению: сб. ст. в честь 80-летия чл.-корр. РАН А. В. Бондарко / Отв. ред. М. Д. Воейкова. М., 2012. С. 568–590.
- Циммерлинг 2013 — Циммерлинг А. В. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянских культур, 2013.
- Циммерлинг 2016 — Циммерлинг А. В. Линейно-акцентная грамматика и коммуникативно нерасчлененные предложения в русском языке // Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов / Отв. ред. А. В. Циммерлинг, Е. А. Лютикова. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. С. 76–103.
- Черкасова 1973 — Черкасова Е. Т. Русские союзы неместоименного происхождения. М.: Наука, 1973.
- Чернышевский 1989 — Чернышевский Н. Г. Детство и отрочество: Сочинение графа Л. Н. Толстого. СПб. 1856; Военные рассказы Графа Л. Н. Толстого. СПб., 1856 // Чернышевский Н. Г. Избранные сочинения. М., 1989.
- Чехов в... 1954 — Чехов в воспоминаниях современников: сб. ст. [М.], 1954.
- Чжан Юйпин 2008 — Чжан Юйпин. Омонимия русских субъектных синтаксем (на фоне китайского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Чичварина 2007 — Чичварина О. А. Сложное предложение с условными отношениями логической обусловленности в публицистическом стиле // Вопросы культуры речи. Вып. 9. М., 2007. С. 314–334.
- Чичерин 1968 — Чичерин А. В. Стиль романов Льва Толстого // Чичерин А. В. Идеи и стиль. М., 1968.
- Шахматов 2001 — Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М.: УРСС, 2001.
- Шахтер 1982 — Шахтер П. Подлежащее в филиппинских языках: топик, актор, актор-топик // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982.
- Шведова 1969 — Шведова Н. Ю. О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения» // Мысли о современном русском языке. М., 1969.

- Шведова 1971 — Шведова Н. Ю. Входит ли лицо в круг синтаксических категорий, формирующих предикативность? // Русский язык за рубежом. 1971. № 4. С. 48–56.
- Шведова 1964 — Шведова Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // Вопросы языкознания. 1964. № 6.
- Шведова 1970 — Шведова Н. Ю. Синтаксис простого предложения // Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1970.
- Шелякин 1998 — Шелякин М. А. Об инвариантном значении и функциях субстантивного именительного падежа в русском языке // Общее языкознание и теория грамматики: М-лы чтений, посв. 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. СПб., 1998. С. 105–111.
- Ширяев 1975 — Ширяев Е. Н. Об основной синтаксической единице разговорного языка // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975. С. 130–132.
- Ширяев 1986 — Ширяев Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М.: Наука, 1986.
- Шкловский 1928 — Шкловский В. Б. Материал и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир». М., [1928].
- Шмелева 2008б — Шмелева Т. В. Вмещающая конструкция // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2008б. № 4. С. 58–67.
- Шмелева 2008а — Шмелева Т. В. *ДЕЛО В ТОМ, ЧТО...* // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц: сб. статей в честь профессора Т. А. Колосовой / Отв. ред. Н. Б. Кошкарева, О. М. Исаченко. Новосибирск, 2008а. С. 145–153.
- Щерба 1974 — Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 39–59.
- Янко 2001 — Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Янко 2008 — Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008.

Учебное издание

Дымарский Михаил Яковлевич
КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ
И ПРЕДИКАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ
Очерки по теории синтаксиса

Редактор *Н. Л. Товмач*
Технический редактор *Е. М. Денисова*

Подписано в печать 07.12.2021. Формат $60 \times 84 \frac{1}{16}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,5. Тираж 50 экз. Заказ № 330к

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена.
191186, С.-Петербург, наб. р. Мойки, 48
Типография РГПУ им. А. И. Герцена.
191186, С.-Петербург, наб. р. Мойки, 48